

Владимир СИЛАНТЬЕВ



НЕ ЩАДЯ СЕБЯ
И СВОИХ ВРАГОВ

Владимир
СИЛАНТЬЕВ

НЕ ЩАДЯ СЕБЯ И СВОИХ ВРАГОВ



АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2020

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)
С36

Силантьев В. И.

С36 Не щадя себя и своих врагов / В. И. Силантьев. — М.: Аспект Пресс, 2020. — 285 с.

ISBN 978–5–7567–1111–0

Документально-биографическая повесть журналиста-международника Владимира Силантьева рассказывает о ратном подвиге летчиков и механиков уникального 47-го гвардейского дальнеразведывательного авиаполка, вместе с которыми автор в годы Великой Отечественной войны, окончив авиатехническое училище, прошел от Москвы до Варшавы. Яркие эпизоды фронтовых будней, которые сохранились в памяти, личные впечатления однополчан из послевоенной переписки, заметки из журналистских блокнотов стали богатейшим материалом для подготовки этой книги. В приложениях содержатся воспоминания о встречах с выдающимися личностями, а также стихи разных лет и переводы.

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978–5–7567–1111–0

© Силантьев В. И., 2010
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2020

Литературно-художественное издание

Силантьев Владимир Иванович

НЕ ШАДЯ СЕБЯ И СВОИХ ВРАГОВ

Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,0.

ООО Издательство «Аспект Пресс».

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.

Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

*ПОСВЯЩАЮ
ЛЮБИМОЙ СУПРУГЕ ЕЛЕНЕ АНДРЕЕВНЕ
И ПРЕКРАСНОМУ СЫНУ АНДРЕЮ*

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	6
------------------	---

Часть 1. СРАЖЕНИЕ ЗА МОСКВУ

Едем в полк	7
В чем смысл жизни	10
Где начинается авиация	14
Цена переучивания	17
Боевое крещение	19
Вынужденная посадка	23
Держим клятву	27
До последнего дыхания	31
Преданные до конца	36

Часть 2. ДОЗОРНЫЕ СЕВЕРО-ЗАПАДА

Среди холмов Валдая	43
Тайна ящика НЗ	46
Воздушная мясорубка	50
«Особист» и жалобщик	54
Небесные песни Ваню	56
Птичка божия не знает... ..	58
Испытание силы воли	62
Снайпер разведки	66
Остался один экипаж	70

Часть 3. ТЫ И УБОГАЯ, ТЫ И ОБИЛЬНАЯ, МАТУШКА РУСЬ

Исповедь внучки крепостной	73
Из батраков и плотников	80
Купеческое родство	86
Отпевание усопшей Марии	89
Позарастали стежки-дорожки	93

Часть 4. МОЛОДО-ЗЕЛЕНО

Прибыло пополнение	96
Три русских богатыря	99
Записи в летной книжке	103
Вернулись!	106
Каково быть пленным	110
Шутка-минутка	112

Часть 5. СКВОЗЬ ТЕРНИИ СТАНОВИЛИСЬ АССАМИ

Второе дыхание	118
Семенов пропал без вести	120
«Наш генерал»	124
Нелетная погода	130
Боевые подружки	134
«Смоленские ворота»	135
Прощай, «тройка»!	138
История с лыжами	142
Вперед без передышки	145

Часть 6. ДОРОГИЕ МОИ ОДНОПОЛЧАНЕ. МИЛЫЕ МОИ РАССКАЗЧИКИ И ЛЕТОПИСЦЫ

Песня авиамеханика	148
И токарь, и поэт	153
Где наша не пропадала	157
Ностальгия фронтовиков	161
«Оккупант» Риги	164
Огненные маршруты	168
Презирая смерть	172
Все четыре годика	176

Часть 7. ВЕСНА ДОЛГОЖДАННОЙ ПОБЕДЫ

На всякого мудреца довольно простоты	180
В горящем Данциге	185
На Берлин!	188
Последний фотопланшет	192
Маршальские оценки	196
Вечные слезы вдовы	199
Заклинаю, помните!	203
Находка мелиоратора	209
Полвека в строю	214
Взлет и падение	218

ПРИЛОЖЕНИЕ. ВСТРЕЧИ — МИЛЫЕ, СТРОГИЕ, УДИВИТЕЛЬНЫЕ

Клавдия Шульженко	241
Михаил Сулов	244
Борис Чирков	246
Клара Лучко	248
Алексей Аджубей	251
Давид Тухманов	254
Михаил Шолохов	256

СТИХИ, ПЕРЕВОДЫ

Постскриптум	283
Об авторе	285

К читателю

В течение тридцати лет автор работал над сбором документов, брал интервью, беседовал с воздушными разведчиками. В книге представлены видные личности — организатор воздушной разведки Командования Красной армии генерал-лейтенант Д. Грендадь, выдающийся авиаконструктор В. Петляков, командир уникального полка дальних разведчиков полковник Т. Тюрин, девять героев Советского Союза — воспитанников этого полка. Шесть из них летали на самолетах «Пе-2», которые обслуживал старший авиамеханик В. Силантьев, автор этой книги, наш дорогой однополчанин. Он не понаслышке, а на своем опыте и знаниях, на основе личных наблюдений и воспоминаний подготовил интереснейшую повесть о воинской доблести и трудовом подвиге фронтовиков.

Василий Григорьевич КОКОРЕВ,
генерал-майор авиации,
кандидат военных наук, доцент



ЧАСТЬ

СРАЖЕНИЕ ЗА МОСКВУ

ЕДЕМ В ПОЛК

Война застала нас, девятнадцатилетних курсантов, в момент лагерного сбора под Ленинградом. Уже враг топтал нашу землю, уже горели после бомбежек Минск и Брест, а мы с раннего утра 22 июня, как и в мирное время, учились ползать по-пластунски, рыть индивидуальные окопчики, совершать длительные пробежки в противогазах. Старшина покрикивал: «Трудно в учении — легко в бою!» Популярной была в то время эта фраза, и очень скоро нам пришлось постичь ее глубокий смысл.

Старшину курсанты недолюбливали. Он был старше лет на пять и не находил с нами общего языка. Авиационная наука давалась ему с трудом. Да и внешне он был неказист: маленького роста, лысый, с яйцевидной головой. Когда он был во гневе, его команды сливались в сплошной визг.

А вот командир нашей роты сразу завоевал уважение. Молодой красивый лейтенант понимал, что мы еще не втянулись в суровую солдатскую жизнь, слабоваты наши мускулы и воля. В самый критический момент, когда мы все чуть не падали от усталости, он вдруг отдавал команду: «Стой! Отдых, ребятки!» И так всегда, во время строевых занятий или лыжных переходов, лейтенант угадывал этот момент, и его команды воспринимались нами как отцовская ласка.

Командир покорила нас также и тем, что казался идеалом справедливости. Не было случая, чтобы он не заметил нарушения воинского порядка. И не было случая, когда он не вынес бы благодарности за его соблюдение. Он удивил нас однажды, скомандовав старшине — такому же курсанту, как и мы: «Два шага вперед! Кругом! Смирно!» И перед строем объявил ему два наряда вне очереди за несвежий воротничок гимнастерки. До этого наряды за такой проступок получали только мы.

Ох уж эти воротнички и недочищенные кирзовые сапоги! Мы старались изо всех сил быть прилежными курсантами, настоящими во-

енными. Но поначалу не умели толково распорядиться свободным временем, которого было-то всего один час. Курсанты-юнцы только теперь, попав в армию, поняли, сколько времени ухлопали зря на гражданке. Оказывается, за час можно побриться, выстирать воротничок, начистить сапоги, надраить мелком пуговицы, покурить и почитать книгу.

Ротный командир запомнился нам как честный, умный, располагающий к себе человек. К нему можно было запросто подойти и задать вопрос без положенного: «Разрешите обратиться?» Помнится, как он, раскрыв пачку «Беломора», предложил окружившим его курсантам: «Закуривайте!» Как, помолчав немного, подтвердил достоверность с утра ходивших слухов:

— Да, ребята, началась война...

После этого — не поверите — как-то определеннее стало. Последние месяцы мы жили в напряженном предчувствии близости войны. Неопределенность всегда связана с волнением, а ясность, пусть даже негативного характера, приносит успокоение. Мы по своей воле решили стать офицерами, на всю жизнь связали себя с армией. И нас никто никогда не убаюкивал разговорами о мире. Мы серьезно готовились к тяжелой военной профессии.

Никогда не забыть, как мы шагали по Ленинграду после первомайского парада 1941 года и пели:

Эй, вы, фашисты!

Вы, фашисты разных стран, теперь держись!

Когда подчеркнуто громко мы выкрикивали «Эй, вы, фашисты!», никто из командиров не прерывал нас. Да, в 1939 году был подписан договор о ненападении с гитлеровской Германией. Для нас он теперь как бы не существовал. Мы настолько были уверены в своей силе и непобедимости, что ни у кого даже мысли не мелькало о возможности наших неудач в случае войны. И наше громкое солдатское «Теперь держись!», отражаясь от Зимнего дворца, раскатывалось по глади Невы и несло к Балтийскому морю.

Во второй половине дня 22 июня нас построили поротно и объявили о начале войны. Мы строили догадки, куда нас пошлют воевать. В том, что учебе конец, никто не сомневался.

— Война началась, товарищи! Война с фашистской Германией, — говорил командир батальона. — Враг будет отброшен и разгромлен на его собственной территории. С нами пролетарии всей земли. И мы, авиаторы, будем бить фашистов! Получен приказ: поскольку началась война, курс вашего обучения сокращается. Всем присваивается звание старших сержантов и всех направляют в действующую армию на Западный фронт.

Мы не знали, что враг прорвался к ближайшим подступам Ленинграда. Не догадывались, почему на Западный фронт добирались кружным путем, через Вологду: прямая магистраль Ленинград—Москва подвергалась фашистским налетам и была перегружена. Оставались считанные недели до того момента, когда немцы ее перережут, а позже замкнут кольцо вокруг Ленинграда.

Наконец мы в Москве. Она всегда прекрасна в погожие летние дни. Если бы не затемнение по вечерам, не военные сводки Совинформбюро на первых страницах газет, если бы не разговоры в метро и троллейбусах о том, что наши войска где-то снова отступили, ничто не говорило бы о страшной трагедии, обрушившейся на нашу страну. Москвичи верили, что вот-вот Красная Армия перейдет в контрнаступление, враг будет разгромлен, и продолжали, как в мирное время, спокойно трудиться. И мы, курсанты, были твердо убеждены, что скоро уничтожим фашистов и восстановим мир на наших границах.

Ровно через месяц после страшного 22 июня немецкое люфтваффе предприняло первую воздушную атаку на нашу столицу.

Мы размещались в казармах бывшего авиатехнического училища, которое находилось позади Восточной трибуны стадиона «Динамо». Когда в Москве раздалась гудки тревоги, заметались в небе лучи прожекторов и захлопали зенитки, мы не знали, что делать. Не дождавшись приказов начальства, решили, что оставаться в казармах глупо, более того, нас могли принять за трусов. Надо идти и сражаться. Но куда и как?

Не успели мы дошагать до стадиона, как нас окликнул «патруль»: девушки-москвички приказывали всем, кого встречали на пути, немедленно отправляться в метро.

— Куда, куда, чернобровые? — не без иронии стали переспрашивать мы девчат. — Мы же военные люди, нам бы как раз повоевать!

— Живо в метро, летчики! — скомандовала старшая.

— А как тебя зовут, красавица? — допытывался я.

— А никак! Видно, ваш брат воевать умеет только с девушками. Вот там, за поворотом, видите колонны? Это и есть метро. Шагом марш!

Станция метро «Динамо». Среди москвичей моего поколения едва ли найдется такой, кто ни разу не попадал здесь в послематчевую толчею футбольных болельщиков.

Не отличаясь особым комфортом, стадион предлагал посетителям определенные удобства. Одна из них — экономия времени. За пять—семь минут до начала матча можно было успеть дойти от метро до кассы, купить билет и добраться до своего места на трибуне. Стадион гостеприимно принимал болельщиков-велосипедистов, для них у Северной трибуны имелась небольшая стоянка. В теплые, погожие дни

мне нравилось катить на стадион на велосипеде почти через всю Москву с Шаболовки, где недалеко от ажурной радиобашни находился мой дом.

Мы спустились по эскалатору и увидели напуганных женщин. Малыши плакали. Народ прибывал и прибывал. Не было места присесть или хотя бы прислониться к мраморной стене. Нам, молодым сержантам, стало не по себе, и мы вышли на улицу.

Прорвавшиеся «юнкеры» сбросили бомбы на пакгаузы Белорусского вокзала, и нас послали туда на подмогу пожарным. Горели склады с гречневой крупой. Орудя лопатами и задыхаясь от удушливого запаха тлеющих зерен, мы отгребали горящую ядрицу. Тогда она была дефицитом, и гречневая каша с топленым маслом считалась в нашем доме лакомством.

И хорошо помню, будто это случилось вчера, как я медлил начать схватку с огнем, потому что по рассыпанной крупе надо было ступать кирзовыми сапогами. Кто-то из пожарных отругал меня за сентиментальность, скомандовал «Вперед!», и я с болью прислушивался, как крупа хрустит под сапогами, крошится, смешивается с грязью и пеплом...

Когда потушили пожар, уже наступил рассвет.

Воздушные тревоги и прорывы отдельных вражеских бомбардировщиков продолжались. Но все равно тогда, в июле, не верилось, что враг подойдет к столице и над ней нависнет смертельная опасность.

В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ

Когда уезжал в Ленинград в училище, проводов не устраивал. Теперь, когда началась война, пригласил на проводы школьных друзей. Пришли одни девчонки. Парней уже забрали в армию.

Мать купила бутылку вина, приготовила бутерброды с ветчиной. Она расспрашивала девчат о школьной жизни, о том, что думали обо мне. «Непоседа», «не давал прохода девчонкам», «больно щипался». Тамара Элкина рассмешила всех: «Володя отлично танцевал. У меня дома на вечеринке так отплясывал, что у него отлетела подошва. Выручил мой отец. Снабдил его своими ботинками, чтобы дойти до дому по морозу». Иные возражали: «Был серьезным, писал стихи».

Одноклассница Нина Лобанова, через многие годы вспоминая учительницу немецкого языка Пигулевскую, воскликнула: «О, ты был у нее любимчиком! Она дарила тебе шоколадки!» Верно, дарила. Прямо в классе. Это началось однажды во время обычного урока. Нина Александровна, полная, немолодая женщина, задавала нам по-немецки примитивные вопросы: «Что ты делал сегодня?» Мы примитивно отвечали: «читал», «писал», «гулял». Затем следовал вопрос: «Что тебе

больше всего нравится?» Аналогично отвечали: «читать», «писать», «гулять». Когда очередь дошла до меня, я бойко ответил, что мне больше всего нравится... шоколад. Девчонки прыснули от смеха. Мальчишки шептались: «Дает прикурить!» Нина Александровна чуть улыбнулась, сказала «зер гут» и заставила меня трижды повторить по-немецки «шоколад». На следующем уроке повторились те же вопросы. И я снова ответил, что люблю шоколад. Никто не засмеялся, а учительница вынула из сумочки шоколадку и протянула мне. Так мы подружились. А девчонки прозвали меня подлизой.

Нина Александровна была одинокой. Она тянулась всей душой к нам, детям. Однако встречала порой равнодушие и даже холодность. Причиной тому был предмет, которому она нас обучала. Немецкий язык был трудным для изучения. В Германии власть находилась в руках фашистов. Над Европой сгущались тучи Второй мировой войны. Гитлер захватил Австрию, Судеты, грозил напасть на Польшу. А учительница стремилась привить нам любовь к народному немецкому фольклору, к поэзии Гейне. Шел 1938 год. Мы стали девятиклассниками. Родина лихорадочно готовилась к войне.

Мой единственный старший брат Анатолий не закончил 540-ю школу. Он мечтал стать капитаном дальнего плавания, но по комсомольскому призыву был послан в военную спецшколу Москвы, где наряду со средним образованием получил соответствующее военное обучение. Потом он отправился учиться в Ленинградское артиллерийское училище, стал офицером, участвовал в войне с Финляндией.

Когда был издан указ об отмене льгот для выпускников средних школ, всех стали призывать на службу в армию. Прощай мечта об институте! (Мне хотелось поступить во ВГИК на сценарный факультет). И вот в первый сентябрьский день нового учебного года мы — мальчишки — пришли в класс постриженными наголо. Нас не поддержал лишь Юрка Верховцев, вечный отличник, но «белобилетник» по здоровью. «Володенька, что стало с вашей пышной шевелюрой? Как вы обезобразили себя!» — с горечью воскликнула преподавательница немецкого языка.

Вскоре произошла пренеприятная история. Нина Александровна просила написать сочинение по-немецки на вольную тему. Всего-то жалкую страничку. Не помню точно, что я насочинял, но между прочего умудрился написать, что, хотя отношусь с уважением к своей учительнице, но презираю немецкий язык — язык фашистов. Моя оговорка не спасла меня от скандала. У учительницы произошел нервный срыв. Меня вызвали в учительскую (впервые в жизни), где завуч отругал меня за бессердечие и подвел к заплаканной Нине Александровне. Мы долго тогда говорили.

Учительница убеждала меня, что я оскорбил ее старания научить нас языку Гете, Шиллера, Бетховена, а не гитлеровских мракобесов. Я стыдливо молчал. Наконец она успокоилась. И тут я спросил: «А в чем смысл жизни?» С этим вопросом я обращался ко многим учителям, но их ответы меня не удовлетворяли.

— В чем смысл жизни? Разве ты не знаешь? — оживленно заговорила Нина Александровна. — Об этом тебе рассказывают с первого урока в школе. Об этом ты читаешь в книжках, которые берешь в библиотеке. Разве жизнь пушкинского Дубровского не отвечает на этот вопрос? Не подсказала тебе, зачем стоит жить? А кинофильм «Чапаев»? А поэмы Маяковского? А советские массовые песни, что ты распеваешь под аккомпанемент своего баяна?.. Смысл жизни — в созидании, в поисках нового, справедливости, честности, любви. С другой стороны, бессмысленны и позорны эгоизм, стяжательство, черствость, бессердечие, забвение родителей и твоего отчества...

— Но я готов защищать Родину, — прервал я учительницу. — Вот, смотрите, постригся под солдата.

— Еще рано. Еще два года учиться. Успеется...

Я-то успел. В авиационном училище в Ленинграде я за семь месяцев до войны получил настоящую солдатскую подготовку и закалку. Другие, как Юрка Верховцев, не имели такой возможности. Высокий, статный парень, страдавший близорукостью, записался ополченцем в тяжелую пору наступления немцев на Москву и в первых же сражениях погиб. Не знаю, успел ли он обучиться стрельбе из винтовки до отправки на фронт, как обращаться с боевой гранатой, окапываться и прочим солдатским «премудrostям». В школе многие из нас, мальчики и девочки, сдавали нормы ГТО («Готов к труду и обороне»). Нас обучали стрелять из малокалиберной винтовки, бросать гранаты, конечно, без боевой начинки, ползать по-пластунски, совершать марш-броски. Юра, как «белобилетник», был от этого освобожден.

Погиб и наш преподаватель физкультуры Яков Никитович Акимов. (Он, кстати, руководил кружком ГТО.) Его фамилией открывается школьная мемориальная доска, на которой начертаны имена многих моих товарищей. Я не знаю обстоятельств гибели Якова Никитовича, но уверен — он дрался самоотверженно, до последней капли крови. Коренастый, мускулистый, отличный лыжник и гимнаст, он снискал среди нас большое уважение.

Школа была для меня вторым домом. Утром — классные занятия, после обеда — быстро готовил домашние задания, а по вечерам — волейбол. Яков Никитович доверял нам ключи от спортзала, и мы «рубились» одни допоздна. Одно время по вечерам в школе нас учили бальным и современным танцам (фокстрот, танго, вальс-бостон). Дважды

меня пригласила на вальс Нина Александровна и похвалила мои танцевальные способности.

Развлечений в школе было предостаточно. Как вспоминали потом однокашники, я участвовал в драмкружке и играл роль Скалозуба в «Горе от ума». Этого я не помню. Зато на школьной фотографии увидел себя в составе доморощенного джаз-оркестра. Им руководил десятиклассник Иосиф Михайловский, прекрасно игравший на фортепьяно и на чудо-инструменте — ксилофоне. Тогда джаз был очень популярен. По радио звучали мелодии Государственного джаза СССР под руководством В. Кнушевицкого. В крупных кинотеатрах столицы играли свои джаз-оркестры, и мы ходили слушать их, пополняя свой репертуар. Я обычно посещал кинотеатр Парка культуры и отдыха им. М. Горького, что у Крымского моста. Там в голубых костюмах с белыми лацканами выступали музыканты под управлением Фельдмана. Они играли популярные американские мелодии: блюз «Луна», быстрое фокстротное сочинение «Охота на тигра» и другие. А часто исполнялись песни из идущего в тот день нового советского кинофильма, например из фильма «Волга-Волга». В фойе очень дешево продавались ноты этих песен, в которых так нуждались мы — школьные джазисты.

Во время первой бомбежки Москвы в кинотеатр попала бомба, и он перестал работать. Вернувшись из армии в 1946 году, я пытался разыскать любимый джаз в «Ударнике», «Колизее» и других кинотеатрах. Но тщетно. Однажды, на Крымском мосту, встретил знакомого гитариста из джаза Фельдмана. Он, конечно, не знал, кто я такой. Но я-то запомнил его веселый нрав, улыбку и голос. Он ошеломил меня рассказом. Все джазисты записались в ополченцы и погибли под Москвой. Гитарист остался жив — заболел перед отправкой на фронт.

Помнится, в 1943 году я с группой летчиков проезжал через родную Москву в Казань за новыми бомбардировщиками. Разыскал Нину Лобанову, поинтересовался, где сейчас учительница немецкого языка. Оказалось, она вынуждена была уйти из школы, превращенной в военный госпиталь. Узнав адрес, я поспешил к любимой наставнице. Нина Александровна жила в деревянном полубарачном доме. Очень похудела, живя на скудную карточку служащего. Я был предупрежден о ее бедности и захватил весь сухой паек, выданный на дорогу до Казани. Испытывая чувство смущения, я за разговором вручил паек не менее смущенной учительнице. Что там было? Банка тушенки, сахар и хлеб. Краска смущения покрывала мое лицо при воспоминании о времени, когда учительница одаривала меня шоколадками.

Сейчас я думаю вот о чем: до сих пор живет в душе и уме удивление, как плохо вооруженные солдаты и ополченцы остановили закованного в броню врага. Марш Гитлера сорвали стойкая вера, мужество и само-

пожертвование наших отцов и сыновей. Эту веру, эти черты воспитала в нас советская школа.

ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ АВИАЦИЯ

Подмосковная электричка довезла нас до авиационного городка. Когда мы подходили к пропускной будке, я развернул командировочное предписание и вспомнил, как его подписывал незнакомый лейтенант пункта сбора летного состава, что размещался у стадиона «Динамо». Он несколько раз пытался прочесть мой документ, поставить подпись и печать, но в комнату все время входили какие-то люди, выглядевшие весьма странно. Некоторые в рваной одежде, небритые, один даже в лаптях, рубашке-косоворотке, подпоясанной веревкой.

Усталый от напряженной работы и ночных дежурств, лейтенант только спрашивал: «Откуда? С какого фронта?» И я отчетливо слышал, как входившие отвечали: летчик или штурман, сбит там-то, много дней выбирался из окружения, прошу направить в свой полк. Вот документы, вот номер полевой почты.

Много раз потом я вспоминал эту сцену, потому что в полк, где нам предстояло служить, также прибывало пополнение из числа авиаторов, которые уже в первые дни войны успели вступить в смертный бой с фашизмом.

Наш стационарный аэродром примыкал к шоссе Москва—Горький, с другой его стороны проходила линия пригородных электричек Ярославской железной дороги. Мы были поражены размахом гарнизонного хозяйства и воочию убедились, что наша Родина не жалела средств для создания мощных военно-воздушных сил. Аэродром имел бетонированные взлетно-посадочные полосы и асфальтированные стоянки. А вокруг были расположены ангары, авиаремонтные мастерские, склады многое другое, из чего состоит сложное авиационное хозяйство. В примыкающем к аэродрому поселке, где жил летный и технический состав, высились отличные пятиэтажные дома. Рядом с ними был создан спортивный городок с настоящим футбольным полем. Таких и в Москве тогда было немного. И хотя мы считали себя авиаторами, в душе каждый признавался, что в училище ничего подобного себе не представлял и только здесь понял, где начинается настоящая авиационная жизнь.

Наша казарма также находилась в многоэтажном доме. После скромного курсантского провианта в училище гарнизонная столовая показалась нам рестораном. Вечером нас ждал еще один сюрприз: в гарнизонном Доме Красной Армии состоялся концерт. С массивными колоннами и расписными стенами вестибюля, с огромным зритель-

ным залом и вращающейся сценой клуб казался шикарнее некоторых тогдашних московских театров.

А какой был концерт! Мне вспомнилось, как незадолго до поступления в училище я напрасно простоял в очереди у кассы Московского клуба железнодорожников. Ушел расстроенный, не услышав концерта Клавдии Шульженко. Уже тогда она была популярной эстрадной певицей. Пластинку с ее песнями невозможно было купить. И вот вдруг она появилась на сцене перед летчиками. Спела сначала зажигательную мексиканскую песню «Челита», а затем дважды на «бис» «Синий платочек». Мы были такими счастливыми в тот вечер и не предчувствовали, что на следующий концерт попадем через... четыре года.

Мне и моим товарищам авиация нравилась. Очень нравилась. Если бы не война, долгая и жестокая... Война резко изменит отлаженную жизнь гарнизона, позовет нас на разные фронты, разместит на полевых аэродромах. Жить придется в крестьянских избах, в землянках, а то и в лесу, во временных шалашах. И гарнизонная столовая, и концерт Шульженко останутся лишь приятными воспоминаниями.

Наш полк назывался весьма загадочно — 2 ДРАП. Стали допытываться, что сие означало. Пошли в штаб полка. Там мы встретили такого же, как и мы, старшего сержанта — адъютанта командира полка. Сам же командир и штабные офицеры находились где-то на аэродроме.

— Как расшифровывается ДРАП? — спросили у адъютанта.

— Дальнеразведывательный авиаполк, — сухо ответил он.

— А что мы будем делать?

— Вы что, с луны свалились? — возмутился адъютант. — Ясное дело — воевать!

— Да ты не серчай, сержант. Объясни, что значит цифра 2 перед названием полка. Выходит, есть еще один ДРАП?

— Откуда мне знать? Слышал я, как начальник штаба говорил, что наш полк приказано было сформировать на базе учебной авиачасти, от которой осталась одна эскадрилья, вторая по счету. Вот от нее и получился этот номер.

— Ну, спасибо, сержант, разъяснил, — поблагодарили мы, хотя и не совсем поняли, где и как нам придется воевать.

Пока шло формирование полка, летчики единственной боевой эскадрильи летали на разведку на старой технике. Полк вооружался новыми скоростными бомбардировщиками Пе-2. Они были запущены в производство в 1940 году и поступили в некоторые бомбардировочные полки незадолго до начала войны. В нашем училище не было ни одного учебного Пе-2. С нетерпением и любопытством мы ждали прибытия первой партии новых бомбардировщиков. Как-то они выглядят? Как летчики и механики их оценят?

Всем нам выделили помощников: по механику и мотористу. Их привели на аэродромную стоянку и предложили мне первому: «Подбери свой технический экипаж!» А как подбирать? Обуты в башмаки и обмотки, шинели у всех не по росту. Словом, пехота! Самолеты видели, наверное, на картинках. Так который из них лучше, хуже? Спросил у одного паренька:

— Фамилия?

— Григорьев!

Нормальная фамилия. Не какой-нибудь Пробейголова или... Гутшабаш (были у нас такие механики). По такому же принципу выбирал и моториста.

А вот с летчиками и штурманами дело обстояло хуже. Командир полка Тюрин часто пропадал в Москве то в управлении кадров ВВС, то в пересыльных пунктах, подбирая летный состав. Требовались отличившиеся боях или очень опытные авиаторы — ведь не каждый годился в разведчики. Но выбор был небольшой. Летчиков и штурманов не хватало. В нашей эскадрилье насчитывалось всего три боевых экипажа. Еще одна эскадрилья была укомплектована летным составом лишь наполовину, и, когда в середине сентября впервые весь полк построился на плацу и должны были зачитать приказ Верховного Главнокомандующего, было заметно, что технарей больше, чем летчиков.

Из приказа стало ясно, что враг стремительно приближается к Москве. Напрасно мы ждали, что нас перебросят на фронтовой аэродром. Воевать будем из Подмоскovie. Тут уже проходил фронт.

Наконец и в нашу эскадрилью поступили новые бомбардировщики. Мы хотели было, как полагалось, осмотреть моторы, но комэск старший лейтенант Климанов сказал:

— Отложить до утра! Успеете только раскапотить как стемнеет. В темноте-то что за работа...

И мы зашагали в казармы. Километров семь пути. Что поделаешь? Единственная в полку полуторка едва вместила летчиков, штурманов и стрелков-радистов. В унтах и меховых комбинезонах они не способны быстро передвигаться. А мы, «технари», хоть и провели весь день в беготне и трудах, нашли в себе силы доплестись до столовой. Немного поковырялись в тарелках и скорее в казармы — ноги гудят. Заснули сразу, едва сбросив обмундирование.

Подъем был ранний. Полуторка на этот раз находилась в нашем распоряжении. Когда мы подъехали к самолетам, то увидели под ними незнакомых людей, которые что-то мастерили в чреве бомбардировщиков. Одни были в форме, другие в штатском. Они не обратили на нас никакого внимания, продолжая заниматься своим делом под руководством незнакомого майора.

— Морозов Михаил Яковлевич! — представился он инженеру эскадрильи Фисаку. — Начальник разведки полка. Вот устанавливаем фотооборудование...

Механики-фотоспециалисты монтировали внутри бомболоков стальные рамы. К ним они прикрепляли фотоаппараты. Появился рабочий из ремонтных мастерских и принялся выпиливать в створках центрального бомболока большой круг. Я догадался: отверстие под объектив. Затем фотоспециалисты протянули электропроводку из бомболока в кабину летчика. Там рядом с панелью приборов к имевшимся десяткам тумблеров прибавилось еще несколько — для включения фотоаппарата.

Механики работали весь день, но успели оборудовать всего два самолета. Майор сам проверял их работу и остался доволен. Фотоаппараты были настолько большими — чуть ли не с кухонную плиту, — что в центральном бомболоке совсем не осталось мест для подвески бомб. И это нас очень удивило.

— А чем же летчик будет бить фашистов? — спросили мы майора.

— Молодые, а забияки! — лукаво улыбнулся Морозов. — Вам бы только бомбы швырять. А ведь есть и другие задачи...

— Не понимаем, товарищ майор. Объясните!

— Много будете знать, скоро состаритесь! — И майор, загадочно улыбнувшись, натянул на лоб фуражку и удалился вместе с фотоспециалистами.

ЦЕНА ПЕРЕУЧИВАНИЯ

Первый день службы на аэродроме Монино запомнился навсегда. Инженер эскадрильи Петр Фисак появился неожиданно в нашей казарме на третьем этаже. Он был чем-то встревожен. Обвел нас усталым взглядом и сказал:

— Старшие сержанты Майстров и Вы... Как Ваша фамилия? — обратился он ко мне. — Так вот, вы двое пойдете в караул.

В караул, так в караул. Хотя обычно в караул посылали мотористов. Мы же, выпускники училища, по всем статьям были «старшие»: старшие сержанты по званию и старшие механики по должности. И приравнивались по служебному положению к кадровым техникам-лейтенантам. Мой тезка, розовощекий Майстров, резонно возразил:

— С чем пойдём в караул? С пистолетами?

Верно, нам только что выдали пистолеты, а мотористам — винтовки. И Майстров добавил тверже:

— В карауле стоят с карабинами.

— Возьмите винтовки у своих мотористов. Тут особый случай, — отрезал Фисак.

Инженер торопил нас одеваться, придирчиво оглядел наши шинели, целы ли пуговицы, блестят ли. Все было в ажуре. Боевая авиация, как мы вскоре убедились, требует высокой дисциплины. Она не признает муштры. Но удивительное дело: подтянутость, аккуратность, исполнительность — все, что мы усвоили в училище и называем воинской дисциплиной, продолжало жить в нас без понуканий начальников. Выходит, крепкие корни она пустила в нашем сознании. А ведь всего полгода мы были курсантами.

У подъезда нас ждал грузовик. Ехали недолго. Полуторка затормозила возле кустарника, за которым виднелось гарнизонное кладбище. Мы присоединились к группе товарищей и узнали от них, что назначены в почетный похоронный караул.

Хоронили сразу шестерых жертв авиационной катастрофы. Во время учебно-тренировочных полетов над аэродромом столкнулись два бомбардировщика Пе-2. В каждом было по три члена экипажа — летчик, штурман и стрелок-радист. В одном из самолетов находился «четвертый лишний» — механик фотослужбы. Он летел без парашюта. Впрочем, прыгать было бессмысленно: самолеты шли на малой высоте. Лишь один из летчиков сумел выброситься. Его парашют полностью не раскрылся, но произошло чудо, редкое в авиации: летчик упал на линию электропередач, и стропы его парашюта зацепились за электропровода. Это смягчило удар о землю. С тяжелыми увечьями он был направлен в госпиталь, поправился, начал летать, но в грозные дни отступления, выполняя боевое задание, однажды не вернулся из вражеского тыла...

Обо всем этом мы узнаем позже. А сейчас мы, молодые сержанты, расставлены по двое у изголовий нелепо погибших товарищей. После краткой прощальной речи комиссара полка Настоящего звучит команда «Заряжай!»... «Огонь!.. Огонь!» Наш воинский салют в память о погибших звучит нестройно... Волнуемся... Скорбим... Происшедшее не укладывается в голове.

Удрученные трагедией, мы молча шагали с кладбища в гарнизон. Винтовки болтались на плечах, задевая штыками за кустарники. Моя дружба с Майстровым помогала мне в нелегкой технарской службе. Ведь в одиночку не справиться с обслуживанием и подготовкой двухмоторного самолета к боевому вылету. Скажем, невозможно опробовать работу рулей управления. Кто-то один должен сидеть в кабине летчика и вращать штурвалом. Второй снаружи проверять свободный ход электронов. Одно время старший механик Майстров был «безлошадным». Не хватало на всех новой техники, а однажды его самолет не вернулся с боевого задания. Он ходил как неприкаянный по аэродромной стоянке, пока его не определили ко мне в помощники. Очень кстати. Мои

штатные механик Григорьев и моторист Федотов не кончали училищ и способны были на работу типа подай-принеси, вытри стекла кабины и зачехли моторы. Им не доверяли даже накинуть гайку и завернуть ее ключом — боялись, что загонят резьбу. Пройдет время, и они тоже станут настоящими специалистами.

Мы с Владимиром съели не один пуд соли. Находили и устраняли неисправности в моторах, регулировали клапана, меняли карбюраторы и прочее-прочее. Напарник работал споро, безотказно, отлично освоил бомбардировщик. Современный по тем временам самолет был начинен хитроумными агрегатами и автоматикой.

Когда в полк прибыла первая «пешка», мы с восхищением принялись рассматривать новинку. Несмотря на разъяснения, мудреным казался кожаный шлем с теплой прокладкой, оборудованный двумя радионаушниками и двумя пуговицами-лорингофонами, которые прижимались к горлу. Новинка сразу полюбилась авиаторам. В воздухе члены экипажа могли переговариваться друг с другом, как по телефону, сигнализировать об опасности, передавать результаты наблюдения.

Бесконечное количество загадок, которые мы пытались разгадать, осваивая новый бомбардировщик, стремительность нараставших событий на всех фронтах, тяжелые думы о судьбах нашей Родины занимали все наши мысли. Но страшная катастрофа, унесшая жизни товарищей, нет-нет да и отзывалась острой болью. Она напоминала: в авиации малейшая оплошность, пустяк грозит гибелью. Значит, каждый винтик, каждый агрегат надо проверять и перепроверять. В этом заключалась наша малозаметная на первый взгляд наземная служба.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

И вот настал долгожданный день: переучивание на новых бомбардировщиках закончено, полк готов к боевой работе. Рано утром 3 октября наиболее подготовленные экипажи улетели в тыл фашистов.

Как заведено в авиации, механики поднялись раньше всех и затемно прибыли к самолетам, чтобы запустить и прогреть моторы, проверить все жизненно важные узлы машин и спецоборудования. Я со своей командой — механиком Василием Григорьевым и мотористом Павлом Федотовым — помогал младшему технику, лейтенанту Григорию Бельскому, который обслуживал новенький Пе-2, закрепленный за командиром эскадрильи.

Рассвет чуть забрезжил, но чистое небо стало затягиваться облаками. Приподнятое настроение омрачилось опасением, что боевые полеты могут отменить. Облачность сгушалась. Но вот со стороны казарм

показалась теньдвигающегося грузовичка. «К нам или в соседнюю эскадрилью?» К нам, к нам!

Через борт затормозившей машины перепрыгнул боевой друг нашего Бати — штурман Политыкин. Сам комэск уже вышел из кабины и слушал доклад Бельского.

— Товарищ командир, самолет к вылету готов! Все в порядке!

— Вольно! Коли в порядке, то полетим, — спокойно ответил командир и начал пристегивать лямки парашюта. В этот момент я услышал, как моторист тихо сказал механику Григорьеву:

— Как же в порядке, когда бомбы не подвешены?

— Не твое дело, — ответил Василий. — Приказано стоять «смирно», так стой!

— Хочешь — стой, а я не буду! Ведь была команда «вольно», — упорствовал моторист. — А что бомб нет, пойду скажу старшему.

Мой моторист, хотя и младший по званию, годами был старше нас. Родом из псковской деревни, молчун, себе на уме, иногда в час досуга вдруг осаживал иного механика-горожанина, пускавшего в рассуждения о сельской жизни. За невозмутимость, хладнокровие и большую рассудительность его стали величать Пал Карпычем.

Моторист подошел ко мне и повторил вопрос, с которым обращался к Григорьеву.

— В следующий раз возьмет бомбы, — сказал я, — а сегодня Батя летит на разведку.

— То-то и оно, — успокоился Пал Карпыч.

Однако и на другой день комэск полетел на боевое задание без бомб. Так мы узнали, что наш полк — особого назначения. Его задача — вести дальнюю воздушную разведку. Полк отдельный, подчинен Главному командованию Красной Армии.

Сначала летчики и механики приуныли. Всем хотелось бить фашистов, уничтожать, забрасывая мощными фугасами. А тут вдруг приказ — не загружать самолет бомбами, дабы облегчить его вес и создать условия для увеличения скорости в случае нападения «мессершмиттов».

Был в полку лихой летчик Александр Барабанов. Судьба бросала его из одного полка в другой, и начальство не успевало представить к повышению. И Александр обычно знакомился так: «Барабанов, семь лет лейтенант». Он был скор на шутки и не раз злословил по поводу названия полка — ДРАП — дальнеразведывательный авиаполк.

— Нет бомб — не надо, — явил он. — Мы кто? Мы «драповцы». Наше дело какое? Увидел «мессершмитт» — и драпать.

Но вскоре и он, и другие летчики осознали, что служба разведчика гораздо опаснее действий «бомбера» и, конечно, не менее необходимая

для разгрома врага. Полеты в глубокий тыл фашистов днем в одиночку, без прикрытия истребителей, на виду у врага требовали особого мужества, большого хладнокровия и высокого летного искусства.

В экипаже разведчика Клочкова самым опытным был штурман Алексей Никулин. На земле Алексей обращал на себя внимание однополчан доброй улыбкой, грузной медвежьей фигурой и новеньким орденом Красного Знамени на груди. В первые недели войны ордена были вообще редкостью, Никулин получил свой за восемнадцать бомбежек фашистов в самые горячие дни сражений.

Война началась для Алексея утром 22 июня. Он полетел на бомбежку железнодорожных узлов Голдай и Венгожево в Восточной Пруссии. Больше недели штурман храбро сражался с врагом, наступавшим на Вильнюс, Полоцк и Минск, совершая по два-три вылета в день. Полк таял на глазах.

На десятый день бомбардировщик Алексея был подбит. Это случилось на шоссе Слуцк—Бобруйск. Девятка «мессеров» атаковала три краснозвездных самолета, заходивших на бомбежку вражеской переправы. Один наш «бомбер» вспыхнул как спичка. Два других успели сбросить смертоносный груз на скопление фашистской пехоты и автомашин, но были изрешечены осколками снарядов немецких зениток. Снизившись до бреющего полета, оба подбитых бомбардировщика развернулись в сторону линии фронта. Алексей был ранен и не смог помочь летчику определить курс полета. Выручил второй уцелевший бомбардировщик, который взял на себя роль «ведущего».

Вот показалась передовая. Подбитые самолеты удачно приземлились на первом же прифронтовом аэродроме. Никулина отправили в госпиталь. А когда выздоровел, его вызвали на беседу к пожилому майору. Он был, как успели шепнуть Никулину, с фронта и подбирал кадры среди бывалых авиаторов. Так Никулин стал воздушным разведчиком. Его соединили с необстрелянным летчиком Клочковым. Командование рассчитывало, что побывавший в сражениях штурман передаст свой опыт молодому разведчику.

В первый же боевой день полка Никулин вылетел на фотографирование войск противника по маршруту Рославль—Орша—Смоленск. В небе рыскали десятки вражеских самолетов. По земле ползли вереницы мотоциклов и броневиков... Фашисты двигались на восток по всем дорогам. Враг развернул мощнейшее наступление, поставив целью взять Москву к 7 ноября и устроить в этот день свой победный парад на Красной площади.

Уже над Рославлем разведчиков обстреляли вражеские зенитки. Самолет как раз пролетал над железнодорожным узлом, и Никулин включил фотоаппарат, как вдруг машину тряхнуло.

— Командир! Из правого мотора бьет масло! — крикнул штурман.

— Командир! — сигнализировал стрелок-радист. — Перебит кран кольцевания горючего. Кабину заливает бензином!

— Понял! — прокричал Клочков. — Закончим фотосъемку узла и повернем домой. Пойдем на одном моторе. Наблюдать за воздухом!

Разведчики с тревогой поглядывали на прибор, показывающий количество горючего в баках. Его стрелка быстро скользила к нулю. Из разбитого крана хлестал бензин. Хорошо, что несчастье приключилось в начале пути, когда горючего было израсходовано немного. Удалось дотянуть до своих и сесть на ровное поле в окрестностях Сухиничей.

Для ремонта самолета срочно выслали бригаду механиков. Но фашисты уже прорвались к Сухиничам. Разведчикам и прибывшим механикам угрожало окружение. Надо было уходить. Клочков приказал открыть бензокраны и поджечь машину. Факелом вспыхнула «пешка» — так мы любовно звали Пе-2. К горлу подступил комок, словно погиб дорогой человек. Ведь каждая новая машина в грозном 41-м году была на вес золота.

Боевой экипаж получил новый самолет и продолжал полеты. Во время фоторазведки Ржева у Никулина оборвался кислородный шланг. На высоте шести тысяч метров штурман провел около часа в полубессознательном состоянии. Последствия сказались — и Никулина на неделю отправили в санчасть. А в это время Клочков продолжал разведывательные полеты с другим штурманом.

В первые горячие дни не хватало и боевого опыта, и летного мастерства. Порой, спасаясь от истребителей, разведчикам приходилось уходить в облака. Летчики еще не умели хорошо летать вслепую, теряли ориентировку. Клочков однажды сел на вынужденную под Калугой, на поле, окруженное лесом. Услышав эхо артканонады, экипаж понял: недалеко идут бои, оставаться возле самолета опасно.

Обидно! Выполнили боевое задание и немного не дотянули до своего аэродрома. Приземлились аварийно, потому что вспыхнула красная лампочка расхода бензина. Через считанные минуты могло обрезать моторы. Сели с ходу на первое подходящее поле. Горючего едва хватило, чтобы зарулить самолет в просеку.

Разведчики сняли с фотоаппарата кассету с фильмом и принялись маскировать бомбардировщик. Долго обкладывали машину сломанными молодыми елями, отходили в сторону и обстоятельно разглядывали, не блестит ли сквозь ветви металл. Ничего не было видно, и авиаторы ушли.

Вскоре немцы оккупировали район, где была спрятана «пешка». В лес, однако, они боялись заходить, уже почувствовав силу партизан.

Да и в ходе горячей московской битвы не было у фашистов ни сил, ни времени, чтобы обшаривать леса. В декабре, когда враг откатился назад, в лес направились наши механики и летный экипаж. «Пешка» была на месте! Заправили ее бензином и перегнали на наш подмосковный аэродром.

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Случилась вынужденная и в нашей третьей эскадрилье. Причина та же — нехватка горючего. «Пешка» плюхнулась «на живот» в районе канала Москва—Волга. Нам предстояло поднимать самолет на ноги и ремонтировать. Первым делом надо было сменить винты, которые при посадке с убраннным шасси сгибаются в бараний рог. По рассказам вернувшегося летчика, других крупных повреждений он не заметил.

Грузим в полуторку два винта, инструменты, кое-какой провиант и под вечер отправляемся в дорогу. Нас трое: техник звена Алексей Трошанин, Григорий Бельский, хозяин попавшей в беду «пешки», и я, «безлошадный», на подмогу.

В подмосковных лесах уже давно опали листья, пожухла на полянах трава. Лишь в буреломах, куда не попадали солнечные лучи летом и куда еще не пахнуло холодом осени, что-то зеленеет. Возможно, мох? С борта трясущейся на ухабах полуторки не разглядишь.

Ехали долго, кружным путем, километров семьдесят.

Часто останавливались, подрубали высокочившую из леса на узкую дорогу березку или осину: берегли от ударов лопасти винтов, которые не уместились в кузове и торчали за бортом. Острые, как лемех плуга, они и сами могли перерубить иную березку. Но винты берегли: они балансируются на специальном регулировочном стенде, и каждая щербинка, скол в металле нарушают эту ювелирную работу.

В лесу пусто и голо. Маршрут сверяли по военной карте, на ней были точно указаны все лесные дороги и даже тропы. Нам повезло: октябрьские дожди обошли этот лес стороной, и мы ни разу не засели в разъезженной колее.

Наконец добрались до деревни, где «на задах» плюхнулась «пешка». Трошанин пошел разыскивать председателя колхоза, чтобы тот выделил нам избу под ночлег.

— Да выбирайте любую, — сказал председатель, — все избы пусты. Людей увела из деревни война. Остались одни старухи.

Совсем стемнело, когда мы добрались до места ночлега. Наш выбор пал на избу, стоявшую в поле на отшибе. Недалеко, в пятистах шагах, лежала злополучная «пешка».

— Выставили охрану у самолета? — спросил Трошанин у председателя. Тот замялся и ответил:

— Так нет людей... Да и кто его утащит? Чай, не теленок и не полушубок...

Техник звена решил по-своему. Он приказал мне потеплее одеться, прицепить пистолет и идти к самолету. Дорогу показывал председатель. Трошанин время от времени подсвечивал фонариком. Надолго включать побаивался — нарушалась светомаскировка.

— Кажись, прошли мимо, — остановился председатель, — посветика вокруг, лейтенант!

Луч скользнул по копне неубранного сена, по пашне и вдруг отразился от чего-то блестящего, металлического. Вот она! «Пешка» лежала на склоне овражка, зарывшись винтами в стерню. Трошанин заглянул в кабину летчика и, убедившись в том, что там все на месте, даже часы, которые легко снимаются и могли кого-то соблазнить, сказал мне:

— Вот что. В этой темноте сам дьявол «пешку» не отыщет. А найдет — так не утащит. Караул отменяю. Идем спать. Завтра пораньше встанем и займемся землекопными работами.

Утром мы пошли на колхозный склад, председатель выдал нам три лопаты, лом и топор. Трошанин объяснил план действий:

— Будем поднимать на ноги «пешку» так: сначала выкопаем ямы под мотогондолами и выпустим шасси. Затем выроем наклонные траншеи перед передними колесами и выкатим самолет на поле. Ясно?

Бельский засомневался:

— Надо бы подъемники достать. Так вернее будет. Машина лежит косо, подкопаешь — скатится в овраг.

— Достались мне двое белоручек! — повысил голос Трошанин. — Вот что — хватит баланду травить. За лопаты! — И закруглил помягче:

— Да не сомневайтесь, поднимем «пешку». Мне уже приходилось таким макаром ставить самолеты на ноги.

До обеда мы выкопали яму под левым люком, за которым пряталось одно колесо. Самолет стало кренить, и Трошанин решил прекратить работу, найти чурбан, чтобы закрепить хвост «пешки».

После обеда работа двигалась медленнее. Мускулы налились свинцом. С большим трудом мы одолели вторую яму под правой гондолой и уговорили Трошанина забраться в кабину, попробовать, пойдет ли шасси с помощью аварийного выпуска. Полной гарантии не было. При ударе «пешки» о землю и скольжении по полю всякое могло случиться: могло порвать створки люка, сорвать шланг гидросистемы выпуска шасси.

— Копайте глубже, ленивый народ! — посмеивался Алексей. Он работал наравне с нами. — Копайте с запасом! Выгадаешь копейку — потеряешь рубль.

Так оно и получилось: когда пустили в ход аварийный выпуск шасси, колеса вывалились из люка и уперлись в землю на дне ямы, шасси полностью не выпустилось.

Трошанин ругал себя за то, что не устоял против наших уговоров:

— Поспешили — людей насмешили... Хватит на сегодня. Айда в избу!

Следующим утром мы возились еще часа два, прежде чем «дожали» шасси и в кабине загорелись зеленые сигнальные лампочки. Теперь оставалось выкопать траншеи перед каждым колесом, освободить моторы, на которых пока держался фюзеляж, прицепить к стойкам шасси тросы и с помощью колхозного трактора выкатить «пешку» из ямы. Работа спорилась. Видимо, мы уже набили руку, стали заправскими землекопами. Подкатил колесный трактор и с третьей попытки вытащил самолет, подогнал его к избе и развернул носом на проезжую улицу. «Пешка» как бы встала в строй деревенских домишек.

За работой мы отвлеклись от тревожных дум и не слышали отдаленного, нарастающего гула артиллерийской канонады. Уже после войны, из мемуаров наших видных полководцев мы узнали, что фашистам удалось прорваться к каналу Москва—Волга. Но тогда мы и не подозревали, что враг так близко. В деревенской глуши Подмосковья мы находились в полном неведении того, что сообщают сводки Совинформбюро. И председатель колхоза озадачил нас, когда в ответ на просьбу продать нам продукты сказал:

— Какие у нас продукты — картошка да молоко. Берите даром — все равно пропадут. Приказано сниматься.

— Как сниматься? А разве... — переспросили мы.

— Слышите канонаду? Подходят немцы... Так что не взыщите. Мясом не побалую: велели скотину гнать на восток. А картошку и молоко найдете на складе. — И председатель ушел, мрачный и встревоженный.

Мы стали обсуждать положение, но беседа не клеилась, каждого одолевали нерадостные думы. Я гнал от себя мысль, что нас вот так вдруг могут окружить немцы, взять в плен. Офицерским пистолетом много не навоюешь. И тут Трошанин предложил снять с самолета скорострельный пулемет и, если придется, им обороняться.

Трошанин сам проделал эту работу и поставил Бельского с пулеметом в ночной караул. Я подумал — мне не доверяет: молод еще. Трошанин предупредил, что очень трудно удержать в руках тяжелый авиапулемет во время боевой стрельбы: наверняка вырвется из рук, хотя у Бельского не руки, а медвежьи лапы.

— С рук не стреляй! — поучал Трошанин. — Найди опору. С плеча тоже не стреляй — переломит ключицу.

Эта инструкция касалась и меня, так как завтра моя очередь идти в караул.

Бельский остался у самолета, а мы вернулись в избу и заснули тревожным сном. Предстоял тяжелый рабочий день — смена винтов.

Удобнее и безопаснее эту задачу решать четвером. Мы рассчитывали на помощь председателя или тракториста, но они уже покинули деревню. Трошанин взялся вытянуть роль и третьего, и четвертого. Он приподнял свою лопасть над головой, положил ее на высокую стремянку. Вся тяжесть винта — а он весил более 130 килограммов — легла на меня и Вольского. Я вижу, как лицо напарника стало краснеть от натуги. У меня тоже учащенно забилось сердце.

— Держи, не выпускай! Иначе покалечимся! — прокричал Трошанин.

Вскочив по стремянке на верхний капот мотора, он нагнулся, уцепился за лопасть и стал ее медленно поднимать. Вот винт наконец встал в нормальное вертикальное положение. Но покоился он пока на наших руках. Бельский еще более покраснел, а я до того обессилел, что казалось, не выдержу и лопасть вот-вот выскользнет из рук. А настал, оказывается, самый ответственный момент. Теперь мы, как жонглеры, должны были манипулировать винтом в воздухе, чтобы «посадить» его на шлицы вала редуктора.

Со вторым винтом мучились не меньше. У нас тогда не хватало опыта. Через два года мы проделывали эту же операцию за полчаса.

К счастью, другие повреждения не требовали серьезного ремонта. Устранили течь масла, привязали проволокой порванные створки люка шасси. Утром, как договорились, прибыл командир эскадрильи и стал обмерять шагами поляну, с которой ему предстояло взлететь. Она тянулась в глубь леса, прерываясь посередине неглубоким оврагом.

— Попробуем, — сказал Климанов и улыбнулся. — Не хватит разбега — сложу шасси и в овражек. Вам, землекопы, снова придется поднимать самолет...

Пока командир измерял поле, мы прогрели моторы, но долго не гоняли: залили в баки минимум бензина — одну бочку, чтобы не утяжелять самолет.

Батя медленно надевал парашют. Я заметил, что почти все летчики перед вылетом становятся молчаливыми и задумчивыми. Видимо, концентрируют внимание, обдумывают будущий полет.

Наконец командир пожал всем руки, сказал обычное «Поехали!» и исчез в кабине. Вот заревели моторы, отпущены тормоза, и «пешка» сорвалась с места. Мы побежали за ней, думая быстро оказать помощь, если что случится. «Пешка» рвалась вперед, но, спотыкаясь колесами о рытвины, кочки и стерню, скорость набирала медленно. Вот она уже на краю овражка. И в этот миг комэск потянул на себя штурвал. Самолет перелетел овражек, но, казалось, вот-вот ударится колесами о зем-

лю. Мы закричали «ура!», когда ясно увидели, как машина повисла в воздухе и через полминуты скрылась в низких облаках.

Мы заспешили в обратный путь на свой аэродром. Погнутые лопасти винтов улеглись в кузов, и грузовичок помчался. Зима в тот год началась рано. На ветру в кузове здорово продувало. Ледяной ветер обжигал лицо, чувствовалось, что подмораживает. Скоро стемнело, и остаток пути я провел в напряженных размышлениях о том, что будет с нами завтра. Батя подтвердил наши сведения о продолжающемся наступлении немцев на Москву. Он сказал, что полк получил приказ готовиться к перебазированию в тыл. Гарнизонное хозяйство начали эвакуировать на восток еще раньше.

ДЕРЖИМ КЛЯТВУ

Вот мы и дома. Гарнизон опустел. На аэродромных стоянках понастроили землянки. В них ночами разведчики коротали долгие часы, когда объявлялась воздушная тревога. И мы не прочь были укрыться под многослойным накатом от вероятной бомбежки, но шагать от гарнизонной казармы до аэродрома километров семь и обратно казалось тяжелее пехотной службы. А воздушные тревоги объявлялись два-три раза за ночь. Едва дойдешь до землянки, как дадут отбой. Только-только войдешь в казарму, снимешь сапоги — снова тревога.

Фисак объявил нам троим перед строем эскадрильских механиков и техников благодарность за ударную работу на месте вынужденной посадки. Сверх того, он дал нам день отдыха. «Отсыпайтесь», — сказал он.

Я вернулся в пустую казарму, прилег на кровать, закрыл глаза, но заснуть не смог. Все думал, как там дела на аэродроме, как воюют разведчики. Ведь и от их полетов зависит, отстоим ли мы Москву.

Воздушные разведчики храбро сражались в небе Подмосковья. Наш первый Батя вместе со штурманом Политыкиным выполнил много важных заданий. В дни грозного наступления врага на столицу разведчики обнаружили большое скопление танков в окрестностях Волоколамска и Можайска. По их донесениям действовала наша штурмовая авиация.

Как тяжело добывались эти ценные сведения! Приходилось летать в плохую погоду, на обледеневших самолетах. Облачность и туманы закрывали объекты разведки. И тогда вылеты приходилось повторять. Фотографирование в плохую погоду не удавалось, а командование ВВС настойчиво требовало точных, подтвержденных фотоснимками данных.

Так было с разведкой танковой колонны в районе Волоколамска и Можайска. В первый полет Климанов пошел рано утром и вернулся расстроенный, озадаченный.

— Ни пехоты, ни техники не обнаружили на всем участке разведки, — доложил он командиру полка.

— Странно, — сухо сказал Тюрин. — А наземная разведка сообщает, что прорвалась танковая колонна. Боюсь, наш генерал будет недоволен. Пишите донесение.

Политыкин достал планшет, расположился на хвосте самолета и начал что-то писать. Так было заведено: сразу же после полета, не покидая стоянки, экипаж писал донесение о визуальной разведке. Прочитав листок, исписанный Политыкиным, Тюрин спустился в штабную землянку и попросил соединить его по телефону с каким-то генералом, который для нас был тогда инкогнито. Ему быстро ответили, и командир стал докладывать о полете Климанова. Конечно, генерал остался недоволен, приказал вылететь снова и разведать дополнительно другой участок шоссе, по которому могли прорваться фашистские танки.

Экипажу следовало бы дать отдохнуть — как-никак были в воздухе два с половиной часа. Для подкрепления сил не мешало бы выпить чайку перед повторным полетом. Но такое никому и в голову не приходило. Политыкин тут же вытащил карту и принялся рассчитывать новый разведывательный маршрут. Тем временем «фотики» закончили работу и доложили, что на пленке пусто, не снято ни одного военного объекта.

Климанов слетал вторично и снова ничего не обнаружил. Лишь в ходе третьего полета по другому маршруту Климанов увидел фашистскую танковую колонну. Она растянулась на десятки километров и двигалась на Москву.

В свой последний боевой полет наш первый Батя, Алексей Иванович Климанов, вылетел на Пе-3. На этом варианте бомбардировщиков «петляковых» не было предусмотрено место для стрелка-радиста. Разведчик был сбит вражеским истребителем снизу, с хвоста. Немного прожил и провоевал бесстрашный летчик, но мы его не забыли. Недаром в народе говорят, что жизнь измеряется не годами, а трудами. В ту годину многие не возвращались. Полк набирался опыта, неся тяжелые потери. За несколько недель напряженной фронтовой жизни погиб костяк полка — степенные, семейные летчики и штурманы. Некоторые из них налетали тысячи километров в гражданской авиации и оказались сбитыми в первых же вылетах на разведку.

Все «пешки» оказались легкоуязвимыми для атак «мессеров» с нижней полусферы. Стали думать, как защитить самолет. Механики по вооружению во главе с техником-лейтенантом Александром Помазанским предложили установить под крыльями эрэсы — те самые снаряды-ракеты, которые принесли славу артиллерийским «катюшам». Идея родилась после того, как на аэродроме приземлились ис-

требители ПВО. Под крыльями Яков мы увидели несколько черных ракет, покоившихся на стальных салазках, и стали расспрашивать механиков Яков:

— Что это за чудо у вас под крыльями?

— Секрет, ребята! — ответил один малый, улыбаясь.

— Расскажи, дружище!

— Реактивные снаряды. Каждый бьет наверняка, если даже разорвется в двадцати пяти метрах от стервятника.

— Не может быть!

— Точно! Взорвавшийся эрэс образует смертоносный шар осколков с радиусом 25 метров.

Помазанский предложил оригинальное решение для огневой защиты самолета-разведчика. Снаряды выпускались не по ходу полета, а назад: ведь разведчик не обязан вступать в воздушный бой, его задача — во что бы то ни стало доставить кассету с разведфильмом. Таким образом, «пешка» оснастилась мощным оборонительным оружием: верхнюю заднюю полусферу прикрывали пулеметы штурмана и стрелка-радиста, а нижнюю — реактивные снаряды. А когда «мессеры» атаковали в лоб, летчик открывал огонь из переднего пулемета.

Над усовершенствованием системы обороны первого Пе-2 группа механиков-оружейников работала сутки без перерыва. Наконец Помазанский вошел в землянку командира эскадрильи и доложил:

— Самолет готов! Прошу осмотреть, принять и облетать.

Под плоскостями на узких металлических балках висели по четыре реактивных снаряда. Управление ими осуществлялось из кабины штурмана, куда были выведены выключатели РС. Теперь оставалось проверить, как поведет себя самолет в воздухе с дополнительной нагрузкой, как сработают выключатели и где разорвутся реактивные снаряды. Испытания прошли великолепно. В течение недели все наши самолеты были оборудованы смертоносными ракетами. Их работу проверяли в боевой обстановке.

Вместе с группой воздушных разведчиков, отличившихся в боях под Москвой, Саша Помазанский получил в Кремле из рук Михаила Ивановича Калинина орден Красной Звезды. Этой высокой наградой было отмечено его рационализаторское предложение.

...День 7 ноября 1941 года выдался нелетным. Густой снег засыпал бомбардировщики и взлетную полосу. Механики дружно взялись за лопаты. На взлетной полосе появились тракторы-снегоочистители. Когда мы смели снег с крыльев, неожиданно подкатила полуторка с двумя летными экипажами. Пока разведчики в толстых меховых комбинезонах неуклюже перелезали через борт грузовика, из кабины выпрыгнул начальник штаба полка Лернер и с ходу принялся журить инженера.

— Почему не убрали снег? — отчитывал он технарей, поправляя ремень кожаного реглана. — Срочно расчехляйте моторы! Два самолета приказано послать на разведку.

Мы пожали плечами. С ума сойти — лететь в такую погоду! И естественно, расчехляли машины с прохладцей. Нам думалось, что начальник штаба решил проверить нашу боевую готовность в день праздника. Он слыл энергичным, заводным, был душою полка и смело летал на разведку в роли штурмана. Мы решили, что на этот раз он не полетит — одет легко, а эти два экипажа подняты и экипированы в унты и меховые комбинезоны по учебной тревоге.

Но мы ошиблись. Две «пешки» ушли в этот день на визуальную разведку войск противника, подтягивавшего резервы по Минскому и Рязанскому шоссе к Москве.

Когда экипажи улетели, Лернер объяснил нам, что произошло.

— Товарищи техники и механики! — начал он торжественно. — Сегодня в Москве, как всегда в день годовщины Великого Октября, состоялся военный парад!

Майор волновался и говорил сбиваясь. Когда же мы услышали о параде, которого никто не ожидал, наступила наша очередь волноваться. В строю все радостно зашумели.

— Тихо!.. Тихо!.. — призывал к порядку начальник штаба. — Это еще не все. На параде выступал наш вождь товарищ Сталин!

Многоголосый шум снова заглушил слова майора. Сталин перед войной выступал с речами очень редко. Но в ноябре 41-го все выбилося из привычной колеи. И сам факт проведения парада, и выступление Сталина воодушевили летчиков. Многие боевые экипажи направились к командиру полка Тюрину и просили разрешения немедленно отправиться на задание.

Стихийно возник митинг. Воздушные разведчики клялись:

— Мы еще раз заверяем нашу родную партию, что до последнего удара сердца будем отстаивать нашу Родину и ее столицу Москву! Перед лицом своих товарищей по оружию, перед нашими боевыми знаменами, перед всей Советской страной мы клянемся, что не посраим славы русского оружия, не допустим врага к столице!

Выступление Сталина было коротким, содержало эмоциональные лозунги, наказания. Обращаясь к войскам с трибуны Мавзолея, он сказал:

— Вы ведете войну освободительную, справедливую. На вас смотрит вся Европа как на избавителей от гитлеровской тирании. На вас выпала великая миссия освободителей. Будьте достойны этой миссии! Пусть вас вдохновляет образ великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусто осенит вас непобедимое знамя

великого Ленина! Смерть немецким оккупантам! Да здравствует наша великая Родина! Ее независимость, свобода! Вперед, до полной Победы!

Закончился парад. Сталин вернулся в Кремль. Секретарь ЦК А.С. Щербаков доложил ему об оплошности с киношниками. Их допустили на площадь в указанное время, но ради конспирации парад перенесли на час раньше. Щербаков попросил Верховного повторить выступление. «Зачем?» — спросил Сталин. «Для истории», — был ответ. Сталин снова надел шинель и фуражку со звездочкой. Операторы сняли его по пояс, будто он и впрямь стоит на Мавзолее. Щербаков отметил, что выступление было слово в слово таким, как на Красной площади.

Экстренный выпуск «Вестника кинохроники» о нашем мощном наступлении под Москвой открывался краткой речью молодого выглядевшего вождя. Его напутствия воинам имели большой резонанс и глубокий смысл. То был призыв к единству всех советских людей, верующих и неверующих. В церквях собирали средства на помощь Красной Армии, на покупку танков и самолетов. Деятели церкви назвали эту войну священной. Они хвалили поэта Лебедева-Кумача и композитора Александрова за грозный марш. Помните? — «Пусть ярость благородная вскипает как волна! Идет война народная, священная война!» Марш зазвучал в первые недели после вероломного, внезапного нападения врага.

Вскоре были учреждены новые полководческие ордена: Невского, Суворова, Кутузова. Красивые, отличные по стилю от принятых в Красной Армии со времен гражданской войны. В моем полку девять авиаторов заслуженно получили ордена Александра Невского. В их числе — Юрий Павлович Дерябичев.

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ

Если бы знать, что ждет впереди! Сколько продлится эта страшная война? Кто из нас останется в живых?.. Эти мысли упрямо лезли мне в голову, когда вечером 7 ноября в офицерской столовой я вглядывался в усталые лица двух экипажей, слетавших в тот день в тыл врага.

Один самолет вел Никита Остапенко, чернобровый, немного сутловатый украинец, а другой — русский парень Николай Пospelов. Оба благополучно вернулись, хотя Остапенко задержался и заставил всех сильно поволноваться.

Радиосвязь с ним прервалась в момент, когда разведчики были за линией фронта. Уже стало темнеть, вернулся Пospelов, а Остапенко все нет и нет. Посадочная полоса не была оборудована прожекторами. Из-за маскировки всякая подсветка аэродрома строго запрещалась.

Как-то выйдет из положения Никита? Но он не растерялся, включил бортовую фару и мягко приземлился.

Герой сегодняшнего дня Никита стоял в окружении товарищей и оживленно жестикулировал. Похоже, что делился впечатлениями от полета. Рядом с ним — Алексей Никулин и другие однополчане. Все в меховых унтах, готовые хоть сейчас взлететь в небо. А Никулин в хромовых, начищенных до блеска сапогах словно собрался на парад. Говорили, будто после того злосчастливого полета, когда он работал, задыхаясь на высоте без кислорода, штурман не сможет больше активно летать — врачи запретили.

Если бы знать, что ждет впереди!

Снежный буран, начавшийся в праздники, вскоре утих, и полк получил срочное задание Верховного Главнокомандования разведать войска противника, наступавшего на участке фронта Малоярославец—Юхнов. Задание должен был выполнять экипаж Остапенко.

Когда он взлетал, небо над аэродромом просветлело. А вот в районе разведки шел снег, и самолет обледенел. Высота облаков — триста метров. Вынырнув из них, Остапенко увидел огромную колонну танков и мотопехоты, двигавшихся по шоссе от Малоярославца на Москву.

Никита дал команду штурману:

— Приготовься! Сейчас зайдем в облака и скрытно спикируем на танковую колонну. В этот момент включай фотоаппарат!

Командир приказал стрелку-радисту быть готовым отразить пулеметный огонь танкистов, но гитлеровские пулеметчики почему-то не обратили внимания на пролетавший самолет. Скорее всего, они приняли его за свой или не ожидали появления русского разведчика в такую отвратительную погоду.

Прошло несколько секунд, прежде чем фашисты разглядели на крыльях красные звезды и, спохватившись, открыли ураганный огонь. Однако этих секунд замешательства хватило на то, чтобы разведчики закончили съемку. Теперь домой.

Вдруг Остапенко увидел четырех «мессеров». Они шли параллельным курсом и поджидали, когда «пешка» выйдет из зоны огня. Немецкие истребители не решались подойти ближе, опасаясь попасть под огонь своих. Но как только опасность миновала, бросились в атаку на советского разведчика. Остапенко выручили облака, и он ушел от преследования. Доставленные им фотодонесения оказались очень ценными, командир полка объявил благодарность всему экипажу.

Остапенко пройдет сквозь все опасности и без единой царапины доживет до Дня Победы. Его друг Анатолий Попов тоже останется цел, но за четыре года войны Попов не раз будет на волоске от смерти. Од-

нополчане не перестанут удивляться, как ему удастся выходить победителем из сложнейших ситуаций.

Вслед за Остапенко Попов также вскоре полетел на разведку войск противника, двигавшихся от Юхнова на столицу. Видимо, гитлеровцы приняли меры для перехвата постоянно появлявшихся в небе русских разведчиков. Два «мессера» поджидали «пешку» и, вынырнув из облаков, навалились на разведчиков.

Огненные трассы заскользили по обшивке фюзеляжа и ударили в один из моторов. Анатолий начал бросать машину из стороны в сторону, мешая стервятникам вести прицельный огонь. Однако враг все же сумел поджечь самолет и ранить штурмана Иванова.

Попов понял, что задание ему не выполнить. Надо думать о том, чтобы спасти экипаж и самолет. Он резко ввел машину в крутое пикирование, развил скорость в надежде на то, что струя воздуха сорвет пламя. Но маневр не принес желаемого результата. Разведчики только потеряли высоту и поставили себя в безвыходное положение. До земли осталось менее пятисот метров. С такой высоты опасно прыгать с парашютом.

Впрочем, эта мысль никому и в голову не приходила. Куда прыгать? Внизу враг. До линии фронта и своих войск ох как далеко! Ожидая каждую секунду взрыва бензобаков, Анатолий развернул машину и взял курс на восток. Пламя перекинулось на крылья, фюзеляж, в кабину и подбиралось к центральному баку. Штурман истекал кровью. Да и сам летчик превозмогал сильную боль от ожогов...

Когда, наконец, долетели, как им казалось, до передовой линии, самолет стал падать. Летчик выпустил щитки, чтобы снизить скорость при посадке. Впереди редкий лес. Раненая «пешка» врезалась крутящимися винтами в огромный сугроб, чуть было не скапотировала, но не взорвалась. Прошло еще несколько минут, прежде чем разведчики смогли выбраться из своих кабин. Летчик с трудом открыл прозрачный колпак над головой, так как пулеметной очередью «мессера» заклинило запоры. Выбираясь через него, Попов задел лямками парашюта за кресло и долго не мог их высвободить. Наконец он упал в сугроб и, увязая в снегу, отполз от бомбардировщика метров на двадцать. И в этот момент баки взорвались...

Но злоключения разведчиков не кончились. Из леса с автоматами в руках двигались на них черные фигуры. Немцы или свои? Издалека нельзя было определить. По тому, как автоматчики осторожно приближались, хоронясь за кустами, стало ясно, что они окружают. Разведчики выхватили из кобуры пистолеты и взвели курки. Они поклялись друг другу, что живыми не сдадутся.

Когда автоматчики окружили авиаторов, раздался голос их командира:

— Гитлер капут! Хенде хох! Сдавайтесь, руки вверх! — Тут летчики заметили на их шапках звездочки, и Попов зло крикнул:

— Скорее, помогите! Мы ранены!

Сколько еще атак «мессеров» отбил Попов! Сто семьдесят раз попадал под огонь зенитной артиллерии, шесть раз возвращался на одном моторе. Но счастливая звезда, летное искусство и находчивость сберегли летчику жизнь.

В ходе битвы за Москву, да и позже неприступным для разведчиков оставался железнодорожный узел оккупированного Смоленска. Через него гитлеровцы перебрасывали живую силу и бронированную технику для захвата столицы. Смоленск был прикрыт плотным огнем зениток и истребителей, базировавшихся на двух аэродромах. «Мессеры» постоянно барражировали на разных высотах, и сфотографировать Смоленск днем редко кому удавалось. Разведчики несли потери.

Однажды Анатолий отправился на аэродром с новым нашим комэском Дмитриевым. Едут на полutorке и молчат.

— Крепкий орешек этот Смоленск, — заговорил вдруг комэск. — А наш генерал упрямо требует разведывать его каждый день. Что-то надо придумать...

— А я придумал, командир! Поверь, я задание выполню! Каким образом, елки-моталки? На бреющем, черт бы их побрал, — озорно сказал Попов.

— Ты что, с ума спятил? Тебя не только зенитки — пехотинцы палкой сшибут. Запрещаю...

— А я попробую, командир. Будь что будет, где наша не пропадала!

— Ну ладно, только я ничего не слышал, и ты мне ничего не говорил.

Оба улыбнулись и крепко обнялись. Анатолий весело прыгнул с грузовичка на снег, не стал слушать доклад старшего авиамеханика о готовности самолета, на ходу крикнул: «Верю, верю, все в порядке!» — и скрылся в кабине...

К железнодорожному узлу Смоленска он подошел с запада, откуда фашисты меньше всего ожидали появления советского разведчика. Небо над Смоленском расчистилось, и вражеские эшелоны можно было сфотографировать с высоты шести тысяч метров. Вместо шаблонного полета на большой высоте, удобной и безопасной для фотографирования цели, он спустился до двухсот метров.

На этой высоте смелый летчик, пролетая над двумя смоленскими аэродромами, забитыми вражескими самолетами, выпустил шасси, имитируя посадку. А когда фашисты распознали его уловку и открыли ураганный огонь, было поздно. Разведчик сфотографировал все объекты, прижал машину еще ближе к земле и ушел домой. Наши «фотики» никогда раньше не видели объекты Смоленска, снятые таким крупным планом.

Одновременно с наступлением на Москву враг продолжал сжимать кольцо вокруг Ленинграда, и наш полк вел воздушную разведку войск противника, блокировавшего город на Неве. Однажды Пospelов получил приказ разведать оккупированный аэродром Гатчины. Штурман Галушка скрупулезно рассчитал маршрут и предупредил командира, что полет будет долгим, горючего едва хватит. Взяв курс на Ленинград, разведчики вскоре достигли Торжка и вдруг увидели впереди идущую по их курсу шестерку бомбардировщиков.

— Фрицы! — закричал штурман. — «Мессершмиты-110». Сворачивай, командир!

— Один момент! — спокойно возразил Пospelов. — А что, если рискнуть: подстроиться к ним и лететь вместе до Гатчины? Как ты думаешь, штурман?

— Нас скоро опознают, командир. Накроют! — вмешался стрелок, слышавший через шлемофон весь этот разговор.

— Сержант Баточка, наблюдать за воздухом. — строго приказал Пospelов.

— Есть, товарищ командир!

— И приготовь пулемет к бою!

— Слушаюсь!

А Пospelов продолжал рассуждать вслух:

— Я думаю так: чем «пешка» отличается от «мессера стодесятого»? У «пешки» дутик — хвостовое колесо — убирается, а у «мессера» — нет. А размерами и конфигурацией оба самолета схожи. Те же два мотора, два киля. Издалека, в облачности, не различишь. Рискнем?

— Рискнем, командир, тем более мы пойдем сзади и хвоста нашей «пешки» фрицы не увидят...

— Поехали! — скомандовал Пospelов и прибавил газ обоим моторам.

Через минуту «пешка» пристроилась к «мессерам», и фашистские летчики приняли ее за свой бомбардировщик.

Так и летели разведчики неопознанными вплоть до Гатчины. Всю дорогу Пospelов держал пальцы на гашетке своего пулемета, готовый открыть огонь, если враги разгадают его уловку.

Но вот показалась цель разведки. Немецкие самолеты встали в круг для посадки. Их ведущий уже стал снижаться. И в этот момент Пospelов развернул «пешку» и быстро помчался над аэродромом. Штурман Галушка включил фотоаппарат, и разведчики одним заходом зафиксировали на пленку стоявшие в капонирах под маскировочными сетями вражеские самолеты. Одновременно штурман и стрелок подсчитывали на глаз количество боевой техники врага.

Пospelов тем временем бросил «пешку» в крутой крен для повторного захода. Появившись снова над капонирами, прижал самолет к зем-

ле до бреющего полета и нажал на гашетку. Не дожидаясь команды, его примеру последовали штурман и стрелок. Сверху было хорошо видно, как засуетились на земле фашистские летчики и механики, бросились бежать из капониров в землянки, но пулеметные очереди прошлись по их спинам, и черные фигуры распластались на снегу. Теперь-то гитлеровские зенитчики сообразили, что среди прилетевших на посадку бомбардировщиков один оказался краснозвездным, и открыли по нему мощный огонь. Поздно! Поспелов потянул штурвал на себя, и «пешка» быстро нырнула в облака.

— Курс! — потребовал командир от штурмана. Но перебил стрелок:

— Можно передать по радио разведданные? — спрашивал он разрешения командира.

— Какие данные? Вот проявят разведфильм, и будут данные.

— Но я успел сосчитать все самолеты! — докладывал стрелок.

— И сколько же?

— Тридцать два, товарищ командир, и один неисправный, без мотора.

— Ну, ты считал в четыре глаза, — вмешался штурман — я насчитал всего двадцать восемь бомбардировщиков.

— Не сходится цифирь-то, — упрекал Поспелов, — но вот что. Передай на базу: задание выполнили, обнаружили около тридцати самолетов. Матчасть в порядке. Возвращаемся домой.

— Есть передать! — обрадованно воскликнул стрелок-радист.

Да, если бы знать, что ждет впереди!

Три богатыря — летчик Поспелов, штурман Галушка и стрелок Баточка благополучно прилетели на базу. Они презирали смерть и не знали, что она близка. Вскоре летчики не вернулись из очередного полета над фашистским тылом! Память о них осталась в наших сердцах, все годы войны их боевые подвиги вдохновляли новые экипажи разведчиков.

ПРЕДАННЫЕ ДО КОНЦА

Н езадолго до своего последнего вылета стрелок-радист комсомолец Баточка подал заявление о приеме в партию. «Хочу идти в бой коммунистом!» — писал он в своем заявлении.

Так он ответил на призыв партии к фронтовикам встать в ее ряды, храбро и самоотверженно сражаться с врагом. Как-то во время беседы политрук нашей эскадрильи Пронькин сказал, что этот призыв обращен ко всем воинам, находящимся в действующей армии.

Иван Иванович имел в виду и нас — старших механиков и мотористов. Он пояснил, что фронтовикам, отличившимся в сражениях Вели-

кой Отечественной, предоставляются льготы при вступлении в партию: сокращается кандидатский стаж. Заканчивая беседу, Пронькин сказал, что в жестокой борьбе с фашизмом все специалисты нужны Родине — и механики, и радисты, и саперы, и врачи.

После беседы политрука мы как-то по-новому стали смотреть на свою военную профессию. Раньше нам казалось, что призыв партии «Идти в бой коммунистом!» нас не касается. Ведь в бой мы не ходили, пулеметных амбразур телами не закрывали, даже не имели возможность встретиться лицом к лицу с ненавистным врагом. Проза всегда трудных, порой очень тяжелых, физически изнурительных военных дней — вот наш удел. Выходит, мы ошибались. Своей добротной и безотказной службой, как говорил политрук, мы заслуживаем право стать коммунистами.

Об этом я думал, когда вернулся с беседы политрука. Сосредоточиться мешали разговоры товарищей и раздававшиеся время от времени взрывы смеха после чьей-то удачной шутки. Я невольно прислушался к разговору.

— Видели, ребята, на аэродром села девятка английских «харрикейнов»? — говорил мой механик Григорьев. — Горбатые, как старухи! Я сам видел, как механики садились на хвост «харрикейнам» и сидели там, пока они рулили...

— Зачем? Захотели прокатиться на лошадях?

— Да нет, говорят, что эти машины с растопыренными ногами легко капотируют. Вот механики и сидят на хвосте, чтобы истребитель не перевернулся...

— Не может быть! А еще в песне поется: «Англичанин-мудрец избрал за машиной машину...»

— То песня, — продолжал Григорьев. — Рассказывают, что один летчик вырулил на старт, забыл, что у него на хвосте сидит механик, дал газ и взлетел...

— Ну и ну! Механику — крышка?

— Нет, летчик уже при взлете почувствовал тяжесть на ручке руля высоты, догадался и быстро приземлился. Механик отделался испугом да обморозил руки...

— Шарлатан тот летчик! — начались комментарии. — Англичане тоже хороши — поставляют нам такой самолет!

После критики «харрикейнов» разговор сам собой перебросился на американскую авиационную технику. Наш полк получил на опробование двухмоторный бомбардировщик «бостон». Для дальней разведки он годился, поскольку имел солидный радиус действия. Механикам нравилось, как ровно работают его моторы. Однако шасси у самолета оказалось слабым. Дважды во время посадки на грунтовых аэродромах оно ломалось. Кто-то из механиков заметил:

— А союзники, видно, сдержат слово, откроют скоро второй фронт. Иначе они не прислали бы нам свою технику.

— Держи карман шире! Уверен, союзники будут тянуть со вторым фронтом и ждать, пока мы и немцы обескровим друг друга... — возразил другой.

Звучавшие по радио сводки Совинформбюро о «планомерном» отступлении не содержали чего-либо утешительного. Острый на язык старший механик Владимир Соколов ехидничал.

— Мы кто? — спрашивал он ребят. — Мы драповцы. Боюсь, придет срок, и нам придется драпать на Восток.

— А чему нас учили? — продолжал Владимир. — Будем бить врага на его территории. Что в песнях пели? Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим. А отдали уже Прибалтику, Белоруссию, уже немец под Москвой.

— Тут кто-то просчитался, — вмешался в разговор веснушчатый рыжеволосый Володька Майстров. — Я думаю, наш Генеральный штаб. Надо было не ждать, когда немец ударит первым, а опередить его. Долбануть его хорошенько, когда он стянул войска к нашим границам.

— Ты скажешь, долбануть первыми! — прервал его механик-ленинградец Щербаков. — Нас тогда на весь мир объявили бы агрессорами. Ведь за границей все годы советской власти кричали, что большевики — варвары, агрессоры, хотят завоевать весь мир. А поскольку Гитлер напал первым, никуда не денешься — он агрессор. Англии, Франции теперь не вернуться от союза с нами. Они должны стать либо на сторону агрессора, то есть Гитлера, либо на сторону жертвы — иначе говоря, на нашу сторону.

Так и получилось. Как они не хотели союза с нами! А Сталин их перехитрил, выждал момент, и создалась Антигитлеровская коалиция.

— А по мне, так надо было раньше объявить мобилизацию, — заметил Майстров. — Мы собрали бы всю мощь Красной Армии на границе, и фашисты разбили бы об нее свой лоб.

— Вот это глупость! — воскликнул Соколов. — Вся наша армия могла оказаться в окружении, разгромлена. Чем тогда мы защищали бы Москву? А впрочем, не знаю, как все случилось. Могу только гадать, что и почему.

Этот разговор, я знал, будет продолжаться до полуночи, пока кто-нибудь из любителей поспать не крикнет: «Кончай травить, братцы. Дайте сон доглядеть!» После этого спорщики перейдут на шепот и проговорят еще час до прихода дневального, который выключит свет.

Я не стал ждать, чем кончится этот разговор, вышел перед сном подышать воздухом. Мысли продолжали крутиться вокруг беседы поли-

трука, размышлений товарищей о ходе войны, о смысле жизни, о судьбе нашего поколения.

Конечно же, мы мечтали о мирных профессиях, интересовались кто техникой, кто искусством. Про свои увлечения я исчерпывающе узнал из школьной характеристики, которую мне выдали для поступления в военное училище. Все в ней было верно: не отдавал себя целиком учебе, увлекался волейболом, школьным джаз-оркестром, фотоделом, стихами, выпускал стенгазету. Словом, разбрасывался. Меня поразило, что учитель истории — он же директор школы Кожевников — знал про меня все.

Одного, однако, не учел учитель истории. Меня сильно увлекал кинематограф. Новые фильмы я смотрел в первый день их выхода на экран, занимая, как король, всегда одно и то же кресло в бывшем московском кинотеатре ЦПКО имени Горького, что находился у Крымского моста. При кинотеатре работала служба заказа билетов по телефону. Причем заказ принимался и на определенное кресло. Кинотеатр славился также отличным джаз-оркестром, который начинал играть в фойе за полчаса до начала вечерних сеансов. Перед премьерой музыкального фильма оркестр исполнял его мелодии.

Я играл на баяне по самоучителю, усвоил азы нотной грамоты. Впрочем, ноты легко прочитать, если уже слышал мелодию. И так же легко спеть:

Тучи над городом встали,
В воздухе пахнет грозой...

На следующий день я насвистывал и напевал в школе новый мотив. Друзья-мальчишки завидовали. Девчонки убеждали, будто у меня отличный слух и мне следует учиться в консерватории. Я снисходительно слушал девчонок, в душе радовался похвалам, но... В детстве я переболел корью с осложнением на среднее ухо. Пенициллина тогда не существовало, и врачи проткнули мне барабанную перепонку. Мой брат, тоже переболевший корью, подвергся более сложной операции. Теперь есть антибиотики, и такие болезни считаются пустяковыми. Но тогда я ошибочно считал, что лишен идеального слуха, необходимого музыканту, и решил поступать в Институт кинематографии. Война перечеркнула мои мечты и мечты моих товарищей.

Все мы были призваны в армию. Все мы пошли на фронт воевать с нацистами. Из ровесников Октября и из тех, кто был лет на пять помоложе, состоял преимущественно наш полк.

Мы не знали старой жизни, при которой родились и жили наши родители, но, по их рассказам, она была жестокой, бесправной и беспросветной. Мы читали щемящие душу стихи об «убогой и обильной» Руси, мысленно боролись вместе с Дубровским против помещичьего

произвола, возмущались «салтыковщиной» и «Человеком в футляре», после недолгих размышлений целиком отдавали свое сердце «Оводу» и Павке Корчагину, самым справедливым и смелым из наших литературных героев.

Нас не надо было убеждать в правом деле Советской власти речами и философскими трактатами. Наши родители вышли из рабочих и крестьян. Иные, полуграмотные, как, например, мой отец, командовали производством и, случалось, умирали, надорвавшись на стройке, завещая, чтобы мы доучились, стали инженерами и учеными, образованными людьми.

Наша школа четко давала нам понять, что хорошо, а что плохо. При чем все — и жизнь с ее прошлым и настоящим, и человеческие помыслы, и черты характера — рисовалось двумя красками: белой и черной. Никаких полутонов и компромиссов. Мы знали наизусть и полностью разделяли проникновенные и глубоко выстраданные мысли Николая Островского о том, что «жизнь человеку дается один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...». Но как прожить? Отдать жизнь «самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

...Сначала я хотел написать эту фразу почти без изменения в своем заявлении о приеме в партию и отнести его политруку. Но потом подумал: при чем тут освобождение человечества, когда сейчас на карту поставлена судьба Родины? Не годится...

Мне вспомнились размышления А. П. Чехова о смысле жизни. Он призывал прожить ее «бодро, осмысленно, красиво». «Сейчас, когда враг у стен Москвы?» — думал я... и отверг Чехова. В то время я увлекался Горьким, и его рассуждения о том, что человек испытывает истинное счастье, когда «живет и работает для других», казались мне прекрасными, полностью отвечавшими моим убеждениям.

...Когда политрук Пронькин прочитал эти слова в моем заявлении (разумеется, без ссылки на источник), он снял фуражку, почесал затылок и сказал:

— Красиво! Ребята написали о том же, только попроще. А в общем-то, правильно...

Спустя три месяца нас приняли в партию.

За двадцать с лишним лет Советской власти выросло совершенно новое поколение молодых людей, до конца преданных делу социализма. Святая святых этого поколения был девиз: без колебания, если нужно, пожертвовать жизнью ради счастья и свободы своего народа. А если кто-то и чувствовал минутную слабость, то умел ее подавить, собрать в кулак свою волю, и мы не замечали этой слабости. Мужество и отвага опытных разведчиков вдохновляли «новичков», вселяли в них

уверенность, и смелыми разведчиками становились даже те, кто побаивался неба и не доверял грозному оружию — сложному по тем временам двухмоторному скоростному бомбардировщику.

Из безусых молоденьких сержантов и лейтенантов вырастали бесстрашные авиаторы. Так в нашем полку «закалялась сталь». В авиации, как всюду в армии, действовали воинские уставы, жизнь определялась строгой дисциплиной. Однако воспитание молодых авиаторов строилось чаще на доверии и уважении и гораздо реже на неизбежных выговорах за допущенные проступки.

Я перебираю сейчас в памяти все нашумевшие полковые ЧП и вспомнил лишь один случай, который закончился самым суровым наказанием — штрафной ротой. Впрочем, и это чрезвычайное происшествие с человеком случилось не в воздухе, во время разведки, а на земле и в очень обыденной обстановке.

Стрелок-радист нашей эскадрильи здорово повздорил с начпродом авиагарнизона, решил доказать ему «правду-матку» кулаками. Короче, стрелок-сержант ударил офицера. ЧП случилось на полевом аэродроме, отрезанном от баз снабжения в суровую зиму 42-го года, когда были перебои с доставкой продовольствия. Трудно приходилось летчикам, которые и в нормальной обстановке, при хорошем питании жаловались на отсутствие аппетита — так изматывались во время высотного полета с кислородной маской. Дело дошло до того, что даже летному составу стали давать в столовой только манную кашу, приготовленную на воде. Отвечал за это не кто иной, как начпрод. Рачительностью он не отличался, зато был нечист на руку. Это стало известно в гарнизоне.

Но самосуд есть самосуд. Стрелка-радиста за это сурово наказали. Его отправили на передовую в штрафной батальон. Через месяц он вернулся и браво мне рассказывал:

— Выпустили из меня фашисты дурную кровь! И вот я снова среди вас...

В первой же атаке Николая ранило, но, к счастью, не сильно. Через неделю он вышел из санбата бодрым и здоровым. Он смыл кровь свой проступок и мог продолжать служить в полку воздушных разведчиков.

— Хочу бить гадов лицом к лицу! — говорил Николай. — Подал начальству рапорт с просьбой перевести меня в пехоту. Как думаешь, отпустят?

Стрелка-радиста отпустили, как и фотоспециалиста Петра Волошина. Тот тоже подал рапорт о переводе его в авиадесантные войска. За Володиным, однако, не числилось никаких провинностей. Он слылся скромным и тихим парнем. Мы и не подозревали, что он навещал десантников и встретил там друзей.

А с Володей Майстровым я крепко подружился. Часто вспоминали нелегкую технарскую службу в полку разведчиков и первое знакомство в Ленинградском авиаучилище. Там мы жили в казарме, уставленной двухъярусными койками. Майстров устроился внизу, я наверху.

— Честно скажу, — говорил Владимир, — трудно было. Самое трудное — команда «Подъем!». Ноги еще немели от усталости вчерашнего дня. Потянуться бы с полчасика. Ан, нет! В бешеном темпе спешили вдеть ноги в бриджи, натянуть гимнастерку, одеть сапоги. Подпоясывались ремнем уже на бегу.

— Опоздал в строй — наряд вне очереди, — добавил я.

— И все-таки мы привыкли, наловчились. Даже поверили: все можно преодолеть. Я рад, что в училище прошел школу жизни и стал авиационным специалистом. Нас приучили к аккуратности, к настоящей дисциплине, к трудолюбию.



ЧАСТЬ

ДОЗОРНЫЕ СЕВЕРО-ЗАПАДА

СРЕДИ ХОЛМОВ ВАЛДАЯ

И вот наступил долгожданный момент нашего наступления. Фашисты отброшены от Москвы. Красная Армия продолжает освобождать русские города и деревни. Настало время и для воздушных разведчиков расположиться поближе к отодвинутой на запад линии фронта. Одна из эскадрилий должна перебазироваться на аэродром Калинина, а нашей третьей надлежит занять самый передовой форпост на Северо-Западном фронте, на аэродроме, расположенном среди лесов и холмов Валдая. Первыми туда отправились механики для встречи самолетов — разведчиков.

Утром мы выехали в двух фургонах, приспособленных под фотолaborатории. Настроение у всех приподнятое, боевое. Авиагарнизон Выпозово, куда мы добрались через сутки, подвергался очень сильным бомбардировкам. Бомбы разрушили четырехэтажные каменные жилые дома офицеров и их семей. В квартирах, что уцелели, гулял ветер, были выбиты все стекла, разрушены водопровод и отопление. Мы поселились в деревянных двухэтажных домиках, обитых почерневшими от времени досками. В домиках давно никто не жил, и нам пришлось первым делом добывать дрова и топить печи. Устав после дальней дороги, очень неохотно принялись пилить и колоть вязкие сосновые бревна.

Мы не знали, что тут придется провоевать долгие два года войны. Решающие события развернутся под Сталинградом и Курском, а Северо-Западный и Ленинградский фронты будут ждать своего победного часа. Он тоже придет!

Первый год был тяжелым. Многого нам не хватало — мастерства, исправных самолетов, боевых экипажей. В эскадрилье воевали разные летчики. Щеголеватый и многоречивый Александр Барабанов очень хотел сбить «мессера». Были летчики — полная ему противоположность, как, например, Иван Ширяев, неразговорчивый и задумчивый. Улетал небритый — у летчиков было такое поверье: побреешься

перед полетом — попадешь в переплет. Иван надевал гимнастерку поскромнее, как приказывало начальство, без знаков отличия, на случай, если собою и придется спуститься на парашюте в тыл врага.

Встречались и совсем неопытные летчики. Некоторые возвращались, не долетев до линии фронта, и утверждали, что барахлят моторы. Однажды комэск одному из таких не поверил и решил сам опробовать самолет. Вылетел и тут же вернулся. Извинился перед молодым разведчиком и разразился гневной тирадой в адрес Фисака:

— Неисправный самолет выпускаешь в полет! Кто старший механик самолета? Разберись и накажи!

И ушел. Фисак даже не успел сказать комэску обычную свою фразу: «Подожди, майор, не кипятись».

«Пешку» закатили на стоянку. Прежде чем раскапотить моторы, отошли в сторонку и закурили. Стали думать-гадать, в чем дело. Вдруг малоразговорчивый Пал Карпыч, принявшийся за свою работу — мойку замасленных мотогондол, — воскликнул:

— Товарищ инженер, глядите-ка! Винт погнут! — Мы вскочили с бугорочка, на котором обдумывали план действий, и подошли к правому мотору. Одна из лопастей винта была чуть погнута. Видно, молодой летчик при взлете слишком высоко поднял хвост бомбардировщика и один из винтов чиркнул по земле.

— Неси кувалду, — приказал инженер. Через десять минут Фисак вошел в командирскую землянку и доложил, что самолет готов к вылету.

По инструкции винт надо было снимать, заменить лопасть, отрегулировать балансировку на специальном стенде — это бы заняло целый день. В полевых условиях поступили проще — выправили лопасть на глазок с помощью кувалды. Вместо наковальни использовали пустой стальной баллон: моторы на «пешке» запускались сжатым воздухом. А заменить лопасть и отрегулировать винт решили после боевого полета. Однако обошлись без замены, поскольку самолет летал отменно.

О происшествии с винтом напоминала лишь облупившаяся от ударов кувалды краска на конце лопасти. Черного лака в тон старой краске на складе не нашлось, была лишь ядовито-желтая эмаль. Я покрасил ею кончики всех лопастей и нарисовал круги на коках винтов. Побывавшая в переплетах моя первая и ставшая любимой «пешка» выглядела нарядной, непохожей на другие машины. На ее киях я вывел цифру 1.

А вот на новой «пешке» Бельского моторы начали барахлить. Все винтики перебрали, а причины не нашли. Хотели было поменять двигатели, но вдруг пришла весна, резко потеплело, и «движки» вдруг перестали шалить. Что за чертовщина? Оказалось, в бомболюках самолета были установлены дополнительные бензофильтры. В инструкции о них не говорилось ни слова. Вскрыли фильтры и обнаружили в них лед. Вот

где собака зарыта! Лед закупоривал бензосистему, а когда по весне подтаял, моторы полностью стали получать свою порцию горючего. Так мы — летчики и механики — набирались опыта, так выполняли приказ Верховного, который гласил: нельзя научиться воевать, не овладев в совершенстве военной техникой.

Однажды на «пешке», которую закрепили за Иваном Маровым, вылетел на разведку Яков Власов. Мы едва успели с ним познакомиться, так как всего неделю назад он прибыл в эскадрилью. На нашем «тихом» Северо-Западном фронте на различных участках шли время от времени «бои местного значения». Приближалась весна 42-го. Приближалась по календарю, но снежные сугробы, завалившие дороги, еще не осели. Солнце в ясный день припекало спины, и в вечных бегах, в толстых ватных куртках и шапках-ушанках становилось жарко.

Маров готовил свой самолет тщательно и не спеша. Я завидовал его ловкости и силе. В широких карманах у него всегда под рукой были плоскогубцы и отвертка. Этим простым инструментом он ухитрялся улаживать почти все мелкие неисправности. Всякий малознакомый летчик вызывал у Марова чувство беспокойства. Вот почему он встретил Власова без особой радости. Что поделаешь — такой характер. А зря!

Власов проявил себя смелым летчиком. Он хорошо выполнил сложный полет на разведку вражеских аэродромов. В ясную погоду Яков пролетел на виду у фашистских зенитчиков сквозь отчаянный огонь и избежал смерти. Экипаж уже сообщил по радио об удачных результатах разведки. Вместе с Маровым мы вглядывались в сторону небольшого пригорка, поросшего высокими соснами. Оттуда обычно приходили из разведки наши «пешки». Вот-вот Власов должен был приземлиться.

Но недалеко от аэродрома молодого разведчика поджидал фашистский ас, вылетевший на «свободную охоту». Фашисты любили нападать на уставшие экипажи, которые к тому же расслабляли внимание, думая, находятся уже дома, вне опасности. Разведчики не ожидали внезапной атаки. Они не успели ударить по врагу из пулеметов. А фашист, выпустивший длинную очередь, сразу попал и в летчика, и в штурмана. Власов, истекая кровью, просил штурмана Алексея Дроздова помочь ему удержать штурвал, но тот не отвечал. Он был мертв. Молодой разведчик, стиснув зубы и превозмогая страшную боль в ноге и животе, вел самолет на свой аэродром. Власов помнил наказ комэска: «Во что бы то ни стало благополучно доставить разведфильм».

Летчику следовало сесть с ходу, так как силы у него были на исходе. Но пока смертельно раненный пилот старался выровнять подбитый самолет, он потерял высоту. Высокие сосны на пригорке аэродрома закрывали от Власова взлетно-посадочную полосу. Он не знал, свободна ли она для приземления, боялся столкнуться с взлетающим самолетом.

И летчик стал заходить на посадку, делая полагающийся в таких случаях маневр по кругу.

Наблюдая за самолетом, я подумал про себя: «Молодец, как аккуратно разворачивается». И в этот миг произошло невероятное. «Пешка» будто остановилась, затем медленно перевалилась на нос и понеслась к земле. Самолет глубоко врезался в снег и промерзшее болото. Истекающему кровью Власову не хватило минуты, чтобы завершить полет и сохранить машину.

«Прощай, боевой друг и товарищ! Мы отомстим фашистам за твою смерть!» — вывел я крупными буквами в эскадрильском боевом листке. Хотел сочинить стихи, но мысли путались, и ничего стоящего не получалось. И тогда я написал знаменитые строки:

Безумству храбрых поем мы песню!
Безумство храбрых — вот мудрость жизни!

Надо же так случиться; не успел я поставить восклицательный знак, как в землянку заглянул Пронькин. Он позже всех вернулся с кладбища, замерз и устал.

— Зачеркни это! — тоном приказа сказал он.

— Но это же слова Максима Горького! —

— Знаю, и я за партой сживал... К Власову это не относится. — Немного помолчал и добавил:

— Ценны лишь те подвиги, которые совершены с полной сознательностью. Это сказал Ромен Роллан.

Я не стал спорить. У политрука, я знал, свое мнение о разведчиках. На первое место он ставил такие их качества, как хладнокровие и честность, а храбрость и удаль без трезвого расчета осуждал. Пока я переделывал боевой листок, Пронькин курил и бросил лишь короткую фразу: «Похоронили Власова... Считай, что крепкие корни пустили мы тут, среди холмов Валдая...»

ТАЙНА ЯЩИКА НЗ

Первая военная зима выдалась суровой. Сильные морозы чередовались с обильными снегопадами. Когда небо расчищалось от облаков, солнце щедро заливало расставленные, как на параде, в ряд наши самолеты. Сколько месяцев прожили здесь, а вражеские бомбардировщики нас ни разу не беспокоили. Мы перестали маскировать елками «пешки». По другую сторону взлетно-посадочной полосы расположились эскадрильи Яков. Их тоже ленились маскировать.

После очередного боевого вылета машина Бельского вернулась с простреленным бензобаком. Мы сначала не заметили повреждений. Бензо-

баки на боевых машинах обтягивались специальной резиной. В случае единичного пулевого прострела бензин начинал растворять резину, отверстие почти всегда затягивалось. Обнаружили в крыле пробойну, всего одну и мелкого калибра. Если бы летчики не сказали, что были обстреляны «мессерами», мы бы ее и не заметили. Но долго и упорно обследуя обшивку крыльев и фюзеляжа, как полагалось после воздушного происшествия, нашли то, что искали. Бельский свернул сигарку и сказал:

— Снимай щит в крыле, будем искать течь!

— Тыфу, тысячу шурупов надо открутить! — встретил я без энтузиазма его слова.

— Ага. Ты начинай, а я чуток перекурю...

Сняв щит, мы увидели, что резина вокруг бака набухла. Наш диагноз точен: бак пробит, бензин пока скапливается в резиновом мешке. А мы уже осмотрели моторы, заправили машину горючим, в общем, порядком устали и заканчивали работу. И вот теперь предстоит вызывать бензозаправщик, сливать из баков бензин, не выливать же горячее на снег, затем надо было вытаскивать бак из-под крыла и ставить новый. Вот подвалило работенки! А мы-то думали вскоре вернуться в казарму и уже отпустили механика и моториста.

— Еще неизвестно, есть ли на складе новый бак, — сказал Бельский. — Я пойду посмотрю, а ты отворачивай штуцера, готовь бак к демонтажу.

И Бельский скрылся в сумерках. Я ему позавидовал — он мог согреться в ходьбе. А я остался на лютom морозе. Сильный ветер предвещал пургу. Размонтировать гораздо легче, чем собирать. Когда Бельский вернулся, мы легко сняли бак, а вот новый ставили до полуночи. Проклятые штуцера не хотели завинчиваться. Два ввернули, а другие не пошли. Пришлось начинать все сначала. Мы разобрали все, что уже смонтировали, вытащили новый бак из крыла, опустили на снег и стали «прогонять» штуцера. Затем снова ставили бак на место. И так три раза. Намучились до чертиков. Распухшие от мороза пальцы не сгибались, и мы с превеликим трудом навинчивали самые обыкновенные гайки крепления. Бензозаправщик, в который мы слили бензин, вернулся в точно назначенное время, чтобы снова заправить самолет. Но мы не уложились, приказали ему приехать еще раз. Наконец к полуночи работу закончили.

Шагая сквозь пургу к гарнизонной столовой, мы окончательно выбились из сил. Весь день с раннего утра ничего не ели. В полуночный час в столовке никого не было, кроме дневального, который предложил нам кастрюлю компота и буханку черного хлеба. Едва успели сесть за стол, как началась воздушная тревога. Усталые, разморенные теплом и едой, мы и не собирались покидать уютную столовую. Но одновременно с воз-

душной тревогой загромыхали разрывы тяжелых фугасных бомб. Фашисты развесили осветительные бомбы и легко выбирали мишени.

Еще днем мы обратили внимание на группу новеньких МиГов, приземлившихся на аэродроме. Их перегоняли на Ленинградский фронт, но некоторые остались, возможно, из-за неисправностей. Днем над аэродромом пролетел немецкий воздушный разведчик. Оставляя на большой высоте белый след, он был отчетливо виден, но успел удрать от погони наших истребителей.

Ветхое здание гарнизонной столовой содрогалось о взрывов фашистских фугасок. Со стены отлетела штукатурка, солидный кусок мела упал на наш стол, чуть ли не в компот. Ох, как трудно было нам подняться и покинуть теплое помещение, но оставаться в столовой было опасно.

— Надо уходить! — сказал Бельский. — Захвати буханку — пригодится.

И вот мы на крыльце. Мороз снова перехватил дыхание. Взглянули на протоптанную нами в сугробах тропку от столовой к нашему эскадрильскому дому и ахнули. Две глубокие воронки перепахали нашу дорогу домой. Зажигательные бомбы сыпались на домики. Решили идти в сторону соснового леса, подальше от аэродрома.

Наши блуждания, к счастью, скоро закончились. Мы набрали на какую-то избушку и постучались. К нашему удивлению, на крыльце появился однополчанин сержант Якубов. Не спрашивая, зачем явились, он пригласил нас быстро пройти в избу. «Ну и холодище, — сказал он, — плотнее закрывайте дверь!»

Так мы случайно оказались на эскадрильской радиостанции. Там всегда дежурили наземные радисты. Их всего-то было двое, но без них эскадрилья не могла бы выполнять свою задачу. Днем во время боевых вылетов радисты поддерживали двустороннюю связь с разведчиками, находившимися за линией фронта, а в перерывах передавали шифрованные радиogramмы с разведанными в центр, в Москву. И конечно, они принимали все приказы и указания, направлявшиеся из центра в разведэскадрилью. В горячие дни Якубов и его товарищ Борисов круглые сутки находились на радиостанции, отстукивая морзянку. Один приходил в столовую и забирал пищу на двоих за весь день. Работали радисты безотказно и на праздники всегда отмечались благодарностями. А вот где находилась их радиостанция, мало кто знал. Сначала мы обрадовались встрече с Якубовым, полагая, что находимся в безопасном месте. Но не успели обменяться и двумя фразами, как услышали свист фугасок. Одна разорвалась совсем близко.

— Сматывайтесь отсюда! — встревожился Якубов. — Фашисты обнаружили нас и сейчас устроят «концерт». Рядом ветка «железки»

с бензоцистернами, склад горюче-смазочных материалов. Бегите, ребята, пока не поздно! Я бы с вами, да не могу покинуть радиостанцию.

— Мы тебя не оставим! — твердо сказал я, а про себя подумал: «Будь что будет!..» Бельский меня поддержал:

— Нехорошо оставлять товарищей в беде. Сейчас мы тебя угостим...

Григорий достал нож, долго примерялся, и наконец буханка была разделена ровно на три части. Странно, каких-нибудь полчаса назад от голода подташнивало, а теперь совсем не хотелось есть. За стенами избы то и дело ухали разрывы фугасок, заглушая наш разговор. Тело между тем размякло, ноги онемели, и сознание начало туманиться... Помню, несколько раз я просыпался от грохота. Якубов наклонялся ко мне и убеждал: «Уходите, фашисты остервенели, еще сильнее бьют по бензоскладу!» Но я снова засыпал тревожным сном.

Проснулся рано утром, как ни странно, от тихого голоса Якубова, говорившего по полевому телефону. Бомбежка прекратилась, и комэск интересовался, цела ли радиостанция. Якубов ответил: «Цела, порвало лишь провода антенны». И сказал комэску о нас. Тот приказал немедленно позвать к телефону Бельского, но Григорий сладко спал, и мы не смогли его разбудить. Тогда я подошел к телефону.

— Давно вас ищем! — слышался знакомый голос в трубке. — Где вы пропадаете? Немедленно отправляйтесь на аэродром. В вашу «пешку» угодила бомба. Самолет, кажется, сгорел.

Когда мы доплелись до стоянки и увидели на том месте, где стоял наш самолет, груды искореженного металла и пепла, защемило сердце. Воздух вокруг был пропитан удушливым, тошнотворным запахом сгоревшего алюминия. Лишь метрах в тридцати чудом уцелел деревянный сундук, в котором мы хранили инструмент и кое-какие личные вещи. Но, приблизившись, мы увидели в нем огромную дыру от осколка бомбы.

Сняли замок, открыли крышку и замерли от удивления. По днищу были разбросаны куски фанеры, галет, шоколада, сухарей. Две банки со сгущенным молоком. Откуда они взялись?

Бельский строго сказал мне:

— Все аккуратно собрать, чтобы ничего не пропало! Надо будет сдать начальнику продсклада.

Едва осознавая слова Бельского, я воскликнул:

— Елки-моталки! Так вот она, тайна ящичка НЗ!

Каждый самолет-разведчик укомплектовывался небольшим фанерным ящичком, в котором хранился неприкосновенный запас — НЗ — на случай вынужденной посадки экипажа. Содержимое бортпайка нам было неизвестно, так как он упаковывался на продскладе и вручался под расписку. Ящичек доставлял нам одни хлопоты. Люки в самолете

не запирались, мы вынуждены были между полетами его где-нибудь прятать и обычно засовывали в сундук с висячим замком. Иногда забывали вовремя вернуть НЗ на место, в кабину летчика, за что получали нагоняй от инженера, так как вылет задерживался.

Хорошо помню, как ночью, поставив наконец новый бензобак, мы сложили инструмент в сундук и положили туда же ящичек с бортиком. Самолет сгорел, а ящичек остался. Подошел моторист Пал Карпыч и, увидев раскрошенную плитку «Золотого ярлыка», спросил, что это за штука.

— Шоколад, ну, большая сладкая конфета... — тоном знатока ответил я, хотя сам один только раз видел его в московской кондитерской.

— А можно попробовать? — смущенно переминаясь с ноги на ногу, попросил псковский парень, не выезжавший из своей деревни дальше районного центра.

— Валяй... — разрешил Бельский. Пал Карпыч откусил шоколадку и стал медленно жевать.

— Горько, а говорили, что сладкая конфета...

— Может быть, прокис. Дай я попробую, — сказал Бельский.

По тому, как он вертел плитку, неуклюже ее разломил и стал сосать, как мороженое, можно было догадаться, что он тоже не едал шоколада, а если и пробовал, то давно позабыл его вкус.

ВОЗДУШНАЯ МЯСОРУБКА

Я получил адреса однополчан. Пятеро из них жили в Ленинграде. Один из них — командир полка, полковник Трофим Романович Тюрин. Во время телефонного разговора Тюрин вспомнил меня и пригласил навестить его в удобное время. Он был на пенсии, немного хворал и редко выходил на улицу подышать свежим воздухом. И вот я с трепетом подошел к его дому, что смотрит фасадом на Дворцовую площадь.

— Я принадлежу к когорте первых советских летчиков, — начал рассказывать Тюрин. — Воевал вместе с генералом Плыниным в Китае в тридцатых годах. Нас там очень уважали и ценили. Помню, от нашего домика на аэродроме до самолета китайцы выстлали красную ковровую дорожку.

— А где вы встретили 22 июня 41-го?

— В воздушной мясорубке, — отрезал Тюрин и помрачнел. — Командовал полком истребителей на границе в особом Белорусском военном округе. Еще в 1940 году с генералом Кобцом, командующим воздушной армией округа, мы облетали местность возле границы, определяли, где разместить полевые аэродромы. Рассредоточить на них

истребители не успели. В первом воздушном бою я был подбит. Полк, вооруженный старыми Ил-16, был разгромлен. Связь со штабом была потеряна...

Тюрин продолжал:

— Мне удалось слетать в Минск, в штаб воздушной армии. Там была полная неразбериха. Где наши войска, откуда идут немцы? Не знают. Кобец, взмыленный и взбешенный, кричит, приказывая бомбить фашистов. Но чем, где наша бомбардировочная авиация? Я лечу в Шаталово, что под Смоленском. Там должны дислоцироваться наши «бомберы». Прилетаю. Гляжу. О, ужас! Самолеты расставлены в ряд, как на параде. Я отчитал командира полка за эту оплошность, посоветовал быстро рассредоточить машины по лесным полянам. Вскоре с аэродрома Медыни, считай из Подмоскovie, стали поступать приказы на бомбежку. Я же отправился на переформирование, переучиваться на «Пе-2». В сентябре вызвали в штаб ВВС, направили в Монино командовать 2-м ДРАП. В октябре полк начал боевые действия.

— Погодные условия были тяжелые, — подтвердил Тюрин. — И потери соответственно. Но надо было летать. Мы вскрывали вражеские группировки на Калининском и Тульском направлениях. После взятия Калинина разведывали Дмитров. Враг был уже вблизи Москвы. В плохих погодных условиях бездействовали наши бомбардировщики. Им приказывали, помню, разбомбить мост в Калинин. Хотели помешать немцам переправиться на восточный берег Волги. Доложили, что разбомбили. Наши разведчиков неоднократно посылали подтвердить результаты бомбежки. Смешно! Мост и по сей день стоит целехонький.

— Мне рассказывали, что и разведчики сразу не смогли сфотографировать злосчастный мост. К счастью, наши быстро выбили немцев из Калинина, Клина и про мост в штабе ВВС забыли. Ваша 3-я эскадрилья перебазировалась в Выползово под Валдаем, а 1-я на аэродром Мигалово в Калинин.

— Перед мощными наступательными действиями фронта нам приказывали в течение суток раскрыть все аэродромы противника. В определенный час над ними появлялись советские воздушные разведчики. По одному над каждым аэродромом. Я сразу выпускал в полет до 15 «пешек». Каждая летела по известному ей маршруту, фотографировали аэродром, который разведывали неоднократно.

— А когда мы несли самые большие потери?

— Также во время подготовки крупных операций Красной Армии. Не возвращались на базу молодые необстрелянные экипажи. Скажу откровенно, хотя я и не суеверный, было поверье: коли совершит молодой летун пять-шесть полетов в тыл врага, значит, будет жить. Вашей эскадрильи в Выползово крепко «досталось» в ходе операции

Северо-Западного фронта по ликвидации «Демянского мешка». В нем оказалась окруженной целая армия фашистов. Тогда вы не досчитались многих отличных экипажей и погиб мой заместитель майор Столяров.

— Да, я помню. Тогда кроме Столярова не вернулся замечательный летчик Иван Ширяев со штурманом Шацким. Сколько же экипажей погибло за всю войну?

Тюрин задумался:

— Более сотни.

...В стеклянных шкафах были аккуратно расставлены подписные издания классиков литературы. Я привстал, чтобы разглядеть поближе другие книжки. Тюрин отыскал одну из них и похвастал:

— Это воспоминания моего давнего друга, однополчанина еще по войне в Китае.

Я прочитал обложку: Ф.П. Польшин «Боевые маршруты», Военное издательство, 1972 год. Совсем свежая, пахнет типографской краской. Внутри дарственная надпись: «В знак совместной боевой службы». Польшин командовал с января 1943 года воздушной армией, прикомандированной к Северо-Западному фронту, и ничем особо не отличился. Как, впрочем, и руководство фронта. Да и как мог отличиться командующий фронтовой авиацией, если в ней насчитывалось около 160 самолетов, включая транспортные. Это я прочитал в книге генерала, которую купил в Москве после поездки к Тюрину. В старом блокноте сохранились выписки из книги Польшина.

Генерал рассказал подробности гибели Столярова, любимца полка. Столяров прилетел к нам в Выползово на новом, секретном по тем временам бомбардировщике Ту-2. Он получил задание Верховного Главнокомандующего: сфотографировать Демянский мешок. В связи с таким ответственным заданием Столярову придали прикрытие — эскадрилью истребителей под командованием капитана Кислякова. «Ястребки» вступили в бой с «мессерами», атаковавшими Столярова, сбили четырех фашистов, но упустили из виду своего разведчика. Столяров был атакован вторично и подожжен, лишь штурман Хабеев выпрыгнул с парашютом и приземлился в нашем тылу. Столяров и два стрелка-радиста погибли в снегах и болотах Старой Руссы.

Польшин также описал в книге воздушный погром аэродрома Выползово 21 марта 1943 года. Я был свидетелем этой мощной фашистской бомбежки и чудом остался жив. Но трагический итог налета узнал лишь из книги генерала. Согласно Польшину, 15 наших самолетов получили повреждения, 17 пришлось списать, погибло 18 человек, среди них 11 медработников (бомба угодила в щель, где они спрятались). Хотелось спросить генерала, что значит «пришлось списать». Среди списанных была и моя «пешка», которая стояла «как на параде» вместе

с другими самолетами нашей эскадрильи. В нее попала бомба, и от бомбардировщика остался только пепел. «Случай на аэродроме в Выползово послужил для всех нас горьким уроком», — написал Полянин.

Если бы я прочитал эти строки до беседы с Тюриным, наверняка задал бы ему вопрос. Как же так, в июне 41-го вы отчитывали командира полка в Шаталово, расставившего свои самолеты в парадный ряд, а вот приезжая в Выползово, не усмотрели строй наших «пешек» у взлетной полосы. Явная беспечность! Увы-увы! Война и наш боевой путь состояли из будничных побед и обидных промахов.

В тот злополучный день кто-то (комендант выползовского гарнизона, вот кто!) должен был сообщить в штаб Полянину, что над аэродромом пролетел фашистский разведчик. Поднявшиеся «ястребки» не смогли его догнать и сбить. Кроме наших «пешек» фашист сфотографировал около десятка новеньких «мигов», которых перегоняли на Ленинградский фронт. Следовало их «расташить» по стоянкам, капонирам, по опушкам, замаскировать, наконец.

Гибель Стоярова переживали все. Тюрин послал людей на поиски упавшего самолета. Но они не увенчались успехом. Наравне со Стояровым в полку высоко ценили второго заместителя Тюрина — майора Романова, который регулярно летал на разведку. А вот сам Тюрин отсиживался в штабе. Почему? — спрашивал я многих.

Возможно, Трофим Романович тогда, в первый день войны, в первом сражении пережил нервный срыв и стал бояться неба. А скорее всего, командование сложным разведывательным полком, чему не учили ни в одной академии, как говорится, «засосало». И он из лихого летчика превратился в администратора.

«Хозяйство» у Тюрина было огромное. В лучшие времена в полку насчитывалось до 80 самолетов различных типов. Почти целая авиадивизия. В ту войну полки бомбардировщиков, истребителей, штурмовиков состояли из двух эскадрилий, гвардейские — из трех. Наш полк — исключение из правил. Приказы на разведку поступали от Генштаба по телеграфу и лично по телефону. Указания давал и командующий воздушной армией фронта. А когда полк обслуживал своими данными несколько фронтов, то донесения посылались по многим адресам.

И все же Тюрина тянуло в небо. Ему хотелось хотя бы подышать аэродромным воздухом, пройтись по стоянкам самолетов, «размять ноги» от сидячей штабной работы. Вспоминаю связанный с этим забавный случай. Однажды, когда на аэродроме в Выползово я работал со своей «пешкой», меня обогнала «эмка», легковой автомобиль отечественного производства. Из кабины появился Трофим Романович и направился к нашим самолетам, спрятанным в просеках леса, хорошо замаскированным срубленными елками. Я подумал, что горький

урок бомбежки 1943 года не забылся. Помнил ли о нем Тюрин, шагая к нашим стоянкам?

«ОСОБИСТ» И ЖАЛОБЩИК

Наивными юнцами мы были на войне. Не раз, не два нам показывали фильмы про шпионов, диверсантов, «врагов народа». А нам и в голову не приходило, что в нашу среду может быть заслан изменник. Хотя бы «особисты» лекцию прочитали о «болтуне — находке для шпиона». А может быть, «особисты» настолько хорошо знали наше просоветское патриотическое настроение, что считали ненужным проявить себя. Мы бы отрезали им: «Ты что, с Луны свалился? Среди нас подозреваешь таких-сяких?» А сейчас, когда стучу на машинке эти строки, думаю, разведчик-то улетал один, без пригляда истребителей, далеко в тыл немцам. Мог пролететь от Москвы до Берлина. Многие не возвращались. Все ли выдержали жестокий экзамен-пытку, оказавшись в плену?

В Ленинграде я встречался с летчиками и механиками. У меня был номер телефона некоего Аркадия Иванова, старшего лейтенанта. Созвонились. Я пригласил его встретиться в гостинице. Он сказал, что придет, будет ждать меня у входа в отель. Он меня узнал, а я подумал, глядя ему в лицо: «Где-то мы встречались». В телефонном разговоре я объяснил ему, что жду от него «мемуары» о войне. Он не возразил, а при встрече заговорил:

— Владимир Иванович, рад вас видеть живым и здоровым. Вы, конечно, меня не помните. На вашу просьбу отвечу. Нет у меня в памяти боевых эпизодов. Я же не летал на разведку. Не будем тянуть резину. Я был у вас от особого отдела. Понимаете, я «особист».

Сначала я ошеломился, ибо ничего не знал об «особистах» у нас в полку. Потом воскликнул:

— Вот и прекрасно! У меня столько собралось материала о подвигах лихих разведчиков и нет ни одного эпизода ЧП. Но ведь они были! Расскажите, надо писать всю правду.

— Ничем не могу помочь. Не помню ни одного случая, чтобы из-за ЧП кого-то судили, отчислили... Постойте, а вы знаете историю моего однофамильца, штурмана...

— Иванова Геннадия? Знаю, его отчислили. За что, скажите?

— Мое участие в этом деле никакое, я справлялся у вашего комэска, капитана Малютина. Он говорил, будто бы Геннадий «плохой штурман, до десяти сосчитать не может». Короче, хвастун, преувеличивал результаты разведки. Да и какое это ЧП? Человека перевели на другую работу, ни в чине, ни в жаловании не понизили. Жив, здоров.

После разговора с Аркадием я посетил его однофамильца, штурмана-неудачника Геннадия Иванова. Впрочем, неудачником он был на фронте. А как жилось на гражданке? Жаловался в штаб ВВС, писал бывшему командиру и другу Анатолию Попову о том, что его дело было несправедливым, ошибочным. Он мог бы летать вместе с Поповым и, как знать, тоже стал бы Героем Советского Союза. А теперь вот живет в «коммуналке», работает управдомом. Получает льготы как участник войны. Он вручил мне бумаги с жалобой, надеясь, что я смогу чем-то ему помочь.

Аркадий наверняка не лукавил, когда говорил, что не причастен к судьбе его однофамильца. Но, поскольку мы не знали о существовании эскадрильского «особиста», то сейчас можно лишь догадываться о характере его информации, справок, которые он готовил и передавал. Возможно, он сообщал о крупных авариях и разбитых эскадрильских «пешках». Такое случалось, но очень редко.

После окончания войны была актуальной тема оставшихся на чужбине советских граждан. Тысячи, если не сказать миллионы из них попали в окружение и плен, были угнаны на работы в Германию. Десятки тысяч умерли в концлагерях. Среди оставшихся в живых многие были честными, преданными Родине людьми. Они хотели вернуться домой. В 1946 году я расстался с авиацией, был демобилизован и выехал в Москву через Варшаву и пограничный Брест. Ехал в польском поезде, в вагоне западного образца, узком, с сидячими местами, большими окнами и дверьми и длинной, во весь вагон, подножкой для пассажиров. Сопровождавший поезд наш лейтенант в форме пограничника предупредил: за несколько километров до Бреста поезд сбавляет ход. В этот момент на подножку вскакивают незнакомые нам люди. Говорят по-русски. Они цепляются за двери, умоляют пустить их внутрь, помочь пересечь границу. То могут быть и честные бывшие пленные, и власовцы и бендеровцы, а то и латышские эсэсовцы и таллинские полицаи-каратели, прислужники немецких оккупантов, и, возможно, просто бандиты. Будьте настороже! Не спите, поезд приходит в Брест ночью. Дверей не открывать! Никого к себе не пускать.

Все произошло, как предупреждал лейтенант. Раздался стук в дверь вагона. Голоса умоляюще просили провезти через границу. А когда за дверью «зайцы» поняли, что на просьбу нет ответа, стали ругаться: «Сволочи! Красная мразь! Мало вас расстреливали». В Бресте долго проверяли документы. Наконец пересадили в наш русский поезд, просторный, с постелями в три этажа. После ночной нервотрепки мы повеселели, выпили, закусили и мертвецки уснули. В Москве на Белорусском вокзале нас встречали толпы москвичек с цветами. Гремела музыка маршей Победы.

НЕБЕСНЫЕ ПЕСНИ ВАНО

Над нашими стоянками, над соснами Валдая беспрестанно кружит стальная птица. Уже полчаса, запрокинув головы вверх, мы с замиранием сердца следим, как тяжелый самолет проделывает сложные фигуры пилотажа, будто легкий истребитель. Из землянок высыпали все летчики и механики не только нашей эскадрильи, но и соседнего истребительного полка.

Воздушная карусель «пешки» встревожила начальника гарнизона. Незнакомый майор прикатил к нам на стоянку и стал строго допрашивать нашего нового Батю — Малютина, что происходит с самолетом-разведчиком. В этот момент «пешка», круто спикировав, помчалась к земле. Казалось, все кончено, самолет врежется в землю. Но нет, в последний момент бомбардировщик выровнялся и, как истребитель, взвился в небо.

— Он что, пьян? — грозно говорил майор, имея в виду летчика пикировавшего бомбардировщика. — Прекратить сейчас же воздушное хулиганство!

— С чего вы взяли, что летчик хулиган? — спокойно сказал капитан Малютин. — Шасси полностью не выпускается. Вот он и кувыркается в небе, чтобы их «дожать».

— Прикажете садиться на фюзеляж! — настаивал майор.

— Опасно. Одно колесо выпустилось нормально, а другое болтается. Штурман сообщает, что полчаса качает ручку аварийного выпуска шасси, но без толку...

— М-да, редкий случай, — поостыв, заметил начальник гарнизона и спросил:

— А кто летчик? Придется садиться на одно колесо. Новичок не посадит.

— Летчик боевой, Вано Гахария, дважды орденоседец. Другому я бы не разрешил так куролесить в небе...

— Сколько у него осталось горючего?

— Минут на пятнадцать.

— Прикажете садиться. Что будет, то будет!

Мы побежали к взлетно-посадочной полосе, к тому месту, где, мы полагали, должен остановиться после торможения попавший в беду самолет. Туда же подъехали пожарная машина и санитарный фургон. Затаив дыхание, мы ждали момента, когда самолет Вано опустится на одно колесо. Боялись, что не обойдется без трагедии. В обычных-то условиях из-за огромной посадочной скорости «пешка» в момент приземления вела себя хуже иного истребителя. Немногим летчикам удавалось сажать ее сразу на три точки. Ударившись передними колесами,

самолет порой, словно ретивый конь, вздымался на дыбы, затем следовал еще удар о землю. Наконец машина начинала плавно катиться и рулить. Шасси было очень крепкое и выдерживало любой «козел», даже шины не лопались.

Как-то справится Ваню с аварийной посадкой? Вот точно вышел на полосу, плавно опустил машину на одно колесо, какое-то мгновение удерживал самолет в горизонтальном положении, а когда скорость погасла, бомбардировщик накренился в сторону полувыпущенного колеса, чиркнул крылом по земле. «Пешка» описала вокруг крыла ровный полукруг, сделав красивое па, и замерла.

«Ура!» — разом закричали мы и бросились к самолету. Комэск сжал Ваню в объятиях, а начальник гарнизона объявил ему благодарность. Затем обнимали штурмана.

Пока расспрашивали разведчиков о том, что случилось, инженер Фисак уже успел осмотреть колеса. В полете сорвало гидрошланг и вытекла жидкость из системы выпуска шасси. Как бы там ни было, а отремонтировать самолет предстояло мне — он был закреплен за моим техническим экипажем.

Этот самолет отличался от обычных «пешек». На нем был установлен дополнительный бензобак. Дальность полета значительно увеличилась, разведчики могли летать глубже в тыл врага. Для оперативной разведки это очень важно. Но дополнительный бак занял место стрелка-радиста, самолет лишился пары зорких глаз. Этот вариант «пешки» назывался Пе-3. Все помнили, что наш первый Батя — Климанов — был сбит под Москвой на Пе-3, будучи атакован наверняка с хвоста.

Через два дня мы сменили чиркнувший о землю винт, отремонтировали помятую часть крыла, и Ваню Гахария был послан комэском облетать Пе-3. Он предложил мне подняться с ним в испытательный полет.

— С огромной радостью! — воскликнул я.

— А хорошо подковал коня? Не подведет двух джигитов?

Выруливая, Ваню молчал. Перед взлетом крикнул мне через шлемофон: «Поехали!» А как только взлетели, запел. И пел свои то грустные, то веселые грузинские песни. Пел во время всего испытательного полета. Лишь однажды, когда он бросил машину в крутое пике, на миг прервался и командовал: «Сядь на кресло штурмана и крепко держись за спинку моего сиденья. Иначе при выходе из пике полетишь назад, побьешься». Едва я успел выполнить его команду, как меня прижало к сиденью: «пешка» выходила из пике. И снова Гахария затянул песню.

Храбрый человек, мастер воздушной разведки летал легко, с упоением, а на земле в часы досуга веселил нас доброй шуткой. Он в совершенстве владел бомбардировщиком и выполнял боевые за-

дания на «отлично». Однажды, еще в дни обороны Москвы, его экипажу была поставлена задача: в любую погоду вылететь и разведать число фашистских самолетов на аэродромах близ оккупированных тогда Смоленска и Орши. Эти разведанные требовались командованию для нанесения ночного бомбового удара нашей дальней авиацией. Подумав немного, Гахария сказал с лукавой улыбкой:

— Задание я, кажется, уяснил. Но знаешь, дорогой командир, надо изменить время вылета. Разведку произведу в момент обеденного перерыва у фашистов. Я знаю, они педанты, все вернутся на свой аэродром пообедать. Тут-то мы их и сфотографируем...

Словами Гахария согласились. В ходе полета разведчики поддерживали радиосвязь со штабом полка. Вот принята первая радиограмма: «Перешел линию фронта. Все в норме». Спустя десять минут разведчик передал: «Два истребителя преследуют нас с тыла. Увеличиваю скорость. Иду на цель». После нескольких тревожных минут ожидания радист отстучал: «Проходим аэродром Смоленска. Сфотографировали до 60 самолетов». Затем экипаж сообщил, что изменил курс и приближается к Орше. Теперь надо подождать не менее получаса, когда разведчики передадут: «Задание выполнили, возвращаемся на базу».

Конечно, все эти радиограммы понимали лишь стрелки-радисты да принимающие радиоспециалисты. Их четкая работа обеспечивала полк оперативной информацией. В зависимости от ее характера быстро принимались решения. Иногда объект разведки менялся во время полета.

— Послушай, механик, — однажды заговорил Ваню. — Мне нравится твой самолет — красивый, как девушка. Не нравится только, что не можешь подвесить мне дюжину бомб.

— Не положено разведчику, товарищ командир. Да и негде — фотоаппарат занял все место.

— А в отсеках мотогондол ведь есть место?

— Есть, но мы заполняем его листовками, обращенными к советским людям на временно оккупированных территориях.

— Выходит, я бумажками фрицев бью. Ты человек или шашлык? Снаряди меня бомбочками. В нашем ауле столько погибло парней. Я за них отомщу!

ПТИЧКА БОЖИЯ НЕ ЗНАЕТ...

Политрук Пронькин внушал нам, что наша технарская служба так же важна, как и полеты летчиков в тыл врага. Но механики этого не ощущали. За все четыре года войны никому не удалось разрядить очередь из крупнокалиберного авиационного пулемета

в наступающих фрицев. Или сбросить бомбу на вражеский аэродром. А всем хотелось бить врага, изгнать его с нашей земли.

Лихой летчик Саша Барабанов полностью разделял мысли Вано. Пока мы убирали колодки из-под колес, Барабанов приговаривал.

— Ух, если бы сегодня встретить «мессера». Я бы его сшиб!

Командир третьей эскадрильи капитан Малютин, прозванный за добрейший характер Батей, слышал эти слова:

— Разговорчики! Я тебе сшибу «мессера». Только посмей!

— Тогда прикажите подвесить мне пару бомб. Ух, шарахну я по их аэродрому! Разлетятся их стервятники в пух и прах!

— И не думай! Не разрешу, — зло пробормотал Малютин. — Твое дело какое? Незаметно подкрался к объекту. «Щелк» фотоаппаратом и наутек.

— Скрытно, говорите? Товарищ капитан, как можно скрытно, когда ясное небо? Летишь у всех на виду, оставляя предательский белый след.

— А ты спрячься в облаке, вынырнул и «щелк». Сколько можно учить вас, словно желторотых птенцов, — горячился Малютин. — А коли солнышко светит — очень хорошо. Зайди на цель со стороны солнца. Пусть оно слепит глаза фрицам-зенитчикам. А ты «щелк», и домой.

Помню, как малютинское «щелк» вызывало комментарии начальника разведки полка Михаила Яковлевича Морозова.

— Легко сказать «щелк», и домой, — начал он. — Сейчас на «пешке» установлены современные фотоаппараты. Верно, нажал тумблер, и аппарат будет автоматически «щелкать» до ста снимков. А знаете ли вы, что до войны воздушные разведчики, коих было мало, пользовались допотопной аппаратурой? Как в фотоателье, летнаб, пролетая над целью, нажимал на спуск и, чтобы не ошибиться с выдержкой, про себя шептал известные стишки «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда».

Все, конечно, рассмеялись. А Александр Барабанов уже сидел в кабине и пробовал моторы. Едва успели мы убрать колодки, как он дал газ и порулил.

— Стой, Сашка, стой! — заорал я во все горло и скрестил над головой руки. Хорошо, что летчик увидел мой знак «Стоп». Барабанов резко затормозил. Что случилось? Моторист Федотов не успел отсоединить шланг баллона со сжатым воздухом, с помощью которого запускались моторы на «пешке».

Батя Малютин чертыхался. Но в душе завидовал лихости летчика. Всю вину он возложил на моториста Федотова, по его словам, нерасторопного увальня. «Работаем шалаяй-валяй!» — ругался Батя.

— Удалой парень ваш Барабанов! — в свою очередь сказал начальник разведки Морозов. — Побольше бы таких!

Помню, политрук Пронькин упрекал меня:

— Ты все ищешь чего-то героического для своих стишков и не посвятил ни одного Боевого листка нашему фотоотделению. Отличные специалисты, прекрасно работают.

Я дружил с начальником фотоотделения техником-лейтенантом Василием Зуйковым. Обратился к нему за интервью.

— Ерунда. Ничего выдающегося. Рутинка, — ответил он. — Лучше давай сгоняем партийку в шахматы.

Тогда я обратился к Люсе Третьяковой, хорошей знакомой по концертам художественной самодеятельности. Она, опытный фотограф-метрострел, не могла отказать. Разложила на столе два фотоснимка. Если не ошибаюсь, размером 30 на 30 см, и спросила:

— Что ты видишь на первом снимке?

— Вроде бы шоссе, пять грузовиков с арбузами и две конные подводы.

— Не подводы, — рассмеялась она, — а два танка. Вот тебе увеличительное стекло. Видишь, не арбузы в кузове, а сидящие солдаты в касках. Верно? Ну, молодец, коли разглядел. А теперь скажи, куда едут грузовики?

— Шутишь, сержант? Никуда не едут, стоят на месте!

— Неправда. Грузовики моторами, а танки пушками обращены на юг. Значит, колонна движется в одном направлении. А если бы в колонне были крупные арторудия, они стволами глядели бы назад. Но это, как говорится, семечки, Володя. Скажи, куда движется паровоз с вагонами, что сняты в углу снимка?

— Ты колдунья! Никуда не движется. Стоит на месте!

— Нет, движется! И тоже на юг.

— Это как сказать. Паровоз может толкать вагоны назад, находясь вроде бы впереди товарняка.

— Может. Но взглядишь через лупу в темные колечки над тендером паровоза и первым вагоном. Это стелющийся дым от паровозной трубы. Эшелон движется и с большой скоростью.

— А теперь даю тебе задачку как бы из школьного учебника. Помнишь: поезд вышел из пункта А и достиг через час пункта Б. Так вот, засеченный вчера воинский эшелон в пункте А, скажем, на станции Псков, сегодня сфотографирован нашим разведчиком в пункте Б, например на железнодорожном узле Смоленска. О чем это говорит? А теперь посмотри второй снимок. Это укрепленная полоса противника. Ты видишь какие-то линии. То — окопы, траншеи, огневые пулеметные точки. По этим снимкам мы составляем фотодонесение, и его отправляют в Москву.

— Не пыльная работа, правда? А Пронькин хочет, чтобы я написал про вас стихи.

— И напиши! — воскликнула она. — Целую поэму. Как мы часами сидим, согнувшись над светящимся прибором для дешифровки негативов. Затем печатаем позитив, сортируем снимки, изготавливаем фотопланшет.

Люся, как и Фаина Нартова, позже боевая подруга летчика Кузнецова, другие вольнонаемные дешифровщики служили вместе с сержантами—выпускниками Гомельского авиафотограмметрического военного училища. Они составляли важную, неотъемлемую часть полка — его фотоотделение, более двух десятков человек. Разбившись на группы, они путешествовали с боевыми эскадрильями по полевым аэродромам, с одного фронта на другой. Их служба начиналась рано утром, когда один из специалистов проверял в чреве «пешек» исправность установленных фотоаппаратов. Затем, после возвращения самолетов с боевого задания, он же снимал с аппарата тяжелую кассету с фильмом длиной до тридцати метров.

Право, не грязная работа, и пробензиненные авиамеханики с некоторой завистью смотрели на «фотиков». Они всегда в начищенных сапогах, в шинелях с блестящими пуговицами, причесанные и даже пахнущие тройным одеколоном. Впрочем, встречались мы редко. Нам, «технарям», устававшим до чертиков, было недосуг интересоваться житьем-бытьем, работой других служб. Порой уставали настолько, что, вернувшись от самолетов в гарнизон, в свою казарму, быстро сбрасывали сапоги и, уткнувшись носом в подушку, засыпали как убитые. Нас будили товарищи, зовя на ужин. Мы гневно мычали: «Дай поспать!» И пропускали очередной заход в столовую. В жаркую летнюю пору, когда в тыл к немцам улетали несколько экипажей разведчиков и каждый возвращался с рулоном отснятой пленки, доставалось и «фотикам».

— И не только им, моим подчиненным, — уточнил начальник разведки. — Бессонная ночь наступала для эскадрильских радистов. Они передавали разведдонесения в Москву. Одновременно принимали приказы на предстоящие полеты и прочее. Не представляю, когда они отдыхали.

— Помнится, в авиакатастрофе на аэродроме в Монино погиб фотоспециалист. Что случилось? Я стоял в почетном карауле.

— Добрая ему память, — с грустью сказал Морозов. — Это был Николай Галушин. Знаешь, он был «зайцем» в бомбардировщике, посаженный по моему указанию. Ему поручалось опробовать установку цветной аэрофотосъемки. Важное новшество по тем временам. Мы имели специальную лабораторию для этой цели. В ней работали не-

которые гражданские специалисты-москвичи. Но катастрофа оборвала наш эксперимент. К нему не возвращались всю войну. Зато занимались усовершенствованием техники, наши рационализаторы предложили аппарат для ночной съемки, качающуюся фотоустановку. Не кустарно на фронте, а в заводских условиях стали оснащать современным фотооборудованием наши самолеты, хотя они выпускались как «бомберы».

— А что же было самым ценным в работе «фотиков»? Чего мы не знали?

— В Главное разведуправление ВВС отправлялись наши фотодонесения с обозначенными на фотосхемах условными знаками. Они указывали на раскрытые с воздуха огневые точки противника, танковые и прочие препятствия. Словом, оборона фашистов. В Москве эти условные знаки переносились на крупномасштабные карты. Они рассылались по штабам наземных войск и — что важно — выдавались на предстоящий бой офицерам вплоть до командиров взводов.

ИСПЫТАНИЕ СИЛЫ ВОЛИ

В повседневных трудах, которые отнимали у нас все силы, мы забывали об опасности. Война же, жестокая и суровая, принимала все больший размах. Ее фронты на северо-западе уперлись в неприступный блокированный Ленинград, в леса и болота Валдайской возвышенности. На юге гитлеровская бронированная машина докатилась до Сталинграда и кавказских нефтепромыслов. Вчитываясь в сводки Совинформбюро, мы хмурились, едва обменивались мыслями, так как положение на фронте было яснее ясного — снова отступление. Молодцеватые летчики и механики выросли, и не только потому, что многие перешагнули свое двадцатилетие.

И во второй год войны редко самолеты возвращались с боевого полета исправными. Авиамеханикам приходилось устранять неполадки, работая день и ночь. Случалось и так, что сутками не отходили от самолетов, трудились в лютый мороз. Одни не имели возможности отлучиться от самолета и погреться в землянке, другие боялись зайти туда, так как тепло печурки размаривало и засыпали стоя. А надо было работать. Летчики с болью смотрели на измученных авиаспециалистов и вместе с тем были им благодарны за полную исправность боевых машин, на которых они летали в глубокий тыл фашистов...

Мой первый самолет уже достаточно много послужил. На нем предстояло сменить моторы, так как на исходе был их 100-часовой моторесурс. Моторы вскоре забарахлили, и мы начали их демонтировать в полевых условиях. Фисак выделил на помощь Володю Майстрова, рыжего, в веснушках москвича, моего товарища по ленинградскому училищу.

Предложил свою помощь и Гриша Бельский. Став техником звена, он никак не мог привыкнуть к тому, что остался без своей «пешки», и стремился всем помогать как обычный механик. Нам же хотелось попробовать себя на самостоятельной работе — не век же жить с нянькой, но от помощи не отказывались.

Авиационный мотор состоял, казалось, из миллиона винтиков и болтов, гаек и гаечек, шестерен и шарниров. А сколько было вокруг него тег, тросов, патрубков! Они переплетались, как капилляры кровеносной системы. Чтобы отличить один патрубок от другого, их красили в разные цвета. Снимаешь капот с мотора и любуешься яркой мозаикой: какое хаотическое нагромождение красок! Но нам, авиамеханикам, эта красота редко доставляла удовольствие, чаще хлопоты...

— Эй, баянист, тонкие пальчики! Иди-ка сюда! — кричал мне Бельский.

Своими толстыми лапами он не мог протиснуться сквозь хитросплетение трубопроводов и навернуть там малюсенькую гайку. А уж как он, бедняга, старался: в стужу, сняв меховую куртку и закатав рукав гимнастерки, он пытался сквозь патрубки достать до злосчастного болта, но тщетно: его «медвежья лапа» не пролезала.

Пробую навернуть гайку я. Сбрасываю куртку, закатываю рукав. Холодный металл, как огонь, обжигает кожу. Но я все же дотягиваюсь до болта, пытаюсь накинуть на него гайку, но палец уже прихватило морозом, и он не сгибается. Мать честная! Гайка выскальзывает и, прыгав на мотораме, падает в снег.

— Осторожно, медведь, не топчи вокруг! — кричит мне Гриша.

И мы оба, забыв накинуть на плечи куртки, начинаем шарить по снегу в поисках пустяковой железной гаечки. Но ведь за другой нужно топать целый час на склад. Вот почему эта проклятая гайка кажется дороже золота. Когда мы наконец ее находим, я снова пытаюсь ее навернуть. Теперь-то не ускользнет. Я примораживаю ее слюной к указательному пальцу и просовываю руку сквозь патрубки.

— Есть! Пошла! — киваю головой Бельскому.

— С меня причитается, — отвечает он.

Еще бы! Ведь на гайке я оставляю кусочек своей примороженной кожи.

К этому не привыкать. Все механики ходят с ссадинами, с распухшими и обмороженными пальцами. Но я горжусь, что мне с моими «музыкальными пальчиками» доверяют изящную работу. Горжусь, как Иван Спивак, украинец-великан, которого всегда приглашают туда, где надо «сработать за двоих», скажем, поднять винт, занести хвост самолету. Иван-великан никогда не отказывался выручить. Но и ел он, как и работал, за двоих. И поэтому мы договорились с поваром тех-

нарской столовой накладывать Спиваку двойную порцию, выделяя ее, конечно, из нашего общего котла.

Я закурил. Пачку табаку, которую нам выдавали раз в неделю, я отдавал обычно мотористу Пал Карпычу. А вот теперь сам закурил. Курение убивало чувство голода. Целый день физической работы на свежем воздухе, многокилометровые марши из военного городка до аэродрома и обратно истощали силы. Все мы похудели, осунулись. Чтобы утолить голод, от которого мы просыпались по ночам, часто собирали в валдайских чащобах чернику и клюкву. Вслух, разумеется, на недостаточное питание не жаловались.

Мы могли за три дня сменить старые моторы на новые. Такой срок считался нормальным. Но Батя-Малютин просил инженера ускорить работы.

— Три дня простоя — немыслимо! — говорил он. — От меня требуют летать и летать на разведку. А на чем, дорогой инженер? Ты уж постарайся, чтобы «пешка» была готова к завтрашнему утру. Да, завтра! Отряды еще механиков. Они рады будут помочь. Все равно слоняются без дела... «безлошадные»...

— Да нельзя, командир! Получится толкучка. Механики будут только мешать друг другу. Это же ювелирная работа. По три человека на мотор достаточно.

— А ты попробуй в две смены, круглосуточно. Потом отдохнете...

— Ночью работать нельзя. Кто позволит нарушать светомаскировку на аэродроме?

— Ну, придумайте что-нибудь. Я тебя прошу. Не на чем же летать!

К тому времени в эскадрилье всего-то было две исправные машины, и вот одна — моя Пе-3 — вышла из строя. Вторая пока летала, но у нее тоже порой барахлили моторы. От нас, механиков, зависело, сможет ли эскадрилья выполнять приказы командования. Батю мы уважали и к его просьбе отнеслись с полным пониманием и сочувствием. Мы не стали устанавливать электроподсветку — пришлось бы сооружать над моторами шатры, на что ушло бы много времени. Решили крутить гайки на ощупь, благо мы теперь наловчились и могли, как говорится, работать с закрытыми глазами. В морозную погоду небо обычно бывает чистым, безоблачным. И мы надеялись, что подсветит «месяц ясный». Так оно и случилось. Но не учли того, что ночью мороз усилится до тридцати пяти градусов.

В полночь, когда мы уже здорово устали и двигались медленнее, пришлось все чаще покидать рабочие места, пританцовывать и бегать вокруг самолета, чтобы согреться. Вскоре уже ни «танцы», ни пробежки не спасали нас от мороза. Двух механиков пришлось срочно отослать в землянку, так как у них побелели щеки.

В землянке находились Фисак и Трошанин. Они остались на аэродроме и часто наведывались на стоянку, где механики крутились вокруг раскапченной «пешки».

— М-да, боюсь, слово не сдержим, — сомневался инженер. — Подведем Батю. Сами намучаемся, да еще в моторе что-нибудь напорточим. Придется работу отложить до утра...

— Есть идея! — сказал Володька Майстров. — Можно закрыть моторы чехлами и под чехлами работать.

— Не поможет. Морозище сильный и ветер свирепый. Вот если бы под чехлы подвести тепло авиационных печек... — сказал Трошанин.

Бензиновые авиапечки устанавливались в стороне от самолетов, их тепло подавалось по трубам в сопла радиаторов для подогрева моторов перед запуском.

— Рискованно, — засомневался я, — чего доброго, в темноте не заметишь, как выльется бензин из печки, вспыхнет...

— Не вспыхнет, — возразил Трошанин. — При таком морозе можно бросить спичку в бочку с бензином и она не загорится.

— Шутите, товарищ техник-лейтенант! — ответил я, твердо убежденный, что правда на моей стороне.

— Зачем же, не тот момент, — сказал Трошанин. — Айда на стоянку! Я вам докажу.

Нехотя мы побрели обратно к «пешке». Трошанин приказал Федотову наполнить ведро бензином, слив его из бензобака.

— Не жалея, до самого края наливай! Пригодится мыть мотогондолу, — поучал Трошанин. — А теперь отнеси ведро в сторонку и брось в него зажженную спичку.

— Боюсь, пожар будет...

— Не бойся, дай сюда коробку!

Произошло невообразимое. Трошанин несколько раз бросал в бензин горящие спички, а они шипели и тухли, будто падали в воду.

— Несмысленыши! — улыбался техник-лейтенант. — А еще училище кончали. При очень низких температурах бензин не испаряется, поэтому и не загорается. А ну быстрее несите печки! Зачехляйте моторы!

Работа скоро возобновилась и не прекращалась до утра. Трошанин приказал принести огнетушители и песок с лопатами и сам зорко следил за огнем, полыхавшим под моторами. Тепло печек, похожих на огромные примуса, проникало под чехлы, и мы не мерзли, как раньше. Когда стыли ладони — соскакивали со стремянок и грели руки над огнем. Правда, Федотова пришлось освободить от монтажа — ему поручили заправлять печки бензином, подкачивать в них воздух.

К утру мы закончили монтаж и установили полковой рекорд замены моторов за одни сутки. Поджидая Малютина, который собирался

сам опробовать в воздухе Пе-3, мы по-прежнему грелись у бензиновых печек. Федотов продолжал старательно хлопотать возле них. За ночь у него вся куртка вымокла в бензине. Он хотел было закурить, уже свернул сигарку и достал спички.

— На стоянках не курят, — сказал я ему почти машинально.

Он не возразил, отошел в сторону шагов на тридцать и чиркнул спичкой. Хорошо, что я провожал его глазами и видел, как Федотов нагнулся над зажженной спичкой. Вдруг пропитанная бензином куртка вспыхнула. Горел человек! Мы бросились к мотористу, сбили его с ног и стали заваливать снегом.

— Отставить! — кричал Трошанин. — Быстро несите чехол! Накройте!

Федотова потушили.

СНАЙПЕР РАЗВЕДКИ

С подмосковного аэродрома к нам прилетел новый по тем временам самолет Ту-2. Внешне очень похожий на «пешку», но сразу видно, что «ноги» у «Туполева» подлиннее, а корпус помощнее. Нам рассказывали, что этот двухмоторный бомбардировщик превосходит «петлякова» в скорости, дальности и грузоподъемности. Мы гордились, что наш полк одним из первых получил новую технику.

На самолете прилетел незнакомый летчик. Мы дружно ему махали руками, чтобы он случайно не свернул с накатанной дорожки в рыхлый снег, где порой застревали наши «пешки». Оставалось немного до стоянки, как Ту-2 провалился. Не дожидаясь, пока спустится экипаж, мы принялись откапывать колеса и в двадцать рук толкать машину. Увы, то была не «пешка». Бомбардировщик даже не шелохнулся.

— Виноват, механики! Прошу прощения, — услышали мы приятный голос за спиной. Обернулись. Незнакомый командир Ту-2 поздоровался с нами и сказал с сочувствием:

— Не мучайтесь! Пошлите за трактором!

Командир вроде бы не приказывал, как полагалось начальнику, а давал совет как товарищ. Он снял шлемофон, и ветер коснулся его выющихся волос. Подкатила полуторка, и наш комэск Малютин увез незнакомое майора и его экипаж в гарнизон.

Быстро достать трактор не удалось. «Туполев» стоял незамаскированный посреди лесной поляны. Он был так высок, что срубленные для маскировки ели были малы. Механики новой машины нас успокоили:

— Обойдемся без маскировки. Наш командир скоро полетит на разведку. Он такой!

Какой «такой», нам было неясно. Едва мы успели вытащить самолет на рулежную дорожку и бегло с ним познакомиться, как снова появился статный и подтянутый майор. Он спешил отправиться в боевой полет. Мороз в тот день был градусов под тридцать пять. Масло в моторах загустело, винты еле проворачивались. Механики возились до сумерек, и бесполезно: вылет перенесли на следующий день.

Замерзшие и расстроенные хозяева «Туполева» долго отогревались в землянке у печурки, а затем рассказали нам про своего командира. Его звали Валериан Федорович Столяров. Он уже около года воевал в нашем полку, был заместителем командира полка. На его груди красовались три ордена.

Столяров принадлежал к старшему поколению наших разведчиков. Он родился в 1909 году в селе Покровка, в Поволжье. Окончил семь классов и пошел работать. Сначала расклеивал плакаты на рекламных тумбах, потом стал учеником слесаря. Его поколение жило бурной жизнью комсомольцев первых лет Советской власти, и Валериан участвовал в работе агиткульбригады. Молодой слесарь мечтал летать. В тридцатых годах тысячи юношей на всю жизнь стали добровольными пленниками неба. Всю свою энергию отдавали они созданию наших военно-воздушных сил.

И вот 22 июня 1941 года. Столяров — командир вновь сформированного полка скоростных бомбардировщиков. Девятнадцать раз водил он свои эскадрильи бомбить фашистские войска. Перейдя в полк воздушных разведчиков, Столяров сразу включился в боевую работу. Он успевал выполнять обязанности заместителя командира полка и летать на разведку как рядовой летчик. Ему поручались самые ответственные задания.

Вслед за нашей оперативной эскадрилей, базировавшейся на валдайском аэродроме, командование полка послало вторую группу разведчиков на аэродром освобожденного Калинина. Столяров возглавил эту группу, организовал четкую работу разведчиков.

У Столярова был свой почерк в небе и на земле. В боевые действия оперативной группы он вносил свой опыт и личным примером воодушевлял летные экипажи. Когда молодые летчики из-за незначительной неисправности самолета возвращались, не выполнив боевого задания, Столяров садился за штурвал и улетал на разведку. Он презирал трусость, и у него никогда не барахлили моторы. Он умел в то же время подмечать новое у молодых и сам использовал их приемы. Словом, уча других, сам учился.

Однажды Столярову приказали сфотографировать сильно укрепленную полосу обороны противника в районе Ржева. Его предупредили, что все подходы к объекту разведки охраняются огнем зенитной

артиллерии. Рядом вражеский аэродром с истребителями, которые, надо полагать, сразу поднимутся в воздух, увидев русского разведчика. И действительно, все произошло, как предупреждало командование. Мощный заградительный огонь зениток встал на пути разведчика. Расчет на внезапность не удался.

— Командир, лезем в пекло! — заметил штурман Хабаев.

Столяров молчал — штурман был прав. «Неужели впервые придется повернуть обратно? — думал про себя Валериан. — Неужели нет выхода?» А вслух сказал:

— Хорошо, давай свернем в сторону. Пусть фрицы подумают, что мы испугались и драпанули домой. А мы полетим к ним дальше в тыл на сотню километров, развернемся и внезапно зайдем на цель со стороны солнца. Мне вчера говорили молодые летчики, что такой маневр усыпляет врага.

— Я тоже слышал об этом. Но ведь, командир, с одного захода не сфотографировать всю полосу обороны, она очень широкая. Нужно будет, как минимум, сделать три захода. Нас обнаружат и накроют!

— А мы попробуем заснять цель с одного захода!

— Интересно, как это?

— Один молодой летчик поделился со мной любопытными мыслями. У него даже родилась идея установить на «пешке» качающийся фотоаппарат.

— А что же это за идея?

— Сейчас увидишь. Слушай и выполняй мои команды!

Вместо обычного прямолинейного полета над целью Столяров начал маневрировать самолетом и одновременно фотографировать. Легкий «качок» самолета в сторону — один снимок, еще «качок» в противоположную сторону — другой. И так по всему маршруту фоторазведки. С одного захода была заснята вся оборонительная полоса гитлеровцев.

Столяров умел летать в любую погоду, и командование особенно ценило эти качества разведчика. Однажды, прорезая пелену дождя, его машина направилась на запад. Линию фронта прошли в облаках. Пробив облачность и спустившись до бреющего полета, Столяров летел над шоссе с дорожкой. Немцы, воспользовавшись нелетной погодой, усилили переброску войск и техники. Дорога Витебск—Смоленск была забита вражеской мотопехотой и танками. Поливая их пулеметным огнем, экипаж одновременно фотографировал. К исходу дня командование получило ценные сведения о передвижении войск противника в глубоком тылу.

Когда Столяров прилетел к нам на Северо-Западный фронт, шли упорные бои по ликвидации Демьянского мешка. Воздушные развед-

чики получили приказ ежедневно фотографировать оборонительные рубежи окруженных фашистов.

Для перехвата русских разведчиков гитлеровское командование бросило в район боев новые истребители «Фокке-Вульф-190». «Пешки» уступали «фоккерам» в скорости, и мы несли большие потери. Столярову как одному из первых летчиков, освоивших скоростной Ту-2, предстояло сфотографировать передний край обороны противника под Старой Руссой. Район прикрывался плотным огнем зениток и истребителей, базировавшихся на двух соседних аэродромах.

Мастер воздушной разведки сумел появиться неожиданно над целью. Столяров передал радиогамму: «Задание выполнил. Машина в порядке». На аэродроме Выползово поджидали возвращения майора. По времени полета нам казалось, что ему ничто не угрожает, так как самолет должен был лететь уже над своей территорией. Но разведчик не вернулся. Спустя два дня в гарнизон доставили штурмана Хабеева, который вылетел вместе со Столяровым. Он рассказал, что произошло.

На разведчиков напала шестерка новых фашистских истребителей. Завязался неравный бой. Фашистам удалось поджечь Ту-2. Столяров приказал экипажу покинуть горящую машину, а сам попытался сбить пламя и приземлиться. Бой произошел над линией фронта. Летчик успел перетянуть горящий самолет на свою территорию. Хабеев выпрыгнул, его подобрала наша минеры. А Столяров и два стрелка-радиста погибли вместе с самолетом.

Так трагически оборвалась жизнь замечательного летчика и человека. Уже после войны я расспрашивал многих ветеранов-однополчан, кому из фронтовых товарищей они подражали?

— Честно сказать, мы искренне завидовали одному человеку, — сказал Алексей Никулин. — Ты его хорошо знаешь. Это майор Валериян Столяров. Когда он погиб, мы глубоко переживали эту потерю... Его любили все и всегда хотели быть хотя бы немного похожими на него. Удивительно, некоторым из нас пришлось воевать вместе с ним совсем немного, но запомнился он на всю жизнь...

Вскоре после гибели Столярова из разведки переднего края под Старой Руссой не вернулся экипаж Ивана Ширияева. Накануне вылета он побывал на нашей основной базе в Подмосковье, отвезил туда планшет с разведданными. Вернулся с погонами на плечах — их только что ввели приказом Верховного Главнокомандующего. Когда Иван вылез из самолета, мы пристали к нему с просьбой показать погоны. Он отнекивался: «Что вы, братцы, морозище-то какой!» Но мы все-таки стянули с его плеч меховой комбинезон, и я успел сфотографировать товарища. Это была его последняя фотография...

В феврале 1943 года полк воздушных разведчиков был удостоен звания «Гвардейский». Преклонив колено, мы давали клятву с гордостью пронести врученное нам гвардейское знамя до полного разгрома немецких захватчиков.

ОСТАЛСЯ ОДИН ЭКИПАЖ

Зима 43-го на Валдайской возвышенности была долгой. Ясная солнечная погода позволяла разведчикам каждый день отправляться глубоко в тыл врага. И вместе с тем голубое безоблачное небо таило много опасностей для одиночных самолетов, вылетающих по-прежнему без прикрытия истребителей. Для нашей третьей эскадрильи наступили самые тяжелые, трагические времена.

Почти каждый день мы недосчитывались боевого экипажа. На втором этаже деревянного дома, где жили летчики, больше не слышно было ни бодрых молодых голосов, ни шуток, ни песен. Старшина эскадрильи собирал вещи пропавших без вести и отправлял их родным. Неуютно стало в опустевшем доме. И вот пришел момент, когда в строю остался один экипаж и один исправный самолет — мой Пе-3. Беспрерывно, каждый день в его кабину поднимался Ефим Мелак вместе со штурманом Вячеславом Яшуком. По утрам, когда выдавший виды Пе-3 взмывал в небо и словно растворялся в морозной дымке, мы с нетерпением ждали его возвращения.

В снегах Валдая в ту студеную зиму вязла наша пехота. Наступление захлебывалось, одно из немногих, предпринятых на этом малозаметном с самого начала войны фронте. А как его ждали разведчики! Ради этого наступления отдали свои жизни лучшие экипажи эскадрильи. Невеселые мысли комэска Малютина перебил скрип двери и голос вошедшего в землянку начальника штаба Кулагина:

— Что сообщает Мелак? — спросил он.

— Молчит, — пробурчал капитан под нос. Комэск не спеша поднялся с нар и натянул на плечи меховую куртку-«американку». У него сразу перехватило дыхание, когда он, захлопнув дверь теплой землянки, стал подниматься по вырубленным в снегу ступенькам. Мороз сковывал движения, обжигал кожу. В такую погоду только крайняя необходимость могла заставить покинуть теплое жилище.

В ожидании Мелаха на стоянке собрались эскадрильи техники и механики. Меховые воротники их черных промасленных курток были высоко подняты, а шапки-ушанки туго завязаны под подбородком. Чтобы согреться, некоторые подпрыгивали, похлопывая себя по бокам и плечам. Сколько их! Обычно, когда эскадрилья была полностью укомплектована, все находилось у самолетов, занимались послеполет-

ным осмотром, профилактикой или ремонтом. Теперь авиамеханики, кроме одной команды из трех человек, обслуживающей единственный Пе-3, стали «безлошадными». Тут толпились оружейники, электрики, прибористы.

Полетное время Мелаха истекало. Еще мгновение, и в кабине Пе-3 должна вспыхнуть красная сигнальная лампочка: «Бензин на исходе!» А если разведчики погибли? Нет, не может этого быть!

— Летят! — заорал во все горло Володька Майстров, переполненный гордостью, что первым увидел крадущийся над верхушками сосен самолет-разведчик.

— Летит! — закричали все, кто находился на снежном бугре.

Силуэт «пешки» из неясной черной точки превращался в быстрокрылую птицу. Затаив дыхание, мы ждали того момента, когда летчик бросит машину еще ближе к земле, в бреющий полет, и, оглушив нас ревом моторов, промчится точно над своей стоянкой.

— Ну, я тебе, Мелаш, покажу! — махал кулаками Малютин, делая грозный вид. Бреющие полеты строго запрещались. Но мы чувствовали, что капитан бранится, чтобы снять с себя нервное напряжение последних часов.

Вечером, когда я, усталый, вернулся с аэродрома, комэск прислал за мной адъютанта, попросил, чтобы я пришел к нему на квартиру и захватил с собой полковой баян. Гармонист, верно говорят, первый парень на деревне. Приятно, конечно, что тобой гордятся, тебя уважают. Когда же ты не в настроении либо измучен до чертиков, игра не доставляет никакого удовольствия. А надо играть — иначе обидишь людей, у которых праздник. Иной чувствительный гость прослезится от звуков гармошки.

Малютин пуще других мелодий любил вальс «Дунайские волны». Не знаю, что творилось в его душе, но стоило проиграть один раз шедшую сердцу мелодию, как крупная слеза появлялась в его слегка навывкате глазах. Он всхлипывал, своими большими руками сжимал мехи баяна, и я останавливался. Так было и в тот вечер. Между нами — капитаном и старшим сержантом — не было расстояния, установленного в армии разницей в звании. Командир эскадрильи иногда делился со мной мыслями, которые стеснялся высказывать при офицерах.

— Ох, и люблю же я «Дунайские волны»! — говорил он. — Спел бы, да слов не знаю. Ты играй, не слушай старого болтуна. Мелашу я еще не сказал, а тебе скажу: получил сегодня из Москвы телеграмму. Приказано прекратить боевые вылеты, сберечь опытные кадры. Поздно хватились. Где они, кадры? Мелаш со штурманом Ящуком да я с Кулагиним. Вот и все, что осталось от эскадрильи. Запоздал приказ, очень запоздал...

Меня эта новость очень обрадовала. Мой боевой экипаж, мой Пе-3, выходит, получает передышку. «Пешку» закатили в капонир и сверху закрыли маскировочными сетями.

— Нет худа без добра! — по-своему, но тоже с радостью откликнулся Фисак на приказ поставить мою машину «на прикол». — Воспользуемся передышкой и сменим моторы, — твердо сказал он.

— Зачем? Они же хорошо работают! — так же твердо возразил я.

— Моторесурс на исходе, вот зачем, старший сержант, — ответил инженер, редко называвший нас по званию, а если называл, значит, сердился.

У меня мурашки побежали по коже при мысли, что придется снова снимать моторы на ветру, в тридцатиградусный мороз. Разве инженер забыл, как мы мучились тогда? Но приказ есть приказ, и мы дружно взялись за работу.



ЧАСТЬ

ТЫ И УБОГАЯ, ТЫ И ОБИЛЬНАЯ, МАТУШКА РУСЬ

ИСПОВЕДЬ ВНУЧКИ КРЕПОСТНОЙ

Среди скромных пожитков, оставшихся после смерти матушки, я обнаружил несколько толстых школьных тетрадей, исписанных размашистым детским почерком. В двух из них сохранились матушкины стихи, посвященные любимому внуку, и сердечные строки о Родине. В самой толстой тетрадке мать описала свою жизнь. На первой странице были такие слова: «Посвящаю людям на память о моей бывшей тяжелой жизни до революции!» Первые дни после похорон я пытался прочитать рукопись, но не мог — слезы навертывались на глаза. Но спустя тридцать с лишним лет, чувства притупились. И я спокойно переписываю здесь исповедь владимирской крестьянки, почти без сокращений и правки:

«Начиная с малых лет, как я себя помню, моя мать, отец и бабушка работали на местного барина, ютились в маленькой комнате в именье — так тогда называлось барское поместье. Моя мать Афросинья Кирилловна Кузнецова была скотницей, доила коров; бабушка Наталья ухаживала за телятами и называлась телятницей; отец Степан Васильевич пас лошадей. Однажды бодливая корова перебила бабушке Наталье ногу и повредила ей глаз. Она осталась на всю жизнь кривой. Барин отстранил ее от работы и назначил пенсию — пять рублей в месяц. Вскоре случилась еще одна беда: простудился отец-пастух, у него отнялись ноги, он мог передвигаться лишь ползком, на коленях.

Барыня вызвала мать и сказала, что держать нас в именье ей невыгодно — какие мы, мол, работницы! Мне было тогда шесть лет, а младшая сестренка Катюша была грудной девочкой. Мать упросила барыню не выгонять нас на улицу, дать срок пожить в комнатухе месяца три, пока мы не найдем избу в соседней деревне Стопино. У нас не было денег построить дом. Барыня смиростивилась. Ей стало жалко меня: я хорошо пела, плясала и веселила публику, меня часто приглашали развлекать господ.

Имение называлось Старо-Фетинино, находилось во Владимирской губернии и считалось богатым. В нем было восемь двухэтажных каменных домов. В двух из них размещались господа Леонтьевы. Барин был генералом, говорили, что имение ему подарил сам граф Суворов, одна березовая роща называлась Суворовской. В имение были три пруда, спускавшихся террасами к реке Колыкше. А вокруг пашни и луга. В скотных дворах имелись племенные коровы молочного цвета и страшные быки с кольцами в ноздрях. А сколько было гончих собак!

Но пришел конец нашей жизни в имение. Мы построили крохотную избенку в Стопино, где жили крепостные господ. Не успели, правда, сложить печку с нормальной трубой. Топили по-черному: дым и гарь уходили через открытую дверь избы. Господа выделили нам немного земли, но плохой. Своего хлеба хватало месяца на три. Упросили барина дать нам поденную работу. Я — тогда восьмилетняя девчонка трудилась с восхода солнца и до захода, а получала десять копеек в день. Матери-скотнице платили двадцать пять копеек. Крестьяне, хотя и не были крепостными, зависели от милости господ, боялись лишиться поденной работы.

Настал срок, когда с девяти лет я стала ходить в церковно-приходскую школу. Местный дьячок заприметил, что у меня сильный высокий голос, и поставил меня петь на клиросе. В 1912 году я окончила школу с похвальной грамотой. Мой убогий отец, прослезившись от гордости за умную дочь, промолвил: надо, мол, Марию послать учиться дальше, во Владимир. Денег на это, конечно, не было. И тогда мать решила пойти к священнику, попросить помощи — через него тогда шли все дела. Надеялась, что поп не откажет — ведь сам присутствовал на экзаменах и слышал, как мои учителя хвалили мои способности и прилежание. За это меня и наградили похвальной грамотой. Поп был суровым. Он отрезал: “У вас есть земля. Ваше дело жить в деревне и обрабатывать поле”. Я с матерью упала на колени и перед иконой стали умолять священника. Но он был непреклонен, прекратил разговор и показал на дверь.

Поп и впрямь был жестоким: рассказывали, что он объявил своего сына еретиком и отправил в Сибирь. Когда мы рассказали отцу о разговоре с попом, он рассвирепел, написал попу записку. Отец предупреждал, что за отказ помочь дочери не будет ходить в церковь и причащаться. Поп в ответ угрожал, что проклянет отца-безбожника, прикажет похоронить не на кладбище, а в поле, где закапывают дохлых собак и скотину. И еще написал: «Не будь ты убогий, засадил бы я тебя в тюрьму». Поп умер раньше моего отца. В деревню вернулся его сын и стал деревенским священником.

Когда я немного подросла, то стала работать за бабу, ходить на сенокос, господа платили мне по 25 копеек в день. Жизнь в имение из-

менилась. Старые барин и барыня померли. Поместьем управляли три брата. Старший был дворянским предводителем во Владимире, второй брат служил офицером, третий учился в городе. В барской семье были еще две сестры Надя и Маруся, младшая была моей ровесницей. Помню, мы с ней горько плакали, когда Надю выдали насильно замуж за князя, ему было 60 лет. Она, бедняжка, заболела и умерла совсем молодой от чахотки.

В 14-м году началась мировая война. Моего двоюродного брата Яшу убили в Карпатах. Господа вроде бы подобрели. Из Владимира приехал старший брат, созвал сходку и просил мужиков помогать в хозяйстве. Господа предложили крестьянам косить луг «из третьей копны». Это значило: из общего сенокоса нам выделяли по одной копне из каждых трех. Молодой барин разрешил в лесу рубить дрова, позволил пасти скот на барском лугу. Мы за это убирали барское сено, вязали снопы. Господам пришлось продать дубовую рощу. Крестьяне помогали валить деревья, колоть стволы.

В 1915 году мы продали корову и купили кобылу. Ее называли, как и меня, Маша. Без молока можно было прожить, а вот без лошади нельзя пахать землю, перевозить урожай. Я уже выросла, наловчилась запрягать лошадь и ездить на большие расстояния. Край наш владимирский богат на плотников, печников, столяров, а то и живописцев. Многие были без работы. Мы так плохо жили, что описать все невозможно. Многим приходилось воровски драть липу в барском лесу, чтобы сплести себе лапти и бахилы. Попадались порой на глаз лесничему, он накладывал штраф — три дня бесплатной работы на барина, а иногда и больше, смотря какой урон нанесешь.

В деревне появился стражник-урядник. Он был бездетным, любил гарцевать на коне. По вечерам он переодевался, подкрадывался к избам и подслушивал, что говорят крестьяне, какие частушки поет молодежь. А пели все больше «нехорошие» частушки про царя. В имение пригнали немцев и других пленных. Они говорили, что русские солдаты дерутся как львы, а офицеры у них никудышные. Жизнь текла своим чередом. Молодежь женилась, меня тоже сватали, но я была молода и только смеялась. В то время жизнь была устроена глупо. Отдавали замуж насильно. Бедные старались выдать дочь за одного в семье сына. Считалось, что один сын в хозяйстве не призывался в армию.

Многие мои подруги уходили из деревни в Орехово-Зуево, на фабрику Саввы Морозова. А мне невозможно было покинуть деревню: бабушка ослепла, отец инвалид, мать сдала. Сестренке было пока десять лет. Я кормила большую семью, работая, как мужик на извозе. Везла барину строительный песок, кирпич, дрова. Однажды зимой везла полсажени березовых дров. Уже близко Стопино. Вдруг навстречу урядник.

Один на коне, подъехал и заорал: «Сворачивай, девка!» Он всегда так делал — никому не уступал дорогу. «Куда же я сверну — кругом сугробы», — умоляла я урядника. Он замахнулся нагайкой. Пришлось свернуть. Едва Машка сделал два шага в сторону, как провалилась по брюху в снег. Я ее ласкала, уговаривала, она надрывалась, а вытащить телегу с дровами на дорогу не смогла. Мне пришлось сгружать дрова, вытаскивать кобылу, затем снова грузить телегу увесистыми чурбанами. Проклятый урядник!

Коснулась война и нашей деревни. Мужики возвращались с фронта без ног или руки. Настал час отправки в армию наших ребят. Провожали сразу семерых парней. Среди них был мой симпатия — Георгий Гришин, который велел его звать Жорик. Он был из большой семьи. Георгий уже успел поработать плотником в Москве. Ему было 22, а мне исполнилось 17 лет. Сначала он мне не нравился. А потом мы гуляли с ним до рассвета. Он много читал и интересно рассказывал.

И вот расставание. Всю ночь мы провели вместе и оба плакали. На прощание Жорик подарил мне свое стихотворение про нашу дружбу. Я его помню наизусть и сейчас. А ведь прошло полвека. Деревня опустела, остались лишь глупенькие ребята. Ходили слухи, что царица Александра — родная дочь немецкого императора Вильгельма, и поэтому нашим войскам приказывают без боя сдаваться немцам. Рассказывали, что царем управляет грязный мужик Распутин.

Кончилась война, свершилась рабоче-крестьянская революция, царя прогнали. В барское имение приехал красный комиссар. Кто остался жив и цел, вернулись домой. И моя симпатия Жорик приехал в деревню. Началась другая жизнь. Нам дали землю, выделили лес. Мы работали в имение и получали за это хлеб. К нам приезжали рабочие из городов, обменивали одежду на хлеб. Никто не понимал, что такое советская власть. В округе начались грабежи. Растаскивали имущество барских имений вплоть до оград и кирпичей. На сходке выступил комиссар и осудил грабежи. Из толпы кто-то крикнул: «Продажная шкура! Он защищает господ!» Раздался выстрел, и комиссар упал замертво. Мы перепугались, упали на землю, а когда открыли глаза — бандитов след простыл.

Моя молодость совпала с тяжелым временем. Люди голодали и жили в холоде. В деревне была одна радость — редкие престольные праздники, когда молодежь танцевала, распевала песни, да еще одно развлечение — посещение церкви. Но и в голодное время молодость брала свое, кипела страсть в сердцах, молодые женились, рожали детей.

Мой симпатия Жорик приехал на Пасху из Владимира, где работал и был членом совета рабочих и солдат. Я решила выйти за него замуж. В дни нашей молодости мы стеснялись ходить парочками — родители не разрешали такие вольности. У меня сердце остановилось, когда Жо-

рик на виду у всех взял меня под руку и повел к своему дому. Я сказала, что, мол, нехорошо, все увидят. А он весело ответил: «Пусть смотрят. Скоро мы будем жить вместе!»

— Но мы еще не муж и жена. — робко возразила я, отстраняя его руку. — Мы еще не венчались.

— Не важно. Пойми меня правильно, Маруся любимая. Венчаться нам нельзя. Я коммунист, если обвенчаюсь, меня исключат из партии. Я работаю во Владимире партийным комиссаром. Мы поедем в город, там есть особое заведение, где нас в присутствии свидетелей зарегистрируют как мужа и жену. Выдадут красивое удостоверение.

Тогда я не знала, кто такие коммунисты, комиссары, что такое их партия. Я была темная «деревня — матушка». Жорик стал мне объяснять:

— Партия большевиков управляет государством. Она защищает рабочих и крестьян. Всех буржуев мы отправим на свалку! Мы с тобой, Маруся, далеко пойдем в жизни, будем учиться. Ты боевая, способная. Придет время: молодые сами не будут венчаться, а храмы закроют...

Я оторопела от таких грешных слов. Молила бога, чтобы он не отнял у меня язык — ведь я разговаривала с безбожником. Все во мне охладело. А Жорик разгорячился:

— Если любишь, то пойдешь с любимым человеком даже на казнь. Ведь ты меня любишь? Тогда пойдем к твоим родителям и все расскажем.

Пройдет время, вернемся к родителям. Упадём в ноги. Они нас простят. Я не соглашалась, старалась объяснять, что никто в деревне так не поступал.

— Завтра вся округа будет знать, — убеждала его, — что Маруся Кузнецова сбежала с любовником — красным комиссаром. Какой позор! Видно, не судьба. Я не желаю тебе зла. Я тебя люблю. Но не суждено нам идти одной дорогой. Прощай!

Прошли годы. Я вышла замуж за другого. Сама в душе стала коммунисткой, в церковь не хожу, хотя не знаю, верю в бога или нет. Да никто не знает, существует ли он. По радио говорят, что наша вселенная бесконечна. Нет-нет да гложет меня вдруг вспыхивающая боль: в восемнадцать лет пережила я потерю чистой утренней любви. Почему я поступила так жестоко с ним и с самой собою? Не поняла своей любви, была глупа, а любовь всеильна. Мне, может быть, лучше было погибнуть с Жориком. Зато по любви...

Деревенские рассказывали мне, что он женился спустя два года, стал большим начальником в Ростове-на-Дону. Во время ежовщины был репрессирован. Его жена с дочкой вернулись в Стопино, побыла немного и исчезла, оставив дочь. Сироту звали Роза. Красивая, худая

она была, очень ласковая. Одно время я хотела ее удочерить, но муж возражал. Долго я сердилась на него.

Он был непьющий, работающий, но неграмотный, читал мало. Он был старше меня на двенадцать лет, из большой семьи. С первой встречи показался мне умным, веселым, любил танцевать. Он говорил мне, что жить в деревне не будет, уедет на работу в город. А пока я живу с первенцем Анатолием в деревне, у свекра, который выделил нам вторую половину своего дома.

С этой поры началась моя замужняя жизнь, может быть, более тяжелая, чем в родном доме в Стопино. Мы строили свой сарай и помогали строиться другим Силантьевым, жившим то в южном, то в северном конце Чувашихи. Всех ставили на ноги. Муж работал возле Москвы, в Мытищах. Жил в общежитии, помогал младшему брату Павлу учиться, посылал деньги другому брату Никите, что стал инженером в Ленинграде. Помогали снохам, золовкам, сестрам и братьям. И в какое тяжелое время! Дважды я уезжала на Украину за хлебом. Первый раз неудачно. Украинцы — добрый народ, продали нам хлеб, но в поезде обчистили нас бандиты. Наставили ножи и потребовали все отдать. Второй раз приключилось то же самое, но нас выручили ехавшие в вагоне матросы. Мой дядя выезжал за хлебом в Сибирь, его там убили. На Владимирщину, помню, обрушился тиф. Священник обучил нас собирать можжевельник, жечь его и прыгать через дым и огонь костра. Я уже заболела тифом, но вылечилась, следуя советам священника. Потом навалился голод из-за засухи в Поволжье. Мы тогда пекли лепешки из желудевой муки.

Наступил 20-й год. На зиму я поехала к мужу в Подлипки. По случаю праздника в общежитии собрались семьями, пели и плясали. Мой муж Иван Матвеевич похвастал, что его жена хорошо поет. Публика захопала, требуя меня на круг. Подвели меня к пианисту, который спросил, что я спою. Я ответила, что умею петь только под гармошку. Он сказал, чтобы я начинала, а он мне подыграет. Я спела старинный романс «Я встретил вас», а затем песню «Ах, зачем эта ночь так была хороша». Спустя два дня к мужу явились сослуживцы и сказали, что выделяют ему комнату, пусть жена живет здесь, идет учиться на артистку, нам, мол, нужны талантливые певицы. «На артистку? — рассмеялся муж. — Это моя-то баба, жена плотника будет всем улыбаться, краситься, а я тесать доски. Нет уж, дудки!» И отправил меня в деревню.

За долгую жизнь много у нас было споров и раздоров. Он, бывало, любил командовать: «Я решил!», «Я сказал!» А когда я получила паспорт и стала жить в Подлипках, то сказала ему, что отныне я «настоящая гражданка». Он переменялся и перестал говорить, будто «у бабы

волос долог, а ум короток». Я стала полновластной хозяйкой в доме. В 1925 году меня даже агитировали вступить в партию. Но я отказалась, считала — мой долг растить деток, кормить и обстирывать их, воспитывать хорошими людьми.

Я благодарна Ленину за свою жизнь, благодарна всем, кто погиб за советскую власть. Кем мы стали бы, если бы у власти были царь и наши господа фетининские? Я очень люблю Ленина. Его фотография висит у меня на стене. Он снят с Наденькой. Тут же висят портреты моих деток. Помню, как Владимир Ильич разрешил частную торговлю, как зашевелились прежние буржуа и наводнили деревни своими товарами. Помню, как в 27-м году стали создавать колхозы. Поднялась паника. Богатые все прятали, жгли зерно и убивали скот. Жизнь налаживалась с трудом. Из бедных выбирали начальников, они неграмотные, не могли хорошо управлять хозяйством. Помню, как ввели карточную систему. Муж продвигался по службе. Мы выплачивали деньги за кооперативную квартиру. Поселились в нее, а спать было не на чем: не было денег на мебель. Перед войной жить стало легче. Сыновья успешно учились. Некому стало помогать в деревне — молодые выросли, обжились. И вот снова война. Младший сын на фронте, старший на службе в тылу. Эвакуация в Казань. А потом снова трудная жизнь, снова карточки, а теперь — старческие болезни.

Так прошла жизнь. Были в ней радости, но немного. Прошла жизнь, которой мало кто позавидует. Лишь мои дети, мои внуки счастливы. Обеспеченные, ученые люди! Так что жизнь прожита не зря!

Лишь однажды после войны я посетила родную деревню. Сердце обрывалось от грусти, печали и тоски по молодости, по первой любви, по несбывшимся мечтам. Вокруг запустение, голые сады, из-за морозов погибли знаменитые владимирские вишни. Заросли знакомые тропки. В слезах я встретила родную землю, в слезах покинула ее навсегда...

Я пишу, а у меня все отнялось, ноет шея и плечи, раскалывается голова. Прошу без внимания не оставить мою рукопись.

С почтением к Вам!

Силантьева Мария Степановна, в девичестве Кузнецова.

Родилась в 1899 году 1 апреля».

Смотрю на фотографию матушки и восхищаюсь. Какая русская красавица! У нее была удивительно стройная фигура, но не всякий мог ее заметить. Матушка была женщиной строгих нравов и надевала широкие юбки и просторные платья, скрывавшие ее изумительную талию и бюст. У нее были исключительно ровные белые зубы. Но она редко улыбалась. И я запомнил ее вечно хмурой, строгой. Странно, как в этой женщине уживались строгость с лирической душой. Ее аскетизм на-

верняка берет начало от бедности и церковного влияния в детские годы. Мне думается, что ее страсть сочинять стихи и писать, ее душевные волнения достались мне, а внешность я получил от отца.

В связи с этим должен рассказать следующее. Если брат Анатолий родился в деревенской бане, то я в роддоме в Подлипках. Мое рождение принесло матушке огорчение — она мечтала о девочке. Ее соседкой по больничной палате оказалась женщина, расстроенная тем, что ждала сына, а родила вторую дочь. Какое злосчастное несовпадение! И две женщины задумали обменяться новорожденными. Матушка часто рассказывала мне эту историю, когда я чем-либо провинился, и приговаривала: «Вот ты и жил бы в семье пьяницы и вора!» или еще хуже: «И как же я тебя не обменяла. Была бы у меня послушная умная дочурка!» В детстве эти пугающие слова действовали, и я меньше проказничал. Но, повзрослев, я набрался храбрости возражать: «И как ты могла меня обменять на девчонку? Спасибо отцу, что он меня опознал!» А произошло вот что. Отец пришел в роддом навестить жену и посмотреть новорожденного ребенка. И мгновенно разгадал заговор двух роженец. И только потому, что я был очень похож на него.

ИЗ БАТРАКОВ И ПЛОТНИКОВ

Не будь Октября 17-го года, мы бы так и жили в Чувашихе. Не кончал бы я университетов, не вырос в журналиста, а брат Анатолий не дослужился бы до полковника, не стал бы доктором технических наук. В лучшем случае я стал бы плотником, маляром, трактористом, слесарем, механиком. Все эти профессии я «попробовал» и не скажу, что они мне противны. Однажды ради отключения от газетных, теле- и радионовостей, стал докладывать плитку в туалете и ванной комнате. Трудился с удовольствием. Получилась ванная комната как на выставке. Да, здорово поработал! Эти таланты, я думаю, от отца. И главный из них — трудолюбие, до седьмого пота: пока не закончишь, не бросаешь, забываешь про обед и ужин. Этому мы научились на войне.

Говорят, всякий мужчина остро переживает свое сорокалетие — Рубикон жизни. К этому сроку мужчина созревает как личность, проявляются все его таланты, подводятся жизненные успехи, как правило, значительные, которые позже редко кому удастся превзойти. На свое сорокалетие я впервые в жизни получил новую квартиру. Казалось бы, радоваться и радоваться. Увы, квартира состояла из двух смежных комнат, с низкими потолками, на пятом этаже, без лифта и мусоропровода. Находилась в Новых Черемушках, куда в 60-х годах еще не ходили ни автобусы, ни метро. Да пропади ты пропадом эта отдельная «хрущоба». До новоселья мы дружно жили в «коммуналке» — комнате

16 квадратных метров. Зато на Сивцем Вражке. На работу в «Известия» ходил пешком. А главным образом, я был расстроен вот какой несправедливостью. Мой отец Иван Матвеевич не кончил даже сельско-приходской школы. У меня за плечами десятилетка, военное училище, институт, свободное владение двумя иностранными языками, ордена и медали, полученные на фронте и на гражданке, а вот отца, полуграмотного крестьянина из затерянной в глухомани деревни, превзойти к сорока годам не смог. Дело в том, что как ударник-строитель еще в 1928 году отец на свое сорокалетие получил квартиру на Шаболовке, недалеко от телебашни — тогда радиостанции имени Коминтерна.

Да какую великолепную квартиру! Две отдельные комнаты, с высокими потолками. Огромный коридор, где стоял большой деревенский сундук, и где мы с братом натягивали веревку и играли в волейбол тряпчонным мячом. Были встроенные шкафы, длинный балкон, солидная кухня и ванная комната. Последняя была настолько просторная (и комната и сама ванная раковина), что с помощью газовой колонки долго ее наполняли. А в студеные зимы ванной не пользовались — пока раковина заполнялась горячей водой, она охлаждалась. Мы ходили в баню, что находилась возле Донского монастыря. Там было просторно, всегда продавался квас. Квартира располагалась в каменном пятиэтажном доме, построенном, как говорил отец, по немецкому проекту. Таких домов было шестнадцать. Они и сейчас стоят, эти дома, из серого камня, без излишеств, каждый на почтительном расстоянии друг от друга, окруженные скверами и газонами. В центре комплекса — культурно-просветительное здание. Его открыли вместе с заселением жилых домов. На первых этажах — детский сад и ясли, на третьем — библиотека, где я брал первые книжки, зрительный зал, где смотрел первые в жизни черно-белые киноленты. Детей пускали бесплатно. Мы усаживались на полу перед экраном, поближе к пианисту.

Правда, наш дом располагался далековато от трамвая, приходилось шагать через всю Шаболовку, чтобы дойти до Калужской площади. Мать ворчала, упрекала отца-ударника за то, что не догадался выбрать квартиру поближе к центру. Отец возражал: «Да, предлагали квартиру в Сокольниках, возле хлебокомбината. Там пыль и вонь. А здесь воздух, как в деревне. Нашим маленьким сыновьям раздолье». И верно: в ту пору на месте нынешней площади Гагарина стояла большая деревня, а на месте университета было огромное колхозное поле. Мой полуграмотный отец интуитивно чувствовал, как важна здоровая экологическая среда, и не поехал в Сокольники, район фабрик, трех вокзалов, сортировочных станций. Я же на свое сорокалетие был вынужден переселиться туда, бежав из Новых Черемушек. В Сокольниках все обжито, в пяти минутах ходьбы метро, школа сына, магазины, три кинотеатра. Рядом был

парк. Впрочем, даже старинные березовые рощи Сокольников не спасали от гари и пыли мельничного комбината, от сажи и запаха машинного масла, несущихся с сортировочной, от шума поездов. Пока доходил до ворот парка, заглатывал много удушливых запахов, испускавшихся то кондитерской фабрикой имени Бабаева, то хлебозаводом, то обувной фабрикой «Буревестник». В панельном девятиэтажном доме возле хлебокомбината прожил шестнадцать лет. Затем представился шанс получить лучшую квартиру, в кирпичном доме, но выбрал ее снова в Сокольниках. Почему же? К ним я был привязан как пуповиной — теплым гаражом, находившимся в пяти минутах ходьбы от дома.

Отца я плохо помню. С раннего утра до поздней ночи он был на работе. Он не писал мне писем, даже на фронт. Исповедей о своей жизни тоже не оставил. Сохранились лишь свидетельство о смерти, три почетные грамоты за ударную работу, нагрудный знак и медаль. Из его вещей остался двубортный шерстяной костюм, который плотно сел на меня. В нем я шесть лет ходил в институт. После демобилизации из армии я одевался в гимнастерку, бриджи да кирзовые солдатские сапоги. О его жизненном пути я узнал немного из «Трудового списка» и кое-каких документов, выданных матери в Моссовете. Она хлопотала о получении персональной пенсии за отца. Он пять раз избирался членом Моссовета и однажды с 3 января 1935 года был членом Исполкома.

Об этом высоком избрании я знал от матушки. Видел фотографию отца в титульной книге членов Исполкома XI созыва среди портретов Хрущева, Булганина, Кагановича, Бухарина, Рыкова, Каменева и других видных деятелей того времени. Вскоре, правда, книга исчезла. Видимо, ее уничтожил отец. В ней значилось много «врагов народа». Отец, думаю, знал о репрессиях, но в семье об этом не говорилось. Ни в Чувашихе, ни от ребят во дворе, ни в школе я не слышал об арестах. А ведь миновали 37-й и другие годы репрессий. Лишь запомнились мне переживания матери, когда отца вызывали на собеседование в партийную комиссию в пору чисток. Он долго не возвращался домой, пришел под вечер веселый и разговорчивый. Он рассказывал, что разбирали сочиненную на него «клевету», подписанную дальним родственником.

Помню, отец привел меня на партийное собрание. Оно проходило в тесном бараке. Люди стояли, впереди был стол, за ним сидел президиум. К дощатой стене было прибито красное знамя. Пахло сосновыми досками, плотницким потом. Вдруг запели Интернационал. Да так громко, что я испугался. На всю жизнь запомнил, что большевики — это силища.

Отец вступил в партию в 1925 году, по ленинскому призыву. Показательно — его партбилет значился под номером 123768. В ту пору, стало быть, в партии насчитывалось чуть более ста тысяч членов. Он,

конечно, не знал азов марксизма, но чувствовал нутром крестьянина, что ВКП(б) — его родная партия. «Цепные псы перестройки» утверждали, что в партию вступали ради теплого места. Став членом партии, плотник Иван Матвеевич Силантьев был и остался бригадиром строителей, возводил дома, больницы, детские сады и лишь через десять лет стал начальником треста «Москультстрой». Он строил столичное метро, рассказывал в семье, что большие хлопоты доставило строительство станций «Кировская» и «Дзержинская» из-за подземных вод. Решили построить в Москве общественные уборные. Их возводил мой отец, получил за ударную работу благодарность. Из архивов Моссовета я узнал, что его зарплата составляла 1100 рублей. Тогда на семью из четырех человек хватало, причем наша семья считалась хорошо обеспеченной.

Отец понимал, что всем обязан Октябрю, партии большевиков, Советской власти. Судите сами! Кем он был до революции? Родился в 1887 году 26 сентября в Чувашихе, с девяти до шестнадцати лет работал батраком, затем подался в Москву плотничать. В 1908 году был призван в царскую армию, служил в конной артиллерии в Петрограде. Козырял там есаулом четыре года, потом год плотничал. Началась Первая мировая война. Два года воевал, в 18-м году вернулся домой и снова плотничал. Нашлась работа под Москвой, на оружейном заводе. Его избрали членом правления строительных рабочих, а затем и председателем объединенного комитета профсоюза, созданного на частных предприятиях некоего Шуленина, Эйштейна и других. Затем он работал в системе Мосстроя.

Отец получил около десятка премий и благодарностей. Первая присуждена в 30-м году за победу на Всесоюзном конкурсе «За лучшую стройку». Вторая в 1932 году за «ликвидацию глубочайшего прорыва на постройке жилых корпусов при заводе “Шарикоподшипник”». В том же году, к 15-й годовщине Октября премирован за «четкое, хозяйственное руководство строительством, за сдачу десяти строек». Далее в 36-м году награжден жетоном Моссовета за участие в строительстве метро. Вот и все «привилегии». Весьма символична грамота, полученная отцом за ударную работу в первой пятилетке. Она напечатана на восьми красочных цветных страницах.

Ради великой цели возрождения России трудился и рано отдал жизнь мой отец. Умер на работе. После войны он работал начальником топливного сектора Мосгорздравотдела и находился по делам в 4-й Градской больнице, что выходит фасадом на Ленинский проспект, напротив здания Академии наук. Умер мгновенно от разрыва аорты. Организацию похорон взяло на себя учреждение. Мы присутствовали на похоронах как ближайшие родственники, вслушиваясь в прощальные речи сослуживцев отца. Хоронили торжественно, с ор-

кестром. Были, как положено, поминки, хотя был трудный послевоенный карточный 47-й год.

Как члену Мосгорисполкома партия помогла отцу вырасти в большого хозяйственного руководителя. Ему на дом присылали учителей. Когда поздно вечером отец возвращался состроек, его глаза были воспалены от усталости. Они сами по себе смыкались под мерную речь учителей, которые к тому же объясняли уроки полупшепотом, боясь разбудить спавших в комнате детей. Однажды отец сказал:

— Я учился заочно в Промакадемии вместе с Николаем Александровичем Булганиным, в ту пору председателем Моссовета. Однажды он подошел ко мне и сказал: «Вот что, Иван Матвеевич! Придется кончать с учебой. Срываются графики строительства. Времена тяжелые. Потом доучимся...»

«Потом» никогда не наступило. Если бы у отца и матери спросили, чем они недовольны, несчастны, они бы ответили, что старая жизнь не дала им возможности учиться. Вот почему отец незадолго до смерти часто спрашивал меня — демобилизованного авиатора: «Что собираешься делать? Надо идти учиться!» Он завидовал, что я окончил десятилетку и могу поступить в институт, что, как пелось в песне, «молодым везде у нас дорога». Перед тем как опустилась крышка гроба, я поцеловал его холодный лоб и прошептал: «Клянусь — я поступлю в институт!»

Такие люди, как мой отец, построили материальный фундамент социализма, мечтая о светлом будущем для сыновей и внуков. Я не сомневаюсь, на чью сторону в период «перестройки» встал бы мой отец и его товарищи по партии — члены ВКП(б) ленинского призыва. Конечно, на сторону коммунистов-патриотов. Они создатели индустрии первых пятилеток в СССР, они страстно хотели посеять добрые семена в советском обществе. Но, к сожалению, они не дожили до бурных событий горбачевской перестройки и не могли дать ей решительный отпор. Одни в силу естественного хода человеческой жизни умерли, как мой отец. А тысячи и тысячи погибли на фронтах великой войны с фашизмом, откликаясь на призыв партии к фронтовикам: «Коммунисты, вперед!»

Раза два отец брал меня, малыша, с собой на праздничные демонстрации Первого мая. Мать возражала: «Мал, устанет. Не дойдет до Красной площади». Но, чувствуя, что я разревусь, отпускала. Демонстранты Москворецкого района собирались на Серпуховской площади. Вокруг гремели трубы духовых оркестров. По-праздничному одеты люди, с красными знаменами в руках. Демонстрация двигалась медленно. Молодежь собиралась в круг. Танцевала, пела песни. Лотошники продавали пончики с мясом и пирожки с повидлом, прости меня, мать, вкуснее, сочнее твоих домашних пирожков.

Помню, как перешли мост через Москву-реку, шли по Александровскому саду. Там застряли надолго. Но я был безумно рад. Пускал бумажные кораблики по протекавшей тогда вдоль сада речке Неглинке. Наконец вступили на брусчатку Красной площади. Отец поднял меня на руки. И так пронес возле Мавзолея — москворецкие шли в первых колоннах. Отец говорил: «Смотри! Смотри!» и называл имена вождей, но я никого не запомнил.

Перестройщики оболгали и праздничные шествия советских людей по случаю Первомая и Октябрьской революции. Врали, будто людей силой заставляли идти в шеренгах. После войны демонстрации в Москве были настолько многочисленными, что заканчивались лишь с наступлением темноты. Пришло распоряжение горкома: ограничить число участников демонстраций. Директор издательства «Известия» Леонид Павлович Грачев рассказывал мне, что указание горкома вызвало недоумение. Как ограничить? Кому отказать? Многие считали своим священным долгом пройти по Красной площади, и, возможно, увидеть своих вождей. Отбирали молодых рабочих нести тяжелые транспаранты, толкать тележку с эмблемой «Известий».

В институтские годы я лишь один раз был демонстрантом. Отец мог вырасти в большого начальника, если бы семейные обстоятельства не помешали. Тогда в партии были принято «обкатывать» перспективных руководителей на стройках в провинции — в Средней Азии, на Дальнем Востоке. Отцу предложили возглавить стройку в Хабаровске. Но мать устроила скандал: «Не поеду в Сибирь, разведусь, детей не отдам!» Иван Матвеевич не проявил характера. Мы остались в Москве. Член горисполкома, директор треста — вот его высшая точка в карьере. Отец два раза отвозил нас на персональной «эмке» в Чувашию. Бабушки на завалинке говаривали, впервые увидев легковой автомобиль: «Ай да Ванюша! Большой начальник. Право, из грязи в князи». Это правда. Не один год Иван Матвеевич батрачил, пас скотину, выковыривал из хлева вонючий навоз и отвозил на пашню, боронил, убирал хлеб. Потом научился плотничать. Это его узорчатые рамы на окнах нашего дома в Чувашии. И его резьба на входной двери на крыльце.

Мы с братом вечно благодарны отцу за то, что поставил нас на ноги, определил нашу счастливую судьбу. Но я и вечно виноват перед ним. Сейчас модно, всеобщая эйфория, посещать кладбище усопших родственников. Мы жили в других условиях. Разбирая архивные документы матери и отца, я нашел расписку от администрации Даниловского кладбища. В ней значилась дата захоронения Ивана Матвеевича Силантьева. А номера могилы, ее место, что обычно значится на железном указателе, воткнутом возле памятника, не было.

В конторе кладбища среди кипы папок также не оказалось сведений об отце. Конторщик спросил, не знаю ли я, где его могила. Я помню, хоронили в широкую яму под чей-то уже захороненный гроб. Недалеко от конторы. Пошли искать. Увы, бесполезно. Никаких следов. Прости меня, отец. Прости! Но клятву, данную мной над твоим гробом, исполнил — окончил институт!

КУПЕЧЕСКОЕ РОДСТВО

В июне четвертого года нового двадцать первого века я с дражайшей супругой Еленой скромно отпраздновал золотую свадьбу. 50 лет пролетели как в сказке. Были семейные ураганы и даже землетрясения. Но честно прожита великолепная, счастливая жизнь. А в коммуналках жили? О, да. Но с милым рай и в шалаше. А в очереди за любительской колбасой стояли? Ну и что? Если бы она продавалась вдоволь в магазинах, то где хранить? Холодильников-то не было. Прикрепляли к ставням окон снаружи ящички, куда прятали овощи, а в мороз, бывало, и мясо. Жили не тужили. Свадьбы играли, как положено, столы ломились от закусок, домашних снадобий, а любители — так пиروвали в ресторанах.

Мою вторую половину я встретил в институте иностранных языков. Студенческие годы — годы бурной юности, пылкой любви. Студентов-парней в ту пору было не более двух десятков фронтовиков. А студенток — тысячи. Удивительно, ни одна из них не пленила меня с первых дней студенческой жизни. И очень забавно, что ни одной я сам не приглянулся. Впрочем, студенческая пора — не время свадеб. Многие, подобно мне, женились после окончания института. Я думаю, птицы выют гнезда, когда научатся летать.

Любовь дело случая, вернее — случай подбрасывает объект любви. А дальше все зависит от чувств, симпатии, взглядов на семейную жизнь. Однажды случай свел меня с настоящей красавицей — дочкой знаменитой киноактрисы Татьяны Окуневской. В саму актрису я был влюблен, много раз видел с ее участием фильмы «Пышка» и «Последняя ночь», где она играла роль богатой аристократки, флиртовавшей с юнкером из бедной семьи. Фильм повествовал о победе Октябрьской революции в Москве. Дочку актрисы звали Ингой. Она училась английскому языку на педагогическом факультете, отлично играла в волейбольной команде, и мы познакомились на одном из матчей. Ее красота была поразительной и редкой. Белое лицо, синие глаза и черные волосы. Женись на такой, и через неделю-другую лихой гусар увезет ее на тройке с бубенцами. Ей не было и девятнадцати, но из разговоров я почувствовал глубокий надлом в ее душе.

Я бывал у нее дома — в хорошей квартире, в «правдинском доме» на Беговой улице. Квартира принадлежала отчиму, известному и обласканному «сверху» писателю Горбатову. Мать же отсиживала срок на Колыме. Ее сослали, как сказала Инга, за связь с югославскими дипломатами. То была пора, когда резались по живому наши связи с Тито, советским воинам, отличившимся при освобождении Белграда, предписывалось сдать югославские ордена. Непослушных и строптивых наказывали сурово. Мать Окуневская попала в этот водоворот. Инга в моей жизни была первым человеком, который в анкете отвечал положительно на вопрос: «Были ли в семье осужденные и репрессированные?»

Уверен, спустя четверть века я бы не вспомнил о судьбе актрисы Окуневской, если бы не каждодневные обращения наших представителей «четвертой власти» к теме «репрессированных». Начитаешься статей и насмотришься фильмов ужасов, и тебя берет сомнение: как же ты ничего не знал о репрессиях, не боялся «загреметь»? И как тебя свободно выпускали «за бугор», а ведь в твоих анкетных данных есть солидное «пятно», явная заковырка для анкетных данных: «невыездной». Дело в том, что моя жена Елена — внучка известного богатого московского купца Павла Зуева, владельца фабрики и домов, где жил со своим семейством. Моя теща, как и ее братья и сестры, воспитывались гувернантками, изучали иностранные языки. Вот так получилось — сын владимирского крестьянина породнился с богатой купеческой семьей. Согласно антисталинистам, достаточно было иметь каплю непролетарской крови, то бишь дворянской, фабрикантской или купеческой, чтобы попасть на прицел к «особистам». А уж если отпрыск священника или белого офицера, то тебе крышка. Не знал я, что женюсь на внучке купца. Это радостное событие в моей жизни произошло на четвертом десятке Советской власти, когда от наследства купца Павла Зуева остались лишь сережки да кольца у его дочерей, золотые часы и серебряные ложки у его сыновей. Купец Зуев спокойно дожил свои годы при Советской власти, на которую не поднял руки, а она в ответ не подняла руки на него. Не подался он и за кордон. Отдал свои дома, дачи и небольшую фабрику новой власти. А вся его семья, как и все добрые люди после революции, жили честным, праведным трудом, хотя и переживали трудности. Примечательно, что семья Зуевых не растеряла привитых в молодости христианской нравственности, заботы о ближнем, милосердие, сохраняла тесные семейные узы.

Один сын, названный в честь отца Павлом, был царским офицером, а в Красной Армии служил всю жизнь, воевал в Великую Отечественную войну и вышел в отставку полковником. Другие сыновья стали инженерами. Дочки вышли замуж за рядовых граждан, одни рано овдове-

ли и работали до пенсии на скромных местах. Ни у кого в семье не было репрессированных, а ведь у купца Зуева было девять детей. Хотелось бы спросить перестройщиков: как же так получилось, что ни самого купца-миroeда, ни его деток не «обласкали» своим взором вездесущие агенты ОГПУ-КГБ? Видимо, потому, что жили они честно, ни с кем не сводили счета, не считали себя избранными людьми, достойными льгот по причине купеческого происхождения. Женщины посещали церковь все годы, а если не могли пойти, так просили соседку поставить свечку за покойных отца и мать, за родственников. Чем больше я знакомился со своей родней по жене, тем больше проникался уважением к Зуевым. Это был могучий клан, своего рода семейство русских Форсайтов. Когда я начал писать свои воспоминания, от Зуевых, к сожалению, осталась лишь одна младшая дочь Ольга. Ей давно за 80, она была полуслепой, но бодрой и разговорчивой старушкой. Последние годы перед пенсией работала кассиршей в метро на станции «Лермонтовская». Муж — снабженец, еврей из Подольска. Мне рассказывал, что в Подольске поселился потому, что при царе этот город являлся чертой оседлости для евреев. Никому из них не разрешалось селиться ближе к Москве. Добрейшая тетушка Ольга помнила все церковные праздники и много французских песен, которые ее в молодости научила петь гувернантка.

Ни одно семейное торжество Зуевых не обходилось без песен. А собирались они часто. Непременно отмечались дни рождения, а с годами встречались по случаю поминовения уже ушедших. Меня поражало, как искренне и проникновенно они произносили тосты и речи. Застолье обычно заканчивалось плясками и песнями. За рояль всегда садился полковник Павел Зуев либо моя теща Вера Павловна. Она лучше других пела шуточные немецкие песни, разумеется, на языке их сочинителей.

С тещей прожил я в одной квартире почти двадцать лет и ни разу не повздорил. Звал ее только на «Вы». Когда меня спрашивают, где я нашел такую «симпатичную и веселую жену», я обычно отвечаю шуткой, в которой много правды: женился на Елене из-за отличной тещи, имевшей много прекрасных человеческих черт: веселый, приветливый характер, трудолюбие, забота о сирых, умение быстро подружиться.

Клан Зуевых отличало повышенное чувство родства. Немецкое кладбище на Преображенке стало последним прибежищем для многих из них. Там можно видеть всегда ухоженные могилы Зуевых и породнившихся с ними.

Мне радостно, что избранница моего сердца принесла мне столько счастья. О любви к ней — тетрадь студенческих стихов. Но кроме всего прочего, мне нравилось, что она не была избалована нарядами и сытой жизнью. Она жила в коммуналке — в комнате 16 квадратных метров.

Там было тепло, но там отдыхала мать, моя будущая теща, простоявшая целый день на ногах — она работала продавщицей в магазине «Янтарь», что в Столешниковом переулке. Соседи по коммуналке — большая семья Мишкаревых, занимали две комнаты.

В свое время все три комнаты, а точнее трехкомнатная квартира в новом, кирпичном доме, расположенном в престижном районе Арбата, принадлежала инженеру-строителю Андрею Евгеньевичу Страментову, будущему профессору, члену-корреспонденту Академии архитектуры СССР. Он развелся с моей тещей, когда Елене было три года. Как-никак, а мой тесть. Человек известный и весьма интересный. Я познакомился с ним задолго до женитьбы, и свадьбу сыграли в его просторной четырехкомнатной квартире на улице Чкалова, дом 14/16, где тогда селилась московская элита.

Кроме многочисленной родни Зуевых на свадьбу пригласили всех Елениных подружек-студенток, а также весь иностранный отдел «Комсомольской правды», где я работал после окончания института. Чтобы всех рассадить за свадебным столом, пришлось притащить из ЖЭКа деревянные скамейки. Кроме профессора, хозяина квартиры, присутствовали два незнакомых генерала с женами. Их пригласил тесть, откликнувшись на мою шутку: «Все хорошо, но какая же свадьба без генерала!»

То был 54-й год. Не так давно отменили карточки, но стол ломился от домашних пирогов, осетрины, икры, крабов и домашних солений. Шампанское, коньяк, водка разных марок, пиво, соки. И все по доступной цене. На пятом году перестройки, когда ничего этого не стало в продаже, думаешь: неужели моя роскошная свадьба была сказка? Нет, не сказка. Люди со скромным достатком, сэкономив, играли пышные свадьбы, жили как люди. Родовались, веселились как умели, да и работали добросовестно. Рожали детей и не думали, что их нечем будет кормить. Не боялись, что младенца заразят СПИДом в роддоме. Не предполагали, что вскоре смертность русских превысит рождаемость.

ОТПЕВАНИЕ УСОПШЕЙ МАРИИ

Моя мать страдала сердцем, ревматизмом, была инвалидом второй группы. Умерла рано, от инсульта, ей было чуть больше 70 лет. Мучалась, полуживая, девять дней.

Матушка оставила завещание:

«Дорогие мои детки, внучатки, а также сношки!

Я ухожу от вас и больше никогда не вернусь. В углу в гардеробе я положила все, что надо. Оденьте меня на тот свет. На дно гроба положите простынь с зубчиками. Вышитую накидку на подушку. На меня — рубашку, чулки, тапочки, халатик, укройте покрывалом

с вышитым крестом, в руку — платочек. Наденьте крестик на меня, потому что я крещеная. Обязательно отвезите в церковь, чтобы отпели меня, а там как хотите. В Крематорий или в могилу, на ваше усмотрение. Пожитки мои разделите, а что старое — отдайте бедным. Вам легче жить, чем нам жилось. Я всю жизнь отдала, чтобы поставить вас на правильный путь. Растите своих деток, наставляйте на честную жизнь. Простите меня, мои дорогие, может, чем-то я обидела вас. Я вас любила. Молилась, чтобы господь вас хранил, давал мудрость. Ухожу от вас! Как трудно с вами расставаться. Прощайте!

Прощайте! Не будет у вас матушки, и родня у вас маленькая. Целую вас всех. Ваша матушка и бабушка. *Мария Степановна*».

Слезы навернулись у меня на глаза. Матушка никогда не позволяла себе говорить о любви, тем более к сношкам, но напутствовать на «правильный путь» обожала. Чтоб драться ни с кем не мог, не грубить старшим! Чтоб с девчонками не баловался.

При оформлении похоронных документов я сразу почувствовал доброе отношение ко мне — сыну умершей старушки. Все говорили тихим голосом, спокойно, вежливо поясняли, что мне делать, куда пойти за справками. Понимали, что к ним пришел человек, убитый горем, впервые в жизни сталкивающийся с похоронами. Мне напомнили, чтобы я обязательно получил в райсобесе 20 рублей на умершую. Как журналист я тотчас же поинтересовался, зачем выдают эти деньги. На похороны, получил ответ. Многие старики умирают одинокими. Тогда райсобес перечисляет эти деньги похоронному бюро. Оно само организует похороны. Этих денег хватает на гроб, катафалк и оплату могильщикам. Вскоре я убедился, что это правда. Оформляя заказ в бюро на Таганской площади, я заплатил несколько большую сумму, поскольку выбрал самый дорогой гроб, обтянутый красной материей.

Разглядывая милостивую девушку, выписывавшую квитанцию на катафалк, я, атеист и коммунист, чувствовал в душе мучения от мысли, что не выполнил главной просьбы покойницы. Насчет отпевания в церкви. Поделится этими мыслями с девушкой.

— Пожалуйста, на Таганке есть действующая церковь. Впрочем, назовите любую другую, по желанию. Мы переоформим ваш заказ, но он будет стоить дороже. Дело в том, что отпевание длится долго и водитель катафалка не может ждать. Надо будет заказать два катафалка: один довезет гроб до церкви, второй прибудет позже и отвезет покойницу на кладбище.

— Можно отпеть в церкви Кедрова, что в Сокольниках?

— Пожалуйста, но сначала договоритесь со священником, есть ли у них такая служба.

Я сердечно поблагодарил и заспешил в Сокольники. Пожилая женщина в черном, староста церкви, проницательно посмотрела на меня и спросила:

— Ваша матушка случайно не коммунистка? Атеистов мы не отпеваем. Вы точно знаете, что она верующая? ... Хорошо, я вам верю. За службу, пожалуйста, с вас один рубль. Когда привезете гроб? Не опаздывайте, наш священник умер, мы пригласим чужого из Загорска.

Надо же так случиться, что в день похорон 25 декабря 1970 года по Москве мела такая метель, что занесло дороги. Транспорт остановился. Уж очень спокойным оказался водитель катафалка пожилой Степан Митрофанович. Он спросил, кем я довожусь покойнице. Сыном, ответил я. «Приятно познакомиться! Вам положено идти впереди гроба со снятой шапкой». Я заволновался, кто же вынесет гроб? Митрофаныч обещал, что сам управится, старушка-то легкая как перышко. И право, он один приподнял гроб, вытащил из тесной комнаты, попросил помочь двух парней, спускавшихся по лестнице.

Добравшись первым до церкви Кедрова, я предупредил женщину в черном, что из-за непогоды катафалк задерживается. Она просила не волноваться, священник подождет. Я стал разглядывать внутреннее убранство церкви. Торжественно, красиво, строго. Иконы и росписи. Свет мигающих свечей. Непривычный запах тлеющего стеарина. Возле икон старушки и редкие молодые женщины. Мужчин не было. Разглядывая одну большую икону, которая почему-то лежала на специальной тумбочке, словно в музее, а не висела на стене, я прочитал прикрепленную к ней серебряную дощечку с надписью: «Сия икона — дар Грузинской православной церкви Советскому правительству на помощь в Великой Отечественной войне была передана И.В. Сталиным на хранение в церковь Кедрова». Она и поныне находится в храме. Икона украшена золотом, бриллиантами и стоила больших денег. В годы войны было решено сохранить ее как редкое сокровище, хотя требовались огромные ресурсы и финансы. Наши церковники также жертвовали свои средства для победы над врагом, в кинохронике показывали танки и самолеты, построенные на средства церкви. Были собраны огромные деньги — восемь миллионов на строительство колонны имени Дмитрия Донского. А также на собранные церковью деньги была создана эскадрилья Александра Невского.

Пока я рассматривал икону и предавался воспоминаниям, подошла женщина-староста и дернула меня за рукав: «Где же гроб с вашей матушкой? Уже час прошел. Батюшка торопится. Да и волнуются родственники двух других покойниц, что ждут отпевания». Минуту еще полчаса, а Митрофаныч не появлялся.

Наконец я сказал старосте, чтоб начинали отпевание без матушки. Она воскликнула: «Грех-то какой! Невозможно, священник подождет». И больше ко мне не подходила. Я вышел за ворота и столкнулся с запыхавшимся Митрофанычем. Помню, как долго батюшка служил свою молитву. Я опасался, что он из-за нашего опоздания сократит ритуал — ведь мы задержались на два часа к назначенному сроку. Но нет, священник долго перечислял имена усопших. Матушка должна быть довольна. Я выполнил полностью ее последнюю волю. Пусть земля будет ей пухом!

После похорон матушки, чуткого внимания церковных служителей мое равнодушно-атеистическое отношение к церкви сменилось большим уважением, хотя и не без доли критики. Мне и сейчас не нравится излишняя роскошь православных храмов: золоченые купола, украшенные драгоценными камнями иконы, разрисованные стены картинами на библейские темы, портретами святых. Всем этим православный храм походит на католический собор. Напротив, мусульманские мечети — а я их видел в Каире, Дамаске, Багдаде — поражают скромностью. Внутри нет алтарей, амвона, скамеек. В главной дамасской мечети я увидел неглубокое водное пространство для омовения рук и ног. Мне объяснили важное значение этого ритуала.

Мусульманская религия распространена среди народов, живущих в жарких пустынях. Сутками сопровождая верблюжьи караваны, мусульманин в пути по пустыне делает омовение... песком четыре раза в день. Столько же раз он молится. Садится на колени, постоянно сгибает и разгибает спину. Изобретатели мусульманских ритуалов заботились о гигиене и... физзарядке человека, который в странах, где вечно светит солнце, может работать в поле сутками без перерыва. А как передохнуть? Помогает религия? — спрашивал я мусульман-экскурсоводов. Они улыбались в ответ, не опровергая мои догадки.

Советский ритуал похорон до скупости прост. Короткий траурный митинг. В «Известиях» традиционно он проходил в тесном вестибюле рабочего клуба издательства, затем «последний путь» до кладбища или крематория. Правда, на поминках с водкой и закуской можно вспоминать дорогого товарища долго в духе русского обычая «о покойниках плохо не говорят».

Сотни раз я проходил мимо церкви в Сокольниках, направляясь в парк. Но не удосужился заглянуть внутрь. Не знал, что там крестят, венчают, отпевают. Мне думалось, что он сохранился как сокровище старинной архитектуры. Я жил до войны под впечатлением, что в советские времена из-за отсутствия помощи прихожан церкви закрывались, переоборудовались под склады, кинотеатры, рабочие клубы. Часто посещал кинотеатр на Калужской площади «Авангард» — бывшую церковь, с которой сняли колокола и кресты.

Полнокровной жизнью церковь зажила в 1943 году. Это событие я хорошо помню, так как мы базировались на аэродроме освобожденного Смоленска, и я посещал чудом сохранившуюся церковь, где открылась городская библиотека. Из газет узнал, что Председатель Совнаркома принял в Кремле митрополитов для обсуждения церковных проблем. Договорились о созыве собора епископов для избрания патриарха Московского и всея Руси, о создании священного синода, о помощи государства через Совет по делам церкви. В результате миллионы верующих с удвоенной энергией трудились в тылу и воевали на фронтах ради нашей Победы.

ПОЗАРАСТАЛИ СТЕЖКИ-ДОРОЖКИ

В конце июля бурного 90-го года с сыном Андреем выбрали, наконец, погожий день и поехали в родную деревню Чувашиху на старенькой «Волге». Возможно, я не решился бы поехать туда, если бы в сокольническом магазине «Зенит» не купил крупномасштабную карту Подмосковья с кусочками соседних областей. На карте увидел западную часть Владимирщины, где находится Чувашиха. Правда, все села вокруг родной деревни на карте отмечены, а Чувашихи нет. Зато на месте неудобной переправы через Колыкшу указан... мост. О, чудо! Стоило его пересечь, и ты наверняка в деревне. Однако, не доверяя картографам, я положил в багажник гибкий шланг от пылесоса. Он герметично вставлялся в выхлопную трубу. Конец шланга можно было приподнять до высоты крышки багажника. Таким образом «Волга» была оборудована, как танки в прошлую мировую войну для броска через водные преграды.

От нашего дома в Сокольниках через Семеновскую площадь лежит скорый и прямой выезд на шоссе Энтузиастов. Далее прямой как стрела пролег бывший Владимирский тракт. Сразу за Московской кольцевой дорогой шоссе расширяется до просторов хорошей автострады.

Мы нарочно поехали в воскресный день, рассчитывая избежать встречных грузовиков. Увы, по дороге мчались вереницы «жигулей» и «москвичей». На окраине городков и поселков виднелись бензоколонки, обернутые шлангами. Это означало отсутствие бензина.

Сердце защемило от предчувствия встречи с Родиной. Впрочем, она уже была тут, справа и слева. Ярко-зеленые луга, серебристые озера, серые поля, лесные заросли, красивые кучевые облака.

Здравствуй, родная Чувашиха! Здравствуй, родной дом! Ты еще стоишь на своем месте, когда-то побеленный, а теперь облезлый, но не потерявший аристократического вида. По краю крыши тянутся гипсовые

урны и булавы украшений, как у помещичьего дома. Кто теперь живет в доме? Тетя Маша, должно быть, умерла. Ее дочь Анна была выдана замуж до войны в соседнюю деревню Мельничная. Она стояла на берегу Колыкши. Но мы проехали это место и деревни не увидели. Пастух сказал, что деревню запахали. Возможно, Анна переселилась к матери в Чувашиху? Она старше меня лет на десять, значит, ей за восемьдесят? Вот с такими мыслями подошел к дому. Незнакомый мужчина из соседнего дома обрадовал меня. Жива Анна, тут она, на огороде, где ей еще быть в жаркий летний день?

— Нюра! — кричу ей издалека.

— Здравствуй, Анатолий! — узнает она во мне моего брата.

— Нет, я — Владимир, а брат умер... Ну, здравствуй!

Нюра девчонкой нянчила нас обоих, присматривала за нами, когда мать уходила в поле. Анатолия помнит лучше. У Нюры было три брата — Иван, выучившийся в Москве на инженера, Николай и Санька. Иван вернулся с войны офицером, а Николай попал в плен, после войны был отправлен на поселение в Сибирь, а после амнистии не захотел вернуться в родную деревню, поселился в Кемерово. В деревне есть еще Силантьевы-дачники. А Нюра овдовела еще во время войны. Мужа убило на фронте. Остался сын, выучился на электрика.

Присели на лавочку перед домом. Как же добротно, прочно и красиво строили тогда, в трудном 1919 году! Лишь в одном месте треснула стена. За долгие годы чуть осел фундамент. А рамы окон целы, двери крыльца даже не потрескались. Какие они красивые, с узорами, украшенные старинной медной ручкой.

— Небось, устали с дороги, — сказала Нюра. — Пойду в дом, поставлю самовар.

Сквозь толстую, двойную дверь, обитую овчиной, протиснулись в темную комнатку с низким потолком. Она была наполовину заставлена огромной русской печкой. Я сразу вспомнил, как на самый верх меня, искупавшегося в холодной речке, Нюра положила спать, предварительно заставив выпить полчашки водки. Русская печка — чудо творения русского крестьянина.

В закуске у входной двери содержат только что родившегося теленка, едва стоящего на ногах. За молоком идут к корове, что на холоде в снях. И доят четыре раза в день. Будильников в избах я не видел. Русская женщина просыпается в свой час.

Жизнь русского крестьянина испокон веков была бесправной и тяжелой. Я прочитал в книге «Старая Москва» М. Пыляева: «Когда богатый человек едал на серебре десятки кушаний, простолюдин ел хлеб напополам с соломой, лебедой, спал прямо на полу, в дыму, с телами и овощами, а летом и осенью простой народ спал на улице».

Граф Юсупов не знал всех своих владений. Подковы его коней были из серебра и золота.

Какие шикарные дворцы воздвиг русский мужик, безграмотный и полуголодный! Упомянем хотя бы один Петроград, который, как пишут историки, построен на костях народа. Впрочем, не забудем и роскоши Петергофа, Царского Села. Меня раздражает, что, пока наша деревня не обустроена, не рассталась с бытом матушки-печки, огромные деньги тратятся на восстановление дворцов и храмов.

Чувашиха! Песчинка в стране, которую называли «одной шестой частью суши». Почти всю жизнь я испытывал внутри какое-то чувство уверенности, что такая огромная страна должна быть и есть самая богатейшая и самая могучая. И мало кто из нас задумывался о том, что «шестая часть суши» отнюдь не Амазонка, а необъятный океан тундры, тайги, пустынь и гор. Окидываю тревожным взором карту Родины и гадаю: дай бог, чтобы плодородных земель была одна четверть!

Когда в Чувашихе поля еще покрыты снегом, в Ставропольском крае и в соседнем Кубанском уже начинают сеять. Собирают там хорошие урожаи, строят прочные кирпичные дома, живут богато. Но, к сожалению, на «одной шестой» нет больше подобных райских уголков. Случается, что и совсем не родит наша земля из-за засухи или морозов.

А какое, скажите, теплое течение обогревает нашу страну? Нет такого! Зато нас крепко сжимает в объятиях Северный Ледовитый океан. Такого эпитета больше не знают географы. И этим сказано все. Никто, кроме нас, не строит атомных ледоколов и не носит валенки...

Исколесив многие жаркие страны, я проникся особым уважением к жителям северных широт, и в первую очередь к своим соотечественникам. За то, что они наловчились строить дома и машины, которые не замерзают в суровые морозы. За то, что у нас в страшную стужу не лопаются водопроводные трубы, а смельчаки-«моржи» купаются в прорубях заледеневшей реки. Просто за то, что они согласились жить в таких суровых климатических условиях.



ЧАСТЬ

МОЛОДО-ЗЕЛЕНО

ПРИБЫЛО ПОПОЛНЕНИЕ

Весна 1943 года пришла на холмы Валдая неожиданно. Она залила нас по-летнему горячим и ярким солнцем. Полеты возобновились. Совершались они ранним утром либо под вечер, когда слегка подмораживало и подтаявшая днем взлетная полоса твердела. Вскоре, однако, весна взяла свое, и аэродром раскис. Капонир, в котором под маскировочной сеткой стоял мой любимый Пе-3, залило талой водой. Нам пришлось выкатить его на сухое место и замаскировать елками.

Через неделю с подмосковного аэродрома, где по-прежнему располагалось командование полка и несколько эскадрилий, прибыло пополнение. Всем «безлошадным» механикам выделили по новенькому Пе-2. Машины были покрашены в веселый зеленый цвет вперемежку с черной маскировочной краской, тогда как мой Пе-3 был покрыт невзрачной ядовитой зеленью. Моторные капоты и винты у него облезли. Невольно я позавидовал товарищам, получившим новенькие машины.

Их пригнали молодцеватые лейтенантики, ровня нам по годам и жизненному опыту. Одного из них звали Виктор Богданов, он был очень худым, выглядел подростком, и его сразу прозвали Витюнчиком. Вот из таких желторотых птенцов Малютин и Мелах должны были вырашивать бесстрашных разведчиков.

Внезапно развязанная гитлеровцами война не позволила до конца осуществить все наши планы и мероприятия по укреплению обороноспособности, а в ходе войны лимит времени стал еще жестче, чем до войны. В первый год войны молодое пополнение нашей эскадрильи заканчивало летные и штурманские училища в спешном порядке. Оно изучало теорию и практику самолетовождения на старой технике (как и мы, механики, изучали устаревшие самолеты). Летная практика на новом бомбардировщике не превышала пяти часов. Не было ни времени, ни лишнего горючего, ни самолетов для обучения вожждению по приборам в облаках. Естественно, вчерашние курсанты, попав на фронт, не сразу становились мастерами воздушной разведки.

Сначала попал в беду Виктор Богданов. Он довольно легко выполнил учебный полет и стал садиться, но плохо рассчитал посадку. Что ж, бывает такое и с опытными летчиками. Взлетная полоса на аэродроме была достаточно длинной для благополучного приземления самолетов далеко за знаком Т. Витюнчику следовало закончить посадку, и делу конец. Но он дал газ обоим моторам и пошел на второй заход. Неопытность молодого летчика привела к печальным результатам. Богданов не убрал шасси и закрылки, не открыл шторки водяных радиаторов, которые были отрегулированы на высотный полет. Моторы перегрелись, ослабла их мощность. Самолет потерял высоту и плюхнулся недалеко от наших стоянок на накатанную полуторкой дорогу. «Пешка» загорелась. Мы быстро добежали до места аварии, вытащили экипаж и потушили пожар.

Беда беду догоняет. Молодой экипаж Голубничий—Дерябичев во время учебно-тренировочного полета потерял ориентировку. Досадно, ведь летели ребята над своей территорией, но полной гарантии, что в округе не рыщут «мессеры», не было, и штурман решил опробовать свой пулемет.

После короткой очереди пулемет замолчал. Дерябичев пытался устранить неисправность — тщетно. Штурман не засек, сколько времени он возился с пулеметом, а когда стал сверять курс полета, с горечью вынужден был признаться, что он заблудился. Экипажу, правда, повезло: увидели неизвестный аэродром с краснотелыми самолетами на стоянках и приземлились.

Всех отвели к начальнику гарнизона, долго допрашивали, кто такие, откуда, зачем пожаловали.

— Свои мы, свои, — опешив от вопросов, доказывали заблудившиеся пожилому полковнику.

— А кто вас знает? Всякие тут садятся. Вон, видите, истребитель травой зарос. Он с весны тут, как стреноженный конь, пасется. И вас подержим, пока все выясним...

— Товарищ полковник, отпустите ради всех святых! — умоляли Голубничий и Дерябичев.

— Нет уж, brave молодцы. Нашкодили — сами и выпутывайтесь! — Мужичья хитреца не сходила с лица полковника. — Ну, хорошо, сегодня у меня именины, я, говорят, добренький, отпущу. А бензина хватит домой долететь? У нас каждая капля горючего на учете...

Малютин проклинал белый свет. До этого его летчики воевали — себя не жалели. Приказами и орденами были отмечены. В переловных эскадрильях числилась. А теперь сразу столько бед свалилось на голову капитана. Молодой Богданов покорежил «пешку», сам едва остался цел. А куда девались эти «птенцы» Голубничий и Дерябичев?

Свалились в штопор? Заблудились? Не дай бог по ошибке улетели к фашистам.

Весь день комэск не находил покоя. Если потеряли ориентировку и сели на своей территории, экипаж должен был сообщить об этом. Он наводил справки в воздушной армии фронта, но там о пропавшем самолете ничего не знали...

Когда кончились боевые вылеты, механикам больше не приходилось подниматься с восходом солнца. Мы уже привыкли к регулярной учебно-тренировочной службе «от сих до сих». Вдруг рано утром чувствую: кто-то трясет меня за плечо.

— Поднимайся, старшой! — бормотал сам едва проснувшийся моторист. — Приказано срочно ехать на аэродром, подготовить машину к боевому вылету.

— А кто летит, Мелак?

— Нет, сам Батя.

Дошагав до стоянки, мы разбросали маскировочные елки, расчехлили моторы, с единого приема их запустили, прогрели и стали ждать командира эскадрильи.

Солнечный круг высоко поднялся над лесом, а командир не показывался. Наконец капитан приехал. Одет он был явно не для боевого полета. Как положено, я доложил о готовности машины. Малютин протиснул свое грузное тело в узкий люк, не сел, а распластался в кресле летчика, оглядел приборы и дал команду: «От винтов!» Моторы взревели. Комэск долго не убирал газ, будто нарочно насилуя машину. Предчувствие чего-то неприятного поселилось во мне с этой минуты.

Малютин полетел на розыски пропавшего экипажа Голубниченко. Он облетел все ближайшие аэродромы, но «блудных сыновей» не нашел. Мы прождали возвращения капитана до вечера, но он не прилетел. Нежданно-негаданно вернулся заблудившийся экипаж. Ребятам удалось уговорить полковника заправить самолет бензином. А куда же подевался Батя?

Расстроенный Кулагин сообщил мне, что Малютин при посадке на аэродром в Андреаполе попал в грозу, свалился на крыло.

— Машина в дым — экипаж невредим! — заключил он.

Прощай, мой первый самолет! Сколько в тебя вложено труда! Сколько радости ты принес мне и моим товарищам! Ни у одного из коллег-механиков самолет не прожил так долго, как мой Пе-3. У самых удачливых старших механиков «петляковы» делали по 30–40 боевых вылетов и пропадали без вести. Лишь Пе-3 установил рекорд: более сотни раз на нем вылетали на разведку. После сотого боевого вылета мне приказали явиться в штаб эскадрильи.

— Ну ты молодец! — заговорил обычно скупой на похвалы Кулагин. — С тебя причитается! Комэск приказал оформить на тебя наградной лист. Орден, значит, дадут. А ты знаешь, что за сотню боевых вылетов бригада механиков награждается денежной премией? Три тысячи рублей... Ну и ну!

И вот мой дорогой самолет погиб! Мне удалось увидеть его в последний раз искалеченным, с погнутыми винтами, сломанными крыльями и шасси. Снова и снова в голову приходили мысли о том, насколько сложна авиационная техника. Строгая в управлении «пешка» не прощала ошибок ни молодым, ни опытным летчикам.

Речь идет о простом полете. Каким же отточенным мастерством должен обладать пилот, чтобы не свалиться в штопор, когда все его внимание поглощено молниеносным воздушным боем или искусным противозенитным маневром!

ТРИ РУССКИХ БОГАТЫРЯ

Спустя неделю из Подмоскovie перегнали еще одну новую «пешку» и вручили ее мне. Я раздобыл белой краски и вывел на клякх цифру 2. Судьбе было угодно распорядиться таким образом, что моим новым командиром стал Иван Голубничий. Вместе с ним в первый боевой полет отправились Юрий Дерябичев и Анатолий Воскобойников.

Первое впечатление остается на всю жизнь. В рассказах молодого поколения разведчиков о первом вылете в тыл врага мы слышали примерно одинаковые суждения: опасались всего, переволновались еще до старта, потом освоились.

Юрий Дерябичев высказался оригинально:

— Первый боевой на разведку? Прогулка, а не полет. Был таким скоротечным, что едва запомнился!

Юрий не был новичком на фронте. Окончив Челябинское авиационное училище штурманов за год до войны, был направлен в дальнебомбардировочный полк. «Бомберы» базировались под Смоленском. Там он и встретил войну. Полк находился на реформировании.

В канун войны тревоги объявлялись весьма часто. Они были учебные. Как положено, техники готовили самолеты, опробовали моторы, подвешивали бомбы. Приезжали летчики и занимали свои места в кабинах. Потом все терпеливо ждали отбоя. На этот раз отбоя не последовало. Летчиков построили перед самолетами, и командир полка объявил о нападении фашистской Германии на Советский Союз, а около полудня «бомберы» при полном боевом снаряжении взяли курс на запад.

Девятку машин вели обстрелянные командиры, такие как капитан Николай Гастелло, который служил в том же полку, что и юный штурман Дерябичев.

Фашисты хлынули по всем дорогам на восток, и «бомберы» получили приказ уничтожить скопление противника в районе Сувалки, что у советско-польской границы. Большую часть пути летели за облаками. Пробив облачность, увидели, что все дороги забиты моторизованной пехотой. Заметив сигнал ведущего, молодой штурман нажал кнопку электросбрасывателя. На всякий случай Юрий продублировал бомбометание ручкой аварийного сброса.

— Вижу — внизу огненный ад, — рассказывал Юра. — Штурман полка, давший нам сигнал, сработал здорово. Бомбы ложились в перекресток дорог, в самую гущу фашистских солдат и техники...

На свой аэродром «бомберы» вернулись благополучно. Командир полка сгрел молодого штурмана в объятия, поцеловал. «Поздравляю с первым боевым!» — так он благодарил каждого авиатора. Конечно, сбежались все техники и механики. Тоже обнимали и поздравляли. Летчикам привезли обед. Подкрепились и снова в полет. Ночью они отдыхали, заснув под крыльями самолетов. В казарму, однако, Юрий так и не вернулся. Его сбили на третий день войны.

Их «девятка» снова отправилась бомбить скопление фашистских войск, двигавшихся по Варшавскому шоссе. Опять благоприятствовала облачная погода. Но за Пинском небо расчистилось, и самолеты были атакованы «мессерами». Юрий не успел развернуть турели пулемета, чтобы дать отпор фашисту, как тот выпустил длинную очередь. Бомбардировщик накренился и стал снижаться. Кабина штурмана заполнилась дымом, ни командир, ни стрелок на вызовы штурмана не отвечали.

Фашисты сбили все звено. Юрий выпрыгнул на парашюте, упал в лес и тут только почувствовал, что ранен. Полуголодный, пробираясь от хутора к хутору по болотам, он вышел вместе с двумя товарищами к своим.

— Воздушным разведчиком я стал случайно, — говорил Дерябичев. — Когда вышел из окружения, разыскал свой полк, но воевать в нем не пришлось: попал в госпиталь — во время скитаний по болотам загноились мои раны....

Юра упорно думал, что его призвание — дальняя бомбардировочная авиация, но, послушав рассказы бывалых разведчиков и сделав первые самостоятельные вылеты, он полюбил свою новую профессию.

— В разведке ты сам себе голова, — рассуждал он, — не ждешь сигнала ведущего. Ты один, у тебя больше свободы, чем у других авиаторов, но и гораздо больше риска...

В эскадрилье не было более статных и крепко сбитых парней, чем три молодца, составлявших боевой экипаж моей «двойки». Они рвались в бой. Вскоре ребята доказали, что досадная «блудежка» была результатом случайной оплошности. С хорошей оценкой они закончили тренировочные полеты и заслужили право регулярно летать на разведку.

Голубничий был строгим командиром, человеком самолюбивым и вспыльчивым. Иван имел прекрасное летное чутье — нюх, если можно так сказать, он мог выбраться из сложнейшего положения. Экипаж завоевал авторитет энергией, стремлением осваивать новое, смелостью и расчетливостью.

В авиации есть понятие — осмотрительность. Важность ее в полете чрезвычайно велика. Задание будет выполнено, экипаж останется цел, если проявлена настоящая осмотрительность, вовремя замечены вражеские истребители.

Три члена экипажа строго распределяли между собой сферы наблюдения за воздухом. Плохой обзор из кабины стрелка на Пе-2 заставлял Воскобойникова высовываться по пояс из верхнего люка. Это требовало мужества и огромной воли. Более двух часов длился разведывательный полет на высоте до семи тысяч метров. Радисты всегда облачались в зимнее обмундирование, чтобы не обморозиться, и закрывали лицо плотной маской. На глаза надевали очки.

Анатолий никогда не покидал свой пост. Даже когда надо было передать радиogramму, он не прятался в кабину. Управляя радиостанцией с дистанционного пульта, Анатолий стоял по пояс на всех стратосферных ветрах и время от времени просил Голубничего «показать хвост», то есть качнуть киями для просмотра «мертвых зон». И так в течение всего боевого полета, с первой минуты до последней. Воздушные разведчики сохраняли свою жизнь благодаря зоркости стрелка-радиста, его безукоризненной осмотрительности и особой интуиции.

Долго экипаж летал без происшествий. Молодые разведчики поверили в свои силы, в безупречность боевой машины, а командование — в благополучный исход любого задания, которое выполняли три русских богатыря. Но однажды, когда они находились за линией фронта, связь прервалась.

Малютин и его новый помощник Анатолий Попов заволновались. «Неужели снова заблудились?» — думал комэск. Голубничий должен был уже пересечь линию фронта, а Воскобойников молчал. Мы гляделись в густой туман, вдруг закрывший аэродром, и гадали: «Где-то наши разведчики?» Тревожила мысль: если Голубничий и прилетит, сможет ли сесть в плотном тумане?

В полете, далеко за линией фронта, произошел редкий в авиации случай. «Пешка» мчалась «в молоке», и вдруг ни с того ни с сего

прервалась связь, перестал работать радиополукомпас, и стали перегреваться оба мотора. Хуже не бывает, когда не знаешь причины неприятности. Иван с Юрой безуспешно переговаривались, но так и не пришли к выводу, что следует предпринять. А тем временем температура воды в системе охлаждения обоих моторов приблизилась к критической отметке.

Когда вырвались из «молока» и оказались в лучах солнца, Воскобойников подал голос:

— Командир! Не вижу провода радиоантенны. Кто-то его оторвал! А хвост самолета окровавлен... Видны застрявшие в рулях перья...

— Что-что? — переспросил удивленно Иван.

— Пух и перья!

— Все ясно, — вмешался штурман. — Птицы сбили антенну. И попали в туннели водяных радиаторов. Вот почему моторы перегреваются! Был такой случай, когда я служил в полку «бомберов»...

Недаром говорится, что на ошибках учатся. Разведчики вспомнили злосчастную «блудежку» во время тренировочного полета и теперь не растерялись, сумели восстановить ориентировку и выйти точно на свой аэродром. Но посадочная полоса была закрыта плотным туманом, поверх «молока» были видны лишь трубы крестьянских изб да знакомые верхушки тополей. По ним разведчики строили расчет на посадку. Когда коснулись земли, Анатолий было закричал «ура!», но Иван его грозно обрезал:

— Прекратить! Еще неизвестно, куда катимся, в конце полосы — овраг...

Разведчики словно родились в сорочках: «пешка» затормозила в двух шагах от оврага. За блестящее выполнение боевого задания, за смелость и летное мастерство экипажу «двойки» объявили в тот день благодарность, а я написал о героях стихи.

Правда, Юра Дерябичев из скромности отказался их поместить на видном месте эскадрильевой газеты «Воздушный разведчик». Юра был талантливым художником, благодаря ему боевые листки славились больше рисунками, чем текстом. Еще в первые дни нашего знакомства Юра предложил нарисовать на носу «двойки» гвардейский значок. Лиха беда начало. На фюзеляже, между кабиной и стабилизатором появился еще и рисованный орел. Я просил изобразить орла пострашнее, чтобы отпугивал «мессеров», но Юра улыбнулся и сказал:

— Так это я Воскобойникова изобразил! Чем не орел?

Юра скромничал. Анатолий, конечно, заслуживал такой похвалы, но справедливости ради следовало нарисовать на «двойке» еще двух орлов. Потому что ее экипаж состоял из трех отважных русских молодых, готовых выполнить любой приказ командования.

ЗАПИСИ В ЛЕТНОЙ КНИЖКЕ

Вскоре молодой экипаж Голубничего, отличившийся в боевой работе, обстрелянный и надежный, получил приказ вылететь в Андреаполь. В кабине «двойки» нашлось место и для меня. Через час с небольшим мы приземлились на укатанном колхозном поле. С одной стороны его окаймлял темный сосновый лес, с другой — стоявшие в ряд несколько крестьянских домов с сараями.

В ходе зимней наступательной операции, начавшейся разгромом фашистов под Москвой, наши войска далеко продвинулись на запад в районе Великих Лук, и расположенные там аэродромы Торопец и Андреаполь стали использоваться воздушными разведчиками для «подскока». Стартовав с основных баз на Валдае и Калининe, наши самолеты приземлялись в Андреаполе, дозаправлялись горючим и улетали на полный радиус полета в тыл врага. Вернувшись в Андреаполь с почти полностью выработанными бензобаками, они снова подзаряжались и следовали на свои базы. Лишь там, по возвращении, начиналась обработка разведфильмов и составление разведдонесений. Оперативность разведки от этого страдала. Дислоцировать же разведчиков, а также механиков и фотослужбу в Андреаполе командование опасалось. До фронта — рукой подать. Разведчиков могли одним ударом уничтожить штурмовая авиация либо ближние бомбардировщики врага.

С Поповым и Мелахом мне уже приходилось вылетать в Андреаполь. Там во время подзарядки баков экипаж оставался на своих местах. Все мы настороженно вглядывались в облака, опасаясь появления «мессеров».

Наконец заправка закончена. Перебегая с крыла на крыло, еще раз проверяю уровень горючего, закрываю горловины пробками с барашками, которые положено туго, с помощью плоскогубцев, закручивать, чтобы никакая сила — ни в пике, ни в штопоре — не могла вырвать бензопробки. «Готово!» — кричу командиру.

Вскоре, однако, в Андреаполе разместились несколько экипажей первой эскадрильи, прилетевшие с аэродрома Калинина. Опергруппой разведчиков командовал долговязый, чуть сутуловатый капитан Алексей Дрыгин. Он летал на новом самолете Ту-2. Летал отважно и много. А когда «Туполев» был в ремонте, Алексей садился за штурвал «пешки».

Заканчивался второй год непомерно суровой войны. Победная битва под Сталинградом вдохновляла наших разведчиков, вселяла в них веру в скорую и окончательную победу. Боевые экипажи соревновались, кто больше совершит вылетов, лучше разведает военные объекты противника. Анализируя результаты полетов, разведчики задумывались: куда направляются немецкие эшелоны с пехотой и тан-

ками, которые они регулярно фотографировали на станциях Идрица, Пустошка, Дно и других? Однажды Дрыгин слетал в Прибалтику, сфотографировал в порту Пярну прибывшие вражеские морские транспорты с военной техникой и солдатами. «Что задумали фашисты?» — размышлял Дрыгин.

Позже воздушная разведка с точной регистрацией на фотопленке установила, что из Пярну фашистские резервы перебрасывались по железной дороге на юг, через железнодорожные узлы Резекне, Полоцк, Витебск, Оршу, Могилев, Чернигов. «Зачем? — думал капитан и решил:

— Видимо, немцы готовят новое летнее наступление снова где-то на юге?» Впрочем, многие из нас размышляли тогда о том, удастся ли нашей армии тем летом сдержать натиск гитлеровской машины и самим перейти в наступление.

А в это время в Москве, куда стекалась вся разведывательная информация, в том числе добытая летчиками, разведанные тщательно анализировались. Они проверялись и еще раз перепроверялись. В результате вскрывались стратегические и тактические замыслы немецкого командования на лето 1943 года и строились планы, направленные на срыв наступательных операций врага и разгром его армии.

Весной 1943 года противовоздушная оборона немцев усилила борьбу с нашими воздушными разведчиками. Появление нового советского бомбардировщика Ту-2 вызвало особое беспокойство. «Мессеры» усиленно охотились за ним, стремясь сбить, а мы предпринимали все меры предосторожности, чтобы ни один «Туполев» не попал в лапы фашистам. Дрыгин получил приказ в случае вынужденной посадки в тылу врага либо других чрезвычайных обстоятельств уничтожить самолет.

Хотя механикам на первых порах эта незнакомая машина доставляла много хлопот, летчики сразу оценили высокие летные качества «Туполева». Еще бы! На нем с подвесными баками можно было лететь из Андреаполя даже до Берлина. Он был лучше вооружен, экипаж состоял из четырех человек — прибавился еще один стрелок в хвосте самолета. Кроме того, Ту-2 способен был брать солидную бомбовую нагрузку.

...Это случилось за неделю до начала Курской битвы. Вылетели по дальнему маршруту и снова появились над Пярну. Зенитки открыли сильный огонь и мешали сфотографировать разгружавшиеся в порту вражеские суда. С одного захода не удалось закончить фотосъемку. Стали делать второй заход. Огонь усилился. Один снаряд разорвался совсем рядом. Он оказался роковым: перестал работать левый мотор. «Что ж, “Туполев” хорошо летает и на одном двигателе», — подумал Дрыгин, увеличил обороты уцелевшему мотору. Развернулись на восток и пошли домой с небольшим снижением.

До Андреаполя оставалось пятьсот километров. Постепенно, вынужденно снижаясь, разведчики подошли к линии фронта на высоте чуть более тысячи метров. Конечно, они были хорошей мишенью для вражеских зениток. Однако, к счастью, прошли сквозь сильный огонь без повреждений. И в тот момент стал давать перебои единственный исправный, но натруженный и сильно перегревшийся правый мотор. Самолет почти падал, Дрыгин напряг все усилия, чтобы посадить машину с убраннным шасси на лесную поляну. Где мы? Кажется, еле-еле перелетел через передовые немецкие окопы? Выходит, сели на нейтральной полосе? Но где ж наши окопы? А вслух приказал:

— Всем быстро покинуть машину! Радист Белов, взять с собой ящик НЗ с продуктами. Штурман Рыжков, где спички?

— На месте, командир! — ответил удрученно Степан. — Прикажешь начинать?

— Что начинать? — зло переспросил капитан.

— Поджигать самолет, ведь приземлились под носом у фрицев! — ответил штурман. Едва успел он сказать эту фразу, как стрелок-радист, высунувшийся в задний люк, прокричал:

— Фрицы! Ползут к нам!

— Поджигай! — скомандовал Дрыгин.

Рыжков смял две летные карты и бортовой журнал, чиркнул спичкой и зажег их. Он поднес факел к замазанной мотогондоле, рассчитывая, что масло вспыхнет и самолет постепенно охватят языки пламени. Но оно только шипело. Следовало бы сорвать с мотора капот, порвать бензопроводы, поджечь находящийся в них бензин. Но у летчиков не было даже простой отвертки либо плоскогубцев. А без них даже не откроешь пробки бензобака. Инструмент был спрятан где-то в мотогондоле. Ее створки при посадке на «живот» смялись, и люки не открывались. Дрыгин хотел приказать штурману поискать мелкий инструмент в кабине летчика, куда его иногда прятали механики, но раздумал. Он сам недавно строго-настрого запретил механикам оставлять в кабине что-либо, так как однажды забывтая отвертка каталась по днищу самолета и заклинила рули. Хорошо, что этот каверзный случай произошел во время рулежки «Туполева».

А фрицы уже были совсем рядом. Еще минута замешательства, и разведчиков схватят. Плен! На лбу Дрыгина выступил холодный пот. Он скомандовал экипажу немедленно по-пластунски уходить в сторону своих окопов, которые должны были находиться где-то на востоке. И они поползли к кустам, скрываясь в высокой траве. Вдруг в воздухе что-то засвистело, сверкнул яркий луч света, и раздался оглушительный гром взорвавшегося снаряда. Дрыгину показалось, что бьют по ним. Снова свист летящего снаряда, снова взрыв. Другой, третий.

Наконец разведчикам удалось достичь леса, где они решили сделать короткий привал. Им казалось, что они проползли и прошагали не менее двух километров, а своих окопов все не было видно. И вдруг позади из-за куста раздалась строгая команда: «Стой! Руки вверх!..»

Вскоре капитан Дрыгин предстал перед грозными глазами генерала — командира корпуса, солдаты которого подобрали экипаж упавшего «Туполева».

— Не знаю, что с вами делать, капитан! — говорил генерал тоном, не терпящим возражений. — Бросили самолет на произвол судьбы!..

В этот момент раздался телефонный звонок, генерал поднял трубку. Он внимательно слушал, не проронив ни слова. Тон его голоса после телефонного звонка изменился, стал мягче. Ошеломленный событиями последних часов, Дрыгин, однако, этого не ощутил.

— Молись богу, капитан! — добродушно заговорил генерал. — Молись, авось он тебя простит... — Дрыгин совсем опешил и сказал:

— Какому богу?

— Богу войны — нашей артиллерии. Получив приказ уничтожить новый самолет, наши артиллеристы несколькими снарядами превратили твой «Туполев» в щепки, а заодно подбили фашистский танк. Мне только что позвонили, что с его помощью фрицы хотели оттащить Ту-2 к себе, за окопы. Не вышло! А фрицев, что вас преследовали, взяли наши ребята. Рады до смерти — давно не могли добыть «языка». Один из фрицев сообщил, что их часть перебрасывают на юг, под Курск.

ВЕРНУЛИСЬ!

Нра! Наши армии не дрогнули перед бронированным кулаком гитлеровцев на Курской дуге. Советские воины сдержали оборону и перешли в мощное наступление. Враг отброшен и бежит. Нашей радости не было предела!

В то славное лето 43-го нам нежданно-негаданно подвалила еще одна радость. Вернулся из фашистского тыла давно пропавший без вести боевой летчик Василий Кокорев. Посмотреть на живого Кокорева сбежались все летчики и механики, находившиеся в ту минуту в казарме. Василия обнимали, мяли, щупали, будто сомневались, цел ли он.

«Фотики» предложили сфотографировать его в кругу однополчан. Василий отнекивался, говорил, что надо бы переодеться, ведь вернулся в полк в чем скитался; последний месяц — в рваных бриджах да грязной куртке. Но его не слушали. Усадили вернувшегося «с того света» на стул, окружили со всех сторон. Вспыхнул магний...

Потом уже стали подробно расспрашивать, что приключилось с бывалым разведчиком.

— Сбили! — ответил Василий. — Сбили на подходе к Рославлю. Самолет загорелся и стал падать. Я дал сигнал товарищам прыгать. Затем сам выпрыгнул в темноту...

Василий Кокорев воевал во второй ночной эскадрилье. Она выполняла ответственные задания командования ВВС. В ходе подготовки мощного летнего наступления на Курской дуге фашисты стремились осуществить скрытно переброску своих войск и техники, пользуясь покровом ночи, и в этот период отличная и безотказная работа разведчиков-ночников могла сыграть исключительно ценную и важную роль для определения оперативных и тактических замыслов противника.

В свою очередь, гитлеровские генералы хорошо понимали, кто может обнаружить их планы нового наступления, и предпринимали все меры, чтобы помешать нашим воздушным разведчикам выполнить поставленную перед ними задачу. Для охоты на русских разведчиков отрядили лучших фашистских летчиков-истребителей, а их самолеты-перехватчики оснастили специальными устройствами. С их помощью можно было легко определить местоположение летящего в сплошной темноте любого самолета. Фашисты разработали особую тактику ночного боя. Обычно сразу действовали два истребителя-перехватчика «Мессершмитт-110». Один из стервятников, приближаясь к цели, освещал ее бортовой фарой, тогда как второй, скрывавшийся в ночной мгле, внезапно открывал огонь.

В то лето вторая эскадрилья несла большие потери. В считанные дни число ее экипажей сократилось почти вдвое. Однако эскадрилья продолжала воевать. Каждый из оставшихся в строю боевых экипажей теперь летал за себя и за невернувшихся товарищей. Стоило это больших усилий воли и нервов, огромной физической нагрузки.

Летчики-ночники летали на тихоходных бомбардировщиках ДБ-3ф, переименованных в Ил-4. Их большой радиус полета позволял летать на разведку по шесть и более часов. Вылетали со своей базы за светом, чтобы достичь линии фронта к моменту наступления темноты.

И в тот злополучный полет Василий Кокорев вылетел заблаговременно. Настроение у экипажа было боевым, приподнятым. Экипаж накануне отметили орденами. Это был их 28-й боевой вылет. К линии фронта подошли точно в расчетное время, но было еще светло. Кокорев решил подождать, когда стемнеет, и стал кружить над позициями своих войск.

В небе не было видно «мессеров», обычно шнырявших в прифронтовой полосе, и Кокорев благополучно ушел за линию фронта. Сначала все шло хорошо. Снизились до высоты 400 метров над шоссе и наблюдали за автоколоннами с вражескими войсками. Затем они поднялись на высоту двух с половиной тысяч метров, с которой обычно делали

ночные разведывательные фотосъемки. Им предстояло сфотографировать вражеский аэродром.

В лунную ночь он хорошо был виден издалека. С него взлетали фашистские ночные бомбардировщики. Кокорев ожидал, что на подходе к цели вражеские зенитчики откроют огонь по русскому разведчику. Однако фашисты молчали. Видимо, они не хотели раскрывать свои позиции, которые отлично просматриваются с воздуха ночью во время стрельбы зенитных орудий и пулеметов. Кокореву хотелось отдать штурману приказ потревожить фашистов, сбросив одну-другую фугаску: к этому приему часто прибегали разведчики-ночники, когда получали задание вскрыть противовоздушную оборону врага. У фашистов сдавали нервы, они открывали огонь из всех точек, обозначая себя. Однако на этот раз у Кокорева было другое задание — сфотографировать вражескую технику на аэродроме.

Нервы были напряжены. От летчика-ночника требовалось филигранное искусство пилотирования, от штурмана — точный расчет. Заранее надо было сбросить фотоавиабомбу, затем подождать секунд двадцать, пока она не взорвется и не осветит на мгновение объект съемки, и строго выдержать боевой курс. Все это занимало в общей сложности не более трех минут. Но это были минуты концентрации всей воли и всех способностей членов боевого экипажа! Во время ночной фоторазведки многое зависело от степени освещенности объекта лучами сброшенной фотоавиабомбы. Легкий крен — и на снимке получалось темное пятно.

В остальном же боевая работа ночников и разведчиков, действовавших днем, мало чем отличалась. И тех и других в небе подстерегала опасность, и тех и других одинаково встречали свинцом вражеские зенитки и истребители. Во время воздушного боя днем разведчики успевали разглядеть, сколько «мессеров» участвовало в атаке, куда пришла их пулеметная очередь. Ночники часто становились жертвами внезапных атак фашистских стервятников, не могли даже огрызнуться ответной очередью из пулеметов.

Так случилось и с экипажем Кокорева. Все произошло в считанные секунды. Вспыхнул левый мотор. От него потянулся белый предательский шлейф дыма горящего моторного масла. Кокорев отдал команду экипажу покинуть самолет на парашютах, а сам рассчитывал посадить раненую машину.

Первым выпрыгнул стрелок, вторым штурман, третьим стрелок-радист. Командир наказывал им всем, приземлившись, собраться вместе и группой пробиваться к партизанам либо через линию фронта. Не получилось. «Где же товарищи?» — думал Василий, когда благополучно опустился на парашюте и один направился в сторону леса.

Василию везло. Три дня он блуждал во вражеском тылу и не наско-чил на полицаев. Заметив шагавшую по дороге женщину с хлебом и мо-локом, он попытался разузнать у нее про партизан. Женщина отдала ему все продукты. Наконец, он повстречал пастуха-партизана и попал в отряд Рогнединской партизанской бригады, воевавшей на Брянщине.

Как полагалось, ему устроили проверку. Василий вылетел с орде-ном на гимнастерке, с удостоверением личности и партбилетом. Пар-тизан, однако, смутило то, что у летчика, кроме советского пистолета, имелся немецкий автомат «шмайсер» и фашистская пилотка. Кокорев объяснил, что во время блуждания по лесу заметил фашистского сол-дата, собиравшего в кустах малину. Солдат, жадно глотая ягоду за яго-дой, двигался по направлению к летчику, прятавшемуся в кустах. Ва-силий взвел курок, поднял пистолет и в упор выстрелил. Солдат упал. Сняв с убитого автомат и пилотку, летчик поспешил углубиться в лес-ную чащобу.

— Это был первый фашистский гад, что ты убил? спросил Василия командир партизанского отряда.

— Наверное, первый... — ответил летчик.

— Как понимать «наверное»? Ты что же, столько лет воюешь и убил лишь одного фашистского зверя?

— Трудно сказать, сколько убил. Приходилось бомбить фашистов с воздуха, и не однажды. Штурмовал фашистские автоколонны. Но так, чтобы убивать в упор, раньше не приходилось...

А настоящую проверку Василий прошел во время партизанского рейда по тылам фашистов. Партизаны вели «рельсовую» войну, взры-вали железные дороги, по которым враг перевозил войска и боеприпа-сы. Десять дней Кокорев таскал на спине в мешках взрывчатку, а по-рой и продовольствие. Когда израсходовали весь тол, стали устраивать на дорогах завалы. Пришлось однажды пережить неприятные мину-ты при встрече со смертельной опасностью. Отряд форсировал речку и попал под обстрел. К счастью, никто не пострадал. Вскоре они со-единились с бригадой. Это случилось в славный день, когда Москва салютовала советским воинам, освободившим Орел и Белгород. Кокорев радовался вместе со всеми большой и трудной победе. Он думал, что в ней есть частичка боевых заслуг и его ночной разведывательной эскадрильи.

Летчику поручили новое партизанское задание. «Это по вашей ча-сти!» — сказал командир отряда. Василия назначили помощником ко-менданта партизанского тайного аэродрома. В его задачу входило раз-водить по ночам костры, по которым прилетавшие с Большой земли летчики определяли место посадки, а в случае налета вражеской ави-ации быстро их тушить. Кокореву выделили помощников. И надо же

такому случиться, что среди помощников он встретил однополчанина. Им был стрелок-радист ночной эскадрильи Виктор Крохин. Он летал в другом боевом экипаже, был сбит примерно в том же районе, спустился на парашюте и оказался среди партизан. Конечно же, крепко обнялись, расцеловались. Почти месяц воздушные разведчики находились в партизанской бригаде, воевали в Брянских лесах, а затем их переправили на самолетах в родной полк. Если бы все пропавшие без вести разведчики оказались такими же удачливыми, как Кокорев и Крохин! К сожалению, большинство из них либо погибли вместе с подбитыми самолетами, либо попадали в плен.

Другой экипаж, в котором находился стрелок-радист ночной эскадрильи Саша Тюрин, был сбит на пятом вылете на разведку. Это случилось за два месяца до возвращения Кокорева. Разведчики глубокой ночью появились над объектом разведки — железнодорожным узлом города Орши. В небе, казалось, ничто не предвещало опасности, и Тюрин даже не заметил, как тихоходный Ил-4 был атакован «мессером».

КАКОВО БЫТЬ ПЛЕННЫМ

Тюрину с трудом удалось выпрыгнуть из потерявшего управление самолета и спастись на парашюте. Он спрятался в ржаном поле, но был выловлен полицией. Изрядно избитый, он был заточен в смоленском концлагере, где встретил всех членов своего экипажа — командира Жувака, штурмана Жебко, стрелка-радиста Косых, так же как он, пленных.

Шел 1974 год. Я собирал материалы для книги, свидетельства однополчан. Получил письмо от Александра Тюрина. Он писал:

«Жувак, Жебко, Косых также были выловлены полицией. Восемь дней мы провели в смоленском лагере. Стоваривались и строили планы побега. Нашупывали связи. Но тщетно. Потом оказались в большом лагере города Лодзи. Проходя там однажды мимо карантинного барака, я услышал несущийся сверху приглушенный зов: “Тюрин! Тюрин!”. Обернувшись, увидел сверху забора знакомое лицо однополчанина летчика Варламова. Наступали сумерки. Коротко поговорили. Я рассказал о последних новостях из жизни полка, о товарищах. Он в числе «доходяг» чистил картошку. Он сообщил, что в лагере находится его штурман Кудеяров, не вернувшийся с задания вместе с ним в марте 43-го. Больше я Варламова не видел. А с Кудеяровым встретился и переговорил накоротке. Конечно, вспомнилась жизнь в родном полку, боевые полеты. Хорошие, добрые воспоминания остались у меня о летчике, веселом и мужественном Александре Барабанове, об Анатолии Попове, о комэске Дмитриеве, о ребятах из фотоотделения. С ними

я дружил, так как вместе окончили одно военное училище. Помню всех по именам.

Для молодых поколений наших дней те годы стали историей. Школьники и студенты за осведомленность о тех лихих событиях получают оценку по пятибалльной системе. Для нас это — дни нашей молодости. Для некоторых дни трагедий. В концлагерях нас звали не иначе как “Эй, Иван!”, кричали на нас, понукали как лошадей. Пиками проверяли землю перед бараками, ища подкопы.

После освобождения из плена 16 апреля 1945 года я считаю этот день вторым днем моего рождения. В июне нас передали советским войскам. Прошел не совсем приятную проверку. Мариновали полгода в одном из лагерей оккупированной Германии. После проверки снова призвали в армию. Звание у меня было не высокое — старший сержант. Тем не менее о нем никто не упоминал. Я стал как бы рядовым. Отслужил полгода и был демобилизован».

Вторая ночная эскадрилья активно работала накануне и в ходе сражений на Курской дуге. Примерно в ту же пору и в том же районе был сбит экипаж Василия Кокорева. Уже рассказывалось, что командир спасся на парашюте. Встретил партизан. Остальные члены экипажа пропали без вести.

Вскоре после окончания войны, в июне 45-го, в полк пришло письмо от стрелка-радиста Леонида Кондратенко, входившего в экипаж Кокорева. Леонид писал командиру полка, что жив и здоров. Был в плену, описал все невзгоды, которые пережил и пленный Саша Тюрин. Из плена был освобожден американцами, передан в фильтрационный лагерь и после проверки демобилизован.

Леонид Кондратенко, ленинградец, окончил железнодорожный институт, почетный железнодорожник, ценный специалист по управлению железными дорогами. Со своим командиром Кокоревым встретился в праздничные дни в Шаталово. Регулярно переписывались. Кстати, на праздниках в полку видели капитанов Жебко и Жувака. Они работали в Аэрофлоте. Живым вернулся из плена и летчик-ночник Арон Зенгин. Пройдя проверку, Зенгин стал работать в управлении гражданской авиации.

Но вернемся к письму стрелка-радиста Кондратенко. Леонид писал, что выпрыгнул из горящего «ила» после команды командира, когда зажглись сигнальные огни — красный, зеленый и белый, — означавшие команду: «Прыгать!»

Прочитав эти строки, комполка Тюрин приказал срочно вызвать к нему Кокорева и пригласить на беседу комиссара полка Настоящего.

— Читай и радуйся, — сказал Тюрин вошедшему Кокореву, хмурому в ожидании беды. — Это письмо реабилитирует тебя.

На просьбу летчика передать ему письмо стрелка-радиста Тюрин ответил согласием, но сказал, что сначала прикажет сделать фотокопию письма. Дело в том, что прошло уже около двух лет с того драматического момента, когда Кокорев вернулся из партизанского лагеря, а за ним тянулся «хвост». Как-никак, он был на оккупированной территории, выпрыгнул с парашютом, оставив на произвол судьбы троих членов экипажа: штурмана Безносова, стрелка-радиста Кондратенко, воздушного стрелка Фомина. В авиации, как на море: капитан корабля, пусть и воздушного, в случае беды покидает его последним.

Командир партизанского отряда вручил Кокореву справку партизана. Тюрин прислал за ним свой «небесный тихоход», и тот доставил его на Большую землю. Василию Кокореву поверили, повысили в должности до командира эскадрильи. Вручили орден, которым он был награжден до злополучного полета в тыл к немцам.

И вот кончилась война, а Василий Кокорев, прославленный летчик и партизан, оказался не очень везучим. Существовала инструкция, что побывавшим на оккупированной территории запрещалось занимать высшие командные должности. Нашлись добрые люди, подсказали Василию поступить в академию заочно. Так и сделал. Окончил Военно-воздушную академию и Академию Генерального штаба, служил в Генштабе. Со временем получил звание генерал-майора авиации.

Но дорога вверх не была усыпана розами. Напротив, пришлось ходить по шипам. Уже в преклонном возрасте, на рубеже нового века Василий Григорьевич рассказывал мне о своих переживаниях. Он подсчитал, что раз девять писал объяснительные записки дотошным «особистам». Писал одно и то же: когда и как был сбит ночью на подходе к Рославлю, как приказал экипажу покинуть горящий самолет, как почувствовал, что из нижней кабины штурмана потянуло дымом. Это означало, что штурман открыл свой люк и выпрыгнул. Как после блужданий по лесу встретил партизан.

ШУТКА-МИНУТКА

Суровое искусство войны постигалось легче, если тому способствовало бодрое настроение, шутка, которая — правильно говорят — минутка, а зарядит на час. И уж, помнится, были у нас свои любители розыгрыша. Ведь наш полк состоял в основном из молодежи.

Недаром говорят: какая жизнь, такие и песни. Положение на фронтах складывалось теперь не в пользу фашистов. Успехи наших войск на северо-западе не были такими громкими, как на южных фронтах. Но и у нас приближался час победы. Метр за метром,

в упорных боях мы отбивали свою землю у врага на подступах к Смоленску, Витебску, Новосокольникам. В результате передовой форпост 3-й эскадрильи — аэродром «подскока» в Андреаполе — стал нашей основной базой.

В освобожденном Андреаполе не осталось даже труб от сожженных домов. Жили кто где. В аэродромных землянках и крестьянских хатах. По утрам разведчики выстраивались в шеренгу, и комэск давал им задания. И каждое утро в этот момент в тылу шеренги появлялся козел. С разбегу он бодал кого-нибудь в мягкое место, пострадавший испуганно взвизгивал, и все разражались взрывом хохота.

Комэск приказал поймать козла и запереть в сарае. Так и сделали. А наутро он снова появился. Это продолжалось долго. В конце концов озадаченный Кулагин отдавал команды так: «Смирно! И не дразнить козла!» От этого еще пуще смеялись.

Много шутили по поводу исключительной способности черноволосого штурмана Ивана Строева спать в любом положении: сидя, стоя, даже в строю с открытыми глазами.

— Весь полет дрыхнул и опять дрыхнешь, — толкал Ивана в бок летчик Петров.

— Отстань, дай поспать. В полете Витюнчик мешал, а теперь ты придираешься, — отшучивался Иван.

Шутка о штурманах-сонях родилась в связи с плохим обзором земли через нижнее остекление передней кабины. Поэтому точный подсчет вражеских самолетов, эшелонов, автомашин штурману было удобнее вести лежа на полу, протиснувшись в узкий нос «пешки». Штурманам во время такого полета доставалось. Они то и дело ложились на пол, будто пехотинцы на учении: лечь! Встать!

Нелегко проснуться в нос самолета, когда ты одет в толстый меховой комбинезон, унты плюс на тебе висит тяжелый парашют, ботающийся под ногами. Он, кстати, требовал к себе особого внимания: лямки могли задеть за многочисленные рычаги и выключатели, расположенные в кабине. Одно неосторожное движение — и парашют самооткрывался. Вот почему некоторые предпочитали оставаться лежа до подхода к следующему объекту разведки.

Предметом шуток становились и летчики, попадавшие в необычные истории, и, конечно, опростоволосившиеся механики. Однажды из-за нехватки горючего «пешка» приземлилась близ шоссе Бологое—Выползово. Сесть-то села, на шасси и без каких-либо повреждений, а взлететь с места вынужденной посадки явно не смогла бы — мы трижды мерили длину поля и убеждались, что для взлета оно коротко. Вот досада! До родного аэродрома километров двадцать пять, а нам предстояло демонтировать самолет. «Пешка» не истребитель; снял у того

крылья, погрузил в кузов грузовика и вези хоть до Москвы. Кроме крыльев, на «пешке» предстояло демонтировать две моторные установки, шасси, хвост и так далее. А рядом шоссе.

И тогда Трошанин предложил выкатить самолет на шоссе, запустить моторы и рулить «пешку» все двадцать пять километров до аэродрома. Так и поступили.

На шоссе Москва—Ленинград в ту пору редко появлялись автомашины. В районе Вышнего Волочка и севернее на многие десятки километров шоссе не было асфальтировано. В сухой бесснежный период автомашины поднимали за собой тучи красной пыли. Помнится, шоферы двух встречных грузовиков с испугу свернули в кювет, увидев в облаках пыли двухмоторный бомбардировщик с крутящимися винтами. Им показалось, что самолет взлетает.

Посмеялись мы над шоферами, помахали перчатками и порулили дальше. До аэродрома оставалось километров семь. На пути — последний мост через небольшую речушку. А на мосту, как положено, стояла девушка-регулировщица. Как ни уговаривали ее летчики, она не пропустила самолет через мост.

— Ваши документики? Командировочное предписание на проезд транспорта... Кто же это вас надоумил, голубчики, кататься на бомбардировщике по шоссе?

Пришлось связываться по телефону со штабом Северо-Западного фронта, чтобы дали указание пропустить самолет через мост. В штабе тоже долго не могли взять в толк, о чем просят летчики...

Подшучивали над старшим механиком Иваном Филипповым за скряжничество, граничащее с манией Плюшкина. Он собирал все, что плохо лежит. Когда у него вдруг обнаруживали чужой ключ или плоскогубцы, он отшучивался поговоркой: «Не клади плохо, не вводи вора в грех». Острили и по поводу его «обгоревших» часов. Обычно первым к Филиппову приставал Иван Маров:

— Сколько на твоих «обгоревших»? Уже шесть? Иди ты! А по моим «желудочным» часам будто уже все восемь, лопать хочется — теленка съел бы. Айда ужинать!

Филиппов несколько не обижался на шутки, доставал часы из тумбочки и говорил, который час. Сердиться на нас он считал ниже своего достоинства. Он был лет на десять старше нас, молодых механиков. Когда же нам удавалось вывести его из себя, он обычно восклицал:

— Завидуете, малышня? Ну и завидуйте... — Филиппов имел в виду историю с часами. ...Возвращаясь с боевого полета на подбитой «пешке», Александр Барабанов не дотянул до Выползова и сел «на живот» на лед Осташкинского озера. Ярко-зеленый бомбардировщик на фоне

заснеженного озера был отлично виден. Гитлеровцы вскоре его обнаружили и принялись бомбить.

Хозяин самолета Филиппов прибыл на место вынужденной посадки с заданием поднять машину, отремонтировать и подготовить к перелету. После очередного захода фашистов на цель лежавшая неподвижно на льду «пешка» загорелась. Филиппов не растерялся, бросился к самолету, успел снять пулемет, радио и часы. За этот смелый поступок он был награжден медалью «За отвагу». Он с гордостью носил ее, поскольку в то время мало кто из технарей, не считая Фисака, Трошанина и меня, был представлен к правительственным наградам. «Подгоревшие» часы остались у Филиппова.

Подшучивали даже над Анатолием Поповым, который по характеру не располагал к розыгрышам, да и едва ли любил шутки. Шутили насчет его боевого полета «по интуиции». Попов вылетел на моей «двойке», но вскоре его отважный стрелок-радист Николай Алейников радировал: «Нет давления масла в правом моторе». Комэкс в ответ приказал: «Сбросьте доббаки, возвращайтесь домой». Комэкс опасался, что неисправный мотор вот-вот заклинит, коль скоро упало давление масла, а затем может перегреться второй мотор. Словом, всякое могло случиться. Разведчик на радиogramму командира ответил: «Возвращаюсь» — и пропал.

Попов вылетел на задание на полный радиус действия самолета с дополнительными баками, похожими на торпеды. Они изготавливались из прессованного бензиноустойчивого картона и подвешивались по два на каждый самолет под крыльями, между мотогондолами. Таким образом дальность полета увеличивалась на час двадцать минут. Но эти огромные сигары создавали дополнительное сопротивление и снижали скорость. После полной выработки бензина баки следовало сбрасывать, но их не хватало, и летчики от них освобождались в случае нападения вражеских истребителей и при других экстренных обстоятельствах.

Пока мы в землянке обсуждали всевозможные причины неисправности мотора на «двойке», Попов приземлился и зарулил на стоянку.

— Задание выполнено! — доложил Попов изумленному Малютину.

— А давление масла? А правый мотор? Как же вы полетели с неисправным мотором?

— По интуиции, товарищ командир! — отпартовал летчик.

Что же произошло? Действительно, прибор показывал, что давление масла на одном моторе упало. Разведчик сбавил обороты мотора, развернулся и взял курс домой. Но винт злополучного мотора не застопорило, датчик температуры воды не показывал перегрева. Когда перелетели линию фронта, Попов включил двигатель и дал газ. Дви-

жок работал исправно, но стрелка давления масла по-прежнему стояла на нуле. И летчик догадался: вышел из строя манометр. Пустяк! Развернулся на запад и пошел на выполнение боевого задания.

Виктор Петров откуда-то притащил хилого щенка, и вся эскадрилья принялась его выхаживать. Огрубевшие на войне солдатские сердца пообмякли. Каждый затевал со щенком игру, брал его на руки и ласкал. Долго не могли придумать, как назвать пса. Во время очередной дискуссии на эту тему Виктор заметил:

— А у него уже есть имя!

— Какое же? — удивились мы.

— Авиационный Сан-Сачок!

Раздался взрыв хохота. Сачок как нельзя лучше подходило к уже избалованному нами щенку. Когда он вырастет в большого пса, по-прежнему будет сачковать, развлекая летчиков. А вот добавка Сан к кличке нас озадачила. Попросили разъяснения у Виктора.

— А чего тут неясного? Все понятно, — ответил он. Ему, возможно, было понятно, а нам нет. Но чтобы не осрамиться и не стать предметом насмешек, каждый гадал про себя, что значит «сан». САН-итар-сачок? Ведь голодный щенок так вылизывал остатки еды в миске, что она блестела как зеркало.

Имя прижилось. Щенок вырос в хорошую дворнягу, но раскормить его до волкодава нам не удавалось. И хотя все мы считали себя хозяевами Сан-Сачка, слушался он только Виктора, который научил собаку делать стойку перед окном раздачи пищи в нашей столовке и ловить полевых мышей. Пес путешествовал с нами с аэродрома на аэродром вплоть до Дня Победы.

«Чаепитие с истребителями» послужило еще одним поводом для шуток. Ефим Мелак совершил один из редких полетов на разведку в сопровождении наших «ястребков». Это случилось зимой 1943 года. Мы вели фоторазведку сил противника, оборонявшегося между городами Великие Луки и Новосокольники. В этом районе шли ожесточенные бои на земле и в воздухе.

Наши разведчики летали в глубокий тыл врага в одиночку, естественно, без сопровождения истребителей с коротким радиусом действия. Но поскольку разведка велась в прифронтовой полосе, командование воздушной армии решило прикрыть экипаж Мелаха девяткой истребителей. Разведчикам предстояло сделать четыре захода на цель, чтобы заснять систему обороны вражеских войск.

Когда Мелак прилетел к истребителям, которые базировались на льду озера близ города Торопца, и объяснил им свою задачу, возникло непредусмотренное обстоятельство: истребители не смогут сопровождать разведчика на высоте 7000 метров, так как «Яки» не обо-

рудованы кислородными приборами. Сопровождая главным образом штурмовиков, они на больших высотах не летали.

После недолгого размышления за чашкой чая пришли к такому решению: разведчик выполняет свою задачу на заданной высоте 7000 метров, истребители же находятся в районе цели на высоте 4000 метров, где им не угрожает кислородное голодание. В случае атаки «мессеров» разведчик спикирует до высоты «Яков», которые смогут его защитить.

— Такой способ прикрытия в военной науке не предусмотрен, но на войне как на войне, — рассказывал Ефим. — Договорились, пообедали у истребителей, попили еще чайку и в назначенное время взлетели.

В районе цели разведчиков встретил сильный зенитный огонь, но они приступили к фотографированию. Все внимание — на цель, и Мелак, право, забыл про своих сопровождающих. Во время второго захода он вдруг заметил справа возле «пешки» краснотелый истребитель. Летчик «Яка» пристроился к разведчику, улыбается, показывает большой палец: не робей, мол, друг!

И это на высоте-то 7000 метров без кислорода! Мелак не на шутку забеспокоился и показал этому хлопцу, чтобы он нырял побыстрее вниз. И тот тут же спикировал. Но вскоре появился другой «ястребок». Пока разведчики делали развороты для последующих заходов на цель, их друзья-истребители сменяли друг друга, не оставляли «пешку» без защиты.

После выполнения задания Мелак спикировал до 4000 метров. Истребители все, как один, собрались вместе, и он повел их домой. Хотелось с благодарностью пожать руку каждому летчику, но друзья, покачивая на прощание крыльями, полетели на свои аэродромы.

Мелак с грустью подумал, что, наверное, никогда больше не увидит отважных «ястребков», рисковавших ради него своей жизнью. Тогда на земле, за чашкой чая он даже не успел спросить их, откуда они родом, как стали авиаторами. И не успел рассказать о себе, о том, что родился в Одессе, окончил семилетку, затем поступил в фабрично-заводское училище, работал слесарем на заводе, увлекся авиацией и научился летать. В детстве, как и все мальчишки приморских городов, Ефим мечтал стать моряком, испытать себя в схватках с морской стихией, но судьба заменила ему море на воздушный океан. Он остался ему верен на всю жизнь. Его молодость совпала с тяжелой годиною войны.

...Фронтовые истории. Веселые и трагические, грустные и забавные, они сами говорят за себя. Они всегда в нашей памяти и сердцах и будут жить без нас, фронтовиков, еще долгие, долгие годы.



ЧАСТЬ

СКВОЗЬ ТЕРНИИ СТАНОВИЛИСЬ АССАМИ

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Осенью 1943 года советские войска освободили Смоленск и остановились на подступах к Витебску и Орше, а воздушные разведчики получили еще один «подскок» на смоленском аэродроме. К началу операции «Багратион» по освобождению Белоруссии в Смоленск перебазировались почти все эскадрильи нашего полка. Но это произойдет весной и летом 44-го, а пока, глубокой осенью 43-го, в Смоленске оказалась одна наша эскадрилья. Ей выпала самая суровая и в то же время самая почетная судьба — быть впереди. Так пошло с самого начала боевых действий полка.

С какой радостью механики укладывали в чрево «пешек» сумки с инструментами, свои скромные чемоданчики с весьма небогатым содержанием — бритвами, и туалетными приборами, да пачками писем, полученными за два года войны из дома. Вперед, на запад! Мы радовались и тому, что наконец после скитания по землянкам и деревенским избам расквартируемся в поселке на окраине крупного города.

Мы читали в газетах об упорных, многодневных боях за Смоленск, видели снимки его развалин, но все-таки вид почти полностью разрушенного города нас ошеломил. Среди остовов разбомбленных домов и груд битого кирпича стоял наш дом-казарма, тоже лишь наполовину сохранившийся. Одна стена была срезана снарядом. По коридору гулял ветер. Мы поселились в нескольких уцелевших комнатах. Концы разрушенного коридора оградил досками, чтобы кто-нибудь не оступился в темноте и не полетел вниз на груды кирпичей. Страшновато было подходить к доскам, но мы на первых порах толпились там, разглядывая панораму растерзанного города. Особую боль в сердце почему-то вызывали повисшие на стенах взорванных домов перекрученные трубы отопления и качавшиеся на них радиаторы.

Аэродром также оказался разбомбленным. Фашисты, покидая его, разбросали по летному полю фугаски и взорвали их. Готовились к этой

операции, видно, загодя: бомбы были взорваны в аккуратно размеченных квадратах. Черные воронки перемежались с зелеными лужайками. Издалека летное поле напоминало гигантскую шахматную доску. Но фашисты не успели взорвать две бетонированные взлетные полосы — так поспешно отступали. Вдоль этих полос и расположились наши самолеты-разведчики.

От стоянок самолетов до полуразрушенного дома километров семь пути. Наш единственный, тысячу раз отремонтированный грузовичок где-то блуждал по глиняному бездорожью Смоленщины, груженный инструментом с покинутого нами полевого аэродрома. В тяжелых ватниках, кирзовых сапогах и шапках-ушанках нам было нелегко шагать туда и обратно эти километры. На обед в гарнизон мы не ходили, а те, кто не мог без него обходиться, чертыхались.

— Вот уж поистине за сто верст киселя хлебать! В пехоте-то, наверное, легче? — иронизировал Володька Майстров.

1943-й был годом наших больших побед — под Сталинградом, на Курской дуге, в Приднестровье. Мы ликовали. Смелее шли в разведку боевые экипажи, больше шуток слышалось среди летчиков и механиков. Все чаще и чаще задумывались о конце войны.

После двух лет тяжелейших сражений мы овладели искусством войны. У нас появилось как бы второе дыхание. Неся потери, наши боевые экипажи разведчиков набирались опыта, становились мастерами разведки. Ну а мы, технари? Уже по внешнему виду можно было сказать, что мы тоже стали мастерами своего дела. Наши куртки и комбинезоны не были такими замасленными, как в первый год войны. Теперь быстро находили причину неисправности, когда летчик возвращался с боевого задания и жаловался, что «трясет мотор».

— На какой высоте? При каком режиме? — допытывались мы.

— Удивительная штука, — рассказывал, помню, Попов. — На высоте шести тысяч мотор барахлит. Спускаюсь до пяти тысяч — полный порядок.

— Точно?

— Проверял несколько раз...

Какая раньше поднималась карусель! Вскрывались все капоты, люки и «щечки», на это уходила уйма времени, и буквально прощупывались все винтики и трубочки. Но, как правило, никаких неисправностей не обнаруживали. Тогда по указанию инженера эскадрильи забирались в чрево мотора, перебирали карбюраторы — а их шесть, затем проверяли зажигание. И все без толку. Приближался вечер, а поиски успехом не увенчивались. Наступала темнота, и работа прекращалась до утра. Зачехляли моторы и кабины, маскировали самолет елками. Возвращались в казарму к полуночи, измученные и расстроенные.

Теперь дело шло по-иному.

— Пал Карпыч, открой «щечку», — приказываю мотористу. В это время механик Григорьев занят своим делом — заправляет баки горючим.

— Открыл, старшой, — спустя минуту докладывает Пал Карпыч.

— Поверни отверткой воздушную заслонку. Как вращается, туго?

— Еле-еле...

— Все ясно. Промоешь заслонку. Должна вращаться свободно. И в казарму! — говорил я помощникам.

Я несколько не сомневался, что «заедание» воздушной заслонки является причиной «лихорадки» мотора на высоте. Я был также уверен, что мои помощники и без меня устранят неисправность. Они даже обрадуются, что их оставили одних, без опеки. Уходя, я слышал, как моторист заговорил с механиком. Пал Карпыч все же не понимал механизма работы заслонки и задавал вопросы Григорьеву.

— Деревня ты! — по-приятельски толковал ему механик. — Заслонка регулирует поток воздуха в цилиндры. На земле она чуть приоткрыта, а с набором высоты постепенно открывается полностью. А знаешь для чего? Для того, чтобы пропустить больше кислорода, ведь на высоте разреженный воздух... Промыл заслонку? Ну, давай зачехлять, и в казарму. Еще успеем кино посмотреть...

На фронте росло не только наше военное искусство. Ковались и нравственные качества. Среди технарей порой встречались любители посачковать, уклониться от тяжелой работы, требовавшей силы и выносливости. Среди летчиков тоже попадались люди со слабыми нервами, а то и просто пугливые. Уже после войны я спрашивал ветеранов-фронтовиков:

— Скажи честно, с кем бы из наших летчиков ты не пошел в разведку?

— С гордостью за весь полк могу сказать, что у нас таких не было, — отвечали многие.

А вот Юра Дерябичев и Виктор Петров, не сговариваясь, сказали: «Ни за что не полетел бы с Петюнчиком». Служил в нашей эскадрилье один незадачливый летчик. Про таких, как он, в народе сложили пословицу: «В семье не без урода». Но в конце концов и он исправился, подтянулся, стал как все воевать.

СЕМЕНОВ ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ

Воевал в нашей эскадрилье механик-приборист Павел Александров. Широкоплечий, коренастый парень со Смоленщины. Немногословный, а если слово выдавит, то веско и ко времени. Уважали его и рядовые и начальство.

Как-то Павлу приказали починить прибор на полковом связном Пе-2. Починил, а летчик взлетел и вернулся: не работает, говорит, прибор. И так несколько раз. А дел у Павла было много. Один такой мастер на всю эскадрилью, а во время отдыха каждый лез к нему с личными часами: что-то не так тикают, отстают. Словом, никогда Павел не сидел без дела.

Смонтировал он в который раз проклятый прибор на «кукурузнике» и решил сам облетать самолет. Не верил он летчику. И взлетел! Ну, поднялся переполох!

А он аккуратно сделал «коробочку» и чистенько сел, зарулил на стоянку и ушел. Позже признался, что научился летать до войны в аэроклубе. На «губу» хотели его отправить. Коли по уставу, то, конечно, положено, а по совести — парень рисковал жизнью, чтобы опробовать отремонтированный им прибор.

Вспоминается еще одна невероятная история. Младший лейтенант Уваров прибыл в полк из пункта сбора летного состава без документов и личного дела. Он был сбит в первые дни войны, выбирался, как Юра Дерябичев, из окружения, потерял связь со своей частью. Уваров заявил, что он летчик, и ему поверили на слово. Его направили к нам в полк. Однако, сев за штурвал «пешки», он трижды пытался и не смог взлететь.

Отстранили его от полетов, стали разбираться, в чем дело. На следующий день командир полка решил проверить его технику пилотирования. Взлетели на учебной машине. И что же выяснилось? Уваров понятия не имел, как надо делать виражи и прочее. Признался, что по воле случая попал в штурманское училище, а страстно мечтал стать летчиком. Думал, взлететь — дело простое. Его отправили в летную школу.

А вот Петюнчик, напротив, не хотел быть летчиком. Великим мучением для него было подняться в воздух. Вместе с экипажами Голубничего и Богданова Петр Семенов (которого мы прозвали Петюнчиком) прибыл в полк и переучивался в учебной эскадрилье. В ней он задержался надолго. Его товарищи вылетели на Валдай, сделали по десятку боевых вылетов, когда, наконец, Семенова сочли переучившимся и отправили на фронт. Но до аэродрома он не долетел: сел на вынужденную на калининском аэродроме — ему показалось, что вот-вот откажут моторы.

Случалось, что боевые экипажи улетали на разведку в глубокий тыл врага, а Петюнчик один оставался в землянке. Члены его экипажа чувствовали себя не в своей тарелке, а Петюнчик, напротив, как-то преобладался. Он с удовольствием наводил порядок в землянке, подметал веником пол, заготавливал дрова для печки.

Однажды мы подошли к землянке полюбопытствовать, что делает незадачливый разведчик, и услышали негромкий, но довольно прият-

ный тенор. Петюнчик пел арию Ленского. Наши сердца как-то смягчились — ведь не все сосны в лесу корабельные, все-таки на что-то способен человек!

Полевой аэродром возле деревни Колпачки представлял собой узкую ложбинку, окруженную холмиками, на которых росли высоченные и толстые сосны. Требовалось особое искусство захода на посадку — самолеты проскальзывали сквозь узкий просвет между соснами, снижаясь над огромными пнями. Такого аэродрома-западни мы еще не видели. Сердце замирало, когда «пешки» едва не касались этих пней. И так случилось, что с этого аэродрома Петюнчик начал свою боевую жизнь и, возвращаясь с разведки, плюхнулся на эти проклятые пни.

Моя «двойка» стояла первой в шеренге самолетов-разведчиков как раз у окраины летного поля, где и начиналась просека с огромными пнями. Я отчетливо слышал скрежет и лязг металла и зажмурился в ожидании, что вот-вот взорвутся бензобаки упавшего бомбардировщика. Но взрыва не последовало. Мы бросились спасать экипаж... И в авиации бывают чудеса. Издалека мы увидели Семенова, который стоял на плоскости самолета и преспокойно разговаривал со штурманом. Радист также выкарабкался из кабины и перекрикивался с Петюнчиком.

«Обрезали моторы!» — оправдывал Семенов аварию. Поди разберись, прав он или нет. Самолет был настолько искорежен, что причину едва ли можно было обнаружить. В душе мы проклинали Петюнчика за то, что он задал работу всем технарям. Мы уже собирались перебазироваться в Смоленск, и вот пришлось задержаться. Разбитый самолет приказали разобрать и сдать в авиамастерские на запчасти. Ну и намучились мы — обломки невозможно было протащить сквозь пни. Ни автомашина, ни трактор не могли приблизиться к останкам бомбардировщика. Мы чертыхались, разъединяя сломанные плоскости и снимая моторы.

Вскоре Петюнчик снова пересилил себя, полетел на разведку, выполнил задание и благополучно приземлился. Правда, еще издалека, когда «пешка» рулила с посадочной полосы, мы заметили, что выглядела она странно, вроде бы без одного крыла. Не поверили в такое. А когда Петюнчик выключил моторы, мы бросились к машине и ахнули. И впрямь почти нет крыла! Подбежал Малютин и тоже ахнул. А Петр, чеканя шаг, приблизился к комэску, вытянулся по команде «смирно!» приложил ладонь к шлемофону и доложил:

— Товарищ капитан! Задание выполнил. Когда переходил линию фронта, был атакован «мессерами». Решил уйти от врага, бросив самолет в глубокое пикирование. Но «мессеры» не отставали почти до самой земли. Когда они отвернули, потянул штурвал на себя. И вот случайно задел крылом березку...

Комэск слушал доклад разведчика и все время поводил глазами в сторону отсутствовавшего крыла! За долгие годы службы в авиации комэску не доводилось быть свидетелем такого приключения. Уже за то, что Петюнчик прилетел на одном крыле, ему полагалась благодарность. И комэск обнял Семенова.

При осмотре обрезанного березой крыла мы убедились, что действительно произошло чудо. Элерон на «пешке» состоял из двух частей, и удар березы пришелся как раз в место их соединения. Половина элерона осталась целой. Огромного напряжения силы и воли стоило Петюнчику удержать самолет в горизонтальном положении.

О необычном происшествии с разведчиком было доложено в штаб воздушной армии. Там весьма удивились другому: во время перехода Семеновым линии фронта в небе не было замечено «мессеров». Малютин вызвал летчика к себе, и тот признался, что на радостях, выполнив боевой полет, решил пройти над аэродромом бредущим, как все разведчики, и задел за березу. Комэск готов был растерзать обманщика. Грозил отдать его под трибунал, но от полетов не отстранил.

В это время Голубничий с Дерябичевым улетели на подмосковный аэродром, чтобы перегнать оттуда новые машины. Я рассчитывал, что наша «двойка», уже сделавшая около сорока боевых вылетов, получит передышку. Она была закреплена за Иваном Голубничим. Однако исправных самолетов не хватало, и на «двойке» на разведку полетел... Петюнчик.

Мое сердце сжалось в предчувствии беды. Но Семенов удачно выполнил задание. Правда, при подходе к линии фронта Петр стал ерзать в кресле пилота и ныть: увидел впереди разряды снарядов вражеских зениток. «Ой! Ой! — причитал он. — Сейчас нас собьют!» Но все обошлось, и после этого полета Семенов приободрился. Пока мой основной экипаж где-то пропадал, он «разлетался», совершил более десятка вылетов, и командование стало доверять ему более сложные задания. И мы поверили в Петюнчика.

Он теперь при всех, не стесняясь, распевал арии. Один из наших штурманов был ранен во время боевого полета и носил на голове повязку, похожую на тюрбан. Петюнчик, сняв как-то с его головы этот тюрбан и надев на свою, ловко накинул на себя простыню и запел арию индийского гостя из оперы «Садко». Мы дружно ему аплодировали.

Но вскоре в экипаже Семенова случился очередной казус. Его штурман, высокий краснощекий украинец Грицай, чистил пистолет. Вынул обойму, взвел курок, ради предосторожности направил пистолет в сторону — всякое бывает, и палка раз в году стреляет, нажал на курок, и вдруг раздался выстрел.

Хорошо, что Грицай повернул ствол пистолета в сторону стенки. Но пуля, отскочив рикошетом, попала ему в ногу и раздробила боль-

шой палец. Семенов находился здесь же. Он соскочил с нар, рассмотрел раненый палец, побежал к механикам за плоскогубцами и сам извлек пулю.

Летчик расстроился. Теперь, когда он «разлетался», ему не хотелось, чтобы о его экипаже снова подумали как о симулянтах. «Как расценит начальство этот случай? Подумают, самострел», — бубнил он. И летчики дружно пошли к военному лекарю, рассказали правду, но просили скрыть ее от начальства. Грицай положили в санчасть по другой причине. У него на лбу уже давно нарывал чирий.

Семенов продолжал летать на разведку. Я тоже поверил в него. Закрывая за ним люк перед полетом, я больше не волновался за его возвращение. И вот в конце зимы, когда все стали забывать, с каким трудом Петюнчик начинал фронтовую жизнь, Семенов не вернулся. Он улетел на моей «двойке» с разрисованным фюзеляжем. Последняя его радиограмма гласила: «Перешел линию фронта. Матчасть работает исправно». И все... Снова стало больно, как всегда, когда эскадрилья несла потери...

Спустя два дня прилетели Голубничий с Дерябичевым. Вместе с группой летчиков они перегнали в Смоленск новую технику. Но Малутин еще раньше распорядился выделить мне «бесхозную» «пешку» взамен невернувшейся и включить меня в другой экипаж. Я снова раздобыл белой эмали и вывел на киях моего нового самолета цифру 3.

«НАШ ГЕНЕРАЛ»

Почти весь февраль 44-го стояла нелетная погода. Мели такие сильные бураны, что однажды все наши самолеты оказались погребенными под снегом. Механики и мотористы принялись расчищать свои машины. Время приближалось к полудню, но ни один бомбардировщик еще не мог вырулить на взлетную полосу. Стоянки были расчищены, а рулежные дорожки — нет. Аэродромная служба едва управлялась с очисткой взлетно-посадочных полос.

Инженер Фисак объявил аврал. К обеду мы расчистили путь одному самолету-разведчику, опробовали его моторы. Но снова небо заволочло облаками, помело, и вылет отменили. Прогноз погоды на неделю был неважный. И командование решило отпраздновать первую годовщину присвоения полку высокого звания «Гвардейский».

Торжества были скромные. Фронтовая норма есть норма. Правда, в офицерской столовой сумели приготовить красивый торт. Повар вывел на нем разноцветным кремом новое название и номер полка и украсил звездочками. Разрезать торт доверили любимцу разведчиков Юре Дерябичеву, но тот передал нож своему командиру — Голубни-

чему. На праздник прилетел из Москвы «наш генерал» — начальник разведки ВВС Дмитрий Давыдович Грендаль. Он привез радостную весть: Ефиму Мелаху и Ростиславу Яшуку — моему первому боевому экипажу, а также Анатолию Попову, который много летал на моих самолетах, присвоили звание Героя Советского Союза.

«Наш генерал» был худощавый, стройный, подтянутый и общительный. Многие из нас еще не родились, когда он уже закончил летную школу и служил в 1-й отдельной истребительной эскадрилье вместе с Валерием Чкаловым. Впоследствии он окончил две военные академии, выступал в печати с теоретическими статьями о роли авиации в современной войне.

До праздничного ужина оставалось еще много времени, и генерал-лейтенант встретился с командованием полка, интересовался результатами последних вылетов. Он отлично ориентировался на карте северо-запада нашей страны, перечисляя по памяти названия городов и даже небольших населенных пунктов. Генерал сразу снискал этим глубокое уважение наших штурманов. Те, кто близко знал Дмитрия Давыдовича, не удивлялись его блестящим картографическим познаниям. Города и железнодорожные узлы, которые фотографировали наши разведчики, были ему хорошо известны еще со времен гражданской войны.

Военную форму будущий генерал надел впервые, когда ему было всего одиннадцать лет. Он родился в семье военного. Отец командовал пехотным полком и погиб в русско-японскую войну под Ляояном. В 1916 году юный Дмитрий окончил кадетский корпус и успел повоевать в Первой мировой войне, отличился, был награжден Георгиевским крестом. Он во всем стремился подражать отцу и старшему брату, тоже военному, который дослужился до полковника в старой армии и без колебаний встал на сторону Советской власти. Старший брат посвятил жизнь артиллерии и вырос в крупного советского военачальника.

Дмитрий Давыдович также начинал с артиллерии. В годы гражданской войны он воевал на бронепоезде начальником боевого борта, освобождал Тарту, сражался за Псков, затем за Витебск и Бобруйск. А позже он преследовал на бронепоезде банды Махно под Миллеровом, Белой Калитвой и Кривым Рогом. И теперь, разглядывая карту временно оккупированных территорий нашей Родины, он живо представлял себе города, которые нам предстояло разведывать с воздуха.

Генерал-лейтенант был, конечно, в курсе стратегических планов Верховного командования на 1944 год, а также предстоящих операций на нашем направлении. Из задач, которые обрисовал генерал перед полком, становилось ясно, что наша армия готовится к наступ-

плению и разведчики должны будут внести коррективы в свою боевую работу.

...Генерал приезжал в наш полк еще дважды, когда мы вели боевые действия с аэродромов Польши и Померании. Но тогда я его не видел. Спустя тридцать лет после Победы я разыскал адрес престарелого генерала с помощью московского телефонного справочника. Фамилия у него редкая, в переводе со шведского она означает «зеленая долина». В справочнике она оказалась в единственном числе, инициалы сходились. Я позвонил, и мы договорились о встрече.

Дмитрий Давыдович жил в доме возле метро «Сокол». Окна его квартиры выходили на шумный тоннель, через который поток автомашин бежит к Химкам и дальше по Ленинградскому шоссе к городу на Неве. Он встретил меня в полной генеральской форме. Не расставался с ней, хотя находился в отставке. По скромной обстановке в квартире можно было судить, что генерал ценил превыше всего работу, службу в армии. Мы начали вспоминать боевые дела воздушных разведчиков.

Грендаль сохранил отличную память, чистоту речи. В свои семьдесят пять лет передвигался он быстро, но голова и руки тряслись, и долгая беседа утомляла. Все свои публикации в советской печати и фотографии военных лет он передал мне. Мы встречались с ним еще раз. Генерал приветствовал мою идею написать историю полка.

— Многого не знаю, — начал я. — Документов не имею. Жалею, что не вел дневник во время войны. Нам это запрещалось. Уж не вы ли отдали такое распоряжение?

— Не помню, возможно, — ответил Грендаль. — Имею честь подчеркнуть, что этот запрет оправдан. Представьте, такая записная книжка попадет к врагу. Он обрадуется щедрому подарку.

— Но каким образом чей-то дневник окажется у немцев?

— Имею честь напомнить, что вы служили в секретном полку. Его экипажи улетали за сотни километров в тыл врага. И, к большому сожалению, многие не возвращались. Мы до сих пор не знаем, что случилось с ними. Сбили истребители, подбили зенитки. Разбились или спустились на парашютах. Попали в плен. Знаем лишь, что пропали без вести.

— Но, генерал, что я мог писать секретного в дневниках? Ничего. Много раз я провожал в боевой полет экипажи. Отдавал честь летчику-командиру. Докладывал: «Матчасть в порядке». Иной даже руки не пожимал. Залезал в кабину и улетал. Куда? Зачем? Когда вернется?! Тайна...

— А он, надо сказать, сам не знал, ради какой конечной цели рисковал жизнью. Эти цели знали только в Ставке Верховного Главнокомандующего. Вспомним: о готовившемся наступлении наших фронтов под Сталинградом знали лишь три человека — Жуков, Василевский,

Воронов. Конечно, я не упоминаю Сталина. Он все знал. Даже я, тогда начальник фоторазведки Красной Армии, не был в курсе всех стратегических замыслов Ставки. Только мог догадываться. Все фотодонесения поступали ко мне в штаб. Им верили больше, чем глазам летчиков. Те могли ошибиться с подсчетом вражеской техники, а молодые, неопытные экипажи в начале войны порой снимали не те объекты, что им приказывали разведать. Но их подстраховывали зоркие «фотики».

— Вы имеете в виду фотограмметристов, которые расшифровывали снятые летчиками разведфильмы? По-вашему получается, что они чуть ли не самое важное звено нашей боевой службы?

— Как хотите судите, но конец — всему делу венец. Не помню случая, чтобы «фотики» ошибались при проявке и сушке фильма, при его расшифровке. Но знаю, что командиры эскадрилий и летные экипажи сильно переживали, нервничали, ожидая, когда наконец фотослужба даст «добро» на качественную съемку.

— Когда точно полк вступил в сражения, какие объекты стали первыми в его действиях? Вы можете вспомнить города, цели? Как далеко наши экипажи залетали в тылы фашистам?

— Честь генерала обязывает меня сказать горькую правду. Помню, в штабе ВВС меня лично активно расспрашивали адъютанты маршала Жукова, назначенного командующим Резервным фронтом. Допытывались, где в дальнем Подмосковье разведчики с воздуха замечали прорвавшиеся вражеские танки. Жуков не мог определить, как сражаются вверенные ему войска, где линия фронта и есть ли она вообще. Вместо дальней разведки ваш полк стал вести оперативную воздушную разведку. Ибо в условиях окружения и беспорядочного отступления связь между дивизиями и даже полками была прервана. Мы пробовали подсаживать к нашим летчикам штабных пехотных офицеров, но они плохо ориентировались в воздухе. Пришлось отказаться от этой практики. Воздушные разведчики стали надежным источником информации о наших войсках. Эту задачу ваш полк успешно выполнял в роковые месяцы битвы под Москвой. Он нес большие потери. Смоленск, Вязьма, дороги, ведущие в Нарофоминск, Тулу, Серпухов — вот куда летали ваши разведчики.

— Да, товарищ генерал, хорошо помню те трагические недели. Больше трех боевых вылетов ни один из наших экипажей не делал. Либо их сбивали немцы, либо, подбитые, они садились на вынужденную. Но с разгромом гитлеровцев под Москвой какие ваши задания тогда выполнялись?

— Начали работать по прямому назначению. Вскрывали стратегические планы фашистов. Днем и ночью следили за передвижением вражеских войск и военной техники.

В конце беседы генерал вручил мне папку с дорогими его сердцу реликвиями — кандидатскую диссертацию, защищенную еще до войны, вырезки статей из «Красной Звезды» и «Сталинского сокола» о состоянии военно-воздушных сил СССР и Германии, их участии в битвах под Сталинградом и на Курской дуге, копии многотиражек Московского энергетического института, где, уйдя в отставку, Дмитрий Давыдович возглавлял военную кафедру. Один номер был посвящен 60-летию юбилею генерала, содержал любопытные сведения из его биографии, фото из семейного архива.

Вернуть генералу архивы я не успел. Его похоронили на Химкинском кладбище, как полагается по-военному, с почестями, под оружейный салют и гимн СССР. Жаль! Скоропостижная смерть Грендаля унесла в могилу любопытную и важную информацию, которой он располагал. Мне хотелось задать ему тысячу вопросов. Кто решил создать первый полк воздушных разведчиков? Каким образом брат генерала и он сам, дети царского офицера, были назначены на столь высокие должности в Красной Армии? Почему их не коснулись партийные чистки и, наконец, самая грандиозная армейская чистка после суда над Тухачевским, Егоровым и другими маршалами?

До войны, в 1940 году Дмитрий Давыдович защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Отражение первого массового вторжения неприятельских воздушных сил». Название весьма показательное. Оно опровергает измышления, будто Москва не готовилась к войне. Гитлер якобы затуманил головы кремлевскому руководству, подписав договоры о ненападении и дружбе. Из-за этого, мол, возникла сумятица в умах советских людей, зарубежных коммунистов, рабочего класса и даже в Коминтерне.

Лишь несмышлениши могли принять «миролюбие» Берлина за чистую монету. В фашистской Германии не объявили, что отказываются от бредовой идеи превосходства арийской расы, превращения славян в рабов, уничтожения коммунизма. В Берлине грезили о мировом господстве. Москва, в свою очередь, провозглашала верность святым принципам социализма и осуждала агрессию в Европе. С кинопроката не сняли кинофильм «Если завтра война», «Трактористы» и им подобные. Дважды в году — на 7 ноября и в Первомай — проводились мощные военные парады на Красной площади. То была показательная демонстрация оружия не только в Москве, но и на берегах Невы, в столицах союзных республик. В воздухе пахло войной. Таким образом, Грендадь, слушатель Академии Генерального штаба Красной Армии, избрал актуальную тему для научной работы. Авиационный генерал не мог не знать, что летом 1940 года были запущены в серийное производство современный скоростной бомбардировщик Пе-2, прозванный

нами любовно «пешка», новейшие истребители Як-1, МиГ-1 и другие машины.

Грендаль писал: «Война не может вспыхнуть как молния, целый ряд политических и военных признаков будут, конечно, предвещать ее начало». О политических признаках генерал упоминал вскользь — они были очевидны каждому — сосредоточился на военных. И в этой связи он отмечал особую роль воздушной разведки. Наиболее сложной задачей для нее является обеспечение командования данными по упреждению внезапного удара. С этой целью разведка должна вестись по широкому фронту и на большую глубину. Дельный совет. Почему им не воспользовались весной 41-го, генерал мне объяснил, что тогда и не могли. Не было у нас должной разведывательной авиации. Ее только предстояло создать автору предвоенной диссертации.

Любопытно, что в своей диссертации Грендаль подчеркивал: «Запад подвержен сокрушительному удару, а Советский Союз — обширная страна. При ударе сохраняется ее питающая и производительная база. Влияние вторжения окажется лишь частичным». Генерал оказался прав настолько, насколько и сильно ошибался. В результате внезапного нападения советская производительная база понесла значительный урон, но сохранилась и приумножилась в ходе войны. Но день 22 июня для нашей авиации на западном направлении превратился в воздушную мясорубку.

Во время последней беседы я спросил «нашего генерала»:

— А вам приходилось лично докладывать Верховному Главнокомандующему о работе воздушных разведчиков?

— Нет, это полагалось делать военачальникам более высокого ранга и должности, — ответил Дмитрий Давыдович.

— Возможно, вы бывали на совещаниях у Сталина?

— Только один раз вместе с маршалами Головановым, Новиковым и другими руководителями ВВС. Обсуждался больной вопрос о «блудежах» наших летчиков.

— Как это понимать?

— В начале войны часть летного состава ВВС была недостаточно подготовлена к вождению самолетов вслепую: в облаках, ночью, при плохой видимости, когда приходилось ориентироваться только по приборам. Вопрос надо было решать безотлагательно, и он обсуждался на совещании у Верховного...

Генерал добавил, что разговор в кабинете Верховного был коротким и строгим. Начальника разведки ВВС пригласили на совещание не случайно. Опыт войны показывал: «блудежки» разведчиков случались, как правило, из-за неумения летать в облаках... И я вспомнил, как много об этом говорили мои товарищи.

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

Бывает, мировой рекордсмен проигрывает новичкам олимпийские старты только потому, что он «перегорает» перед началом соревнований. А ведь в спорте заранее обговорены день и час, условия соревнования. Загадкой остается разве лишь тактика борьбы, которую изберет соперник в последний момент. Хотя в принципе тренерам известны все сильные и слабые стороны соревнующихся. И все же в напряженном ожидании боя сдают нервы и у мировых чемпионов. Какую же крепкую нервную систему должен иметь воздушный разведчик? Ведь он каждый раз, пересекая линию фронта, решал уравнение со многими неизвестными. И конечно, он мог тысячу раз «перегореть» до вылета.

Объекты разведки, как правило, изучались экипажами заранее. Штурманы тщательно разрабатывали маршрут. Коллективно изыскивались методы и средства скрытного подхода к цели. На это уходили долгие часы. Когда наступало время отдыха, нельзя было отделаться от вопросов и сомнений, которые разрешатся лишь в ходе полета. Отвлечься от них на фронте было непросто. Гарнизонная кинопередвижка сегодня, как и позавчера, показывала много раз виденную картину «Мы из Кронштадта». Других фильмов не привезли. И на следующей неделе ждет то же «разнообразие» развлечений.

Технарям проще, чем летчикам. Они поднимаются до рассвета и возвращаются с аэродрома затемно. Весь день на свежем воздухе, весь день в хлопотах, не оставляющих времени на то, чтобы шагать на обед в гарнизонную столовую. Они «умнут» вечером за один присест и обед и ужин, разомлеют от еды, и уже нет сил куда-то идти. Скорее бы на нары, успеть выспаться до подъема.

Боевой полет разведчиков на «пешке» скоротечен. Максимум два часа сорок минут продолжается разведка. «Проболтаешься» — любимое выражение летчиков — на высоте, в кислородной маске, возвращаешься бледный, аппетита нет, башка трещит. К вечеру отпустит, и остаешься один на один со своими думами о том, как сложится полет завтра.

Некоторые летчики, такие как Александр Барабанов, до поздней ночи режутся в преферанс. Барабанов ставит перед собой честно заработанные за боевой вылет «сто грамм» в граненом стакане и в течение всей игры плоточками отпивает. Большинство же разведчиков отправляются отдыхать и стараются заснуть.

И вот ранний подъем. Небо без единого облачка. Нервы напряжены. Вот знакомая аэродромная землянка. Возле нее стоит инженер эскадрильи и сигнализирует, складывая руки крестом. Что случилось? Полеты отменяются? Да, только что позвонили метеобог: над Смо-

ленском синее небо, а там, за линией фронта, объекты разведки закрыты низкими облаками.

Нелетная погода! Будь ты неладна! Сколько придется ждать? Сколько бы ни пришлось, воздушный разведчик не может и не должен «перегореть» перед стартом. Как поступали разведчики в таких случаях? Сначала молча забирались на нары в землянке и старались заснуть. Не получалось. И тогда одно вдруг сказанное слово цеплялось за другое. О чем говорили летчики? Да о том же, что обсуждаем мы сегодня, собравшись на семейный праздник или встречу Нового года, — о судьбах нашей Родины, о своей работе, друзьях, родных.

Виктор Петров обычно первым прерывал молчание. Он помнил много фронтовых историй. Если допускал неточность или пропускал важный эпизод, его поправлял Юра Дерябичев. Как-то начал разговор о профессии воздушного разведчика:

— Помню, однажды Анатолий Попов — он тогда был еще рядовым летчиком, — спросил меня: «Виктор, а что бы ты сделал, увидев перед собой «мессера»?» Ну, я ему прямо сказал: наверное, вступил бы в бой. А Попов мне в ответ: «Нет, брат, неправильно. Разведчик на «пешке» не должен сражаться с «мессером». Надо попытаться уйти, а как это сделать — другой вопрос...»

— Разведчику, Витя, прежде всего, нужны хладнокровие и расчет, — заговорил Юра Дерябичев. — А какой расчет? Обойти, скрыться, обмануть, если надо. Ведь наша шутивая фраза «За Родину! И в облака!» имеет глубокий смысл. Где-то я читал, что Суворов учил: хоть храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, только тщетны они, ежели не будут истекать от искусства... Наше искусство — скрытно подойти к цели и незаметно уйти... Из нас выживет тот, кто умеет летать в облаках. И кто умеет их использовать для маскировки при подходе к цели. Облака — верное укрытие от «мессеров»...

Юра стал рассказывать о полете на разведку аэродрома города Луги:

— Вышли точно на цель, пробили облачность и включили аппаратуру. Довольны! Все хорошо складывалось. Вдруг увидели, как с аэродрома взлетают истребители. Надо уходить! Нырнули в облака. Шли долго. Вижу, Иван уже мокрый от напряжения. Снижайся, говорю ему, пора! Выскочили из облаков и что же? Внизу тот же самый аэродром. С перепугу назад в облака. Ходили-ходили и решили повторно снизиться. И опять под нами оказался проклятый аэродром. Что за чертовщина! Будто неведомая сила привязала нас к этому месту. И тут я стал внимательно смотреть за курсом. Оказывается, Иван едва удерживал машину в горизонтальном полете, не отрывал глаз от приборов, помогавших пилотировать вслепую. А следить за компасом и выдерживать

курс не хватало ни внимания, ни опыта. После этого случая мы стали нарочно забираться в облака, чтобы освоить вождение по приборам.

— А мы с Малинкиным в облаках свалились в штопор, — вспомнил Виктор Петров. — Жутко! На волоске от смерти были. Мы вошли в облака, чтобы безопасно пересечь линию фронта. Стрелка высотомера приближалась к отметке шести тысяч метров. Облачность не кончалась. Нервы напряжены. Кажется, что самолет идет с большим креном, хотя приборы показывают норму. От нетерпения я потянул штурвал на себя, хотел скорее вырваться из плена. Стрелка высотомера медленно пошла вверх и на какое-то мгновение остановилась на нуле. Затем так же плавно стала двигаться вниз. Тут я сообразил, что «пешка» потеряла скорость, беспорядочно падает. Начал работать рулями, чтобы выйти из штопора. До земли оставалось метров восемьсот, когда «пешка» наконец выровнялась. Немного пришли в себя, встали на прежний курс и снова в облака...

— Один момент, Витя, — прервал его Дерябичев, — помнится, ты рассказывал эту историю по-другому. Вы же тогда здорово блуданули и сели на вынужденную?

— Ты спутал. Это случилось раньше, когда я летал со Шмутькой, — ответил Виктор.

Шмутькой прозвали штурмана Ивана Строева. Он слыл самым медлительным разведчиком и вместе с тем любителем шуток. Шмутька находился в землянке, но ничего не слышал. Он похрапывал на нарах, уткнувшись головой в бок Богданову, с которым его соединили в один экипаж после неудачных полетов с Петровым. А случилось вот что.

— Блуданули мы тогда отменно, — признался Петров. — Я предложил Строеву снизиться до бреющего, пройти над станцией какого-либо городишки и прочитать надпись. Спустились, проносимся над станцией. Где там! Разве на большой скорости разберешь? Делаем еще разворот — и снова не можем прочесть название станции. Задание, конечно, сорвали. Поняли, что проштрафились, теперь отстранят от полетов, заставят зубрить наши лётно-штурманские науки и сдавать зачеты, чертить на память карту района боевых действий в радиусе тысячи километров...

— Постой, Виктор, ты что-то путаешь... А когда же ты сел на лес? — перебил Петрова дремавший на нарах Богданов.

— То было позже. Нас со Строевым разъединили. Более того, десять боевых вылетов, что мы с ним сделали, не засчитали. Мы должны были все начинать сначала. Мне дали опытного, бывалого штурмана Алексея Малинкина. Так вот с ним я летал на разведку аэродрома Резекне. Там зенитки пробили нам правый мотор. До линии фронта двести километров. Кое-как перетянули на одном моторе передовую. От перегрева единственный исправный двигатель отказал, и мы стали падать в густой

привалдайский лес. Самолет врезался в деревья. Обе плоскости и винты сразу отлетели в стороны, фюзеляж переломился, а мы остались невредимы. Пришли в себя, сняли кассету с фильмом, взяли с собой бортпак НЗ и три дня выбирались из леса до Андреаполя.

— Все мы были зелеными, слепыми, как котята, — вмешался вдруг в разговор Слава Ящук.

К его голосу прислушались все разведчики. Некоторые привстали с нар, чтобы получше слышать, что скажет обычно немногословный штурман, считавшийся идеальным авиатором. Недаром ему вместе с Мелахом присвоили Героя. «Блудежек» и прочих приключений за экипажем Мелаха никто не помнил.

Ящук рассказал историю, которая случилась осенью 42-го во время разведки аэродромов гитлеровцев под Смоленском и Вязьмой. Осколок снаряда зенитки повредил компас. Погода была хуже некуда. Видимость отвратительная. Ящук назвал Мелаху примерный курс на восток. Вот пересекли незнакомую дорогу, развернулись и пошли вдоль нее. Авось куда-нибудь приведет! И впрямь удача — впереди показался аэродром. Ефим решил с ходу приземлиться, уже выпустил шасси и щитки. И вдруг ему померещились на стоянках самолеты с крестами на фюзеляжах. Не успел он принять решение, как в шлемофоне раздался крик стрелка-радиста: «Фрицы на аэродроме!» Мелах дал газ и скрылся в облаках.

— Теперь оставалось лететь куда глаза глядят, — рассказывал далее Ящук. — Бензин кончался. Вынырнули мы из облаков и увидели внизу большую деревню. Домам нет конца! Впереди вдруг другой незнакомый аэродром. Много самолетов. Краснозвездные! Приземлились, спрашиваем: «Что за деревню мы пролетали?» Москву, говорят. «А аэродром с «мессерами»?» Наш, Кубинка. Там поставили трофейные истребители для изучения их слабых и сильных сторон. А вот за пролет через небо Москвы с нас строго спросили. Мы, оказывается, причинили большие хлопоты командованию авиации ПВО, которое вынуждено было поднято по тревоге истребителей...

Не знаю, сколько еще продолжались бы эти воспоминания, но в землянке раздался телефонный звонок, Малютин приказал выпустить в полет экипаж Богданова на разведку погоды в тылу врага. Одновременно он должен был сфотографировать намеченные объекты. Конечно, если позволит погода.

Витюнчик — его по-прежнему так звали, несмотря на то, что грудь Богданова уже украшали два боевых ордена, — лихо взлетел и через час радировал: «Погода неважная. Иду на цель». Еще через сорок минут: «Есть разрывы в облаках», «Веду визуальную разведку объекта». Затем он передал: «Возвращаюсь».

БОЕВЫЕ ПОДРУГИ

Наше одиночество кончилось. Еще две эскадрильи воздушных разведчиков перебазировались в Смоленск, а на подмосковной базе осталась одна учебная эскадрилья, в которой стажировались новички.

Мы с радостью встретили друзей-товарищей. Вместе с ними прибыла группа девушек-мотористок. Мы удивились такому сюрпризу, а начальство сочло, что на бомбардировщиках мотористкам будет работать нелегко, и решило переквалифицировать их в укладчиц парашютов — работа физически не тяжелая, требующая ловких женских рук. Но главный довод — не хватает укладчиц. Парашюты нужно было в определенные сроки распускать, тщательно проверять, если надо — стирать и гладить, затем укладывать. Словом, как и самолетам, им обязательно в срок надо делать профилактику.

Группа укладчиц парашютов, несколько девушек-фотограмметристок да два-три ефрейтора в юбках, работавших писарями, не могли не привлечь внимания молодых офицеров и сержантов. В часы отдыха на танцплощадке стало оживленнее. Заядлые преферансисты забыли о картах. У меня родилась новая тема для стихов:

Когда ночное небо сине,
А воздух холоден и чист,
Подходит девушка к машине —
Мой белокурый моторист.
Пусть чуть заметны грязи сгустки —
Она найдет их все равно,
Как на любимой белой блузке
Едва заметное пятно.
Все на моторной установке
Заметит острый женский взор,
Как у подруги на обновке
Красиво вышитый узор.
И если же хозяйским взглядом
Она мотор окинет мой —
Моя машина без отказа
Приказ исполнит боевой!

Эти стихи не имели конкретного адреса, так как никто из прибывших девушек не растревожил моего сердца — срок, видимо, не пришел. Одной из тем лирики наших ведущих поэтов в пору Великой Отечественной была переписка между фронтовиками и оставшимися дома любимыми, их постоянными мыслями друг о друге, ожиданием встре-

чи после победы. Эти стихи и песни не оставляли равнодушными и нас, хотя, правда, большинство в нашем полку надели курсантские шинели сразу после десятилетки и не успели завести подружек.

И вот вдруг наши огрубевшие на фронте сердца почувствовали женскую ласку. Мне приглянулась укладчица парашютов Женя Смирнова, милая белокурая москвичка. Я читал ей первой все мои новые стихи. Но она, в свою очередь, понравилась летчику Константину Дунаевскому, и вскоре я с ней почти перестал встречаться. Ефрейтор Шура, штабной писарь, проводила свободное время с моим новым командиром Валентином Сугриным.

Война продолжалась. Теперь летчики и штурманы, которые встречались с боевыми подругами, стали еще строже относиться к себе, к своим полетам. Они испытывали двойную ответственность — перед Родиной и перед любимой. «Иди в огонь за честь отчизны, за убеждения, за любовь...» Эти некрасовские строки я переписал в один из боевых листов эскадрильи в те дни. Думал, политрук Пронькин забракует, но он ничего не сказал. Девушки старались не показывать волнения, когда их дружки улетали в тыл врага. Но можно ли сохранять спокойствие, если твой любимый мог не вернуться, погибнуть, попасть в плен?

Мой новый командир, малоразговорчивый Валентин Сугрин был отличным разведчиком. Он умел концентрировать в воздухе всю свою энергию и внимание. Крепко сбитый, Сугрин и в небе выделялся напористым характером. Его штурман Евгений Романов очень хорошо знал свое дело. Ребята летали на разведку почти каждый день. Мой третий самолет — тьфу, тьфу! — работал безотказно.

И вот однажды в конце июня Сугрин не вернулся. Уже на исходе был третий час с момента вылета. Ждать было бессмысленно, но мы не уходили с аэродрома и пристально всматривались в сторону заходящего солнца. Ведь могли сесть на вынужденную, подзарядиться горючим и прилететь. Но они не прилетели. Когда в тяжелом раздумье я добрел до наших казарм, то увидел на крыльце сгорбившуюся Шуру, писаря нашей эскадрильи. По щекам ее текли слезы, она шептала какие-то невнятные слова и, казалось, обвиняла в гибели ее любимого Валентина нас. Я попытался было ее успокоить, но вызвал лишь еще более громкие рыдания у девушки.

«СМОЛЕНСКИЕ ВОРОТА»

После освобождения Смоленска наши войска остановились на подступах к Витебску и Орше. Гитлеровцы создали тут мощный оборонительный рубеж не только на земле, но и в воздухе. Но дальним разведчикам было сподручнее переходить линию фронта именно здесь, через «Смоленские ворота». За ними лежал прямой путь

на разведку и фотографирование важных объектов на территории Белоруссии, Литвы и Латвии. Однако «ворота» днем и ночью охранялись гитлеровскими стервятниками. Разведчиков стали сбивать. Чтобы сохранить боеспособность полка, командование решило посылать разведчиков в обход «ворот». Опыт показал, что наиболее безопасный маршрут пролегал севернее, между Витебском и Полоцком.

Летчикам приходилось целый час лететь над своей территорией, а затем они пересекали линию фронта. На полет в тыл оставалось мало горючего. Но другого выхода не было. «Смоленские ворота» были закрыты — все подходы к ним защищались мощными средствами обороны. Еще осенью 43-го Сугрин с Романовым узнали, чего стоит полет сквозь эти «ворота». Они вылетели на разведку рубежей гитлеровцев на участке Витебск—Орша и впервые по-настоящему встретились лицом к лицу со смертью. Как раз этот полет и заставил командование задуматься, как воевать дальше.

Осень выдалась теплой, хотя и дождливой. Сугрин, как всегда, даже в непогоду приехал с непокрытой головой. В шлемофоне на земле ему было жарко, а пилотку не хотелось брать в полет. Романов же был при полном снаряжении. От его шлемофона, словно косичка, болтался шнур с вилкой подключения, а на боку — планшет с полетной картой. Как и стрелок-радист, Евгений обычно надевал широкие очки, и оба были похожи на мотоциклистов.

Но вот отданы последние указания. Валентин забрался в кабину, опробовал, плавно ли работают элероны, и, высунувшись в окошко, крикнул:

— От винтов!

— Есть от винтов!

В этот момент летчик надел наконец шлемофон. Метеобогги обещали неважную погоду в районе разведки. И они не ошиблись. Шел дождь, небо было в сплошных облаках. Когда пробили облачность, увидели, что находятся на подходе к цели. Евгений включил фотоаппарат, и почти одновременно вражеские зенитки открыли ураганный огонь.

— Маневр, Валя, маневр! — крикнул ему штурман и потянулся к выключателю фотоаппарата.

— Наплевать и забыть про зенитки! — зло крикнул Сугрин. — Вперед, к цели! Пусть попробуют сбить...

Снаряды рвались справа и слева от фюзеляжа. Чувствовалось, как мелкие осколки стучат об алюминиевое тело самолета. Но Валентин не собирался пикировать или сворачивать в сторону. При любом маневре объектив аппарата оказался бы смещенным. Фотографирование пришлось бы повторять, а значит, делать второй заход на цель.

Начинать все сначала было равносильно самоубийству. Сугрин всполошил всю противовоздушную оборону врага. Поблизости от объ-

екта разведки находился вражеский аэродром с истребителями, они уже поднялись на перехват. Не успел Сугрин подумать об этом, как навстречу из облаков вынырнули два «фоккера». Фашистов явно наводили по радио с земли. Один из них мелькнул перед носом «пешки», но реакция Сугрина была мгновенной. Он нажал на гашетку переднего крупнокалиберного пулемета и увидел, как огненные трассы прошли под крылом стервятника. Валентин потянул штурвал на себя, дал форсаж моторам и скрылся в облаках.

— Ух, аж вспотел, — облегченно вздохнул Валентин и, сдвинув шлемофон на затылок, вытер пот со лба и спросил штурмана: «Сколько лететь до дома?»

Оставалось триста километров, около половины из них над вражескими войсками, засевшими в окопах у «Смоленских ворот». На подходе к линии фронта разведчики снова попали под ураганный заградительный огонь зенитной артиллерии. Снова снаряды взрывались рядом с бомбардировщиком. Валентин постоянно маневрировал, менял курс, снижал или увеличивал скорость «пешки». Самолет словно заколдованный мчался сквозь зенитный огонь. Но вдруг тупой треск заглушил ровный гул моторов. Самолет тряхнуло. Валентин взглянул на правый мотор и заметил в капоте огромную зияющую дыру. Из нее сифонил зеленоватый антифриз и била коричневая масляная пена. Давление масла одного мотора упало до нуля.

Какое-то мгновение самолет летел по инерции, но вот «пешку» стало кренить вправо — заклинило мотор, винт остановился. Валентин с трудом выровнял машину и крикнул штурману:

— Романов, плохи дела! Полетим на одном моторе!

Но штурман не отвечал.

— Романов, ты жив?

В наушниках шлемофона тишина.

— Женька, — изо всех сил закричал Сугрин. — Отзовись! Что с тобой?

Штурман по-прежнему молчал, но он был жив. Осколок снаряда полоснул ему по бровям. Кровь заливала глаза Романову, и он ничего не видел. От сильной боли в глазах он решил, что ослеп.

Во время крена Евгений потерял равновесие и скатился в дальний угол штурманского отсека кабины. Сугрин крутил головой, но за толстой бронированной спиной не мог разглядеть Романова. Падая, тот шнуром шлемофона задел за какой-то рычаг, и связь прекратилась. Прошло минут пять, пока «слепой» Евгений нащупал шнур, присоединил его и наконец услышал крики Сугрина.

— Не ори, — спокойно сказал Романов, — не на пожаре мы.

— Жив, жив! — обрадовался Валентин. — Хорошо, что не на пожаре. Этого не хватало. Скажи, какой курс домой?

— Боюсь, командир, я тебе больше не помощник. Ранен я, глаза заливают кровью. Возьми планшет, посмотри — курс указан на карте.

Пока Валентин маневрировал, уходя от огня, самолет потерял высоту. На одном моторе летчик сумел поднять «пешку» до 800 метров, пролететь 270 километров в густой облачности и благополучно приземлиться на своей базе в Смоленске. К счастью, Евгений скоро поправился.

...Что же могло случиться теперь с опытейшим экипажем? Я глубоко переживал случившееся. За время боевой работы мы с Сугриным и Романовым крепко подружились.

День клонился к вечеру, когда, удрученный, я пошел на ужин в технарскую столовую. Но не успел спуститься с лестницы казармы, как — глазам — своим не верю! — мне навстречу идет Женька Романов с забинтованной головой. За ним, как всегда вразвалочку, шагал целехонкий Сугрин.

Крепко обнялись, будто не виделись сто лет. Романов коротко рассказал, как над Витебском, когда уже возвращались домой, «тройку» подожгли зенитки. Аварийно приземлились «на живот», добрались до Смоленска на автомашинах. Валентин, не изменив себе, и на этот раз отмалчивался, развел лишь руками, что означало «оплошали». Увидев счастливую Шуру, я вспомнил ее рыдания на крыльце казармы, несправедливые упреки, в том числе в мой адрес, и сказал:

— Ну что? А кричала: «Вы убили моего Валентина!» А дело, оказывается, не в самолете.

— А разве я твой самолет имела в виду? — возразила острая на язык Шура.

— А что же?

— Забыл? Кто устроил вчера гулянку на всю ночь? Полетели на задание невыспавшиеся... Что, неправда?

Верно, вчера мне исполнилось двадцать два года. Когда о дне рождения узнали мои боевые друзья, они дружно настояли отметить это событие. Никакой «гулянки», однако, не было. Шура ее вообразила. Она не присутствовала на дне рождения.

ПРОЩАЙ, «ТРОЙКА»!

В июне 1944 года, когда немцы предчувствовали, что наши армии вот-вот перейдут в наступление на рубежах «Смоленских ворот», они усилили бомбардировку Смоленска, «юнкерсы» стремились уничтожить эшелоны с подкреплением, которые шли на фронт через город. Фашисты развешивали по ночам осветительные бомбы и методично бомбили район вокзала и железнодорожного узла, возле которого находилась наша казарма.

Та памятная многочасовая бомбежка аэродрома Выползово, когда сгорела «пешка» Гриши Вольского, казалась теперь обычным налетом по сравнению с бомбовым адом, который устраивали фашисты каждую ночь над Смоленском. В первый раз нашлись среди нас ухари, отказавшиеся укрыться в бетонном бомбоубежище. Они пошли посмотреть, как наши зенитчики вели дуэль с фашистскими «бомберами». Фашистам не удалось поразить нашу батарею. Зенитчики храбро сражались, сбили один самолет, но вынуждены были прекратить стрельбу. Почему? Докрасна нагрелся ствол их орудия, и стало опасно стрелять. Когда один из наших разведчиков возвращался с батареи, осколком взорвавшейся бомбы ему перебило шиколотки.

Во вторую ночь бомбоубежище было переполнено. Вражеская атака была еще мощнее и продолжительнее. Казалось, бомбы взрывались рядом с нашим укрытием. Стены качались.

Налеты на Смоленск продолжались, и мы получили приказ перебазироваться из города в малоприметную отдаленную деревушку. С ней установили телефонную связь. В избах поселили нескольких старших авиамехаников, которые по команде могли быстро добираться до стоянок и отправлять самолет в разведку.

Операция «Багратион» началась внезапно для фашистов и, увы, для нас, праздновавших день моего рождения в тихой деревушке. Поздним вечером, когда тосты были уже сказаны, обсуждены лучшие эскадрильские дела, спеты песни под аккомпанемент баяна, когда я трижды сыграл Малютину «Дунайские волны», а Попову его любимую песню «Мама», Иван Голубничий решил послушать по радио последние известия. Мы вышли на крыльцо покурить, как вдруг Иван закричал:

— Ура, братцы! Прорвана оборона под Оршей. Идут бои на улицах Витебска...

Из репродуктора раздавался треск и шум, голос диктора был едва слышен. В конце сводки он снова сказал о наступлении на нашем фронте, об упорных боях за Витебск и Оршу.

— Началось, братцы авиаторы! — воскликнул Юра Дерябичев. — Теперь нам будет легче!

— Это почему же?! — переспросил кто-то.

— Немцам будет не до нас, — разъяснил Юра, — только успевай отбиваться от наших истребителей и бомбардировщиков да сматывай удочки...

— Хватит, пограбили наши города и села! Настал срок держать ответ! — гневно сказал Попов.

Давно пора было расходиться, но мы все еще обсуждали радостное событие на нашем фронте. Разошлись, когда уже начинало светать. Я успел лишь снять хромовые сапоги, расстегнуть красивую коверковую гимнастерку — в день рождения я, разумеется, принарядил-

ся, — как вбежал возбужденный радист Миша Пономарев и сказал, чтобы я срочно отправлялся на аэродром. Позвонили из штаба, приказали послать на разведку экипаж Сугрина. Валентин и Евгений уже сидели в кузове грузовичка. Они не успели переодеться, лишь накинули на плечи меховые куртки-«американки» да сменили хромовые сапоги на унты.

Сон как рукой сняло. В радостном настроении мы помчались на аэродром. Столь ранний и поспешный вылет Сугрина подтверждал весть о нашем наступлении. Помню, я спешно стягивал промасленные чехлы с моторов и кабин. Помню, как бегал по плоскостям «тройки» — от горловины одного бензобака к другому, — проверяя, полностью ли самолет заправлен горючим, достаточно ли воды и масла. Я запыхался один без механика и моториста, да и отвык от такой работы, давно доверяя ее помощникам. Помню, как «тройка» порулила по смоленской земле, скрылась в пыльном облаке, которое сама и подняла. Самолет как птица вспорхнул и растаял в предрассветной дымке.

Мои товарищи легко выполнили сложное задание. Они сразу почувствовали, что вражеские истребители заняты в жестких боях с нашей штурмовой и бомбардировочной авиацией. Мощная оборона немцев, простиравшаяся далеко в тыл, дрогнула. Не хватало ни сил, ни времени на борьбу с одиноким советским воздушным разведчиком.

Сверху Сугрин и Романов увидели взломанные рубежи обороны, которые им не раз приходилось фотографировать. Они разглядывали колонны наших войск, двигавшиеся по шоссе уже западнее Витебска, и пришли к заключению, что крепкий орешек наконец-то расколот. Естественно, теперь нет нужды «давать кругалю» в сторону Полоцка, и разведчики взяли прямой курс домой через Витебск.

Город горел. Разведчики снизились. Радостные и взволнованные, они решили сделать победный круг над центром. Валентин прижал «пешку» еще ближе к земле. Увидев краснозвездный бомбардировщик, наши пехотинцы и танкисты начали махать руками, бросать вверх пилотки. И вдруг из церкви, что была в центре города, стали палить из зенитки недобитые гитлеровцы.

Первый же снаряд угодил в бензосистему. Из-под плоскости «тройки» показалось пламя. Сугрин быстро развернул машину на восток. Пламя разрасталось. Разведчики были уверены, что Витебск еще не взят, что им предстоит перелететь линию фронта, а поэтому надо тянуть и тянуть, пока есть возможность, до своей территории.

Вот и знакомая картина: изрезанная траншеями передовая. Теперь можно выбирать площадку для посадки. Пламя, однако, охватило уже левый мотор, подползло к кабине штурмана, к ящику с патронами. Да и бензобаки в любой момент могли взорваться.

— Садимся! — крикнул экипажу Валентин.

Впереди небольшой луг, за ним, кажется, гороховое поле. Вокруг, в пойме мелкой речушки, низкорослый кустарник. «Тройка» грубо приземлилась «на живот». Романов поранил лоб, ударившись о бронированную спинку кресла летчика. Все трое быстро покинули машину, отошли подальше, ожидая взрыва.

Пламя перекинулось на второй мотор, на мгновение ожило и затем стало утихать. Разведчики возвращались с минимальным количеством бензина, и, когда он выгорел, пожар прекратился. Сняв кассету с фильмом, экипаж на попутных фронтовых машинах к вечеру возвратился в Смоленск.

Утром Фисак, Бельский и я отправились на место, где лежала израненная «тройка». Мы захватили с собой военную карту, на которой Романов точно указал место аварийной посадки. Тем не менее проискали весь день. Окрашенный в цвет свежей травы, бомбардировщик скатился в ложбинку и слился с зеленым полем.

Вокруг ни души. Ближайшие деревни сожжены дотла. Наши войска ушли на запад. В поисках подбитой «тройки» мы не заметили, как очутились на окраине Витебска. Одинокие горожане бродили по улицам... Остовы домов... Черные глазницы на месте окон... Перед входом в книжный магазин валялись обгоревшие книжки на немецком языке со свастикой на обложке. Встретившийся офицер гарнизонной службы сказал, что последним оплотом фашистов в городе оставалась церковь. Советские войска уже ушли на запад, город почти целиком был в наших руках, а со двора церкви палила немецкая зенитка. Она-то и подстрелила «тройку».

Кровопролитный бой разгорелся в районе вокзала, который немцы защищали с отчаянием обреченных. Мы поехали туда и увидели страшную картину. Сотни неубранных вражеских трупов свидетельствовали об упорном сопротивлении гитлеровцев. Они пытались сдержать натиск нашей пехоты и дать возможность удрать на запад последним воинским эшелонам. Впервые мы увидели, какой ценой достается нашим пехотинцам, артиллеристам, танкистам каждый отвоеванный метр родной земли.

Возвращались обратно той же разбитой дорогой. Шоссе на подъезде к Витебску было взорвано, а объездные дороги густо минированы фашистами. Мы читали надписи на дощечках: «Проезда нет. Не проверено на мины». И вот на стрелке, повернутой в сторону песчаной просеки наконец долгожданное: «Разминировано».

Фисак сказал мне, что я немедленно должен отправиться с Сугриным на аэродром и выбрать новый самолет: три «пешки» на днях перегнали с волжского завода.

Мчимся к боевым самолетам. Вот они — три сверкающих свежей краской красавца! Похожие внешне на обычные серийные Пе-2, эти машины выпуска 44-го года отличаются более строгими линиями, хорошо пригнанными к крылу посадочными щитками. Фюзеляжи блестят, будто отполированные.

В ходе войны бомбардировщик Петлякова модернизировался. Появился учебный самолет — «спарка» с двойным управлением. Заводы стали производить вариант самолета-разведчика. Не кустарно, как это делали наши фотоспециалисты в начале войны, а солидно, с учетом последних технических достижений. В чреве машины устанавливалось до трех фотоаппаратов, была изобретена установка-качалка — АКАФУ, поворачивавшая аппарат на заданный угол.

Все эти усовершенствования внедрялись уже без участия главного конструктора, замечательного авиационного инженера Владимира Михайловича Петлякова. Он погиб в авиационной катастрофе в январе 1942 года, вылетев на самолете, который вел летчик нашего полка лейтенант Федор Овечкин.

Очевидец этой трагедии Никита Остапенко рассказывал однополчанам, как это случилось. Конструктор вместе со своим заместителем Изаксоном посетили казанский завод, где тогда налаживалось производство «пешек». Они интересовались, как идут дела с установкой лыж, и проверяли посадку самолета на снег. Работа была закончена, и конструкторы возвращались в Москву с докладом Верховному. В это время два наших экипажа прибыли на завод за новыми самолетами. Они спешили домой, на свой подмосковный аэродром. В бомбардировщик Овечкина сел Владимир Михайлович Петляков, с Остапенко полетел заместитель конструктора. До Арзамаса долетели благополучно. Потом начался снежный буран, и на глазах Остапенко самолет Овечкина потерпел катастрофу.

А вот лыжи на бомбардировщиках Пе-2 не прижились. Опыт показал, что самолет может безопасно взлетать и садиться на укатанный снежный покров. В течение четырех военных зим лишь однажды нам пришлось ставить машину на лыжи: «пешка» была подбита и аварийно приземлилась на лед озера Ильмень.

ИСТОРИЯ С ЛЫЖАМИ

Самая необычная авария, — говорил Алексей Трошанин. — С помощью треноги из бревен мы подняли ее сначала на одно колесо, потом на другое. Как водится, сменили погнутые при посадке винты, выпрямили створки шасси, сменили одно простреленное колесо. И встал вопрос: как летчику взлететь с ледяного поля. Вспомнили про петляковские лыжи. Мы надели их для взлета «пешки» с озера.

Пока мы ремонтировали самолет, лед таял. Образовались огромные лужи глубиной до двух ладоней. Летчик подвергался риску при взлете. Но значительная часть озера еще была покрыта снегом. Надо было перетащить самолет на полкилометра к сухому месту. Отправляюсь в ближайший колхоз к хромому председателю. Прошу помощи, нужен обыкновенный трактор. «Нет у меня никакой техники, — отвечает, — и мужиков нет. Остались одни бабы». Прошу его собрать женщин. Рассказал им, в чем дело. Все как одна согласились, хотя толкать самолет пришлось по лужам по щиколотку в холодной воде. Вот это самопожертвование усталых, похудевших русских женщин я запомнил на всю жизнь!

— Алексей, я прочитал твои «мемуары», что просил написать. Ты описываешь достоинства Пе-2.

— Представь себе. «Пешка» имела бы и более приличную скорость, если бы мы любили самолет как девушку.

— Что ты имеешь в виду?

— А скажи честно, в кирзовых сапогах с железками на каблуках по крыльям и по фюзеляжу бегал?

— Конечно, ты сам знаешь, что без стремянки на крылья не заберешься. А где ее взять на полевом аэродроме? С собой возить, с фронта на фронт. Так она в самолет не влезает. Длинноватая! Вот и прыгаешь по «пешке», сначала на хвост, на стабилизатор. С него бежишь по фюзеляжу. Затем спрыгиваешь на одно крыло — там на середине горловина бензобака. Заправил — бежишь на другое крыло — заправлять. Впрочем, перед вылетом я проделываю то же самое, хотя бензобаки заправлены. Обязан по инструкции проверить, залито ли горючее до горловины. Рядом, кстати, горловина маслобака. И ее с помощью отвертки и плоскогубцев отковыриваешь.

— Вот-вот! Отковыриваешь. В результате крылья исцарапаны сапожищами, замазаны грязью. Я в душе возмущался таким отношением к машине. Но молчал. А знаешь ли ты, что в конце войны стали выпускать с конвейеров те же самые «пешки», но почти на сорок процентов с прибавкой в скорости?

— Знаю, читал. За счет улучшения аэродинамики самолета.

— Вот именно. За счет улучшенной, шестикратной покраски крыльев. За счет устранения шероховатостей и щелей в створках бомболюков и уборки шасси, более обтекаемых туннелей масло- и водорадиаторов. А у нас на фронте самолеты летали с помятыми капотами, поврежденными коками винтов. Нам и в голову не приходило помыть самолет — очистить его от пыли, грязи и птичьего помета.

Алексей рассмеялся. Да и сами мы, технари, нуждались в химчистке. Наши летние комбинезоны и бриджи, а по зиме толстые ватные

куртки, шапки, варежки были пропитаны маслом. Мыли их, окуная комбинезоны в ведро с бензином, а куртки оттирали от масла пробензиненными тряпками. Технари вечно пахли бензином, хотя пижоны изводили много одеколona, чтобы не отпугнуть партнершу на танцах.

— И все же мы победили врага, как и почему? — спрашивал я друга-однопольчанина.

— Володя, я не комиссар Настоящий или наш политрук эскадрильи Пронькин, не умею говорить красивые слова. Хотя от них я не слышал громких слов. Не до политбесед было нам. Вкалывали с зари до зари. Но скажу, как могу. Победил народ, руководимый партией Ленина—Сталина. Ясно, мы, технари, в атаку не ходили и не могли кричать: «За Родину, за Сталина!» Может быть, наши летчики, произносили эти слова, погибая от пуль фашистских стервятников. Но то, что этот лозунг вдохновлял нас, советских людей, на смертельную борьбу, это точно! Сталин, утверждают его недруги, якобы был в прострации в первые дни войны. В то время он на самом деле обдумывал ближайшую перспективу. В речи от 3 июля 1941 года он дал характеристику начавшейся войны, предсказал ее развитие, объяснил, что конкретно должны делать советские люди, в частности развернуть партизанскую борьбу. И ведь что поразительно, война шла как бы по плану, нарисованному им в той речи. Все сбылось — настал праздник и на нашей улице.

Я приподнялся со стула и попросил Трошанина, инженер-майора в отставке, начальника одного из ЖЭКов на Ленинском проспекте Москвы, налить в стаканы фронтовые сто грамм. Он тоже приподнялся.

— Посошок на прощанье? Ты должен идти? — спросил.

— Нет, Алексей. Выпьем молча, не чокаясь, в память о погибших на войне наших товарищах-механиках.

Мы выпили и вспоминали, как погибли товарищи — Аркадий Перехромов и Вано Гахария, сбитые по ошибке нашим истребителем-охотником, Маров, Черныш, сгоревший Соколов, Фисак, Войненков. Кто еще?

Механик Войненков умер от раны в госпитале Калинина в 43-м. Не стало человека по глупой случайности. Ехал в грузовике на аэродром в Калинин. Зима, окна запотели и покрылись инеем. Усталый шофер не слышал окрика часового «Стой!» и продолжал путь. Часовой выстрелил по кабине и ранил Анатолия Войненко. Отличный был парень. Его брат прислал мне письмо, сожалея, что врачи не могли сохранить Анатолию жизнь. Сообщил, что имя брата высечено на мраморе братских могил в Мигалово.

— А как погиб старшина Черныш? Для меня это загадка. Дело было в Смоленске, летом. Его труп нашли в густой траве, метрах в тридцати от хвоста самолета. Убит пулей. Решили, что она случайная, пробная, выпущенная стрелком-радистом из пролетавшего самолета.

Узкий летний технарский комбинезон ладно сидит на фигуре, но так сшит, что всегда надевается и снимается с трудом. Костя Воробьев — так звали молодого механика — хранил комбинезон, как и все технари в кабине стрелка-радииста. Люк кабины не запирался. Чтобы комбинезон не попался на чужой нехороший глаз, он запихнул его поглубже, за аккумулятор, где проходят бензопроводы. Один из них подтекал — мы установили это позже. Когда Костя вытаскивал комбинезон, в лицо ударил удушливый запах бензина, но он не придавал этому значения. Мы приспособились прополаскивать промасленную рабочую одежду в бензине.

Перед тем как начать осмотр мотора, Костя решил закурить. Чиркнул спичкой. И вдруг комбинезон вспыхнул. Человек моментально превратился в факел. Косте удалось сорвать догорающую рабочую одежду, но бензин пропитал уже и гимнастерку и майку. Горел человек! Костю сбили с ног, набросили на него тяжелый чехол с мотора, и пламя погасло. Механика отправили в госпиталь. Военврач не скрывал, что фатальный конец неизбежен из-за огромной поверхности ожога. Константин мучился три дня...

Смерть подстерегала любого из нас. Войне же не было видно конца, напротив, она принимала все более зловещие масштабы. Прощай, Смоленск! Мы улетаем на запад, на польский грунтовой аэродром близ городка Крынки.

ВПЕРЕД БЕЗ ПЕРЕДЫШКИ

После двух с половиной месяцев неудержимого броска от «Смоленских ворот» до польской реки Нарев солдаты 2-го Белорусского фронта под командованием К.К. Рокоссовского остановились на рубеже Августов—Ломжа—Остроленка. Войска нуждались в пополнении и перегруппировке для решающих битв на территории Польши и Германии.

Воздушные разведчики, естественно, не получили передышки. Как всегда перед началом крупных операций, полк включился в интенсивную работу, обнаруживая вражеские оборонительные сооружения и дислокацию войск. Разведчики регулярно появлялись над Варшавой, Торном, Данцигом, Лодзью, Бреслау.

Немцы серьезно готовились оборонять подступы к Германии, срочно создавали укрепленные районы, не дремала и их служба противовоздушной обороны. Во время разведки шоссе и железных дорог, а также железнодорожного узла Лодзи экипаж Петрова заметил «Мессершмитт-109». Разведчики не дрогнули и, развернув самолет навстречу солнцу, с набором высоты продолжали полет. Истребитель не прекратил преследования, и тут у Виктора возникла дерзкая мысль.

В люках его самолета находились тысячи листовок на польском языке. Он дал команду Малинkinу сбросить на стервятника весь «пропагандистский груз». Малинkin потянул ручку, и сзади «пешки» моментально образовался длинный белый шлейф. Спустя минуту стрелок-радист доложил, что преследователь резко пошел вниз — видно, листовки угодили ему в водяные радиаторы, и мотор стал перегреваться. «Листовками сшибли гада!» — рассказывали разведчики по возвращении на аэродром Крынки. Вернулись, как уже заведено, бреющим полетом.

Вечером в крестьянской хате, где разместились летчики, между хозяином-поляком и Виктором произошел такой разговор. Старик вдруг сказал:

— Фрицы-то высоко летают, а вы, русские, низко. Видать, не умеете.

Виктор стал объяснять, что бреющий полет опаснее, а поляк не верит. Озадаченный Виктор отрезал:

— Ну, хорошо, завтра полечу, возьму и сшибу трубу твоей хаты.

— Не сшибешь, — ответил поляк, — она крепкая.

— Хорошо, посмотрим!

И расстались.

На следующий день, возвращаясь с задания, Виктор разглядел эту самую трубу и прижал к ней Пе-2. Самолет взмыл, и от идущей от винтов струи труба рассыпалась. Ох, и смеху было в тот день! Поляк с восторгом всем рассказывал, какие храбрые русские летчики.

А Петров был счастлив вдвойне. Мало того что убедил старого поляка в своей правоте, но и вернулся с исключительно ценными фотодонесениями. Его боевой друг Малинkin в тот день захворал, и штурманом летал Дерябичев. Петров хорошо знал от Голубничего, что Юра в полете не любит лишних разговоров. На вопросы иного незнакомого летчика, решившего проэкзаменовать штурмана, постоянно спрашивая «Где находимся?», Юрий обычно отвечал: «В воздухе». А если летчик не унимался и, увидев деревню, снова спрашивал, что за пункт, Юра ехидно говорил: «Населенный». И так несколько раз, пока летчик не убедится, что штурман занят своим делом и ведет самолет точно по маршруту.

Но во время полета с Петровым Юра не умолкал всю дорогу.

— Командир, подверни чуть вправо! — попросил вдруг он.

— А что случилось? Вроде бы летим нормально.

— Так-то оно так, но вижу справа что-то похожее на вновь сооруженную крупную полосу обороны фрицев. Пролетали тут неделю назад с Голубничим и ничего не заметили...

— А где мы сейчас находимся?

— В ста пятидесяти километрах западнее Варшавы. — Через несколько минут разведчики приблизились к цели настолько, что отчет-

ливо смогли разглядеть с большой высоты свежевыкопанные противотанковые рвы и другие атрибуты мощных оборонительных укреплений отступающих гитлеровцев. Полоса тянулась на много десятков километров с севера на юг.

— Летим над целью, Витя, включая фотоаппараты! — крикнул Юрий.

Инициатива разведчиков была отмечена благодарностью. В напряженной боевой работе заканчивался славный 1944 год.

В новом году солдаты Рокоссовского прорвали фронт и развили наступление. Старшим авиамеханикам приказано перебазироваться на новый аэродром города Модлин, что находился севернее Варшавы, на берегу Вислы. Выежаем в ночь с тем, чтобы прибыть туда утром и подготовиться к приему самолетов.

Модлин оказался старинной крепостью, обнесенной рвом и каменными укреплениями. Потайные ходы вели из нее к Висле. Наши пехотинцы и танкисты столь молниеносно окружили крепость, что не все гитлеровцы успели удрать. Несколько механиков спустились в катакомбы и взяли в плен с десятков голодных фрицев, направлявшихся подземными ходами за водой к реке.

А фронт уходил все дальше. Перед разведчиками полка встал задача — вскрыть берлинский аэродромный узел. Одновременно летчики продолжали разведывать еще не сдавшийся Кенигсберг, обложенный со всех сторон Данциг и обширные районы Померании.



ЧАСТЬ

ДОРОГИЕ МОИ ОДНОПОЛЧАНЕ. МИЛЫЕ МОИ РАССКАЗЧИКИ И ЛЕТОПИСЦЫ

ПЕСНЯ АВИАМЕХАНИКА

Получил письмо от комиссара Настоящего. Он написал, что я «предельно точно нарисовал воина—воздушного разведчика: волевым, трезво расчетливым, отважным, готовым идти на все ради выполнения задания». Потом комиссар коснулся той полковой жизни, за которую отвечал:

«Я помню вас не только как прекрасного авиаспециалиста. А еще как неутомимого активиста на всех поприщах общественной работы: агитационной, пропагандистской, культурно-массовой. Немало сил было отдано организации досуга нашего воинского коллектива. Помню, как вы овладевали новым инструментом — аккордеоном и, если не ошибаюсь, нотной грамотой. Как готовились к концертам, мучили репетициями Григорьева — нашего замечательного лирического тенора. Где сейчас этот способный талантливый человек? Имени его я не помню».

«Где?» Мне тоже очень хотелось это знать. Наконец, я получил от Константина Григорьева короткое письмо. Крупным детским почерком он объяснял свое молчание:

«Ты знаешь, много времени прошло с тех пор, как я был в командировке в Москве. На Арбате, на книжной полке увидел силуэт дорогой “пешки”, портрет автора книги. Меня как обожгло. Прижало сердечко. В гостинице листаю книгу. В ней фото милых фронтовых товарищей. Не отрываясь, стал читать. Ты и меня вспомнил, как мы пели твои песни: “Никто не поднимется раньше меня на работу”. И про жеребят, помнишь: “Скоро-скоро еще молодым оседлают и вас, как меня”. А потом заканчивали развеселой народной — “Коробейниками”».

Володя, ты своей книжкой разбередил мне душу. И я долго не мог заставить себя сесть за письмо. Не знаю почему. Возьму ручку и начинаю вспоминать родненьких погибших на войне ребят. Не вернувшихся, разбившихся на моих глазах. Сколько лет прошло! А помнишь,

как мы и полковой поэт Андрей Сакеллари репетировали твои песни, спорили по пустыкам, как устроили концерт в польском городке Крынки, да еще где! — в местной синагоге. Мы с тобой одного 1922 года рождения. Годков много пролетело. Считай, почти вся жизнь».

Костя коротко рассказал о себе. До войны учился в Казанском экономическом институте. Окончил один курс. После демобилизации снова учился на экономиста. Сразу по возвращении женился. Жена татарка Зайнаб ждала его все годы войны. Двое сыновей. Оба — инженеры. Есть внуки. Работает старшим экономистом на крупном заводе, в «почтовом ящике». К фронтовым наградам прибавилось еще два гражданских ордена. В студенческие годы подрабатывал — пел в джазе, и сейчас любит петь романсы, любимый — «Я встретил вас...». Увлекается автомобилем. Имел «Победу», теперь водит «Волгу-21». В поездках на автомашине провел семнадцать отпусков. Однажды совершил отпускной вояж от Пензы через Москву до Кенигсберга, как он написал, «по военному маршруту нашей 4-й эскадрильи».

Я был несказанно рад письму и попросил Костю написать «мемуары» и прислать текст моей песни «Никто не поднимется», который у меня не сохранился. А вот слова моей «Песни авиационного механика»:

Никто не поднимется раньше меня на работу.
Никто не расслышит моторов натруженный рев.
Я рад от того, что всегда к боевому полету
И ночью, и днем мой воздушный разведчик готов.

Еще не успел я назвать никого дорогою.
Мне некогда было на фронте мечтать и любить.
Мне спать приходилось в обнимку с окопной землею
Чтоб только наутро усталым и сонным не быть.

Механик-трудяга, на двигатель вечный похожий.
Но труд его тяжкий и скромный не всякий поймет.
Мне всех орденов и блестящих медалей дороже,
Когда в благодарность мой летчик мне руку пожмет.

Мне счастье и горе досталось всего понемногу.
И только завидуя летчику я иногда.
Рожденные ползать до неба подняться не смогут.
Мне радость пилота, увы, не познать никогда.

— Здорово! — восхищался Андрей Сакеллари и, как обычно, любивший критиковать, подтрунивать, заметил: — Название никуда не годит-

ся! По-философски, узкое, рассчитанное на ограниченный круг человечества. Песня затрагивает и мою душу. Я тоже трудяга. Тоже вкалываю от зари до зари.

— Ну, ты и придира, Андрей! — вмешался Костя. — Уж если почестному, то раньше всех поднимался на работу Васька-таксист.

Был у нас такой шофер эскадрильеской полуторки. Он развозил грузы и людей от гарнизонных складов и казарм на аэродромные стоянки. Старше нас, всегда с прибавками и, казалось, «под газом».

Костя продолжал:

— Вы, авиамеханики, еще дрыхли, а мы с Василием уже скатали на аккумуляторную станцию, где подзаряжались аккумуляторы с ваших «пешек» и мчались на аэродром. Потом Василий приезжал за вами.

Действительно, когда рано утром мы подъезжали к своим самолетам, там уже копошились — под брюхом и в кабине «пешки» — наши товарищи: электрики вроде Кости Григорьева, приборист Паша Александров, оружейник Ленченко. Я с механиком и мотористом готовили один наш самолет. А они сразу несколько, иногда все эскадрильеские машины. Тяжело было электрикам втаскивать в чрево «пешки» длиннющий, из 12 банок аккумулятор, вдвое больше и тяжелее, чем аккумулятор грузового автомобиля.

Старшие механики, коим был я, отвечали, однако, за все. Зимой они начинали подготовку машины с расчехления моторов. Рутинная и небыстрая работа. Толстые, ватные чехлы длиной в четыре метра и столько же в ширину надо было сначала расстегнуть, затем, забравшись на плоскость, аккуратно скатать и стащить на землю. Работали вдвоем с мотористом. Затем проворачивали винт мотора. Он не проворачивался с первых толчков. В моторе застывало от мороза масло. Да и компрессия двенадцати цилиндров давала отпор. Потом запускались и прогревались оба мотора. Поглядывали на небо. Его затягивали облака. Как знать: летная погода или нет? Полетит комэск Попов или задержится? Кто знает? Как говорится, на пожарный случай зачехляли моторы, чтобы они не остыли. К вылету они должны быть прогретыми. В осенние промозглые дни, когда то ли осень, то ли зима, крылья и фюзеляж покрывались тонким слоем льда. «Пешка» тяжелела, могла не оторваться от взлетной полосы. Пробовали смывать гололедицу горячей водой. Еще хуже: где-то лед таял, а в общем увеличивался. Научились его сбивать с крыльев тонкими ветками. Достаточно очистить плоскости, как машину выпускали в полет. От вибрации самолета, тряски моторов лед отпадал через минуту-другую.

Втроем мне с механиком Григорьевым и мотористом Федотовым не всегда удавалось к вылету очистить крылья ветками. На помощь присылали оружейников, прибористов, электриков, всех, кто был свободен.

— И сколько же набиралось народу? — спросил Андрей Сакеллари, услышав от меня эту историю, — дюжина, две? И все ради одного Попова, для его взлета.

...Шел второй год перестройки. Мы, фронтовики, еще жили под впечатлением большого всенародного праздника — сорокалетия со дня разгрома фашистской Германии. С Костей Григорьевым мы встретились в санатории «Волжский утес», где я проводил отпуск. А Костя, страстный автолюбитель, примчался на своей серой «Волге» ко мне из Пензы. Не буду описывать радостные эмоции, возгласы, объятия, слезы этой встречи. Встал сразу вопрос, где отметить столь торжественное событие. Я удивился: «В чем вопрос? В моем номере». Костя как большой начальник крупного оборонного завода, наверняка член партбюро, уже начавшего кампанию борьбы против пьянства, покачал головой.

— Ты что, Володя, не знаешь, что распитие спиртного в учреждениях, домах отдыха запрещено. Нас застукают, и тебя отчислят из санатория. Тебе же надо подлечиться! Зайнаб — превосходная хозяйка. В багажнике припасены и коньячок, и закусь. Остается выбрать лужайку.

— Спасибо! Я тоже кое-что заготовил. И еще сюрприз. В номере лежит баян, что я выпросил у массовика-затейника санатория. Споем фронтовые...

— Чудесно! Но сначала подкрепимся на свежем воздухе, на солнышке. После дальней дороги при встрече друзей не мешает рюмочка-другая армянского коньячка.

Мы рассмеялись. Шутка сменяла шутку. Я решил попутать Костю тем, что лужайка находится на территории санатория, и нас могут и там застукать.

— Откупимся рюмкой водки! Притворимся, думали, что гуляем на нейтральной полосе, между санаторием и колхозной землей.

Пикник сопровождался фронтовыми воспоминаниями.

— Помнишь аэродром в Крынках, укатанное пшеничное поле, — говорил Константин. — «Пешки» упирались хвостами в картофельные грядки, брошенные бежавшим поляком. Мы ночевали возле самолетов. С наступлением холодов укрывались моторными чехлами. С головой, как водится. А чтобы не задохнуться, прорезали дырки в чехах. Утром просыпались и смеялись друг над другом. У всех за ночь вырастали седые усы. Это иней оседал на губах. А помнишь, там же завтракали выкопанной и поджаренной на костре картошкой. Ходили с винтовками охотиться на лис и кабанов. Однажды подстрелили одного кабана пудов на десять. Оказалось, это — одичавшая свинья.

— Вот это я помню. Рассказывали, что один механик, откушав свинок, сломал зуб о застрявшую в туше пулю.

— Верно. Смешная история. Но охотники из нас не получились. Часто мы уходили в сторону нашей границы. Уже появились наши пограничники. Они разрешали нам переходить на нашу сторону. Мы садились на родную землю и молча долго курили. Каждый, наверное, вспоминал свой родной дом. А знаешь ли ты про мышиную эпопею в Крынках?

— Что-то не припоминается.

— Так слушай! Я был ее героем в кавычках и виновником. Хотя как сказать. Однажды «пешка» вылетела на разведку и вскоре вернулась. Как всегда, скандал. Отказала рация. Без радиосвязи что за разведка! Пришел инженер полка Пшенников, любитель снимать стружку. Помнишь его? Ходил вразвалочку. Вместо самолета говорил аэроплан, причем произносил — «ероплан». Стали вскрывать аппаратуру в поисках причины отказа. И что же обнаружили? В проводах — двух сгоревших от электрозамыкания мышей. И смех, и грех. Инженер кричит: «Задраить все дырки!», ну, значит, чтобы мышь не пролезла. Задраили. Но дырки-то в радиии служили вентиляцией. В очередном полете рация снова перегрелась. Возвращение. Скандал. Короче, мышиная возня кончилась, когда мы улетели на новый аэродром, дальше на запад.

...Костя стал торопиться в дорогу, но я настоял пойти в санаторский корпус, в мой номер, где хранился баян. Отпускать Костю, не услышав его лирического голоса, я не мог. Правда, спевки, как в молодости, не получилось. На баяне я не играл лет десять. А Костя тоже запомнил отдельные слова песен. В общем, комнату оглашал смех, крики, возгласы. «Давай проигрыш», «Стоп, не та тональность!» Словом, репетировали. Зайнаб смеялась и сказала:

— Смотрю я на вас. Ну, как мальчишки. Вздорите. Обнимаетесь. Представляю вас молодыми, юнцами. Как хорошо, что вы не потеряли этого мальчишества.

Костя обещал написать про свою 4-ю «эскадру», о которой я в «Воздушных разведчиках» даже не упомянул. Прислал четыре пространных письма, каждое с интервалом в несколько месяцев. Он просил простить «за некоторый сумбур» в хронологии.

— Ты, наверное, знаешь, в Монино после войны открыли музей авиации. Я посетил его с экскурсией. Честно говоря, ехал туда с замиранием сердца. Как-никак, ожидал встречи с юностью. Не вышло. Увидел там одну, всего одну «пешку». Подошел к ней, погладил и задумался. Выглядела она сироткой, одной из многих тысяч, что были изготовлены и воевали, а потом были переплавлены. Так, наверное, и человек, пережив своих сверстников, остается одиноким.

В авиации бывают чудеса, писал Костя. В ходе освобождения Ленинграда один наш экипаж полетел на разведку линии Маннергейма,

на Выборг. Разведчики не вернулись. Спустя месяц вдруг на аэродроме появился стрелок-радист пропавшего экипажа по фамилии Гришин. Мы обступили его. Возгласы удивления, расспросы. И вот что он нам поведал. Погода в день полета была сносной. Летчик вел «пешку» под нижней кромкой облаков. И вдруг Гришин увидел, что параллельным курсом летят «мессеры». Фашисты заметили красноезвездный бомбардировщик и открыли огонь. «Пешка» потеряла управление. Стрелок-радист очнулся в воздухе. Свистело в ушах. Дернул кольцо, и парашют раскрылся. Его тряхнуло и с ног ветром сдуло унты. Он приземлился в полесье. Без еды, одежды, без спичек он пробирался по болотам из-под Выборга 20 дней. Последние двое суток, вконец обессиленный, он полз на восток, к линии фронта. На его счастье, Красная Армия начала наступление, его подобрала наша пехотинцы. Он остался жив. Один раз я встретился с ним в Казани. Он был единственным человеком, вернувшимся в эскадрилью после жестокого воздушного боя.

И ТОКАРЬ, И ПОЭТ

С Андреем Сакеллари нас подружила любовь к поэзии. В польском городке Крынки мы поселились вместе в бедной хате белорусской крестьянки. И усталые после тяжелого технарского дня, умудрялись до полуночи читать друг другу новые стихи, бесконечно спорить об их достоинствах и недостатках. Андрей был родом из Подмосковья. Служил рядовым в ПАРМе (полевых авиаремонтных мастерских). Токарь-умелец, год обучался в Литературном институте столицы. Он был старше нас, 1913 года рождения. Росточка был небольшого. Зато энергией и задором нас превосходил. Говорил, что в жилах его течет греческая кровь, подтверждение тому фамилия. Хотя по виду был чистый россиянин. Жаловался на солдатскую норму харчей и обмотки с башмаками. В них зимой замерзал. А работал порой сутками на допотопном станке, установленном в кузове грузовика «ЗИС».

Моя «Песня авиационного механика» вызвала у него философские рассуждения.

— Как загадочно устроен мир, — начал Андрей очередной разговор. — Одних судьба возносит к облакам, к славе, блестящим орденам и медалям. Труд других, большинства человечества — «тяжкий и скромный», как поется в твоей песне про механика. Но в блеске героических орденов летчиков есть отблеск и моего труда. Кто, как не пармовцы, латали дырки от пробоин в самолете? Кто сваривал треснувшую моторную раму? Мы — токари и сварщики.

Андрей поведал мне историю — единственный, по его мнению, трудовой подвиг пармовцев на фронте. Дело было на смоленском аэро-

дроме, зимой. К пармовскому «ЗИСу» пришел техник украинец Симерий и загадочно попросил у Андрея одеться и пойти с ним к самолету. Симерий приказал механикам раскапотить мотор и указал Андрею на блок цилиндров. «Бачишь?» — спросил он токаря. Андрей поднялся по стремянке к блоку и увидел в нем пробойну от вражеского снаряда. «Сможешь сдобрить?» — спросил техник. Андрей покачал головой, но сказал, что попробует. Сварочные работы не годятся: блок изготовлен из особого металла. Остается одна возможность — наложить на пробойну фасонную заплату из стального листа. Выгнуть ее под конфигурацию блока, вырезать свинцовую прокладку. Просверлить и нарезать резьбу для шести отверстий. Наконец, крепко затянуть болтами.

Симерий согласился и поднес палец к губам. Мол, все это между нами, тайна. Такого ремонта на моторе боевого самолета не полагалось делать. Однако Андрей управился за сутки и посоветовал опробовать мотор должным образом на земле, а после облетать в воздухе. Эксперимент завершился успехом. Мотор работал отлично, даже выработал моторесурс. Обычно списанные моторы с «пешек» устанавливались на танках. Андрей с улыбкой предвкушал удивление танкистов, получивших мотор с заплаткой.

В начале 1943 года среди нас, фронтовиков, — добавил я — ходили слухи, будто грядут скоро перемены. Якобы к этому сроку, по планам, намечено закончить перевооружение Красной Армии. В 1942 году наши заводы сделали в шесть раз больше танков, чем гитлеровская Германия. Заводы строились в начале первых пятилеток. То были тракторные и автомобильные предприятия. Их продукция — основные узлы и детали — рассчитывались с учетом вероятной установки на танках и самолетах. Еще в 1931 году наша промышленность дала стране 200 тысяч тракторов. Знатоки за рубежом отмечали: «Россия задавила Гитлера своими танками».

Андрей Сакеллари оставил так много тетрадей с воспоминаниями. Его жизнь похожа на жизненный путь многих моих дорогих однополчан. Они также начинали трудиться у станков, в рядах молодых строителей социализма. Свою исповедь Андрей начал так:

«Себя помню с ранних лет, помню даже февральскую революцию, некоторые факты, домашние разговоры. Лучше помню Октябрьскую, гулом артиллерийских орудий, доносившихся до нашего подмосковного Кудинова, где мы жили.

Жили скромно. Отец был земским страховым агентом. Снимали небольшую квартиру. С мальчишеских лет мною владела мысль быть самостоятельным, не одалживаться у родителей. В школьные годы я умел вязать бредень, ловить рыбу, собирать грибы и ягоды. Чуть позже, подростком вместе с братом охотились, били из берданок белок. За шкурку

платили рубль. Вылавливали карасей, линей, окуня, щуку. Отец отвозил живую рыбу в Москву, продавал в ресторан. Своего надела не было. Мы нанимались исполу изготавливать деревенским вдовам торф, полоть картошку, подрабатывали на кустарных кирпичных фабричках.

Старшего брата призвали в армию, а я в 28-м году вступил в комсомол. Началась культурная революция, перво-наперво ликбез — мы обучали крестьян грамоте. Их знания потом проверяла комиссия (учитель, представитель сельсовета и комсомола). Липы быть не могло, все делалось всерьез. Потом — книгоношество, брали в библиотеке книги, развозили по домам. За все надо было отчитываться. Начали прижимать богатеев. Реквизировали сразу два помещения. Одно под комитет бедноты (комбед), другое — под клуб. Обустроили клуб скамейками, проводили собрания, крутили кинопередвижку. Света, разумеется, не было. Нужно было попеременно крутить “динаму”, а это работа не шутейная.

Еду в Ногинск, в райком комсомола, прошу направить на завод учеником токаря. Я встал к станку сразу в третью (ночную) смену. Радости не было предела. Под старость напишется: “В кармашке метр, кронциркуль, нутромер как классовые символы в металле обязывали подавать пример и мир, ниспровергая, утверждали. Романтика станка и заводской гудок, и получить по группе “А” свой месячный паек: не это ли предел земного счастья? Ты был опорой матери больной, ты был кормильцем младшего братишки. В чулане темном, за сырой стеной, никчемные в углу пылились книжки”. Работа нравилась. В первый месяц я, сопляк, принес домой зарплату — 140 рублей. Невиданные деньги.

В 1936 году меня призвали в армию. Зачислили в пулеметный эскадрон. Сочинял стихи. Одно из них — “Знакомство” — было напечатано в газете Московского военного округа “Красный воин”. Словами песни о нашей дивизии заинтересовался известный тогда композитор Лев Книппер. Со своими виршами я выступал по праздникам в Колонном зале в Москве. Это дало мне повод возомнить, что я самородок. Таких, из рабочей среды, партия поддерживала. После двух с половиной лет службы я поступил на заочное отделение Литературного института.

Мое учение, увы, продолжалось недолго. Вернулся из армии старший брат. Он женился, стали жить под одной крышей. У него родился сын. Поселился у нас еще племянник. Ты представляешь, как мне было трудно совмещать сменную работу на заводе и учебу в обстановке перенаселенности. Но случилось самое невероятное, хотя — естественное. Я влюбился в 17-летнюю красавицу. Ради этой любви стоило пережить все муки бытовых неудобств и вообще все муки, выпавшие на мою долю. Ее звали Рая, и я прожил с нею всю зрелую жизнь.

Как и в молодости, я посвятил много сил общественной работе. В партию вступил в 1950 году. Окончил Заочный институт марксизма-ленинизма, сотрудничал в обществе “Знание”, был лектором по международной политике. Я читал Ленина и Сталина. Ты тоже их читал. Согласись, что Ленин труден для понимания. Он всеохватен, его натура, его язык огранены многомерно. Он анализирует со всех сторон. А чем импонирует Сталин? Лаконизмом. Готовыми выводами. Его речи не требуют труда мыслить: глотай, что подано. Все просто и ясно, хотя в жизни нет ни простого, ни ясного. Все противоречиво.

Пишу с трудом. Не пишу, а как бы вырисовываю букковки. Старость. Сводит пальцы. Обнимаю. Твой Андрей».

«Дорогой Андрей! Ты знаешь, я тоже был влюблен в юную красавицу. Но быстро обнаружил, что кроме пылкой любви нас ничего не связывало, нам не о чем было поговорить. Она, как Бэла у Печорина, после страсти молчала. Ее звали Катя. О чем она думала, я так и не узнал. Наверное, о замужестве. Лишь под старость она написала, что поняла мое “нравоучение”: птицы выют гнезда, когда научатся летать, и решила расстаться. Вышла замуж за летчика-узбека. Он видел в ней рабыню, а Катя мечтала об учебе в институте. Порвала с мужем и осталась одна с маленьким сыном. Трудно было, очень трудно. Но она проявила волю, добилась заветного — диплома педагога.

Андрей, за многие годы дружбы я познакомился с десятками твоих прекрасных стихов о любви, рабочем человеке, о природе, о земле, о “елецкой махорочке”, о “технарях”. В них много самобытных образов. Жду от тебя новых стихов о родной елецкой земле, о природе. Не поддавайся на конъюнктуру. Для меня ты все равно останешься токарем-самородком, поэтом от народа. Обнимаю, и не пиши много, если трудно с суставами рук».

Перестроечная «гласность», как ураган, разметала старые представления. Разбухли от количества страниц «Огонек», «Московские новости» и другие издания, которые стали ставить под сомнения наши идеалы. Уж на что мой близкий друг Андрей Сакеллари был умнейшим человеком, но и он попал под шкив «приводных ремней» перестройки.

Андрей жаловался в письме: «В общих чертах, сам понимаешь, одинокая старость, да еще на фоне очередной «революции» и надоевшего словоблудия. Фальшью, ложью, лицедейством забыты все поры организма и сознания. Моя слабость — пристрастие к познанию, философии, органическая приверженность к порядочности в переплетении с наивностью и верой в человека терпят фиаско... А ведь вся жизнь отдана истому труду, вере в будущее, справедливости, светлой надежде. Увы, увы!»

Однако токарь-умелец, прирожденный поэт не мог до конца расстаться с иллюзиями. Он не мог жить без стихов собственного сочине-

ния, сотрудничал в елецкой газете «Красное знамя», созданной при ней «литературной группе». К сожалению, попал под влияние ее руководителя, бывшего ээка, репрессированного политического заключенного. Андрей присылал мне свои стихи. В одном из них воображалось невозможное для нас с ним. Он писал, что нам повезло служить в авиации. А если бы нас призвали в НКВД, то заставили бы охранять заключенных, быть карателями, палачами. Ох, Андрей!

После августовских событий трагического 1991 года он прозрел. Андрей Сакеллари писал: «В стране воцарилась духовная деградация общества, коррупция, воровство, поголовное пьянство, проституция, разрушение экологической среды. Конечно, и при “развитом социализме” существовали эти явления, их называли “пережитками капитализма”. Но не в таких ужасающих размерах, как при горбачевском правлении и реформах Ельцина».

Разочаровалась в перестройке и моя фронтовая подруга Катя. Было время, когда она писала, что надеется на лучшее и связывает это с Горбачевым. Спустя два года она еще не теряла надежды, но сообщала, что «мы устали, мы в годах, а спокойствия нет. Много говорят о заботе о ветеранах, но на местах только разговоры».

Катя прожила нелегкую жизнь. В восемнадцать лет пошла добровольно в армию, на фронт. Работала в нашем батальоне аэродромного обслуживания — БАО. Ей выхлопотали льготы как участнице войны. Пенсионерка Катя писала: «Похвастаться нечем. Я такой старости не ожидала. Обидели наше поколение, сделавшее нашу страну непобедимой, хотя и были недостатки. Но такого разгула, как сейчас, вандализма, обмана — не было. Обидно за Россию». Катя сообщала, что пенсии едва хватает, чтобы сводить концы с концами. Ее родной Серпухов был процветающим городом, а теперь предприятия закрыты.

В письмах других моих однополчан также не было прежней радости, уверенности в завтрашнем дне.

ГДЕ НАША НЕ ПРОПАДАЛА

Ранней весной 73-го года поехал на «Волге», чтобы навестить двух однополчан. Один жил в Богородске, что в сорока километрах от Горького, другой в городе металлургов Выксе.

Оба города расположены на правобережье Оки. Выкса значилась первым пунктом поездки, на карте автомобильных дорог был красным цветом обозначен мост через Оку. На всякий случай написал в Выксу другу, Герою Советского Союза штурману Евгению Романову, чтобы узнать, можно ли к нему доехать на машине. Конечно, ответил он. И вот я «газую» по знакомой дороге — «Владимирскому тракту». Слева остался аэродром

Монино. Въезжаю, наконец, во Владимир, сворачиваю вправо на шоссе, ведущее к старинному городу Мурому. Приличную скорость «Волги» пришлось укрощать. Асфальт разбит. На въезде в Муром меня встречает каменный гигант — монумент Илье Муромцу. Решил спросить у милиционера, как проехать к мосту. Не ответив на мое приветствие, младший лейтенант нагнулся, увидел московский номерной знак, улыбнулся.

— Москвич, видать? — сказал. — Ну и ну! А моста-то нет!

— То есть как нет? На карте обозначен. Выходит, ошибочку допустило здешнее ГАИ?

— Ну, вы потише, товарищ водитель. Никакой ошибки нет. Проехать через Оку на ту сторону можно по мосту... понтонному. Его мы наводим, когда сойдет ледоход. А зимой, когда Ока встанет, организуем движение по льду. А сегодня на дворе что? Весна! Лед подтаял. Опасно. Мы вчера установили на переправе «кирпич», как вы называете запрещающий проезд знак.

И ушел младший лейтенант, махнув рукой в сторону переправы. Я был в отчаянии. А когда подъехал к реке, увидел ледовое море и крутизну берегов, мысли мои ушли далеко, в воспоминания тяжелого 41-го года. Настроение тогда у всех было унылое. И вот, спустя десятки лет после войны, взглянув на простиравшуюся передо мной широченную Оку, я про себя воскликнул: «Нет, Гитлеру никогда не удалось бы покорить Россию! Захватив Москву, он уперся бы в Оку, Волгу...» Младший лейтенант, однако, шел мимо меня и как бы вернул мои мысли к реальности. «Как же добраться до Выксы?» — спросил я его. «Кругалем! Через Горький. Только там есть автомобильный мост через Оку», — посоветовал он.

«Кругалем» — это лишние четыреста километров. Но что делать. На городском почтамте дал телеграмму Романову: мол, моста нет, еду в Горький, затем поверну к Петрову. Встретимся завтра. Поздно ночью я наконец добрался до Петровых, которые меня не ждали. Выслушав мои злоключения, угостили ужином и уложили в смежной комнате отдыхать. Утром вместе с Виктором мы отправились навестить Романова. По дороге на Выксу я расспрашивал Петрова о том, как воевалось.

— Виктор, а знаешь, как тебя эскадрильские ребята прозвали? — спросил я друга. — Кто-то прозвал живчиком, кто-то — везучим, шутником и даже патриотом. Ну, то, что ты — живчик и везучий, объяснять не нужно? Помнишь, ты, вернувшись на родной смоленский аэродром, не мог приземлить свою «пешку»? При снижении она задирала хвост, как петух перед боем.

— Смеешься? А дело пахло керосином. Нас атаковали «мессеры» и перебили рули высоты. «Пешка» шла по прямой, как положено. А подняться или опуститься вниз не могла. Пришлось сажать ее «на

живот». Верно, повезло. Еще бы! Тяги рулей высоты были изрешечены пулями. Одна тяга держалась на честном слове. Чуть что, она лопнет, и самолет свалился в штопор.

— А верно говорят про тебя, что ты играл моторами, вроде музыканта на барабане?

— Что-то не понимаю, на что ты намекаешь? А-а. Догадался. Маленькая хитрость, вводившая фрицев в большое заблуждение. Когда мы переходили линию фронта, то давали разные обороты моторам. Создавался гул, очень похожий на рев немецких бомбардировщиков. Немцы принимали нас за «своего» и не открывали зенитный огонь.

— Но тебе везло и в случаях атаки «мессеров». Как ты увертывался от огненных трасс фрицев?

— Как все. Нырять в облака, если была густая облачность. А чаще пикировал. Во время пикирования «пешка» уходила от истребителей врага. Хороший аэроплан! Правда, ради справедливости, признаю, при резком пикировании с больших высот покрывались льдом стекла кабины летчика, и он ничего не видел. Кроме того, пленка инея образовывалась на остеклении приборов. Летчик не мог ориентироваться, был, как в «слепом полете». Как выходили из положения? Протирали стекла. Разумеется не вашими технарскими тряпками, они всегда в масле и грязи. А женским душистым платочком, подаренным во время ночной прогулки накануне вылета.

— Шутник! Уж ты не свою ли Валю имеешь в виду?

— Как хочешь, так и понимай. А знаешь, где я с ней познакомился? В Смоленске во время праздника. Справляли третью годовщину создания полка. Из Москвы прибыл сам генерал Грендаль. Праздничный ужин состоялся в летной столовой. Среди приглашенных гостей были офицеры и вольнонаемные из авиаремонтных мастерских. Среди них девушки. Мне уж очень понравилась одна из них. В красивом красном шерстяном платье. И танцевала хорошо, и симпатичная на вид. Как, думал, к ней подступиться? Кружилась она все время со своим начальником из мастерских. Танцевать тогда я почти не умел и подойти не решился. Но случай позволил с ней познакомиться. Ее звали Валя. Так она стала моей боевой подругой, женой, матерью моих детей.

— А как мне быть: верить или не верить слухам, будто ты пропадал сутки и никто не знал, где ты. Говорили, что ты дезертировал и перешел границу.

— Ерунда! И кто это мог придумать? Дело было в Крынках, на польско-советской границе. Ты же знаешь, летом 44-го фрицев вышибли из Белоруссии. Они побросали много оружия и боеприпасов. Я люблю охоту. Раздобыл трофейную винтовку, патроны и однажды с утра пораньше отправился стрелять зайцев. Одного быстро застрелил, пере-

кинул тушку через плечо. И вдруг вижу, скачет второй. Больше и жирнее подстреленного. Я за ним. Выстрел. Заяц присел, будто раненый. Я к нему бегом. А он, хитрец, затаился и стрекача. Я за ним. Так я проделал путь в четыре километра вплоть до границы. Польские пограничники еще не успели освоить новую границу. А наши ребята тут как тут. Арестовали, отобрали винтовку и дичь. Отвели на заставу. Хорошо, у меня при себе было удостоверение личности. Пока пограничники созванивались с кем положено, наступил вечер. Обедом меня накормили, настала пора ужинать. Но в этот момент пограничникам подтвердили, кто я такой — не шпион, не дезертир, а летчик-охотник. Вернули винтовку, зайца. К себе домой я вернулся под звездным небом. Глубокой ночью.

— Виктор, скажи честно, были в нашей эскадрилье кутежи?

— Честно, был один загул по причине свадьбы Леша Кузьмичева — штурмана Анатолия Попова. В Смоленске дело было, в воздухе пахло Победой. Приглашенные авиаторы из молодежи малость перебрали спиртного. А утром приказ лететь в разведку. Ваня Голубничий еле-еле забрался в кабину. Я помню, при взлете дал крен влево — трещала голова от похмелья. Но как взлетели — протрезвели, задание выполнили. Это сказки, что нам на фронте ежедневно давали по сто грамм. Давали в тех случаях, когда успешно совершали разведывательные полеты. Но когда сидишь на земле — ни грамма.

— Виктор, а расскажи о своем детстве.

— Я не жалею о свои детские годы. Нас воспитывали в духе любви к Родине и товарищу Сталину. Был еще такой лозунг: «Спасибо тов. Сталину за наше счастливое детство». Да, у нашего поколения детство прошло хорошо. Кандидатом в члены ВКП(б) стал в 1942 году в училище. Считаю: основная масса коммунистов — честные, справедливые люди. Жгучая ненависть к врагу и горячая любовь к Родине — вот истинный патриотизм советского человека. Да, мы шли в бой под лозунгом: «За Родину, за Сталина!» Наше поколение, которое отдало лучшие годы, молодость защите Отечества, ни в чем не раскаивается. Если бы мне пришлось снова начать свою жизнь, я повторил бы все сначала. Мы росли в сталинскую эпоху. И тогда Родина и Сталин составляли нечто единое. Партия пользовалась большим авторитетом в народе. Вспомним выступление Сталина в июле 1941 года, давшего оценку положению страны и изложившему план действий. Он был выполнен! В послевоенные годы, самые тяжелые в экономическом отношении, советские люди нашли в себе силы восстановить разрушенные заводы, электростанции. Вот это и радовало. Только советский человек был способен на такой подвиг.

...В заключение хочу привести несколько строк из последних писем Виктора Петрова. Город Богородск, где он закончил свой жиз-

ненный путь, типичный из серии «малых городов» России. Вдоль одной прямой и длинной улицы Ленина стоят деревянные и каменные домишки. В доме Петровых не было канализации, согревались печным отоплением. Славному разведчику, гордости нашего полка после демобилизации пришлось пережить моральную драму. Как, впрочем, и всем его друзьям-фронтовикам. Упоенные славой победителей, для мирной жизни они не имели подходящих профессий. В лучшем случае горкомы партии пристраивали их на работу начальниками отделов кадров, руководителями ЖЭКов, директорами кинотеатров. Виктор преподавал военное дело в соседней школе. Заработок не ахти какой. Выручали пять соток выделенного за городом земельного участка.

Вот его письмо начала 1993 года. Виктор-балагур еще не лишен присущего ему юмора. Он пишет: «Продовольственных карточек у нас пока нет. Введены талоны на некоторые продукты питания, как и повсюду. Сажаем на своих сотках картошку и еще кое-что по мелочи. Теперь я из разведчика превратился в фермера. Высаживаем весной два-три мешка картошки, едим все лето и на зиму хватает. Как вы, москвичи? К весне цены еще поднимутся. Так что готов продать тебе картофеля (шучу, конечно) по договорной цене. Обнимаю».

А вот строки из письма конца 1994 года. Юмора нет. Виктор никогда не ругал власть. Теперь его терпение лопнуло. Он «прозрел».

«Размениваем эти трудные запутанные годы, — писал он. — Не знаю, куда мы движемся. Мне думается, что нас — россиян запрягли в бурлацкие лямки наши новоиспеченные “господа”. Мы плывем по мелководью, то ли по течению, то ли против, не знаем, к какому берегу пристанем. Либо упремся в тупик, либо выплывем на большие воды. В последнем сомневаюсь. Ибо повсюду одно и то же — бардак, хаос. Не сидим, не лежим, а находимся в коленопреклоненном положении. Добавить к этому нечего. Чтобы отвлечься от грустных дум, увлекся резьбой по дереву. Получаются красивые вещи. Не забываю и любимое занятие — фотографирование. Крепко обнимаю».

Последнее письмо датировано апрелем 1995 года: «Наконец-то малость отошел от коварного инфаркта. Болел почти полгода. И пока не могу уверенно ходить по больничной палате. Но хорошо, что могу писать. Видит бог, мне уже не увидиться больше с однополчанами».

НОСТАЛЬГИЯ ФРОНТОВИКОВ

Вместе с Петровым мы заехали в Выксу к Евгению Романову. Он попросил подвезти его в Москву. Мы ехали на моей «Волге» сначала на восток, километров двести, параллельно широкой,

с крутыми берегами Оке. В Горьком ее пересекли и повернули на запад. Евгения в дороге укачало.

— Женя, не спи, — разбудил его я. — Спой что-нибудь.

И он запел веселую шульженковскую: «Эй, Андрюша! Нам ли быть в печали. Не прячь гармонь, играй на все лады. Пой, играй, чтоб горы зазвучали, чтоб зашумели зеленые сады».

Я прервал его и попытался вспомнить с детства любимую: «Ну, улыбнись, милый, ласково взгляни! Жизнь прекрасна наша, солнечные дни». Так пела Изабелла Юрьева. Какие радостные песни звучали до войны! А сейчас слышишь хриплые голоса: «Я тебя бросил. Я от тебя ушла».

За восемь часов езды мы и напелись, и наговорились, и навспоминались. С радостью и болью, с ностальгией об ушедшей юности. Евгений, естественно, вспомнил боевые полеты с Сугриным, как были подбиты врагом, как возвращались на одном работающем моторе.

Воспоминания — привилегия стариков. Говорят, человек с годами забывает все плохое и вспоминает лишь хорошее. Нам, пенсионерам, к сожалению, вспомнились неожиданные повороты перестройки. Советской жизни стали навешивать всякие ярлыки. Брежневское правление окрестили «застоем». Пожалуй, с натяжкой можно согласиться с «застоем» в идеологии. Что касается потребления, то отмечался дефицит хороших товаров. Бытовало изречение: спрос должен опережать производство. Дефицит преодолевался разными способами. Обычно записывались в очередь. При настойчивости пробивные люди отоваривались всем.

Чего только нет в моей квартире и в забитом разным хламом гараже! Лежит, например, с довоенной поры первый советский фотоаппарат «Фотокор-1» и деревянная «тренога» к нему, фотоаппарат высшего класса «Киев» и много других вещей. Все покупалось в обычных московских магазинах: магнитофон «Мелодия» и «Соната-3», телевизоры «Рубин» и «Темп», монтажный столик для любительского кино. Всегда была фото и кинопленка разной чувствительности, цветная и черно-белая. Цена — смехотворно низкая по сравнению с аналогичной пленкой «Кодак».

Не могу не упомянуть о сохранившихся электродрели, пилах, напильниках, ножовке, алмазе для резки стекла, точиле, консервных открывалках, охотничьем топорике, краскораспылителе, малярных кистях, стамесках, плоскогубцах, клещях и молотках. Все это было в магазинах до перестройки, но исчезло через три года горбачевщины, будто провалилось сквозь землю. Люди рыскали по магазинам в поисках необходимых вещей. А в годы «застоя» покупатели частенько приглядывались к покупке, откладывали решение на «потом», ожидая товаров-новинок. Мне хотелось купить полный аккордеон и пианино. Но квартира и без этих громоздких инструментов была забита разными пожитками. В комисси-

онных магазинах продавались подержанные пианино за ... 150 рублей, а новенькие чешского производства стоили 1500 рублей. Жаль, не купил. Их цена в постперестроечное время подскочила до небес.

Помню, в Сокольниках, в деревянном магазинчике продавались отличные английские и французские ботинки. Не дороже 60 рублей за пару. «Навалом» было и женской обуви, ибо цены тогда казались «кусачими». Помню, в универмаге в Гавриковом переулке, в полуподвале сразу купил два финских костюма по цене 160 рублей. Продавщицы удивлялись: никто не покупал разом два костюма. Я купил потому, что оба костюма «подошли» мне, будто были сшиты в хорошем ателье.

Помню, в продуктовом магазине у метро всегда «валялся» сыр «чедар». Мало кто его покупал. Недешевый и на наш вкус «не вкусный». Надо же! Англичане считают его лакомством, а мы воротили нос.

Эх, какие были золотые времена! Одно лето мы поехали отдыхать на Рижское взморье. Потом провели отпуск в поездке на «Волге» по Закарпатыю. Останавливались на ночь в «кемпингах». С собой в машину не брали ни продуктов, ни канистр с бензином. Необходимые вещи покупались тогда на остановках в провинциальных городах и поселках.

Забыл пояснить: путешествие состоялось не в «застой», а в худшие хрущевские времена. Тогда запахивали «неперспективные деревни», а колхозников сгоняли на жительство в центральные усадьбы. Тогда ликвидировали министерства и создавали совнархозы. В местах общепита запретили отпускать водку без горячей закуски. Вот как боролись с пьянством — заставляли человека есть! Силой, ухищрениями командно-административной системы. В начале перестройки изощрялись по-своему: хочешь выпить и закусить — давай талон или визитку. Таким путем внедряли систему общечеловеческих свобод и прав человека, включая свободу на еду и питье, на смотрение в телевизор и стирку грязного белья импортным порошком.

Обосновавшись летом 1962 года в «кемпинге» под Минском, мы рассчитывали провести в нем ночь и ранним утром ехать дальше. А прожили три дня. Нас поразили чистота и ухоженность. Заасфальтированные подъезды к брезентовым палаткам. В каждой по две нормальные кровати. Тумбочки как в номере гостиницы. Рядом у входа мангал для шашлыка и связка дров. Утром на территории «кемпинга» мы увидели корт, волейбольную площадку. Очень понравилась нам кухня небольшого ресторана: парная вырезка, судак под сметаной. Недорого и вкусно. В буфете продавалась икра, черная и красная. Но тогда она не была «дефицитом». Такие же порядок, чистота, вежливость поджидали нас в «кемпингах» Львова, Винницы, за исключением Киева. Там «кемпинг» организовали в городе, близ Днепра, и он был забит автолюбителями.

Ностальгия! И тогда народ жаловался, но по другим причинам. Раздражало не отсутствие товаров, а их низкое качество.

Я исколесил за рулем автомашины Англию, Кубу, Мексику, много «накрутил» километров на своих «Волгах» по Советскому Союзу. Подсчитал: в общем, сделал пять витков вокруг «шарика». Когда в начале перестройки ушел на пенсию, рассчитывал еще посмотреть наш Восток. Ведь дальше Владимира и Муромы не путешествовал. Увы, минуло несколько лет, и никуда из Москвы не выехал. Пугали километровые очереди за бензином, пустые магазины в Москве. А что же творилось в провинции? Надо было запастись всякую мелочь в дорогу. Автолюбители, отправляясь в путешествие, забивали багажники канистрами с бензином и моторным маслом, тормозной жидкостью, а кузова хлебными батонами и колбасой. В Прибалтике наши вчерашние «братья» отказывались заправлять машины с московскими номерами, а в магазинах и на улицах нарочито не хотели понимать русскую речь, когда к ним обращались россияне. Прибалтийские националисты крушили памятники советским воинам-освободителям.

«ОККУПАНТ» РИГИ

Вальс «Дунайские волны» я впервые услышал до войны, в кино-театре, во время демонстрации хроникального фильма о вводе наших войск в Бессарабию. Освобождение западных областей Украины и Белоруссии вспоминаю вместе с полюбившейся тогда и популярной до сих пор лирической песенкой «Синий платочек». Ее подарил нам джаз-оркестр под управлением Эдди Рознера, приехавший из возвращенной СССР Львовщины.

Мы, школьники, радовались присоединению наших западных земель. Учитель истории говорил нам, что отныне покончено с позорным Брестским миром. Вскоре три прибалтийских государства влились в состав Советского Союза в качестве полноправных союзных республик. Увы, вероломное нападение гитлеровцев на нашу страну 22 июня 41-го года прервало мирную жизнь народов Эстонии, Латвии и Литвы. Они были оккупированы захватчиками и подвергались насильственному немечиванию.

И вот он наступил, незабываемый, радостный День Победы. Мы рвались домой. Но демобилизовать сразу многомиллионную армию было невозможно. Огненный смерч войны прошелся от моря до моря, от севера до юга нашей страны. Очень многие фронтовики остались без семей, без крыши над головой. А где им работать? Тысячи предприятий и колхозов были разрушены.

Полк покинул Польшу и возвратился домой на аэродром Выползово, затем в Тулу. «Пешки» законсервировали, освоили «тушки» (Ту-2), на смену пришла реактивная техника. А ветераны из лейтенантов выросли в капитанов, майоры в полковников. Сугрин, Попов закончили военные академии, последний командовал авиадивизией. Когда отслужили свой срок, покинули авиацию. Ящук поселился дома в Чернигове, Сугрин и Малютин в Воронеже, а мой дорогой командир Анатолий Попов избрал Ригу. Анатолий Федорович работал заведующим военной кафедрой в одном из рижских институтов. Жил в доме-новостройке на Московском проспекте, что на окраине столицы, в скромной квартире с небольшой кухней и низкими потолками.

Однажды, уже работая в «Известиях», я приехал в Ригу через Ленинград и Таллин на своей «Волге». Я мечтал проехать, как Костя Григорьев, по «местам бывлых сражений», повидать дорогих однополчан. И вот я в гостях у Анатолия Федоровича на Рижском взморье, в Майори. Ему местные власти выделили крохотную комнату в деревянной даче. Я спросил обычное: «Как поживаем?» Он ответил: «Как видишь». А я увидел неуважение к ветерану-фронтовику, да еще Герою Советского Союза. Я понял, почему он на торжественных встречах в Штаталово, по телефону, в письмах предпочитал уклоняться от разговора, как ему живется в Риге, как латыши относятся к заезжим русским.

Я почувствовал, что такой славный мужественный летчик, герой войны, не был в почете у местных властей в Риге, хотя Москва помогала латышам развивать народное хозяйство, культуру, образование, выделяло на это соответствующие финансовые средства. Москвичи помнят развозивших их «рафики» — мини-такси Рижского автомобильного завода. Получая от ГАЗа — Горьковского автозавода шасси и моторы и устанавливая их на латышские кузова, много лет по Москве и в других городах разъезжали машины «Скорой помощи». Мой родственник Слава Ушаков, профессиональный водитель, рассказывал, что в три смены семь с лишним лет работал в столице на «рафиках» «Скорой помощи», пока... Пока не началась горбачевская перестройка, Латвия вышла из состава Советского Союза, договор о поставках «рафиков» был перечеркнут, и еще восемь лет Слава возил врачей по вызовам «Скорой помощи» на импортных «Мерседесах». Не забыть бы упомянуть здесь рижскую «Спидолу» и другие отличные радиоприемники, которые заполняли наши магазины. Качественный товар! Для него, мне рассказывали знающие люди, мы закупали в Японии за валюту... транзисторы.

Москва всегда заботилась о развитии искусства и музыки в союзных республиках. С теплотой и щедростью Москва относилась к творческим талантам в Прибалтике. Достаточно назвать исполнителя опереточных арий эстонца Георга Отса, джаз-оркестр латыша Лундстрема,

других рижан — композитора-виртуоза Раймонда Паулса, не говоря уж об Анатолии Лепине, а также украшающую московские эстрадные концерты Лайму Вайкуле. Не знаю, может быть, им стыдно, что русские, составляющие около сорока процентов населения Латвии, подвергаются дискриминации. Многие получают документ с надписью «не гражданин». Дожил ли Герой Советского Союза Анатолий Попов до такого позорища, не оскорбляли ли его гневным словом «оккупант»? Цел ли памятник из красного мрамора воинам-освободителям Прибалтики, установленный в Майори, возле песчаных дюн, недалеко от лачуги — «дачи» моего однополчанина? В Таллине перенесли с центральной площади памятник советскому солдату-освободителю.

Что случилось? Еще недавно в советской Прибалтике царили порядок и спокойствие. Его сменил разгул ненависти к русским, коммунистам, к Москве. На съезде народных депутатов СССР избранники Литвы устраивали демарши, покидали зал. Они требовали отделения и кляли Пакт Молотова—Риббентропа 1939 года. Он якобы был сговором об оккупации Прибалтики. Тщетно цэковец Фалин в «Правде» разъяснял необходимость этого пакта в тогдашней международной обстановке. Люди «Саюдиса» и других «народных фронтов» провоцировали народ к бунту против Москвы. В конечном счете вакханалия закончилась выходом из СССР Литвы, Латвии и Эстонии. Мировой империализм впервые смог снять дивиденды с вложенных сотен миллионов долларов на подрывную работу радиостанций «Свобода» и «Голос Америки», а также на содержание прибалтийских правительств в эмиграции и проведение ежегодных антисоветских кампаний в защиту «порабощенных стран». Их список открывался Эстонией, Латвией и Литвой. Далее следовали восточноевропейские соцстраны и Куба.

Чудовищно! По улицам Риги торжественно разгуливают доморощенные эсэсовцы при всех регалиях. Как? Почему? Не успели наши солдаты зачехлить дула пушек, как наши союзники по антигитлеровской коалиции развернули «холодную войну». Натовцы внушали, что советские порядки принесли народам Восточной Европы на своих штыках красноармейцы-оккупанты. Если в Подмоскovie глушили антисоветские радиостанции «Свобода», «Голос Америки» и прочие, то в Прибалтике они принимались без помех, звучали на местных языках. И так продолжалось почти полвека. Стоит ли особо удивляться теперь вступлению прибалтийских государств в НАТО. Старые корни дали отвратительные националистические всходы. Вспомним, что в течение трех с лишним лет оккупации они подвергались онемечиванию согласно гитлеровскому плану ОСТ.

Нынешние правители Латвии забыли, что в Риге в 1946 году состоялся весьма показательный суд над немецкими военными преступ-

никами. На процессе выступил с показаниями обергруппенфюрер СС Ф. Еккельн. Он сказал, что, согласно приказам Гиммлера, правой руки Гитлера, «территория Латвии, Литвы и Эстонии является объектом давнишних мечтаний немцев. Ныне наступило время исправить историческую ошибку. Часть местного населения нужно истребить, часть онемечить, а большинство вывезти на работы в Германию». Немецкий генерал признал, что он с первых дней оккупации Прибалтики начал проводить в жизнь эту программу.

Разве не известно латышским правителям о преступных злодеяниях настоящих гитлеровских оккупантов, о вербовке ими из местных полицейских резерва для гитлеровских палачей, о массовых расстрелах мирных жителей, о захвате госпредприятий и земель страны? Об этом говорится в трофейных немецких документах. Так, кровавый палач бригаденфюрер СС Ф. Штальэkker докладывал начальству в конце 1941 года: в Латвии ликвидировано свыше 31 тысячи жителей, в Литве свыше 81 тысячи, в Эстонии значительно меньше, так как гитлеровцы считали эстонцев родственно близкой к немцам нацией, а литовцев, напротив, «неполноценной расой», подлежащей уничтожению и выдворению. Справка палача СС относится к октябрю месяца. Сколько же прибалтов погибло в концлагерях, во время погромов за оставшиеся два с половиной года гитлеровской оккупации! Уничтожались в первую очередь коммунисты и люди, симпатизировавшие Советской власти.

Мой дорогой друг известинец Владимир Осипов, с которым я подружился еще в Лондоне, пригласил меня провести семьями отпуск на эстонском курорте Пярну. Он там уже отдыхал, снимал комнату у работников одного колхоза. Понравилось. Отправились на своих автомашинах. Поселились в каменном двухэтажном доме со всеми удобствами. Дом с двумя круглыми окнами-иллюминаторами, как на пароходе, походил на виллу. Рядом на застраиваемой площадке возводились такие же красивые дома, не похожие друг на друга.

Нам, правда, не понравились длинные очереди в ресторане в центре Пярну. Солнце, жарко, рядом море, а торчишь часа два в душном помещении. Пожаловались хозяйке, что сдала нам комнаты. «Дорогие гости, приезжайте к нам в колхозную столовую. Там и сытнее, и чище, и обеды очень дешевые». Мы поехали. Понравилось очень. Сама хозяйка, колхозница-дойрка, жаловалась на мужа: «Все мужики у нас пьяницы».

До этого я был иного мнения. Я считал, что Прибалтика по сравнению с соседней Ленинградской и Псковской областями процветает благодаря особому трудолюбию ее жителей.

Возвращались с Осиповым, пообедав с удовольствием в латышском селе, пересекли границу с Псковщиной, свернули на лесную просеку,

остановились на лужайке переночевать. Уже стемнело. Вижу, к моей «Волге» подошел мужчина. Оглядел ее со всех сторон, подошел к нам и сказал: «Москвичи! Продайте “Волгу”. Хорошо заплачу... Да что вы тут остановились. В двух шагах мой хутор — два дома, огромный сарай. Переночуете на сеновале». Женщины сразу согласились. На хуторе в одном из домов я был поражен городской обстановкой. В углу — новенькое чешское пианино. Стулья, стол, диван, сервант — все куплено в городском мебельном магазине. «Богато живете!» — в один голос с Осиповым сказали хозяину. «А как же! Сам я псковитянин, русский с соседней деревни. Беднота там. Деревянные избы. Покосившиеся сараи. А здесь... Моя жена-латышка зарабатывает хорошо в совхозе. Мы платим меньше налогов, чем крестьяне на Псковщине. Говорят, что эстонцы живут лучше латышей. Те, что имеют родственников за границей, получают от них денежные переводы. Государство им разрешило».

После разговора на хуторе по дороге в Москву я размышлял. Выходило, не столько трудолюбие прибалтов, сколько госплановские сверхсубсидии способствовали развитию еще вчера дружественных для нас стран. Возмутительно: за нашу щедрость они платят нам теперь ненавистью.

ОГНЕННЫЕ МАРШРУТЫ

Мне писали, что в Москве в штабе ВВС еще служит полковник Валентин Петрович Соколов, наш однополчанин, Герой Советского Союза. Я слышал о нем, но мы не встречались. Он воевал во 2-й ночной эскадрилье, которая вела разведку на тихоокеанских Ил-4 с Монинского и других аэродромов.

— Удивительно, столько лет воевали в одном полку. А первый тост пьем за знакомство! — сказал Валентин Петрович, подняв рюмку коньяку. Хозяин пил немного, ссылаясь на большое сердце, на свои почти шесть десятков лет, и сообщил, что собирается в отставку, хотя еще будет работать в штабе. Я же не большой любитель спиртного, разве лишь за компанию, почти не прикасался к рюмке. Не затем приехал. Рассчитывал на длинное интервью.

Валентин Петрович оказался человеком счастливым и удивительной судьбы. Сотни раз он рисковал своей жизнью и оставался живым, когда его дорогие товарищи погибали. Он совершил двести боевых вылетов на бомбометание, дальнюю разведку и в партизанские края. И многие из них проходили ночью в глубоком тылу противника. Он прокладывал дальние маршруты на тихоходном, зато надежном, способном летать до шести часов самолете-бомбардировщике ДБЗ-ф, позже получившем название Ил-4. Он летал и на немецком бомбардировщике «Дорнье», купленном у Германии незадолго до войны.

Не восхищаться его подвигами, его мастерством и удачливостью было невозможно. И я, как замороженный, слушал рассказ однополчанина. Валентин Петрович отлично знал историю всех разведывательных полков, ибо занимал должность заместителя начальника боевой подготовки разведывательной авиации ВВС. Я пожаловался ему на то, что жду не дожусь приглашения в родной полк, не пойму, в чем задержка с приглашением.

— Я думаю, это случайная заминка, — сказал полковник. — Много работы у офицеров политотдела. Идет важная кампания — обмен старых партбилетов на новые.

— А мне казалось, что меня, журналиста-международника, побывавшего в странах НАТО, проверяют в особых отделах на благонадежность, — с улыбкой заметил я, поднимая рюмку.

— А что, возможно! — подхватил мою шутку хозяин дома. — Полк секретный. Ты же знаешь. Еще в войну вас снабжали самой передовой, новейшей техникой. Во всех ВВС к 22 июня 41-го насчитывалось не более двух-трех полков, вооруженных «пешками». А вы получили 25 первоклассных машин. Позже первыми переучивались на новый Ту-2. И поныне эта тенденция сохраняется. Не так давно получен новейший МиГ-25. Пока один экземпляр. Он стоит в сторонке, под брезентом, подальше от чужих глаз.

— Точно, от таких, как я, настырных журналистов.

Валентин Петрович рассмеялся:

— Володя, есть уже получше самолеты. Отличаются они не столько внешним видом, сколько начинкой, электроникой. Конструкторы утверждают, что уже исчерпаны почти все резервы улучшения качества аэроплана за счет аэродинамики. Соревнование идет по параметру насыщения машин компьютерной техникой. К сожалению, Володя, мы, штурманы, такой машине не нужны. Вот и МиГ-25 одноместный истребитель. Да и летчик в нем превращается в летнаба-пассажира. Самолет может взлететь, совершить разведполет по заложенной в компьютере программе, самостоятельно приземлиться. А видел бы ты, как МиГ-25 при взлете после короткого разгона свечой уходит в небо и через секунды превращается в едва заметную точку. Зрелище поразительное, сказочное!

Я поинтересовался, что стало с бомбардировщиком «Дорнье-215», на котором Валентин Петрович летал на Берлин в начале войны. Оказывается, самолет, как полагалось, украсили красные звезды, и он использовался для полетов в разведку. Но когда эскадрилья базировалась в Гатчине, тамошние служивые ПВО, как только он взлетал, проявляли сверхбдительность и открывали огонь, несмотря на красные звезды. Командующий фронтом снимал с зенитчиков стружку. Но не помога-

ло. Тогда он приказал убрать «Дорнье-215» с глаз долой, отослав его в глубокий тыл.

Мне эта история напомнила курьез в начале войны. С первых же дней в Москве проводилось затемнение. Немецкие бомберы сумели прорваться в столицу впервые 22 июля, ровно через месяц после начала войны. Московские власти предприняли дополнительные меры маскировки столицы. Наводили камуфляж на государственные здания, изменяли их конфигурацию деревянными пристройками.

В наш полк поступил приказ сфотографировать Москву, чтобы определить, достаточно ли она замаскирована. Выделили опытный экипаж. Оповестили все средства ПВО столицы о том, что в такой-то день и час пролетит свой бомбардировщик. И что же? Едва «пешка» поднялась на приличную для съемок высоту, как по ней открыли зенитный огонь. Экипаж продолжал полет, рассчитывая, что зенитчики одумаются. Но, увы, огонь усилился. Пришлось садиться. Перепуганные летчики, вылезли из самолета и хором пропели «Любимый город может спать спокойно» — популярную песенку из кинофильма «Истребители».

Четверть века минуло с того дня, когда я беседовал с Валентином Петровичем в его уютной квартире в доме недалеко от центрального московского аэродрома. За это время появилось много мемуаров и другой литературы об Отечественной войне. Мой хороший друг, товарищ-известинец Виктор Плешевеня, которого я чаще величал «партизан», чем по имени и отчеству, издал интереснейшую книгу «В краю партизанском». В неполные семнадцать лет он ушел в партизанский отряд. Сначала он сражался с оккупантами за свободу родной Белоруссии, затем сотрудничал в подпольной газете «Народные мстители». Свою книгу он написал к 60-летию Победы. Каждую из 450 страниц его книги читаешь с огромным интересом. Но здесь хочу лишь рассказать о тайном партизанском аэродроме на острове Зыслов, что в северо-западном Полесье Белоруссии, куда прилетал командир штурмана Соколова славный летчик Александр Груздев.

Виктор Плешевеня так рассказал об этом примечательном событии. Самолеты с Большой земли прилетали и раньше на остров, окруженный рекой и трясиной. Они не приземлялись, а сбрасывали грузы на парашютах, часть которых найти в болотах не удавалось. А партизанам требовалось больше оружия и особенно патронов, чтобы наносить удары по гитлеровцам. Оккупанты знали, что в Заслове находится штаб партизанского отряда, но взять остров им не удавалось. Командир отряда предложил утрамбовать и расширить поляны для того, чтобы самолеты могли приземляться и выгружать столь необходимое оружие, продовольствие и медикаменты для партизан. Создавать взлетно-по-

садочную полосу помогали крестьяне соседних деревень. К сентябрю 1941 года полевой аэродром был готов принять даже двухмоторный транспортный самолет Ли-2. В ту ночь никто не спал. Согласно радиogramме из Москвы, партизаны должны зажечь факелы, как только услышат шум авиамоторов.

Мой дружище, «партизан» Виктор Плешевеня далее пишет: «Как только самолет сел, партизаны побежали к нему. Однако летчики не выходили из кабин. Когда обменялись паролями, на летное поле выпрыгнул пилот:

— Привет вам, товарищи! Привет вам из Москвы!

Капитан Груздев доставил партизанам ценные грузы. Кроме всего, они впервые за многие месяцы получили дорогие гостинцы — конфеты, сигареты, папиросы».

В ту темную ночь Груздев точно вывел на место тайного аэродрома штурман Валентин Соколов. Так начал действовать первый партизанский аэродром в Белоруссии.

Со временем в республике появилось свыше пятидесяти партизанских аэродромов. Они регулярно принимали воздушные транспорты с оружием и боеприпасами для многотысячной армии партизан и подпольщиков. Эта поддержка с Большой земли помогла народным мстителям Белоруссии выстоять во время облав и наступлений немцев с участием регулярных гитлеровских дивизий и армий. Партизанские аэродромы принимали не только оружие, но и подпольщиков, разведчиков, диверсионные группы. Во время боевых вылетов штурман Соколов выполнял сложные и ответственные задания разведуправления Северо-Западного фронта с валдайских аэродромов. Они были расположены рядом с нашим обжитым аэродромом в Выползово, а затем из Андреаполя. С них лежал более короткий воздушный путь к тайному острову Зыслов.

Когда я в последний раз был в авиационной части, она переживала очередной этап перевооружения. Как обычно, разведчики одними из первых в ВВС получали самый быстроходный по тем временам, самый высотный и мощно вооруженный летательный аппарат. Страдные дни настали для всех — для летчиков, которым предстояло «переучиваться», для механиков, которым также надо было осваивать новую технику.

Так уж устроена авиация, связанная с постоянным поиском, усовершенствованием и творчеством. Нет смысла подробно описывать машину, которой оснащался тогда полк. Пройдет время, и разведчики получат более совершенную модель. Скажу только, что новая машина могла подниматься высоко-высоко и мчаться в несколько раз быстрее звука. До предела оснащена была автоматикой и электроникой.

В отличие от нашего красавца — фронтового Пе-2 — этот аппарат выглядел весьма необычно. Он походил на почти бескрылую толстую сигару с двумя длинными ящиками по бокам — мощнейшими реактивными двигателями. С первого взгляда было видно, что этот современный летательный аппарат — грозное оружие.

Техника и дальше будет развиваться гигантскими шагами. Как знать, возможно, что в недалеком будущем воздушные разведчики будут помогать сторожить покой и труд людей, забравшись все выше. Ни облачность, ни темнота, ни маскировка не скроют от зоркого глаза современных фотоустановок телевизионных, инфракрасных и других приборов объекты воздушной разведки. Да, техника далеко ушла вперед. А люди?

Дни, проведенные в полку, убедили, что черты характера, воспитываемые у нынешнего поколения разведчиков, те же, какие прививались нашим ребятам в годы войны. Удивительно, полк состоял из таких же красивых и статных парней, какие воевали в годы Великой Отечественной! И таких же отважных.

Они выбрали великолепную военную профессию. Их миссия — как и всех советских воинов — служить делу мира. Пока недруги угрожают нашим границам, воздушные разведчики остаются верными стражами Родины. Мне думается, что нужда в них не отпадет долго-долго. Ведь даже в условиях всеобщего разоружения, к которому рано или поздно придет человечество, потребуются контролеры над этим разоружением. И недаром в песне поется: «Мне сверху видно все — ты так и знай!»

В полковом штабе хранилась составленная ветеранами довольно подробная история боевого пути полка. Комната боевой славы была украшена портретами фронтовиков — героев воздушной разведки.

ПРЕЗИРАЯ СМЕРТЬ

До службы в нашем полку многие мои однополчане участвовали в жестоких схватках с гитлеровцами. Как и командир полка Трофим Тюрин, они вступили в бой в первый день войны. «Снайпер разведки» Валериан Столяров семнадцать раз водил свой бомбардировочный полк на бомбежку фашистов. Он сражался, пока в полку оставалась хотя бы одна исправная машина. Штурман Валентин Соколов семьдесят раз вылетал на бомбежку фашистов, помогая нашим войскам сдерживать вражеский натиск на Северо-Западном фронте. Стрелок-радист Михаил Матюхин с 22 июня в течение недели совершал несколько полетов в день, чтобы бомбить мотопехоту врага на Юго-Западном фронте, пока не был сбит. Герой Советского Сою-

за Анатолий Попов получил боевое крещение на второй день войны. В составе девятки Ил-4 он нанес бомбовый удар по скоплению пехоты и танков противника. Вылетели днем, в ясную погоду, без прикрытия истребителей. В бою с «мессерами» потеряли полэскадрильи. На следующий день снова нанесли мощный удар по врагу, но из наших бомбиров остался в строю лишь самолет Попова.

Велики были наши потери, но и враг терял силу. И в этом была заслуга всех советских солдат и офицеров, в том числе моих однополчан.

— Скажи, ты ненавидел фрицев? — однажды спросил я своего близкого друга-однополчанина Юрия Дерябичева. — Ты готов был убить первого попавшегося фашиста? И вообще, ты убил хоть одного захватчика?

— Конечно, думаю, многих. Во время бомбежки в первые дни войны и в результате штурмовых атак, когда мы, воздушные разведчики, выполнив задание, спускались до бреющего и расстреливали на дорогах пехоту. Но так, лицом к лицу не убивал, и звериного желания убить не было. Сколько их в конце войны, пробираясь из окружения, случайно попадало к нам в плен с белым платком в поднятых вверх руками! Никто их не трогал. Другое дело в открытом бою. Убил бы! Когда шел из окружения по Пинским болотам, сжимал рукоятку ТТ. Выпустил бы всю обойму в первого встречного.

— Тогда тебе было 19 лет. И рука твоя не дрогнула бы? Сомневаюсь. Тогда наши люди верили пропаганде, что немецкие рабочие не пойдут воевать против советской республики, поднимутся на революцию. И потом, немцы как все — люди. Пришлось Илье Эренбургу писать памфлет, резкий и злобный, убеждать, что они не люди, а звери. А Константин Симонов сочинил стихи: сколько раз увидел его — немца, столько раз и убей. После этого и началась настоящая отечественная война.

— Мне кажется, что в принципе наши довоенные лозунги были правильными, но мы недооценивали силу немецкой армии, преувеличивали свою мощь. А главное, чего нам не хватало — это умения воевать. В военных училищах нас готовили в тепличных условиях, на устаревшей технике. Искусству войны пришлось обучаться в ходе сражений. Отсталость в авиатехнике, конечно, сказалась в первые годы войны. Наши самолеты новейшей конструкции не уступали немецким по классу, иные даже превосходили их, но отставали по «начинке». Я имею в виду прицельное оборудование. У нас не было специального самолета — дневного разведчика. «Пешки»-бомбардировщики переделывались в разведчика кустарно, в полевых условиях. Этот самолет, строгий в управлении, с трудом вмещал крупномасштабное фотооборудование в центральном бомболюке. Не хватало современного навигационного оборудования.

— И несмотря ни на что, мы победили.

— Да, мы победили. Советский народ не потерял боевой дух, храбрость русского человека, оптимизм. Конечно, неудачи вызывали чувство глубокой досады, горечи. Но лично мне никогда в голову не приходила мысль, что мы не устоим, не победим. Это не укладывалось в сознании. Пожалуй, это и было решающим фактором нашей победы. Я не встречал ни на фронте, ни в тылу человека, который уверовал бы в успех немцев. А если и были такие, то они не могли повлиять на ход событий. Высокий патриотизм господствовал в умах людей. Лично я понимал патриотизм как выполнение своего долга честно, добросовестно и до конца. Я готов был лететь на боевое задание, рискуя своей жизнью. Я понимал, что поставленная задача незрящая. Она дана для осуществления какой-то важной цели, в конечном счете для победы над врагом. И это был мой скромный вклад в общее дело. Лозунг «За Родину! За Сталина!» понимал в прямом смысле. Оба понятия были неотделимы друг от друга. Берет досада, когда некоторые новые историки, описывая события войны, что-то придумывают и забывают имя Сталина или старательно выцарапывают только теневые стороны его деятельности. В жизни-то все было не так. Какой смысл исказить историю!

— Когда ты почувствовал, что войне приходит конец? Когда ты летал последний раз на разведку?

— Точную дату я не помню. Но это было в апреле 45-го. Мы разведывали окруженный Данциг. Город горел. Огромная полоса дыма тянулась далеко на север через бухту в сторону косы Хель. Дым от пожаров был настолько плотным, что бухта с воздуха не просматривалась. А в ней еще стояли морские транспорты фашистов, пытавшихся уйти. Мы могли их сфотографировать только со стороны. Над бухтой свирепствовал огненный смерч. Эскадры наших штурмовиков, бомбардировщиков волна за волной появлялись над городом и низвергали свой смертоносный груз. Что думал, что чувствовал? Не только я, все мы чувствовали, что конец войны — вопрос дней. Все мы жадно, отчаянно ждали победы. А несколько раньше мы с Голубничим совершили замысловатый разведполет на Кенигсберг. Потели часов пять перед вылетом, вычерчивая на карте зигзагообразный маршрут фотографирования долговременных старинных крепостных укреплений врага.

— Вспоминается июль 1941 года. Первое построение нашего полка. Зачитали приказ наркома. В начале, понятное дело, было сказано: не щадя живота своего защищать социалистическое отечество. Далее приказывалось: отстоять Москву. А вот второй пункт был очень длинным. В нем подробно расписывалось: за сколько боевых вылетов представлять к ордену плюс денежное вознаграждение. Запомнилось четко:

за сто обслуженных боевых вылетов механику — правительственная награда и три тысячи рублей премии. Летчикам — разведчикам присваивать звание Героя Советского Союза за 99 боевых вылетов. Запомнилась эта цифра странная, не круглая. Почему не за сотню?

— Сам не знаю. Меня с Голубничим дважды представляли к званию Героя. В первый раз ограничились награждением орденом Ленина, а вот после второго представления Голубничего утвердили, а меня наградили полководческим орденом. Ну, хотя бы дали «боевик». Так мы, летуны, называем орден Боевого Красного знамени. У меня их четыре. Два получил на фронте, не считая других, а два в мирное время за важные дела.

— Может быть, расскажешь, какие такие дела?

— Мы же были еще юношами, когда кончилась война, хотя грудь была в орденах, а на плечах золотые погоны лейтенантов. Двигались по служебной лестнице. Кончали академии. Ефим Мелах дослужился до командира дивизии. Я тоже из штурмана нашей 3-й эскадрильи вырос до старшего штурмана тяжелобомбардировочной авиадивизии дальнего действия. С переходом в «бомберы» пришлось много работать. Новая реактивная техника, новые люди, новые задачи. Это соединение было одно из лучших в ВВС. Еще в 1951—1957 годах я был участником всех воздушных парадов над столицей. В 1950 году совершил высокоширотную экспедицию на Северный полюс. В 1962 году находился в экваториальных широтах в Индонезии, помогал освобождать Западный Ириан, а затем обучать аборигенов летать на реактивном Ту-16. После демобилизации с апреля 1964 года трудился в Аэрофлоте на вспомогательном радиолокационном диспетчерском пункте. Ты мимо него проезжал по шоссе в Калинин. Почему пошел в Аэрофлот старшим диспетчером службы движения? Право, сжился с авиацией, без нее не могу.

— Вот я, возможно, плохой журналист. Всех однополчан спрашиваю про войну, подвиги. А чем жив человек, хотел ли стать авиатором, не интересуюсь.

— Столько лет прошло после войны! Столько дел свершили все мы. А чуть что, разговор о былом, о фронтовой жизни, о погибших товарищах. Да, жизнь прожита большая. По крайней мере, экватор давно позади. Но ни о чем не жалею. Что-то, возможно, сделал бы лучше. Но героем себя не считаю, с Зорге себя не сравниваю. Чем живу, чему радуюсь? Люблю работу, радуюсь, что приношу пользу. Люблю природу. При любой возможности спешу к ней. Раньше была страсть к охоте. Сейчас что-то спала. Видимо, из-за отсутствия дичи. А может быть, проявляется старческая гуманность. Есть, говорят, такое чувство. Основное увлечение — рыбалка. Как же без нее, живя в сотне-другой метрах от Волги.

Так получилось, что основной костяк фронтовиков-ветеранов, отслужив свое в военной авиации, обосновался в Калинин, поблизости от памятных мест сражений первых лет войны. Дом полковника в отставке Юрия Павловича Дерябичева, продолжавшего работать в гражданской авиации, и его супруги-фронтовички Лилии Васильевны стал для нас родным.

— Да, сколько было совершено дел после войны, — сказал как-то Юрий Павлович. — Сложнейших, рискованных и самых обыденных. А встретишь однополчан — все разговоры о войне. Отчего так происходит?

Да, наши воспоминания были как бы встречей с юностью, дерзкими мечтами, первой любовью, если хотите, с мальчишеским ухарством и неосознанностью цены жизни. Мы поражались нашей смелости, граничившей с безрассудством, самоотреченности и готовности идти на самопожертвование. Наверное, только на войне могут в полную силу проявиться эти качества. Фронтные воспоминания вновь и вновь вызывали у нас чувство необыкновенной радости и подъема.

ВСЕ ЧЕТЫРЕ ГОДИКА

К 50-летию Победы было решено составить в частях и подразделениях Книги памяти боевых потерь. «Сын полка» Владимир Политыкин проделал огромную работу, получив пропуск в Подольский архив и отыскав полковые документы. К нашему большому сожалению, в лернеровских мешках ничего не осталось, кроме Книги личного состава. В ней значились сроки прибытия в полк и убийство всех авиаторов. Владимир Политыкин аккуратно выписал имена тех, кто выбыл... Выбыл навсегда. Пропал без вести, погиб в воздушном бою, в авиакатастрофе. Последним в списке боевых потерь значится сержант Панфилов, за номером 293. Панфилов, как уже говорилось, входил в экипаж Константина Дунаевского.

В списке потерь, составленном В. Политыкиным, указывалось, что большинство жертв — 165 числятся пропавшими без вести. Наибольшие потери полк понес в 41-м году, за три первых месяца войны погибло 45 человек, наиболее тяжелым был 1943 год — 86 невернувшихся авиаторов, 44-й год, казалось бы, год наших громких наступлений на всех фронтах, унес жизни 73 воздушных разведчиков.

Иногда удавалось узнать обстоятельства трагедий. Начальник связи полка отважный штурман Никулин рассказал мне трагическую историю экипажа летчика Ивана Свистунова, совершившего разведывательный полет 22 сентября 1942 года. Он вылетел на фотографирование вражеских самолетов на аэродромах Витебска, Смоленска, Вязьмы

и Дугино. На последнем участке полета, близ линии фронта Свистунов был атакован парой «мессеров». Самолет был подбит. Свистунов выпрыгнул с парашютом, но стервятники не оставили летчика в покое. Они поочередно заходили на спускавшегося парашютиста и расстреливали из пулеметов. Свистунов упал в расположении наших войск. Военврачи сделали все возможное, чтобы спасти ему жизнь. Летчик только один раз пришел в сознание и сказал: передайте командованию, что задание выполнено полностью. «Так умирают только герои, любящие свою Родину и ненавидящие врагов — немецких захватчиков», — комментировал Алексей Никулин. Вместе со Свистуновым погибли штурман Николай Рассолов и стрелок-радист Манук Степаньян.

Однажды на встрече ветеранов мы стали вспоминать, кто из летчиков провоевал все четыре года. Таких оказалось немного. Из первой эскадрильи назвали Никиту Остапенко. Из моей, третьей, — только Анатолия Попова. Из четвертой — никого. Она вступила в боевые действия во второй половине войны. А вот во второй ночной эскадрилье таким счастливчиком был полковник, заместитель командира полка Александр Петрович Романов. Он совершил десятки боевых вылетов, но один из первых полетов запомнился ему на всю жизнь.

Это случилось в драматические недели 41-го года, когда наша армия откатывалась на восток. Генерал Грендаль правильно говорил, что в условиях отступления и окружения прерывалась связь между войсками. В полк поступил приказ из Ставки Верховного командования послать разведчика в район Брянска и выяснить, в чьих руках находится город. В разведку полетел экипаж Романова. В канун войны он был капитаном, служил командиром звена в учебной эскадрилье при Монинской академии и освоил различные самолеты, имевшиеся на вооружении. Некоторые были новейшей конструкции. Были даже истребители. Командующий ПВО Москвы привлекал их к отражению фашистских налетов на столицу.

Романову предстояло срочно вылететь днем. Тихоходный Ил-4 не годился. Летчик полетел на «пешке» и вернулся через час. Он доложил, что видел с воздуха в Брянске немецкие танки. Командир полка поспешил сообщить об этом в Ставку. Там засомневались в результатах разведки. Находившийся в ставке Верховный попросил соединить его с летчиком и спросил Романова:

— Товарищ капитан, вы уверены, что слетали в Брянск, а не в другой город?

— Разрешите доложить, товарищ Сталин, — твердо заговорил Романов. — Я много лет жил в Брянске и знаю в городе каждую улицу. Час назад я пролетал над главной брянской улицей и видел немецкие танки со свастикой на корпусе.

За этот полет Александр Романов был награжден орденом.

Осенью немецкие войска ворвались в Калинин (ныне Тверь). Трофим Романович Тюрин вспоминал о задании сфотографировать разбомбленный будто бы нашими «бомберами» мост через Волгу, по которому немцы продолжали переправляться на левый берег. Послали в разведку Романова и штурмана Сергея Соловьева. Романов повел «пешку», помня Валерия Чкалова, лихо пролетевшего когда-то под мостом. Вначале Романов летел ниже берегов реки. Остались считанные сотни метров до цели. Штурман успел сделать два снимка из любительского фотоаппарата ФЭД, и тогда Романов сделал «горку» над мостом. Мост был полуразрушен.

Однако не только смелыми и отважными полета Александр Петрович заслужил большой авторитет и всеобщее уважение. Он был одним из организаторов становления и успешной боевой работы ночной эскадрильи, отцом и учителем плеяды новичков. Ведь уже одно умение летать ночью по приборам давалось с трудом и не каждому. При этом искусство фотографирования ночью требовало особого мастерства.

Ночники потеряли несколько экипажей в ходе разгрома немцев на Курской дуге. Но их вклад в подготовку и успех этой крупной операции был очень весомым. На борьбу с разведчиками эскадрильи Романова немецкое командование бросило отборные силы истребителей. Они выработали особую тактику уничтожения ночников. Романов и его помощники изучали приемы врага на горьком опыте. В ту пору были сбиты экипажи Коршунова, Кокорева, Жувака и другие.

Ночники отличились в защите и в прорыве блокады Ленинграда, в сражениях за Москву. В историческом формуляре полка указано, что звание «Гвардейский» мы получили за доблестные боевые действия дневной и ночной эскадрилий и, как сказано в приказе наркома обороны Сталина, «за отвагу в боях с немецкими захватчиками, за стойкость, дисциплину и организованность, за героизм личного состава».

Я встретился с прославленным полковником впервые на встрече ветеранов в Калинин. Александр Петрович Романов отнюдь не выглядел русским богатырем, да и не отличался большим ростом. Он первым произнес тост, объявив в начале минуту молчания в память о погибших разведчиках. Провоевав все четыре годика Великой Отечественной, Александр Петрович служил в полку и в мирное время. Полк успешно осваивал новую технику, участвовал в праздничных парадах над Москвой. Однажды в ходе авиационного представления в Тушино наши летчики имитировали противника, которого атаковали истребители. За отличную имитацию воздушного боя летчики получили в мирное время боевые ордена.

В 1950 году китель полковника украсился еще одним орденом. Вместе с группой воздушных разведчиков Александр Петрович отлично выполнил ответственное правительственное задание. Среди отмеченных наградами были и возмужавшие и повышенные в звании подполковник Голубничий и майор Сугрин. Они летали на Северный полюс с целью организации там ледового аэродрома. Они были первопроходцами в развернутой программе создания сети аэродромов и военных баз в Заполярье. У нас тогда появилась атомная бомба, но не было средств транспортировки ядерного оружия через океан в случае внезапного нападения. Американцы же окружили нас многочисленными военными базами. Шла «холодная война» между недавними союзниками по антигитлеровской коалиции.



ЧАСТЬ

ВЕСНА ДОЛГОЖДАННОЙ ПОБЕДЫ

НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ

С од 1944-й стал годом наступательных операций на всех фронтах от Карелии до Черного моря. Наши эскадрильи оказались разбросанными по разным аэродромам на огромной территории северо-запада нашей Родины. Всюду советские войска успешно громили гитлеровские полчища, приближаясь к логову врага — границам Германии. С каким волнением и радостью мы вслушивались в сводки Совинформбюро, сообщавшие о взятии «крепких орешков» — Новгорода, Дна, Старой Руссы, Холма, Нозоржева, Острова, Резекне и других. Сколько наших товарищей сложили головы за их освобождение! А фронты все двигались и двигались вперед...

В этот период от разведчиков настойчиво требовали передавать ценные сведения по радио, не дожидаясь, когда экипаж вернется, а «фотки» проявят и расшифруют фильмы. Но разглядеть объекты с большой высоты, а часто лишь сквозь «окна» в облаках не так-то легко.

— Неудивительно, что иногда поступали разноречивые данные, — рассказывал начальник разведки Морозов. — Один член экипажа успевал подсчитать больше, а другой меньше самолетов на одном и том же аэродроме противника. А был у нас штурман — не буду называть его фамилии, — который любил похвастать, наболтать семь верст до небес, а проявишь пленку — пусто. Но второго такого я не знаю. Ведь наш полк состоял из снайперов разведки вроде Славы Руднева, хотя и с ним произошла осечка.

Штурман Руднев был смелым и находчивым разведчиком. Он постоянно «обхаживал» начальника фоторазведки, просился в полет и, конечно, добивался своего. Главный штаб ВВС потребовал от разведчиков зорко следить за передвижением войск отступающего противника. Руднев отправился на разведку Нарвы и Тарту, откуда могли быть переброшены резервы гитлеровцев. Через час он сообщил по радио: обнаружил танковую колонну, растянувшуюся на тридцать километров по шоссе.

Когда Руднев вернулся, пленку быстро проявили и по мокрым негативам стали искать танки. При дешифровке фильма присутствовал Морозов и всполошивший всех Руднев.

— Вот они — танки либо грузовики! — воскликнул Станислав, указывая на темные крошечные прямоугольники.

— Что-то непохоже, — не совсем уверенно возразил начальник фотоотделения Александр Бакастов. — Да нет, точно — это не танки! — твердо добавил он.

— А что же что? — возмутился Руднев.

— Не знаю... Надо посмотреть по отпечатку. — Бакастов распорядился быстро отпечатать снимок. Прошло несколько минут, и когда принесли фотографию, то один из фотометристов сказал с полной уверенностью:

— Руднев сфотографировал груды гравия и песка, они насыпаны вдоль шоссе с равными интервалами, характерными для ремонтных работ.

— Совершенно точно, товарищ майор, — подтвердил Бакастов, обращаясь к Морозову.

— Соедините меня быстро со штабом фронта! — приказал начальник разведки.

Руднев слушал этот разговор молча. Краска стыда выступила на его щеках, хотя Бакастов его успокаивал, говорил, что с высоты груды гравия и впрямь можно было принять за танки. Тем временем Морозов доложил по телефону об ошибке разведчика, но трубку долго не вешал. Чем дольше он слушал, тем серьезнее становилось его лицо. Наконец он повесил трубку и грустно сказал:

— На всякого мудреца довольно простоты. В штабе фронта поторопились, не стали ждать возвращения Руднева. Послали в район предполагаемой танковой дивизии бомбардировщики и штурмовики. Естественно, они не обнаружили танков, но попали под огонь зениток и напоролись на «фоккеров». Есть потери...

Этот урок не пропал даром. Шли бои за освобождение Петрозаводска. Разведчики передали радиogramму, будто обнаружили в финском порту Котка транспорты под парами, готовые вот-вот сняться и удрасть. Но в штабе полка проявили осторожность. На привезенном фильме вместо транспортов оказались деревянные плоты с печками, изрядно дымившими.

В ходе операции «Багратион» воздушная оборона противника была порядком дезорганизована, и наши разведчики беспрепятственно выполняли полеты в тыл врага. А затем снова стало трудно. Юрий Дербичев делился опытом с новичками первой эскадрильи, среди которых храбростью и мастерством отличался экипаж Кости Дунаевского.

— Сейчас, Костя, наши наступают, нам легко — не работа, а семечки, — говорил он. — Но нам предстоит вести разведку в Восточной Пруссии. Сердцем чувствую — будет тяжело...

И действительно, еще не обкатанная в боях 1-я эскадрилья теряла один экипаж за другим. Прав оказался генерал Грендаль, когда предупреждал, что переход наших войск от обороны к наступлению потребует от воздушных разведчиков еще большего мастерства, расширения знаний о маневрах отступающего противника.

Перед разведчиками ставились все новые и новые задачи. Голубничий и Дерябичев должны были сфотографировать рубежи обороны вокруг Кенигсберга. Им пришлось вычерчивать на карте замысловатую кривую со множеством изломов, причем без заметных ориентиров. Трудным был этот полет, первый в Восточную Пруссию. Но разведчики справились с заданием.

«Разлетался» Виктор Богданов вместе со штурманом Иваном Строевым. Виктор был молод и самолюбив. И хотя его грудь тоже была украшена орденами, слава Мелаха, Сугрина и Голубничего не давала ему покоя. Он все время стремился совершить подвиг, чем-то отличиться.

Виктор узнал случайно от механиков-оружейников первой эскадрильи, что Костя Дунаевский всегда возвращается с задания, расстреляв патроны своего переднего пулемета. Очевидно, Константин вопреки запретам начальства спускался с большой высоты, на которой обычно летали разведчики, до бреющего полета и штурмовал вражеские колонны.

Богданов стал искать встречи с врагом. Однажды, возвращаясь на небольшой высоте, он увидел вражеский эшелон. Недолго раздумывая, разведчик бросил «пешку» в пике и, поймав в прицел голову эшелона, открыл огонь из пулемета.

— Что ты делаешь, Витя? — закричал штурман. — Это же бронепоезд! Назад, Витя, назад!

Но было поздно. В ответ на пулеметную очередь, которая оказалась для бронепоезда не страшнее комариного укуса, разведчик получил солидную порцию свинца. Самолет тряхнуло. На пол кабины посыпались осколки плексигласа.

— Течет масло сквозь пробитый капот левого мотора! — сигнализировал Строев. — Стрелка манометра упала до нуля!

Только теперь Виктор понял, что допустил оплошность, атаковал бронепоезд, а не товарняк, как ему показалось. Он потянул было штурвал, чтобы взмыть в облака, но сигнал штурмана о раненом моторе заставил его изменить решение. Витюнчик выровнял самолет и сбавил скорость. Левый мотор остановился.

Радист Павел Дидора заволновался:

— Командир, почему остановился мотор?

— Я его выключил.

— Зачем?

— Выбило масло. Мотор вот-вот заклинит. Винт застопорится и создаст лобовое сопротивление, мы не сможем долететь на одном моторе...

Машина и без того с трудом подчинялась летчику. Скоро линия фронта. Опасаясь перегреть единственный работающий мотор, Виктор все-таки прибавил газа, начал постепенно набирать высоту. Другого выхода не было: самолет могли сбить из винтовки. Всю дорогу домой молодой разведчик ругал себя за опрометчивый поступок и ненужное ухарство.

Командиром эскадрильи вместо Малютина стал Анатолий Попов. Подтянутый взыскательный летчик, он любил порядок и дисциплину. Мы приготовились к тому, что Витюнчику крепко достанется за самовольную атаку бронепоезда, но новый комэск рассудил по-своему. Он сначала пожурил Виктора, а после похвалил за летное мастерство и находчивость во время полета на одном моторе в тылу врага.

— Это хорошо, что наши летчики кипят злостью, готовы громить ненавистного врага, — говорил новый комэск. — Но храбрость не всюду нужна. Помню, во время битвы за Москву мы настояли, заставили подвешивать в мотогондолы «пешек» стокилограммовые фугаски. До шести штук брали в полет. Ух, и доставалось фрицам! А потом отказались от этой практики. Узнав, что русские разведчики выполняют роль «бомберов», фашисты усилили за нами охоту. Наши потери сильно возросли...

Случай с атакой на бронепоезд всем нам запомнился надолго. Оказалось, что Виктор перестраховался, выключив правый мотор. Когда сняли капот, обнаружили перебитый осколками снаряда маслопровод, ведущий к манометру. Вот почему стрелка прибора не показывала давления масла. А мотор был цел и мог тянуть еще долго, пока из системы не выбило бы все масло. Получалось, Богданов добровольно пролетел двести километров на одном моторе.

Вскоре его экипаж снова попал в опасное положение. Полетели на разведку железнодорожного узла еще не освобожденной Риги. Иван Строев подробно рассказал, какую трепку им устроили зенитчики, оборонявшие подступы к Риге. Но Витюнчик и виду не показал, что экипаж был на волоске от смерти. А случилось вот что.

Незадолго до появления над Ригой Богданова там пролетел экипаж Голубниченко.

— И смех, и грех, — рассказывал Юра Дерябичев. — После того как мы разведали товарную станцию Риги и собирались домой, я говорю Голубничему:

«Поворачивай обратно!» Он, конечно, заворчал: «Почему?» Мы взбудоражили немецкую зенитную артиллерию, и вот снова нам надо лезть в пекло, да еще в какое! Ведь обычно мы скрытно подлетаем к цели. Заходим со стороны солнца. Немцы с земли не успевают нас заметить, и мы со снижением, на предельной скорости уходим невредимыми. А тут, после того как мы себя обнаружили, тебе говорят: поворачивай назад, и еще велют сделать два захода! Но что поделаешь, фотографирование не получилось: шнур, ведущий к фотоаппарату, выпал из зажима, аппарат не включился. Когда это обнаружили и стали делать повторные заходы, заметили поднимавшихся «мессеров». Только их и не хватало!

И в этот момент над Ригой появляется экипаж Вити Богданова. Он должен был повторить фотографирование. Задание было срочное, приказ Ставки Верховного гласил: подготовить фотопланшет железнодорожного узла оккупированной Риги. Богданова атаквали истребители, но он ушел и вернулся без единой пробоины, сказав только Голубничему: «Чего ради вы фрицев взбаламутили?»

У Виктора был свой почерк в небе, да и внешне он мало был похож на остальных летчиков. Бледный, с длинной тонкой шеей и детским выражением лица, он, казалось, совсем не годился для этой профессии. Чтобы выглядеть солиднее и старше своих двадцати двух лет, Витюнчик на земле облачался в выходную темную шинель и офицерскую фуражку. А когда собирался в полет, никогда не подпоясывал меховой комбинезон, дабы не подчеркивать свою худобу. Комбинезон свисал с плеч, выглядел мешком, и летчик казался неряшливым.

Но Богданов завоевал авторитет бесстрашного разведчика. Крепко прилипшее к нему прозвище Витюнчик со времен нелепой аварии в Выползове потеряло первоначальный смысл и звучало теперь ласково и уважительно. Виктор не скрывал, что переменит профессию на какое-нибудь мирное занятие, как только кончится война. Разглядывая его тонкие и длинные «шопеновские» пальцы, я думал, что он станет музыкантом или хирургом.

...Прошли годы. В век автоматической телефонной связи не таким уж трудным делом оказалось разыскать фронтовых товарищей. Лишь Виктора Богданова не удалось найти. По рассказам, он демобилизовался и учился в Ленинграде. Никто не помнил его отчества — ведь на фронте звали друг друга по именам и редко по фамилиям. А без отчества и года рождения наше Госсправбюро не может дать адреса. Пришлось обратиться к услугам... уголовного розыска. Богдановых в Ленинграде оказались сотни, и среди них десятки бывших фронтовиков. Получив адреса некоторых, подходивших по возрасту и образованию, я отправился на розыски однополчанина.

...Двери гостеприимно открывали старушки — матери фронтовиков, и статные молодые мужчины — их дети. Один показался мне копией Витюнчика — такой же бледнолицый, худощавый, с тонкими кистями рук. Сошлись все данные, только отец молодого мужчины не служил в авиации, а был танкистом. Встревоженная нашим разговором, из смежной комнаты появилась мать танкиста, стала угощать чаем, хлопотать, умоляла рассказать подробности о том, как погиб ее сын. Я объяснил, что разыскиваю другого Богданова, и поднялся, но старушка просила остаться. Она была рада, что кто-то помнит и ищет Виктора Богданова, пусть не ее сына...

А наш Витюнчик сам нашелся. Вскоре после войны он демобилизовался, много болел, угодил однажды под грузовик, упорно учился в институте, затем работал врачом на Украине.

В ГОРЯЩЕМ ДАНЦИГЕ

Посыльный полкового штаба разыскал меня у самолета и сказал, чтобы я, как управлюсь с работой, явился к комиссару полка Сергею Андреевичу Настоящему. Наш заместитель командира полка по политической части на разведку не летал, но путешествовать по воздуху ему приходилось предостаточно. Полевые эскадрильи были разбросаны на оперативных точках по всему северо-западу. Всюду, естественно, нужен был комиссарский глаз и совет.

Комиссар не любил произносить долгих речей, изъяснялся лаконично и четко. По возрасту он годился нам в отцы. Был всегда подтянут, носил кожаный реглан летчика, как и политрук нашей эскадрильи Пронькин, выпускник военно-политической академии.

Сергей Андреевич академии не кончал, учился лишь в обычной школе военных летчиков. Комиссар пользовался уважением, а вот молодой Пронькин никак не смог завоевать авторитет. Настоящий был тактичен, справедлив, никогда не горячился и не принимал скорых решений. А наш политрук часто руководствовался эмоциями. Но чувства, как известно, не лучший советчик.

Я разыскал комиссара в штабе полка, где он о чем-то разговаривал с Пронькиным.

— Как бы там ни было, — твердо сказал он Пронькину, — но после напряженного боевого дня летный и технический состав нуждается в хорошем отдыхе. Мы же предлагаем им одни политбеседы, причем продолжительные и часто нудные. Кинопередежка сломалась. Не можем даже организовать вечерний отдых, концерт самодеятельности... Вы свободны, политрук.

Когда Пронькин ушел, подполковник обратился ко мне:

— Я решил послать вас в осажденный Данциг. Понюхайте настоящего пороха, потом расскажете нам, как воюет матушка-пехота, напишете новые стихи. К вашему возвращению, я уверен, мы разыщем баян. Снова возобновим концерты, будем отдыхать веселее и лучше воевать...

Рано утром мы отправились по шоссе, ведущему на север, к Балтийскому морю. Проезжали незнакомые города, безмолвные, пустынные и целехонькие. Брусчатка мостовых, дома из красного кирпича, готический шрифт надписей говорили о том, что это немецкие или онемеченные польские города. Война пощадила их. Они остались целыми, поскольку советские воины молниеносно наступали, а гитлеровцы столь же поспешно бежали, не оказывая серьезного сопротивления.

Упорные бои за Данциг продолжались много дней, и все это время наши воздушные разведчики зорко следили за маневрами врага, передвижением его морских резервов.

Польское население Данцига спряталось в подвалах старинных домов, переживая пору сокрушительных бомбардировок и артиллерийского обстрела. Въехав в город, мы увидели на улицах наших солдат, «катюши», обозы, танки да еще не убранные трупы участников крестового похода «дранг нах остен». Товарищи из аэродромной команды отправились в пригород, где уцелел склад авиационных горюче-смазочных материалов. Я остался один. Вскоре встретил пехотинца, увешанного гранатами и ручными часами — по паре на каждой руке. «Трофейные», — решил я, и в этот момент у меня родилась мысль разыскать где-нибудь в брошенном музыкальном магазине немецкий аккордеон. Спросил пехотинца, не знает ли он, где в городе такой магазин.

— С неба свалился, летчик? — ответил тот с усмешкой. — На концерт приехал? А я вот иду задавать концерт фрицам.

— То-то оно и видно, — огрызнулся я. — Обвешался часами — смотри не опоздай!

— Смеешься, а зря, — сказал холодно пехотинец. — Это часы моих товарищей, память о них... Сколько дней деремса, а не можем добить фашистских гадов. Сколько ребят похоронил... Вон холмик, видишь? Это наша братская могила.

Когда вернулись мои товарищи, уже наступали сумерки, и мы решили искать пристанища на ночь. Облюбовали уцелевший дом на окраине города. В темноте не заметили, что дом занят нашими артиллеристами. Они уже поужинали и слушали, как их товарищ пиликал... на аккордеоне. Инструмент, правда, был небольшой, «четверть» полного аккордеона, с ограниченной клавиатурой.

— Трофейный? — спросил я артиллериста.

— А какой же еще? — ответил тот. Видимо, солдат умел играть на двухрядке, а эта немецкая штука ему не подчинялась.

— Разреши попробовать, может, у меня получится.

— А ты гармонист?

— Так себе, самоучка...

— Тогда не берись, слушай, как я играю. — Артиллерист долго не хотел расставаться с инструментом. А когда кончил играть, затеял длинный философский разговор.

— Вы, я вижу, летчики, — будто с упреком сказал он. — Незавидная у вас служба...

— Это почему же?

— Где вы были в сорок первом, когда мы отступали от границы до Москвы? Где, скажи? Мы по болотам, сквозь леса продирались. Много не навоюешь винтовкой да штыком против танков и автоматов... Хотя бы один нашенский самолетик на подмогу... Нет, друзья-товарищи, не хотел бы я быть летчиком!

Артиллерист, видно, был зол на всех и вся на свете. Два товарища тщетно пытались его урезонить. Тогда я сказал:

— Мы воздушные разведчики.

— Разведчики? Этих я уважаю. Только не слышал, чтобы разведчики в небе летали. Расскажи, парень, что же это за штука такая — воздушные разведчики, — попросил артиллерист с неподдельным любопытством.

Я рассказал ему вкратце о фотоаппаратах, которые спрятаны в бомболюках наших самолетов, как по нашим донесениям составляются карты для пехотных и артиллерийских офицеров.

— Постой, постой, парень! Выходит, с неба можно лучше разглядеть врага, и не надо терять солдат, ведя разведку боем?

— Выходит, можно...

— Ну-ну, так чего же вы утром двадцать второго июня сорок первого не пролетели над немцами и не просигналили, что, мол, братцы, караул, фрицы вот-вот двинутся на Россию? Ну, чего не пролетели? Отвечай, летчик!

Такой поворот беседы снова поставил меня в тупик. Про себя я подумал: действительно, достаточно было нескольких десятков самолетов-разведчиков, чтобы пролететь вдоль советской границы от Балтики до Черного моря, причем над своей территорией, чтобы с помощью установленного под углом фотоаппарата обнаружить скопление немецких войск и техники. Но вслух я сказал правду:

— Тогда, артиллерист, наша армия не имела настоящих самолетов-разведчиков...

— Да, многого у нас не хватало. А теперь мы силища неудержимая... Да ты не обижайся, садись к столу. На, играй на этой чертовой немецкой гармошке...

Я сыграл, стараясь как можно задушевнее. Артиллерист прослезился, вытер глаза и начал ругать убийц-фашистов. Он выбежал во двор к стоявшей там пушке и дернул за шнур. Уши заложило от пушечного раската. Артиллерист пальнул еще раз и еще. «Сумасшедший!» — подумали мы. Вскоре он вернулся и сел за стол, будто ничего не случилось. Я поинтересовался:

— Ну что, солдат, срывал злость, палил холостыми?

— Нет, летчик, громил гадов настоящими снарядами! Пушка-то пристрелена. Бьем по крепости, где укрылись фашисты. Вот уже вторые сутки лупим по гадам. И будем бить, пока командир дивизиона не даст отбой...

Артиллеристы стреляли всю ночь напролет. Утром, когда мы собрались в путь, знакомый пушкарь подошел к нам, обнял меня, пожал руку и вдруг протянул мне аккордеон:

— Бери гармошку! Играй!

От неожиданности я растерялся, но подарок принял.

НА БЕРЛИН!

Полк разведчиков перелетел еще западнее, на стационарный аэродром города Торунь. Мы расположились на его окраине в приличных домах со всеми удобствами. Автопарк полка пополнился трофейными грузовиками «мерседес». Никто теперь не ходил пешком на аэродром.

С аэродрома Торунь нашему полку приказали разведать расположение немецкой авиации вокруг Берлина, а также произвести плановую фотосъемку города. Подсчитали — получилось, что надо сделать не менее тридцати вылетов. Ответственные задания поручались опытным мастерам разведки, ветеранам полка, прошедшим всю войну от стен Москвы, а также боевой молодежи, проявившей смелость и находчивость.

Берлин наши летчики сфотографировали в 1944 году. Первый самолет-разведчик Ту-2 с подвесными баками поднял со смоленского аэродрома комэск Алексей Дрыгин. Без происшествий он долетел до германской столицы и, невзирая на сильный зенитный огонь с земли, пролетел над центром Берлина, выполнив свою задачу.

Вслед за вернувшимся первым «Туполевым» на Берлин отправились еще два самолета-разведчика. Один Ту-2 повел Герой Советского Союза Ефим Мелаш, второй — Константин Дунаевский. Они дофото-

графировали весь Берлин и его окрестности. На изготовленном из трех разведфильмов планшете — плане Берлина были указаны обнаруженные линии обороны противника, зенитные установки, противотанковые рвы и вся сеть действующих аэродромов. Все участники съемок Берлина были отмечены благодарностью Верховного Главнокомандующего, награждены орденами.

И вот теперь, весной 1945-го, предстояло снова и снова разведывать германскую столицу и ее подступы. Летали на Берлин легко, уверенно, презирая смерть.

В предчувствии близкого конца войны самые молчаливые летчики охотно делились друг с другом подробностями полетов.

— Надо же такому случиться! — начал свой рассказ Ефим Мелак. — Подлетаем мы к Берлину, как вдруг чувствую — задыхаюсь, в глазах темнеет...

— Ну и что же дальше?

— Веселенькая история! Высота — восемь тысяч метров. Почему-то прекратилась подача кислорода. Безвыходное положение, думаю. И в этот момент мой штурман без колебаний и лишних слов отсоединяет кислородный шланг от своей маски и передает мне. «Сумасшедший! — кричу ему что есть силы. — Ты же задохнешься через десять минут!» А он сунул шланг мне в руку и отпрянул назад. «Молодец», — подумал я и решительно приказал включить фотоаппараты. Курс — на рейхстаг!..

Штурман вскоре потерял сознание. Он очнулся после того, как Мелак, сфотографировав центральные кварталы, резко спикировал до трех тысяч метров. На этой высоте и пересек линию фронта. Разведчики доставили очень ценный фильм...

Никиту Остапенко в те дни засыпали вопросами и летчики и механики. Во время разведывательного полета над Берлином его атаковали новые немецкие реактивные «мессеры». Тогда они впервые появились над Берлином. Среди нас ходили всевозможные слухи. Рассказывали, будто прославленный летчик Иван Кожедуб на обычном истребителе Ла-7 вступил в бой с таким «мессером» и сбил его. Летчики утверждали, что реактивный «мессер» летает чуть ли не в два раза быстрее обычных самолетов, зато не такой маневренный, как Яки или «лавочкины». Драться с ним и побеждать можно!

Сфотографировав несколько аэродромов, расположенных вокруг Берлина, Остапенко взял курс на Потсдам. Тамошний аэродром был последней целью фоторазведки... Чтобы срезать путь, разведчики решили пройти через центр Берлина. Город был окутан густым дымом пожаров, сквозь который высвечивались всплески огрызавшихся зениток и взрывававшихся бомб. Вдруг стрелок-радист прокричал:

— Командир! Над нами справа эскадра бомбардировщиков!

Остапенко поднял голову и насчитал до сорока четырехмоторных самолетов. Они вот-вот должны были обрушить тонны своего груза на рейхстаг. Круто развернув машину, Остапенко изменил курс. Удалившись от столицы километров на двадцать, разведчики считали себя в безопасности, как вдруг увидели в хвосте незнакомые немецкие истребители. Штурман и радист открыли огонь. Остапенко опрокинул «пешку» в отвесное пики и стал бросать ее из стороны в сторону, пытаясь помешать немцам вести прицельный огонь.

Обычно на максимальной скорости разведчикам удавалось оторваться от «мессеров», но на этот раз происходило что-то непонятное. Немцы висели на хвосте и быстро сокращали расстояние. И тут Остапенко понял, что его атакowali те самые истребители, о которых ходили слухи на фронте. Еще несколько секунд, и «пешка» врежется в землю.

— Я начал выводить самолет из пики, — рассказывал Никита, — а нагрузка велика, ломит в ушах, из носа течет кровь. Стрелок-радист на мои вопросы не отвечает: убит или потерял сознание. Штурман чертыхается, помогает мне снять кислородную маску. Выхожу из пикирования, чуть не задеваю крыльями верхушки деревьев. Впереди — линия фронта. А летим на бреющем — из автомата можно подбить. Набрать высоту нет времени. Бросаю «пешку» еще ниже. Со всех сторон нас обстреливают. Наконец проскочили. Вот и Торунь. Настолько взволнован, что не могу точно зайти на посадку. Сделал две «коробочки», прежде чем наконец сел.

— А как же выглядит новый «мессер»?

— Спроси мою бабушку! Бой длился считанные секунды. Разве в суматохе разглядишь?

Осталось шесть дней до того знаменательного момента, когда советские солдаты водрузят Знамя Победы над рейхстагом. Артиллеристы 1-го Белорусского фронта уже находились на подступах к рейхстагу и вели по нему первые залпы. Войска 1-го Украинского ворвались в Берлин с юга. В этот день Константин Дунаевский вместе с боевым другом штурманом Плисом Нурписовым вылетели в десятый раз на разведку германской столицы. К вечеру, когда кончились полеты, я встретил заплаканную Женю Смирнову и догадался, что Костя не вернулся.

Нет, не хотелось верить, что Костя погиб! Все летчики и штурманы восхищались отвагой и удачливостью этого молодого экипажа, прошедшего сквозь все испытания. Костя никогда не щадил своей жизни. Всем запомнилось, как он, едва начав трудную службу разведчика, проявил исключительную храбрость. Это случилось незадолго до начала операции «Багратион». Костя вылетел с нашей базы в Смоленске

на разведку железнодорожного узла еще оккупированного Бобруйска. Плотная стена зенитного огня встретила советского разведчика на подходе к цели, но Костя не сошел с боевого курса и приказал включить фотоаппарат. В этот момент один из вражеских снарядов угодил в левый мотор. Машину сильно тряхнуло. «Пешка» дала крен и сбилась с курса. Фотографирование не получилось.

— Пойдем на второй заход! — зло прокричал Костя.

Штурман Нурписов хотел было возразить: ему казалось безумием лезть в огневой шквал вторично да еще с подбитым мотором, но грозный тон приказа командира отметал всякие возражения. И штурман промолчал. Искусно маневрируя, Костя вторично появился над целью. Вражеские зенитчики несколько ослабили огонь. Они не думали, что русский разведчик идет напролом ради выполнения своей задачи. Самолет с дымящимся мотором казался смертельно раненным, неуправляемым, и немцы ждали момента, когда русский свалится в штопор и врежется в землю. Но Костя умышленно накренил машину к земле, развивая скорость, а когда цель была позади, сделал небольшую «горку» и скрылся в солнечных лучах.

Еще один отважный полет на разведку заставил всех нас говорить о Дунаевском как об удивительном человеке. Костя вылетел на разведку крупных оборонительных узлов в Восточной Пруссии и был атакован двумя «фоккерами». Очень не хотелось принимать бой: Костя разведал новую линию обороны врага на Мазурских озерах и спешил доложить командованию об исключительно ценных результатах полета.

Умелыми маневрами Константин ускользнул от огненных трасс стервятников. До линии фронта оставалось совсем немного, когда «фоккеры» зажали разведчика в клещи, прижали к земле и ранили один мотор. «Пешка» потеряла скорость. Костя не растерялся, бросил машину к земле в бреющий полет и, как только проскочил первые траншеи наших войск, приземлился «на живот».

Однако с высоты, находившейся в руках немцев, самолет хорошо просматривался. Фашисты не замедлили открыть по нему огонь. Разведчики еще не успели выскочить из самолета, как вокруг стали рваться вражеские снаряды.

— Рация в порядке? — крикнул Константин стрелку-радисту. — Передавай на командный пункт: обнаружили новую полосу обороны...

Дунаевский оставался в самолете до тех пор, пока стрелок-радиист не закончил передачу. Тем временем Нурписов покинул кабину через колпак и среди взрывов снарядов по-пластунски удачно прополз полсотни метров, отделявшие самолет от ближайшей траншеи. Он связался с командованием по полевому телефону.

Результаты разведки оказались настолько важными, что с командного пункта полка их моментально передали по радио в Главный штаб ВВС генерал-лейтенанту Грендалю.

Летая над Восточной Пруссией и Померанией, Костя по своей инициативе не раз штурмовал отступающие колонны врага, поджег два эшелона, вывел из строя десятки автомашин. Возвращаясь из полета в который раз с расстрелянными патронами, Костя лишь однажды признался механикам:

— Штурмовал гитлеровские автомашины. Пусть знают, что расплата близка! Всыпал им хорошенько за мой сожженный Ржев, за разрушенный Калинин, за моих погибших товарищей...

Немного провоевали храбрые разведчики Дунаевский и Нурписов — чуть более года, а суммарная площадь сфотографированных ими рубежей обороны врага составила свыше двадцати двух с половиной тысяч квадратных километров — две трети территории Восточной Пруссии.

Эти данные я прочитал уже после войны в наградных листах на Костю и Плиса, вскоре получивших посмертно звание Героя. Сами же они не любили рассказывать о своих подвигах. Объяснялось это удивительным характером Кости, считавшего себя самым обыкновенным, даже заурядным летчиком. Добиться от него каких-то подробностей о полетах было невозможно, он только отшучивался.

Потеря любимого экипажа в самом конце войны была для нас тяжелым ударом. Что могло случиться с прошедшим сквозь огонь и воды искусным летчиком? Как-то я получил письмо от брата Константина. Он писал: «Все мы считали, да и командование вашего полка писало, что Костя пропал без вести, скорее всего, погиб, и место гибели неизвестно».

Экипаж Кости Дунаевского стал последней жертвой полка в долгой и тяжелой войне с фашизмом. Когда узнали о гибели боевого друга, все как умели старались утешить Женю Сапронову, любимую Кости. Вскоре после Дня Победы почти все ее полковые подружки вышли замуж за наших летчиков, штурманов и радистов. Только Женя, самая стройная и красивая, осталась одинокой.

ПОСЛЕДНИЙ ФОТОПЛАНШЕТ

Наступил май — теплый и погожий. В городском саду Торуни, что тянулся вдоль правого берега Вислы, распустились листья на деревьях, зазеленела свежая трава. Лишь взорванный железнодорожный мост через реку напоминал, что здесь проходил смерч войны.

Каждый день воздушные разведчики отправлялись на аэродром, но число боевых вылетов сократилось. Утром в последний день апреля

пал рейхстаг, а на второй день мая остатки берлинского гарнизона полностью прекратили сопротивление. Разведчики с честью выполнили еще одну миссию, возложенную на них в ходе Берлинской операции, и теперь вылетали на разведку в экстренных случаях, так как фронт действий наших войск резко сузился. Наша третья эскадрилья получила некоторую передышку.

Последние боевые вылеты совершались по заданию Верховного Главнокомандования. Оно было настолько ответственным и важным, что проследить за его выполнением прибыл начальник разведотдела 4-й воздушной армии. Он лично проверил готовность экипажей и самолетов. Пожилой генерал остался доволен результатами инспекции.

— Не затягивайте с полетами, — обратился он к начальнику штаба полка. — Дело идет к концу. Немцы, кажется, готовы принять безоговорочную капитуляцию. Но это между нами, Ефим Борисович.

Лернер, занятый мыслями о предстоящих полетах, сразу неотреагировал на доверительную информацию. Потом опомнился:

— Неужели конец войне?

— Да, подполковник, конец!

— Разрешите сообщить об этом всему состав опергруппы?

— Всему, пожалуй, не следует, а летному составу скажем и объясним сложность спецзадания и чем оно вызвано...

В течение нескольких дней разведчикам предстояло вести неустанный надзор с воздуха за передвижением и местонахождением немецких военных кораблей как в открытом море, так и в балтийских портах. Дело в том, что, судя по разведдонесениям союзников — американцев и англичан, — гитлеровцы будто намерены потопить свой флот. Указывались даже типы кораблей.

Ефим Борисович выпускал в полет сразу по четыре экипажа, а два других, резервных, держал про запас. Он напомнил, что на фотографирование объектов следует заходить со стороны моря. Давая последние указания перед полетом, он, как обычно, говорил о возможном противодействии истребителей и зенитной артиллерии противника, призвал проявлять осмотрительность и осторожность. «Война еще не окончена!» — говорил он разведчикам, но чувствовал, что они едва внимают его словам после того, как начальник разведотдела воздушной армии сообщил о близком конце войны.

...Ровно через два часа сорок минут четыре экипажа вернулись с боевого задания. Без каких-либо происшествий. Они сфотографировали все вражеские военные морские порты и корабли в Балтийском море, которые потом подлежали передаче Советскому Союзу в счет германских репараций. Минуту еще полтора часа, Бакастов доложил, что разведфильмы проявлены и просмотрены. Все объекты сфотогра-

фированы отлично. Повторные вылеты не требовались, и оба резервных экипажа получили команду «отбой».

Каждый день разведчики вылетали по одному и тому же маршруту и фиксировали местонахождение немецких кораблей. Фото-специалисты внимательно обрабатывали данные разведфильмов, сличали их по дням и констатировали отсутствие каких-либо существенных изменений. Отличная солнечная погода благоприятствовала разведчикам.

6 мая разведчики снова сфотографировали все военно-морские базы, порты и военные корабли в Балтийском море и снова не обнаружили перемен. Однако спецзадание этим не ограничивалось. Было приказано доставить в Москву, в Главный штаб ВВС результаты разведки — фотопланшет с аккуратно подобранными снимками, показывающими итоги полетов по дням и даже по часам. Для этого фотоустановки были оборудованы специальными часами. И вот началась кропотливая работа по оформлению фотопланшета. Она продолжалась всю ночь и закончилась лишь к полудню 7 мая.

Наши фотометристы были искусными мастерами расшифровки разведфильмов. При этом они умели писать каллиграфическим почерком и отлично рисовать. Их фотопланшеты походили на красиво оформленные подарочные альбомы. На этот раз они старались как никогда, так как вместе со всеми чувствовали, что работают над одним из последних, если не самым последним фотопланшетом. Когда многочасовой труд был закончен, прилетел транспортный самолет и забрал планшет в Москву. Последний планшет гвардейского дважды орденоносного авиационного полка дальних разведчиков...

Сколько таких документов подготовил полк за годы войны! Точную цифру, правда, никто не знал — не велась подобная статистика. Зато имелись подробные данные о боевых действиях полка со дня его рождения: были сфотографированы тысячи аэродромов, железнодорожных станций врага и очень много его мощных оборонительных полос. Общая протяженность полетов с фотографированием объектов разведки составила около 516 тысяч километров. Иными словами, наши храбрые воздушные следопыты совершили дюжину витков вокруг «шарика». Каждая секунда этого невероятно долгого полета была связана со смертельной опасностью. Только за последний год войны восемь раз отмечался полк в благодарственных приказах Верховного Главнокомандующего за отличные боевые действия в боях за овладение Минском, польского города Торуми, девятнадцати немецких городов. 6 мая 45-го в Москве прогремел салют в честь советских воинов, окончательно овладевших немецким островом Рюген. В числе отличившихся в этой операции частей значился и наш славный полк.

В воздухе пахло цветущими вишнями и... миром. Рано утром 8 мая нас разбудила хаотичная стрельба на улице. Накануне здорово устали — возились с неисправным мотором. Нехотя поднялись посмотреть, что случилось, почему стреляют? А был это стихийный салют в честь Победы!

Я развернул чистый боевой листок и задумался. Надо было успеть написать что-то волнующее и торжественное к утреннему построению однополчан. Наконец-то она к нам пришла! Наконец-то на нашей улице настал праздник!

Пусть смерти в глаза мы смотрели не раз.
Горели в подбитой машине.
В снегах под Москвой хоронили нас,
Веря, мы будем в Берлине.

Да сгинет во веки веков немчура
И с нею страдания и беды.
Разведчики! Мощное крикнем «Ура!»
Гвардейское! В честь Победы!

...Война кончилась, но служба в армии продолжалась. Онемеченная Померания согласно послевоенному урегулированию передавалась Польше. Польские власти попросили воздушных разведчиков помочь им в составлении топографических карт новых земель. В течение месяца вместе с другими экипажами Сугрин делал по три вылета в день, фотографируя территорию Померании.

«Четверка» работала великолепно. Мы успевали лишь заправлять ее бензином, и она снова улетала на север, к Балтийскому морю. За один месяц моторы отработали полный моторесурс, положено было их менять, но они «тянули» как новенькие. Ведь еще в ходе войны практика показала, что конструкторы-моторостроители перестраховались, занизили моторесурс двигателей бомбардировщика.

В один прекрасный день, когда Сугрин и Романов вернулись с такого мирного полета, им сообщили радостную новость о присвоении звания Героя Советского Союза. Теперь в полку было девять Героев!

Мне и моим фронтовым товарищам и помощникам — сержанту Григорьеву и ефрейтору Федотову — было особенно радостно. Из этой великолепной девятки Героев шестеро — Мелаш, Ящук, Попов, Голубничий, Сугрин и Романов — были нашими командирами, много летали на наших четырех «пешках».

Да, нам было чем гордиться. В золотом блеске геройских звездочек лучших из лучших питомцев третьей эскадрильи отражался и наш нелегкий технарский труд.

МАРШАЛЬСКИЕ ОЦЕНКИ

В разговорах и письмах мои фронтовики отмечали огромный вклад Сталина в достижение Победы. Они оценили не столько его полководческий дар, упорную дипломатическую борьбу на встречах с лидерами антигитлеровской коалиции Рузвельтом и Черчиллем, сколько ежедневный и неустанный труд по созданию и развитию производства, ковавшего оружие Победы. Запомнил я и двух критиков. Механик-ленинградец Гутшабаш, не успевший до войны закончить аспирантуру, критиковал культ личности, его последствия в духе XX съезда партии. По натуре он был ворчуном, и его прозвали «шабаш» от его фамилии. Он не обижался и хвастал: по-еврейски, мол, шабаш означает праздник. А мой друг Андрей Сакеллари считал излишней нетерпимость Сталина к его политическим противникам, властный характер. Я посоветовал Андрею прочитать мемуары маршала Г. Жукова, который хорошо знал Сталина и мог изучить человеческие черты своего главного военного начальника. Приведу несколько цитат из жуковских «Воспоминаний и размышлений»:

«В вооруженной борьбе в целом И.В. Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим» («Воспоминания и размышления», т. I, с. 346).

Часто встречаясь со Сталиным, обсуждая положение на фронтах даже во время запоздалого ночного ужина, Жуков отмечает: «И.В. Сталин во время беседы производил сильное впечатление. Лишенный позерства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память заставляли во время беседы с ним даже очень искушенных и значительных людей внутренне собраться и быть начеку» (Там же, с. 344).

Как видим, профессиональный военный, да еще маршал говорит о человеческих качествах Сталина, рисуя его привлекательный образ как писатель-романист. И верно, из жуковского портрета Сталина мы узнаем, как много работал вождь, как подписывал документы (обычно синим карандашом), понимал ли юмор, чего стоил «его острый пронизывающий взгляд», как вели себя собеседники, когда он «впадал в острое раздражение», и многие ли смельчаки «могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар».

А гнева и раздражения было более чем достаточно в первой половине войны, когда мы отступали, не имели опыта борьбы с превосходящим нас противником. Такое «раздражение» продолжалось вплоть до смертельной битвы под Сталинградом, положившей начало перелому в войне. Жуков в связи с этим отмечает:

«Должен сказать, Верховный понял, что неблагоприятная обстановка, сложившаяся летом 1942 года, является следствием и его личной ошибки, допущенной при утверждении плана действий наших войск в летней кампании 1942 года. И он не искал других виновников среди руководящих лиц Ставки и Генерального штаба» («Воспоминания и размышления», т. II, с. 78).

Речь идет, в частности, об ошибке из-за опасения нового летнего наступления гитлеровцев на Москву сосредоточить половину наших войск на московском направлении. Наши армии на юге были ослаблены. Гитлер, однако, нанес главный удар против наших южных фронтов с целью захвата Кавказа. Наше наступление под Харьковом, санкционированное Сталиным вопреки предостережениям Генштаба, окончилось катастрофой. Остатки наших дивизий, в том числе рьяный инициатор наступления, член военного совета Юго-Западного фронта Никита Хрущев, откатились к Сталинграду.

Маршал Жуков считал воздушную и наземную разведку «важнейшим фактором вооруженной борьбы». Во втором томе своих «Воспоминаний и размышлений» (Там же, с. 269) он рассуждает: «Опыт войны доказал, что разведывательные данные и их правильный анализ должны служить основой в оценке обстановки, принятии решений в планировании операций». По его мнению, ошибочные разведданные и допущенные при их анализе погрешности ведут операцию по ложному пути.

Из воспоминаний Жукова и многих художественных произведений известен его исторический телефонный разговор со Сталиным о положении в блокированном Ленинграде. Буквально на первой странице второго тома «Воспоминаний и размышлений» описан этот разговор, состоявшийся 5 октября первого года войны. На вопрос Сталина: «Как у вас идут дела?» Жуков ответил: «Нашей авиационной разведкой установлено большое движение мотомеханизированных и танковых колонн противника из Ленинграда на юг. Видимо, их перебрасывают на московское направление».

Сталин просил Жукова, который был послан ликвидировать критическую обстановку под Ленинградом и выполнил эту задачу, срочно вылететь в Москву. 11 октября он был назначен командующим Западным фронтом. Среди первейших задач по реорганизации фронта Жуков называет воздушную разведку и твердое управление войсками.

Историки до сих пор спорят: не совершил ли Гитлер роковую ошибку. Он погнался за двумя зайцами и не поймал ни одного. Одни историки утверждают, что Гитлеру надо было сокрушить Ленинград, прорвав его оборону, и, заняв город, затем высвободившиеся войска перебросить на Москву.

Пусть спорят. Нам же важно отметить следующее. В строю «нашей авиационной разведки», о которой упоминает Жуков, действовал и 2-й ДРАП, позже переименованный в Гвардейский отдельный полк. С первых же дней войны его одиночные экипажи на тихоходных Ил-4 совершали разведполеты над Прибалтикой и северо-западом страны. Я уже рассказывал о драматическом полете экипажа Климанова—Политыкина на Клайпеду 13 июля 41-го, когда в воздушном бою был убит стрелок-радист Леонид Сыроваткин.

В начале войны у нас не хватало бомбардировочной авиации. Когда же летом 42-го фронты обзавелись своими воздушными армиями (по воспоминаниям Жукова, их уже насчитывалось восемь), оперативной разведкой занялась фронтовая авиация. Наш полк смог активно включиться в дальнюю разведку в целях определения стратегических замыслов противника и разработки наших крупных операций, в том числе Курско-Орловской 1943 года.

По оценке маршала Жукова, немцы только в районе Орла, Брянска, Смоленска сосредоточили тогда до 700 самолетов. Эти данные добывали и наши экипажи, регулярно летая на разведку этих городов. В балтийском порту Пярну были засечены прибывшие с войсками транспорты и грузы, а также дальнейшее движение немецких резервов на юг.

Но, пожалуй, самую высокую оценку боевой работе наших разведчиков маршал Жуков дал в связи с фотографированием Берлина. Георгий Константинович писал:

«Наша разведывательная авиация шесть раз производила съемку Берлина, всех подступов к нему и оборонительных полос» (Там же, с. 328). Далее он указывает, что по результатам съемок, другим документам составлялись схемы города, карты, которые затем выдавались войскам вплоть до «рот включительно» (замечу в скобках: скажем еще раз спасибо Люсе Третьяковой и ее товарищам «фотикам»).

В своих мемуарах «Солдатский долг» маршал Советского Союза Рокоссовский пишет о Берлинской операции: «Летчики Вершинина сфотографировали с воздуха всю оборону противника. Неумоимо работала воздушная и наземная разведка». Если учесть, что генерал Вершинин командовал воздушной армией при Втором Белорусском фронте Рокоссовского, к которому мы были прикомандированы, то оценка маршала логично относится и к нашим разведчикам.

Они сфотографировали около семидесяти немецких прусских городов, их оборонительные сооружения. Маршал Рокоссовский, рассматривая наши фотопланшеты, решал, куда лучше послать в бой своих доблестных солдат.

В последние дни войны полк получил особое задание Ставки Верховного — сфотографировать горящий Берлин и подготовить фотопланшет. 2 мая планшет со снимками поверженной столицы Германии был готов. Его показали Верховному. Он высоко оценил работу разведчиков.

Справедливости ради надо сказать, что горящий Берлин сфотографировал Герой Советского Союза полковник Анатолий Бардеев, командир 164-го отдельного разведывательного авиаполка. В те дни все истинные патриоты стремились вступить в смертельный бой с врагом. Он был повержен. Но война еще продолжалась. Костя Дунаевский мог послушаться врача и отсидеться на земле. Но он полетел и погиб.

Мы отнюдь не намерены приписать все лавры славы нашему полку. Под командованием генерала Грендаля воевали еще два полка дальних разведчиков, также заслуживших звания гвардейских. «Разбогатов», командование Красной Армии снабдило разведывательными самолетами все воздушные армии фронтов. Они, как и наши воздушные разведчики, в отличие от «бомберов» и штурмовиков, летавших в конце войны строем целыми эскадрильями, воевали одиночными экипажами. И доказали, что и один в небе воин.

ВЕЧНЫЕ СЛЕЗЫ ВДОВЫ

Доброе слово всякому приятно. Не скрою, я переживал большое удовлетворение и радость от выхода в свет «Воздушных разведчиков». В мой адрес приходили отклики от однополчан и знакомых читателей.

Откликнулся Анатолий Попов, мой бывший командир:

«Ты, Володя, точно описал трудяг-механиков. Добавлю, что их служба была тяжелой. В первые годы войны часто машины возвращались неисправными. Авиамеханикам приходилось работать день и ночь, устраняя неполадки. Бывало, сутками не отходили от самолетов, работая в мороз. Здорово мерзли. Но надо работать. Мы, летчики, с болью смотрели на измученных авиаспециалистов и вместе с тем — с благодарностью. Ведь они обеспечивали полную безопасность нашим разведывательным полетам в глубокий тыл фашистских захватчиков».

Вот еще одно письмо о значении технарской службы:

«К Вам обращается незнакомый для Вас человек, хотя, как мне кажется, мы где-то встречались. Большое спасибо Вам за интересную

книгу о войне. Она меня особо радует потому, что Вы бывший механик и пишете не только о летчиках (о подвигах которых написано немало и, очевидно, будет написано еще больше, они этого заслужили), но и о техническом составе. Ведь без самоотверженного труда техников и механиков, вложенного в подготовку самолета, не могли наши летчики летать и успешно громить врага. Об инженерно-техническом составе, к сожалению, так мало пишут, хотя их в авиации более 70 процентов.

Вы, наверное, сами понимаете, что труд любого добросовестного рабочего, колхозника, специалиста любой отрасли народного хозяйства в нашей стране в почете и оценивается высоко, вплоть до золотых звезд Героя социалистического труда, а труд авиационного военного техника выше ордена Красная Звезда не оценивался. Это, очевидно, потому что они были всегда, к сожалению, в тени по сравнению с летчиками. Это, извините, между прочим. Мы, «технари», на войне не думали о наградах. Главная награда для нас всех — Победа, которая дорого досталась нам.

С глубоким уважением,
полковник-инженер в отставке
Ивлев Степан Петрович.

Некоторые отклики были неожиданностью. Речь идет о «фотиках», о которых я в книге лишь упомянул.

«Володя! Владимир Иванович! Прошедшие десятилетия затруднили форму общения, уж, извини, если обижу панибратством. Прочла твою книгу. И она мне очень, очень понравилась. Ты написал очень, очень хорошую книгу.

Правда, если бы довелось мне писать, я бы все события изобразила под другим ракурсом. Ты описал с точки зрения подготовки и выполнения полета. Я исходила бы как «фотограмметрист» от конечного результата — донесения в Ставку Верховного, изготовление фотопланшета. Повторю, каждый воспринимал войну со своей точки зрения. Но главное, люди — летный коллектив. И ты молодец, великий молодец, нарисовал портреты героев войны. Твоя память цепкая, она работала с мыслью написать книгу о разведчиках. И ты это прекрасно осуществил. Поздравляю!

Откликнулась семья Александра Помазанского, техника-оружейника, обладателя четырех орденов Красной Звезды. Александр благодарил меня за присланную книгу и много писал в высокопарном стиле, в духе любимой газеты «Красная звезда» о победе над фашизмом, о нашем вкладе в разгром «гидры империализма». Мне хочется процитировать здесь письмо его супруги Галины Михайловны. Оно душевное, материнское, словом, женское:

«Как получили Вашу книгу, начала ее смотреть и читать. Уж поздно было. Прочла сразу страниц 50 и не могла заснуть всю ночь. Очень мне жалко молодых летчиков. Сколько их осталось лежать в земле или сгорело в воздухе. Они погибли за Родину, за то, чтобы мы жили мирной жизнью. Я очень переживаю за всех, кто не вернулся с войны. В День Победы слезы навертываются на глаза. Вы лично, Владимир Иванович, много испытали трудностей, готовя самолеты к полетам на разведку. Да, наша молодость прошла в трудностях, знала много горя. Сейчас смотришь на юношей и девушек и становится тяжело на душе. Многие могут только родить, а воспитывать не умеют. Не приучают своих детей к труду, к честности. Многие пьют водку, девушки курят. С ними не проводят воспитательной работы, в голове у них не все благополучно. Иные преподаватели не соответствуют своей профессии. Как подумаешь, что в войну молодежь отдавала свои жизни за лучшую жизнь, а эти только и знают трястись на танцах. Слава богу, мои детки не такие. Наташа на пятом курсе медицинского, а Саша окончил Политехнический институт. Я ругаю Александра за то, что он не написал вам свои воспоминания о войне, как вы того просили. Он постарел, пока работает. Приходит усталый».

А вот это письмо пришло от старых знакомых:

«*Владимир Иванович!* Прочла Вашу книгу, ни на минуту не отрываясь. Перенеслась на 40 лет назад, в молодые годы. За каждой фамилией летчика, штурмана, техника я живо представила себе молодые лица, которых я хорошо знала.

Пишет Вам врач Брегман Елизавета Лазаревна. Может быть, помните, что меня называли просто Лизой или Лилией. Я же хорошо помню, как молодой Володя Силантьев приходил к нам в санчасть с баяном, напевал веселые песни, играл танго.

Мне хотелось бы открыть небольшой секрет. Перед своим последним вылетом ко мне заходил Костя Дунаевский. Он просил дать ему разрешение на полет. У него был ячмень на глазу. И полностью не зажил. Я умоляла его не настаивать. Говорила, что в полете он не сможет охватить все поле обозрения. И справку о здоровье не выписала. Он ужасно разозлился. Кричал, как это так без него сделают фотоснимки Берлина. Хлопнул дверью и ушел. Не знаю, кто дал ему разрешение на полет. Но он улетел. И какой страшный произошел результат. Он не вернулся.

Мой муж, тоже разведчик, только не воздушный. Кончал Подмосковную школу разведчиков, участвовал во многих операциях, освобождал заключенных Освенцима и Майданека, был в Варшавском гетто. Живем в Киеве. Будете в столице Украины, милости просим в гости».

И еще, я познакомлю с письмом Жени Сапроновой, как мы ее звали, «невесты» Кости Дунаевского. Она прибыла в полк в 1943 году в группе девушек-укладчиц парашютов. Все они носили гимнастерки и юбки защитного цвета, пилотки, сапоги. Женя любила поэзию. Я читал ей первой свои новые стихи и однажды попросил записать их в тетрадку. Этот сборник, написанный ровным девичьим почерком, до сих пор хранится в моих архивах. Дружила она, однако, с Константином. Женя писала:

«Здравствуй, Володя, дорогой мой фронтовой друг! Книгу прочла и восприняла ее как неожиданный привет из моей очень далекой молодости. Понравилась очень. И все в ней — правда! Не перестаю удивляться: сколько же тебе пришлось потрудиться! Она написана так, как будто это все было совсем недавно, а ведь прошло столько лет. Хорошо написал о Косте, очень хорошо. Что я могу добавить? Конечно, он был скромным, честным и веселым парнем, мечтал, как и все, о победе. Я знала, что он возвращался с задания, расстреляв все до единого патрона. «Брил» немцев на бреющем полете. Когда мы по вечерам встречались, Костя жаловался, что окончательно вылетался, в полете опять шла кровь из носа. Когда мне написали, что Костя погиб, я подумала о его здоровье. Возможно, оно явилось причиной его гибели. Он летал много, мог потерять сознание на большой высоте в кислородной маске.

Еще до трагедии с Костей меня перевели в женский полк. Перед отъездом мы были вместе. Незадолго до расставания Костя был у моих родителей. Удивился, что я пошла в армию добровольно. Он очень переживал нашу предстоящую разлуку. Письма писал короткие, очень редко. Уехала я 7 ноября 1944 года. Как сейчас вижу, Костя стоит на дороге и машет мне рукой... 9-го мая 45-го, радуясь вместе со всеми Победой, я еще не знала, что Кости нет в живых».

А вот письмо — крик души. Прочел его, и словно сердце обожгло:

«Случай дал мне возможность прочесть Ваше повествование о моем муже Валериане Федоровиче Столярове. Почти в шоке, пишу в погоне за ушедшим в вечность. За все послевоенные годы — это первое знамение, когда я “встретилась” со своим супругом. Было ли где-то воспоминание о нем? Было ли отмечено так любовно, как сделали Вы? Я не встречала. Вам низкий поклон за память о нем.

Книги Вашей “Воздушные разведчики” я не имею. Хотелось бы видеть Вас как частицу ушедшего Валериана. Ваше повествование о нем, возможно, найду. Это для меня не просто книга, а что-то наивысшее в оправе великой скорби.

Я вырастила дочь, но судьба нас разъединила. Она работает врачом в воинской части на Крайнем Севере. А я так и осталась после гибели Валериана в Монино — работала, награждена медалью за победу

над Германией и медалью тридцать лет Победы. За все время из полка меня никто не навестил. Я никого не видела. Еще хочется сказать о том — обидном. Горел живым — сгорел, СВЯЩЕННО ЗАЩИЩАЯ СВОЕ ОТЕЧЕСТВО. Но нигде не значит. Другим — надгробие с именем, отчеством и фамилией. Ему — ничего, нигде.

Можете ли Вы меня понять! Как говорится, и становились в те мгновения жены седыми вдовами, скорбящими навек. Остаюсь с надеждой на Ваш ответ мне и с глубоким уважением к Вам,

Екатерина Яковлевна Столярова.
За беспокойство прошу извинить».

ЗАКЛИНАЮ, ПОМНИТЕ!

Не жалеешь о прожитом? Большая жизнь позади, чему сейчас радуешься? Эти вопросы я задавал в анкетах ветеранам, в беседах с ними. И, удивительно, все говорили, что распорядись судьба снова, они прожили бы жизнь «всю с начала». Все-все. И атаки «мессеров», и зенитный огонь фрицев, и неделю блужданий по болотам, выбираясь из окружения. Так отвечали Петров, Дерябичев, Трошанин, другие. Они радовались и тому, что в трудную пору восстановления разрушенной отчизны внесли свою лепту. Радовались, как на их глазах Родина, за которую умирали, становилась все более могущественной державой. Радовались свадьбам своим и своих однополчан. Обустраивались понемногу, богатели. Особенно радовались тому, что их дети и внуки заканчивали высшие учебные заведения, ведь сами они, фронтовики, не успели закончить обучение, как началась война. И за плечами у них были фабрично-заводские училища. Вчерашние разнорабочие, слесари, токари, пахари по зову Родины становились летчиками, штурманами. Это мы, ровесники СССР, радовались, что успели закончить десятилетку.

Впрочем, в ответах на вопрос «Чему радуешься?» однополчане не распространялись о своих трудовых подвигах после демобилизации, на гражданке. Скромничали? Нет, считали достаточным сообщить свою новую профессию, и, мол, станет ясно, какой вклад фронтовик внес на благо Родины и процветания народа. Не мудрствуя лукаво, они использовали язык советских газет, радио и телевидения. Для них слова «народ» и «Родина» были святыми.

Когда мои однополчане писали, что радуются жизни, они имели в виду советское время. Радость жизни, настоящее счастье мы испытывали до самых последних дней, когда еще был священен и жив великий Советский Союз. Тогда уважали фронтовиков, гордились ими. Нас приглашали на торжества по случаю Дня Победы, снимали на телеви-

дении. Мы были в почете у народа, и это были самые радостные минуты нашей жизни. А гарнизон Шаталово, где до последнего времени базировался 47-й гвардейский полк, стал для нас вторым родным домом.

Однажды в Шаталово прибыла солидная съемочная группа из Останкино подготовить фильм для популярной телепередачи «Ты помнишь, товарищ?!» об участниках Великой Отечественной. Получился интересный, часовой фильм. Расскажу лишь наиболее яркие, запомнившиеся его сюжеты. Летчики уже тогда освоили грозные Миг-25. Телевизионщики просили показать их в действии, в сумерки, более эффектные для съемок. Никогда во все годы войны я не был вблизи взлетной полосы. Такая вольность строго запрещалась. Мало ли что могло случиться при взлете. Лопнуло колесо, отказал мотор, и самолет резко развернет в сторону. Также и при посадке, когда «пешка» на стремительной скорости ударялась колесами о землю, вставала на дыбы как лихой конь, снова падала на колеса и так трижды, пока, наконец, не утихомиривалась. Только опытные летчики-асы могли посадить ее сразу на три точки. Дело в том, что у «пешки» посадочная скорость была значительно выше, чем у тогдашних новых истребителей — минимум 150 километров в час.

И вот, на взлетной в Шаталово мы стояли в двадцати метрах от полосы, в точке, откуда Миг-25 отрывались от бетонки или, напротив, рулили, когда приземлялись. Я заметил Валентину Сугрину, что такое близкое расположение телевизионщиков небезопасно. Он ответил: «Не беспокойся! Сегодня другая техника. И потом, все отработано до мелочей».

— Столько лет прошло, — сказал я, — а технарская житуха мало изменилась.

— Это почему же? — кто-то возмутился.

— Я вот был вчера на полетах и заметил, как летчик приземлившегося «мига» сбрасывал два огромных тормозных парашюта. Летчик нажал кнопку, и болтавшиеся за хвостом бело-желтые купола упали на бетонку. А кто их подбирал и стаскивал со взлетной полосы? Два «технаря». А кто заносил хвосты «мигам», толкая в капониры? Опять-таки «технари».

Все рассмеялись, чего я и хотел. По правде сказать, нынешние «технари» не копаются в моторах. Двигатели снимают в мастерских. Там их ремонтируют и на каждую деталь ставят пломбочку, мол, все в порядке, отвечаем.

Моя шутка вызвала еще один веселый рассказ. Герой Анатолий Попов, на фронте молчальник, а на гражданке большой говорун, вспомнил историю с механиком Филипповым. Анатолий сел на вынужденную на учебном У-2. Думал, садится на поле, а оно оказалось болотом. Самолет ткнулся носом в воду, прижав летчика, а механик Филиппов

повис сверху на хвосте. Не может вылезти, зажатый канистрами с бензином. Попов кричит ему, вылезай, помоги. А механик в ответ: Командир, оглянись, сколько тут... клюквы.

Опять смех. Взял слово Юрий Дерябичев. Говорил:

— В Польше это было. Вызвал меня командир полка Тюрин. Говорит: читал афиши на городских тумбах? Отвечаю: «Я же польского не разумею». Тюрин: «А я тебе переведу. Завтра местная городская футбольная встречается с лучшей командой Красной Армии. Так вот, слушай приказ, обыграть поляков!»

Смех. Далее Юра рассказал, что сшили трусы, нашли судью-подполковника. Он бегал по полю в кителе при орденах. Надо же, мы выиграли — 2:0.

Неугомонный Виктор Петров воскликнул:

— А у нас в эскадрилье был свой Теркин! Баянист, песенник, поэт. Володя Силантьев.

— И лучший забивала в волейболе, — добавил Иван Строев.

Раздались возгласы: дайте ему в руки гармонь. Я столько лет не играл на баяне, вспомнил лишь вальс «Дунайские волны». Хорошо, что в телефильме «Ты помнишь, товарищ?!» мой проигрыш подхватил оркестр и заиграл «В лесу прифронтовом», а кончил знаменитым маршем «Все выше, и выше, и выше».

Но был у нас еще один родной дом. В Калинин, на квартире прекрасного человека и его добрейшей жены Лили Дерябичевой. Именно там, в Калинин, произошла наша первая и последующие встречи однополчан. Самые радостные и незабываемые. Дом Юрия Павловича располагался на проспекте Ленина, который тянулся в сторону аэродрома Мигалово. Там воевали много месяцев наши разведчики. Калинин памятен мне зимой 41-го, когда вскоре после освобождения мы проезжали через темный полуразрушенный город в Выползово. Мы пытались найти хоть один целый дом с печкой. Хотелось согреть дорожные консервы. Но в темноте и развалинах не нашли. Перекусили холодной тушенкой и отправились в путь.

Спустя тридцать пять лет я увидел в одной из комнат Дерябичевых прекрасную картину в золоченой раме. Юрий Павлович оказался не только рисовальщиком шаржей для боевых листков, но и живописцем. На картине тщательно были выписаны каждая тростинка и солнечные блики. Недаром все восхищались грозным орлом с распростертыми крыльями, изображенным Юрой на моей второй «пешке». Сам же он считал свою живопись простым увлечением. Его супруга была мастерицей по оформлению и, разумеется, приготовлению праздничного стола. Я заметил, что в провинции жалуются на скудость продуктов в магазинах, зато могут угостить собственными соленьями и варе-

нями, каких нигде не встретишь. Лиля работала в БАО по снабжению военнослужащих питанием. Служила вольнонаемной с необычной энергией.

Главные наши пиршества проходили в загородной гостинице на берегу Волги. Скорее всего, это был охотничий дом на несколько номеров, построенный со вкусом в расчете на визит в СССР Фиделя Кастро, любителя охоты. Но кубинский вождь не навестил Калинин. Праздничный стол для нас был накрыт в уютной столовой. За сдвинутыми в один ряд столами разместились многие ветераны нашей 3-й эскадрильи, а в последующих встречах участвовали однополчане из первой эскадрильи Остапенко, Дрыгин, Лысый. Несколько столиков пустовали для посетителей «Березовой рощи». Торжества открывали комиссар Настоящий, замкомандира полка Александр Петрович Романов. Как принято, минутой молчания почтили память погибших и пропавших без вести однополчан.

Меня избрали тамадой. Во время застолья многие делились фронтовыми воспоминаниями. Ни один не обмолвился словом о жизни на гражданке, о многих славных делах, свершенных уже после войны. Все вспоминали дни бесстрашия, если хотите, лихачества, свою молодость. Торжества начались вечером. Ваня Строев, огромного роста плечистый мужик, все время вставал, прося слова. Я ему разрешал. Но язык его уже заплетался, и он охрип после порции мороженого. Всем было смешно. Однако я призывал публику понять Ивана:

— Он хотел рассказать, как однажды с Витей Петровым потерял ориентировку и предложил лететь куда глаза глядят. Полетели вдоль железной дороги на восток (смех в зале, ибо многие слышали не однажды эту историю). Снизились. Виктор прочитал на одной станции надпись «Кипяток». И заставил искать на карте такую станцию. Смешно, но во время войны и позже на всех крупных станциях имелись такие указатели на чанах с кипяченой водой.

Смех в зале не дал мне досказать историю до конца.

В этот момент за пустым столиком напротив нас присела молодая парочка. У меня родилась идея. Я подошел к парню и прошептал, кто мы, зачем, и попросил его поприветствовать нас от имени калининской молодежи.

— Друзья, герои войны! Вечер продолжается. Нас придут приветствовать пионеры Калинина, профсоюзы. А сейчас я предоставляю слово молодому человеку — уроженцу славного города на Волге. Он поприветствует нас от имени калининской молодежи.

И вдруг смотрю, парень ни с места, подружка его толкает, мол, поди, скажи. А он артачится. Наконец поднялся. Приблизился. И ска-

зал четко, баритоном горячие слова ветеранам. Вызвал взрыв аплодисментов. Я к парню с рюмкой водки, поблагодарить. «Спасибо, — говорит. — Я из милиции, на дежурстве. Нельзя».

В этот момент слово попросила жена стрелка-радиста Дидоры. В нашей эскадрилье ее звали «ветродуй» или колдунья. Она была метеорологом и каждый день составляла карты погоды.

— Помню, какими славными ребятами были вы все на войне, — говорила Дидора. — А я, молоденькая, тушевалась перед офицерами. Всем отдавала честь, за что меня прозвали строевиком. Вызывает меня однажды комэск и спрашивает: «Какая будет погода завтра, летная или нелетная?» Обещала по своим расчетам летную. «А тумана не будет?» — спрашивает комэск. «Нет, не будет». Выхожу на улицу, а вокруг туман. Я назад к командиру, извините, говорю, на дворе туман. Я вышла в слезах на крыльцо, а туман исчез. Другой раз Сугрин со своей Сашей спрашивают насчет завтрашней погоды. Отвечаю: полетов не будет, гуляйте всю ночь. А утром проснулась, солнце светит. Сугрин, хмурый, невыспавшийся, покачал головой. «Куда же ты полетишь?» — отговариваю его. «Ничего, все будет в порядке», — ответил он. Вот все они такие были мальчишки. Один не вернулся, второй пропал без вести, а третий дергает командира за рукав и просится в полет. У них не было понятия смерти.

Снова поднялся Ваня Строев, что-то пробормотал, махнул рукой и сел. Слово взяла Лиля Дерябичева.

— Дорогие мои, — заговорила. — Вы были для меня родными и остаетесь такими сейчас. Уже на фронте некоторые поженились, и я, как могла, устраивала им свадьбы. Когда мы находились в Торуне, родились дети. Наши молодые мамы разгуливали по улицам с колясками. А одеты — кто в чем. Меня знакомые полячки спрашивали:

— Богато живете вы, русские. У каждой мамы по няньке. А где же сами жены офицеров? Что-то их не видно.

Я им без улыбки отвечала:

— Крым-Кавказ. Круглый год на курортах.

Пока продолжался смех, вызванный воспоминанием Лили, я взглянул на соседние столики и увидел за одним из них мужчину нашего возраста. Ну, думаю, ветеран. Пусть поприветствует, и громко объявил, что пришел с поздравлением представитель от жителей города-героя Калинина. Налил стакан водки и к одинокому посетителю шаг-два. Посетитель, однако, резким движением отодвинул стакан, шагнул к ветеранам и строго заговорил.

— Гляжу я на вас, летуны. Розовощекие. В начищенных орденах, аж глаза ломит. Гуляете-веселитесь. — Он сделал короткую паузу. — А скажите, где вы были, мать вашу, когда мы, пехота, драпали от Бреста

до Смоленска, а потом по морозу в обмотках от Смоленска до Москвы? Так скажите, где вы были? Колотил нас фриц как хотел, и ни одного нашего самолетика на подмогу. Где вы были? Где? Скажете, Сталин виноват, не угадал начала войны? Но вы-то где были? Ведь писаны и для вас, как для пехоты, уставы. Чтобы за полчаса быть в строю при полном снаряжении. А что говорить? Я понимаю вас — и снаряжения у нас не было достаточно, и дисциплинка хромала...

Посетитель умолк при воцарившейся в зале полной тишине и смущении на лицах однополчан. «Черт меня дернул обратиться к этому пехотинцу!» — злился я в душе. А пехотинец вдруг снова заговорил:

— И все же мы победили! И танкисты, и артиллеристы, и саперы, и пехотинцы.

Он шагнул к нашему столу и низко поклонился. — Спасибо вам, авиаторы. Что бы мы без вас смогли сделать? Ведь обороняясь до самой Москвы, в окопчиках укрывались. А наступали на запад по дороге, расчищенной артснарядами, вашими самолетными бомбами. Низкий поклон вам от старого пехотинца.

Десятка два авиаторов, в ярких синих френчах с золотыми погонами майоров и подполковников, увешанные боевыми орденами, не остались незамеченными в городе. Девочки и мальчики, посланные мамами, вручали нам цветы. Когда мы снимались у обелиска Победы в центре города, собралась толпа горожан и аплодировала нам. Все дни мы переживали необычную радость, сознание того, что нас ценят как спасителей отечества. Местное туристическое бюро организовало нам турпоход по местам сражений за Калинин. Мы прокатились на катере вдоль Волги до места, где на левом берегу установлен монумент артиллеристам. Они до последнего сражались с захватчиками и в конце концов выбили их из города. Руководитель турбюро оказался весельчаком, отличным баянистом и обладал прекрасным баритоном. Конечно, мы перепели вместе с ним все песни военных лет и разучили только что родившуюся «День Победы» Давида Тухманова. И естественно, праздник не обошелся без танцев и плясок. В них отличались неугомонная Лиля Дерябичева и Валя Петрова.

Настал момент самый торжественный и впечатляющий. Мы посетили Музей имени Лизы Чайкиной, калининской партизанки, погибшей, защищая Родину. Архитекторы музея с большой любовью декорировали зал под мемориальный комплекс. В зале боевой славы нас приветствовали пионеры и комсомольцы. Под звуки траурных мелодий мы подходили к девушкам, дарили грамоты и представлялись — летчик или штурман, техник или стрелок-радист, кавалер стольких-то наград. Потом лампы замигали, под световые эффекты артиллерийских взрывов звучала Ленинградская симфония Шостаковича. Раздавались скорбные слова диктора:

— Помните погибших! Я заклинаю вас: ПОМНИТЕ!

Вспыхнул свет, и нас подвели к декорированной мрамором стене. На ней были высечены имена и фамилии героев войны. Среди них четко значилось имя Константина Дунаевского, призванного на войну военкоматом г. Калинина. По просьбе товарищей я сделал запись в книге отзывов. Прежде чем отыскать чистую страницу, я пробежал некоторые отзывы, сделанные советскими и зарубежными делегациями. Вот наша запись:

«Самые глубокие и искренние чувства благодарности сотрудникам этого музея выражаем мы — ветераны-фронтовики 47-го Гвардейского авиаполка. Нам особенно радостно, что музей бережно хранит память о нашем боевом друге, боевом товарище Герое Советского Союза Константине Дунаевском, с которым мы прошли путь побед до Берлина».

НАХОДКА МЕЛИОРАТОРА

Обычно разбившихся авиаторов хоронят в закрытых гробах. Судьба милостиво обошлась со мной, мне не пришлось собирать останки однополчан. После первых похорон сохранил в памяти обтянутую красной материей крышку гроба, сплетенный из веток сосны венок, нестройный воинский салют из винтовок да стук комьев мерзлой земли, брошенных каждым из нас в могилу. Раскопками уткнувшейся носом в сугробы и промерзшее болото «пешки», извлечением из нее двух членов экипажа занималась специальная похоронная команда аэродромной службы из солдат в обмотках и башмаках. И все равно сердце содрогалось. Были люди, и нет их. Молодые, полные силы и энергии. Что осталось от них? Одинаковые унты, меховые комбинезоны, летнабовские очки и шлемофоны, плотно облегающие лицо и голову. Когда разведчики садились в кабину, механикам были видны лишь губы, нос, скулы и глаза. Теперь залитые кровью, кто опознает в них летчика или штурмана? По каким другим приметам? Вот и неизвестно: кто в каком гробу уложен похоронщиками, которые никогда не знали и не видели погибших. Да и какое это имеет значение? Оба гроба опущены в братскую могилу. У ее изголовья появится белая пирамидка с красной звездой и надписью. Первой будет значиться фамилия летчика Власова, вторая — штурмана Дроздова. Может быть, отыщутся мать и отец. Приедут издалека преклониться перед могилой сыновей. Ведь супруге Валериана Столярова, сгоревшего в подбитом самолете, жестокая судьба не оставила и такой возможности.

За годы войны в полку погибло без малого 300 авиаторов. Более половины из них — 163 не вернулись из боевого полета. Их родствен-

ники получили похоронки: «Пропал без вести при выполнении боевого задания».

Подобную казенную бумагу получил и сын любимца полка штурмана Василия Политыкина. Святая сыновняя любовь, вечная память об отце не давали душевного успокоения сыну — его звали Владимир. Более полувека он мучился вопросом: что в действительности случилось с отцом. Наконец, при чрезвычайных обстоятельствах Владимир узнал правду: отец мужественно сражался с фашистами, погиб, как и его командир летчик Климанов.

Прочел Владимир мою повесть «Воздушные разведчики» и узнал много ценного об отце. Владимир бесконечно благодарил меня — автора.

В повести на первых страницах подробно рассказывается о ратных подвигах Политыкина, старшего, о его напарнике Климанове, об их последнем полете. Однако в повести я лишь предположил, как могли «мессеры» сбить лучший экипаж эскадрильи. Что же произошло на самом деле в конце 41-го? О, это длинная история!

Но свет, как говорится, не без добрых людей. Вот что написал в «Известия» начальник Машинно-мелиоративной станции (ММС) Иван Яковлевич Абрамов в письме, приложив к письму фото молодого человека:

«Убедительно прошу Вас опубликовать эту фотографию и мое к ней пояснение. Двадцать лет прошло с того дня, когда полчища гитлеровских банд напали на нашу любимую Родину и оккупировали на Смоленщине мой родной Тумановский район. Это случилось декабрьским утром. Настроение советских людей было подавленным, всюду враг. И вдруг, в один из декабрьских дней, в небе появился красноезвездный самолет. Люди возликовали. Значит, наша армия не разбита, Москва не захвачена, как о том трубили фрицы. Однако красноезвездный бомбардировщик был атакован внезапно появившимися фашистскими стервятниками. Бой был неравным. Один против двух «мессеров». Жители деревни Ширяиха увидели, как наш самолет загорелся и резко стал снижаться. Он пролетел над крышами домов и упал в болотистый луг. Какие-то металлические части отлетели от машины, а остов ее погрузился в болото на глубину до четырех метров.

Спустя два десятка лет наша ММС вела мелиоративные работы на болотистом лугу. Экскаваторщик Николай Киселев рыл траншею недалеко от места падения самолета, а его напарник Никитин орудовал лопатой в сваленном из ковша грунте. Оба слышали от деревенских жителей об упавшем тут самолете во время войны. Вдруг Никитин заметил в грунте кусок материи. Оказалось, то был карман армейской гимнастерки. В нем лежали полуистлевшие документы. В удостоверении личности погибшего авиатора расплылись все надписи, кроме года рождения —

1907. В графе холост или женат можно было разглядеть букву “ж”. В графе о наградах прочли — орден Красной Звезды. Однако, кому принадлежало удостоверение оставалось тайной. Правда, привлек внимание лоскуток бумажки — почтовая квитанция от 19 ноября 1941 года о денежном переводе на сумму 200 рублей в адрес некой Политыкиной, в город Астрахань. Деньги посланы с почтового отделения Монино Московской области. Это мы разобрали по почтовому штампу. Вот по этим скудным сведениям я прошу читателей “Известий” откликнуться, помочь найти родственников геройски погибшего авиатора. Пусть найдется еще один без вести пропавший славный защитник нашей Родины».

Я привожу в сокращении письмо Ивана Яковлевича, хотя в нем много задушевных, искренних строк. Он, в частности, приглашал всех близких найденного авиатора к себе в гости, чтобы навестить его могилу. Она рядом, в шести километрах от его дома. И к счастью, родственники откликнулись. Правда, «Известия» не напечатали письмо Ивана Яковлевича и присланную им фотографию. Однако, как полагалось тогда по строгим указаниям, все письма расследовались. Отдел писем газеты переслал письмо в Министерство обороны. Там, я догадываюсь, без волокиты навели справки, какие полки дислоцировались осенью 41-го на монинском аэродроме. Оказалось — один наш полк. Поинтересовались личным составом воздушных разведчиков и выяснили: служил там штурманом Василий Константинович Политыкин. Нашли его родственников. Так Иван Яковлевич узнал имя погибшего авиатора и разыскал его сына Владимира и его мать. Завязалась дружба, о которой Иван Яковлевич писал «мы уже стали вроде родных».

Иван Яковлевич также раздобыл мою книгу и задумался: «А где же второй член экипажа летчик Климанов? При раскопках в болоте его не обнаружили. Неугомонный добрый человек со Смоленщины начинает новые поиски. Ему помогают Юрий Евгеньевич Гордиенков, завуч школы деревни Баскаково, пионеры из группы «красных следопытов». Искали старожилов окрестных деревень, кто мог наблюдать тот памятный воздушный бой у деревни Ширяха. Разные версии родились от разговоров со старушками. Одни говорили, что летчик выпрыгнул из самолета и разбился, не раскрыв парашюта. Другие, наоборот, что он спасся на парашюте, но «мессеры» его расстреляли в воздухе, и Климанов упал в яблоневый сад. Там же был похоронен, позже перезахоронен на кладбище деревни Тростянка.

Политыкин-младший и директор ММС долго хлопотали о переносе останков Алексея Климанова для захоронения на мемориальном кладбище в селе Туманово, где уже лежали останки его соратника штурмана. Собранные свидетельства о воздушном бое помогли доказать, что в нем погибли оба воздушных разведчика. Полковое началь-

ство дало справку, что они вместе служили и вылетели на боевое задание в одном экипаже. В конце концов разрешение было получено. И теперь два боевых друга, два мужественных разведчика лежат вместе на ухоженном мемориальном кладбище в Туманово.

Такого конца этой истории наверняка не случилось бы, если бы рядом оказались равнодушные люди или если бы в Туманово не было учителей и школьников-энтузиастов, испытывавших патриотический долг. Первый раз, посетив могилу отца, Владимир Политыкин познакомился с учительницей Тумановской средней школы Эмилией Степановной Гайдуковой, руководительницей «красных следопытов». Она показала ему поисковый музей, расположенный в одной из комнат школы. Тесноватый для многих драгоценных реликвий войны, найденных школьниками. Совместно с ребятами она установила имена 590 захороненных солдат, нашла адреса 360 родственников погибших. А когда торжественно захоронили Алексея Климанова, разыскала его родственников — супругу Веру Федоровну, дочь Эмилию, племянника Евгения Якушева, фронтовика-сталинградца.

Евгений Якушев рассказывал мне, что в Сталинграде его зенитная батарея повернула жерла своих пушек не в небо для отпора «мессерам», а в сторону наступавших немецких танков. Зенитные снаряды, сбивавшие вражеские самолеты на высоте семь и выше километров, способны были пробивать броню двух идущих друг за другом танков.

Когда хоронили останки штурмана Василия Политыкина, не знали его имени и фамилии и откуда он. Молча опустили гроб в могилу. На похоронах летчика капитана Климанова говорили подобающие случаю речи. Иван Яковлевич признался мне, что испытывает большую гордость и радость, что нашли героев, он стал как бы добрее. Недаром Максим Горький говорил: «Мертвые живым глаза открывают». Может быть, свою роль сыграли твердый характер Ивана Яковлевича и прожитая им тяжелая жизнь.

Деревня Абрамовых в ходе ожесточенных боев за Москву переходила из рук в руки. Когда немцев прогнали, от домов остались одни развалины, да кое-где возле окопов лежали убитые красноармейцы. Немцы своих убитых хоронили в братской могиле. Ивану Абрамовичу вместе с деревенскими жителями пришлось закапывать наших воинов в окопе, не зная их имен.

На месте его дома стояла лишь старая яблоня. Жена плакала: «Уедем отсюда. Уедем!» Но куда? Молодой Иван разгреб вокруг яблони снег, выложив из него стены. На сучья набросал еще не сгоревшие пригодные жерди, доски, палки, а сверху покрыл навозом. Сделал проход — подобие двери. Перед ним развели костер. Круглосуточно возле него дежурили. Питались подгоревшей картошкой. Вокруг было разбросано много оружия и гильз от пушек. Вместо кастрюль хорошо

годились гаубичные гильзы. Приближалась весна, и они чудом выжили. Восстанавливали автомагистраль Москва—Минск. Сельский совет снабдил их карточками на хлеб по нормам взрослого человека — в день по 400 граммов ржаной муки.

Мертвые живым глаза открывают. Да, Иван Яковлевич собственноручно изготовил оригинальное надгробие для усопших Климанова и Политыкина, напоминающее крылья аэроплана. Макеты надгробия он подарил для музея в Тумановской школе, для комнаты боевой славы в нашем полку, для музея Отечественной войны в Смоленске. Командование нашего полка зачислило его в «почетные ветераны» и приглашало на торжественные праздники.

Вместе с Владимиром Политыкиным и Евгением Якушевым я посетил могилу моего первого командира. Рядом были ставшие родными друзья-смоляне: Эмилия Гайдукова и Иван Абрамов. Все могилы были украшены свежими полевыми цветами и венками. Всюду чистота, какой позавидовало бы не одно московское кладбище. На мраморных плитах четко выведены имена павших. Мы долго молча вспоминали дорогих нам товарищей. Потом отправились в школу.

Уже подъезжая, увидели линейку выстроившихся «красных следопытов». Нам, фронтовикам, предложили приветствовать ребят. Когда-то в юношеские годы я был на встречах с ветеранами гражданской войны. Мне думалось, что вот пришла и моя пора рассказывать нынешней молодежи о своих ратных делах.

Узнав о благородном поступке директора ММС Абрамова, о сыне погибшего Политыкина и племяннике Климанова Якушеве, полковое начальство посылало им приглашения на празднование Дня Победы. А Владимира Политыкина фронтовики сразу прозвали «сыном полка», хотя ему было за пятьдесят.

Разумеется, я также был приглашенным на эти радостные юбилейные торжества. Предоставлю, однако, возможность рассказать о них «сыну полка». Владимир был в восторге от встреч с фронтовиками.

«Поездка в Шаталово, — писал он, — оставила неизгладимое впечатление. В каждом из ветеранов мне виделся отец. Вначале мне было неловко, но после того как познакомились, ко мне относились с огромным вниманием. Я был им благодарен только за то, что мог слушать их разговоры о боевых вылетах, об удачах и погибших товарищах. Только ради этого мне стоило жить! Вечером состоялось торжественное собрание, где выступило командование полка, ветераны, и предоставили слово мне. На следующий день полк участвовал в параде. На ветру гордо развевалось боевое гвардейское знамя. В параде участвовали и фронтовики. Неизгладимое впечатление произвело на меня посещение комнаты «Боевой славы». Среди фотографий личного состава

ва полка времен войны я увидел и фото моего отца. Сердце забилося от неожиданной встречи с отцом. Я теперь живу и мечтаю, когда снова в Шаталово будут отмечать юбилей Великой Победы».

ПОЛВЕКА В СТРОЮ

Василий Григорьевич Кокорев, генерал-майор авиации, сохранил отличную память. Благодаря ему я смог пополнить ценными сведениями рассказы однополчан. Он — летчик-ночник непростой судьбы. По крайней мере, его боевой путь был не таким легким и удачливым, как у молодых разведчиков — героев Голубничего или Сугрина. Кокорев может судить непредвзято и объективно. Мой первый вопрос к нему касался его происхождения.

— Немецкие асы хвастали, что они родом из баронов, аристократов, им нет равных. И правда, простых в люфтваффе не брали. Развелись во время тотального призыва. А ты, Василий Григорьевич, случайно не голубых кровей?

— Смеешься? Я из рабочей семьи, родом из Калужской области. Я был девятым ребенком. Отец работал колесником, делал колеса для тачанок на заводе Дукс, который потом был переименован в завод Авиахима. Отец умер от тифа в 1919 году, за два месяца до моего рождения. Мать даже плакать не могла на его похоронах. Моя старшая сестра Анна после замужества взяла меня на воспитание. Окончив семилетку, поступил в Московский радиотехникум. На третьем курсе по призыву был зачислен в Оренбургскую военную школу летчиков. Мои товарищи по учебе также были из рабочих. Пусть не хвастают немецкие асы. Мы летчики тоже были что надо, несмотря на рабоче-крестьянское происхождение.

— То есть в смысле летного мастерства?

— Не только. Военные летчики — особая каста вооруженных сил в любой стране. Не удивляйся, но в наших ВВС служил отпрыск потомственных баронов полковник Пистолькорс. Его родичи с XVIII века были при дворах разных царей. Полковник, правда, на фронт не попал. Он был первоклассным специалистом, преподавал в Ивановской школе штурманов. Но это, конечно, исключение.

Мы, будущие летчики, пользовались большими привилегиями. Если курсант пехотного училища получал 40 рублей в месяц на личные расходы, тоже немалые деньги по тем временам, то нам платили все сто рублей. А по окончании школы в специальном ателье нам шили новые гимнастерки небесного цвета. Красотища! Выдавали нам отличные кожаные пальто-«реглан». Жили мы не в казармах, а по квартирам. Могли заводить семью. Но в канун войны эта благодать кончилась. Новый

министр обороны маршал Тимошенко приказал провести коренную ломку наших ВВС. Гордым, как нас звали, «сталинским соколам» стали присваивать не офицерские, а сержантские звания. Неумный приказ, его отменили в 1943 году.

— У нас в третьей «эскадре» был штрафник. А как обстояли дела у ночников?

— Славу богу, штрафников не было. Но нарушения уставных положений случались. Некоторые рассуждали, что, мол, война все спешет. Выруливали на старт и, не остановившись, не опробовав моторы и рули, начинали разбег. Грешным делом со мной тоже случилась забавная история. Вылетел я на «иле» в Мигалово, что под Калинином, где базировалась наша опергруппа. Перевозил три новых экипажа, всего девять человек. Решил приземлиться поближе к стоянкам наших «пешек». Посадил машину в трехстах метрах за знаком «Т». Не успел высадить пассажиров, как подкатил “Виллис”. Из него вышел стройный майор и сказал: «Вы отстраняетесь от полетов. Не знаете наставления по производству полетов?» Я возразил, мол, не первый раз сажусь в Мигалово и так далее. Майор, он был заместителем Тюрина, отважный летчик, любимец полка Валериан Столяров, приказал: «Будем учиться, как в аэроклубе. Сделайте три круга над аэродромом и приземлите самолет на три точки точно на знак «Т». Не получится — отправитесь домой в Монино пешком». Я взлетел и отлично выполнил, что требовалось. Столяров отпустил меня, но приказал по возвращении доложить командиру о происшествии. Больше я майора Столярова не видел. Он погиб, сбитый под Старой Руссой.

— Столяров, как и ты, Василий Григорьевич, оставался в горящем самолете, приказав членам экипажа прыгать. Спасся тогда на парашюте только штурман Хабеев и еще долго летал на боевые задания с другими летчиками. Да, что мы все про войну да про потери. Была же на фронте нормальная человеческая жизнь. Летчики нуждались в отдыхе, отвлекались от нелегких мыслей о завтрашнем, может быть, последнем полете. Одни играли в карты, в модный тогда преферанс, другие — в волейбол. К летчикам приезжали артисты. Да и мы устраивали концерты самодеятельности.

— Ты, рассказывают, устраивал танцы под баян?

— Было такое. Уставал до чертиков, готовя матчасть. Пальцы еле шевелились, а отказать нельзя. Меня выручали «фотики». Они организовали драмкружок. Разыгрывали скетчи-анекдоты. Запомнил один такой — про немецкую парочку. Дело происходит в ресторане. Муж, офицер-гестаповец, спрашивает заплаканную жену, что ей заказать. Та молчит и только рыдает. Повернувшись к официанту, офицер говорит: «Принесите две яичницы». В это время жена выпивает яд и падает за-

мертво. Гестаповец истошно кричит: «Официант! Принесите только одну яичницу!» А как развлекались ночники? Бывали у вас смешные веселые истории?

— У нас, ночников, не было своего драмкружка, но любители шуток были. В октябре 1944 года три наших экипажа отправились на один подмосковный авиазавод получить новые самолеты. Нас тепло встретили военпред и другие заводские товарищи. Разместили в заводском общежитии. Просили облетать машины и отметить, если будут, неисправности. Летчики Нарыжный, Солопанов и я кружились над аэродромом по три часа. Крупных недоделок мы не усмотрели. Назначили день нашего отлета. И вот когда мы явились получить новенькие «илы», то были приятно удивлены: на киле и руле поворотов облюбованного мной «ила» красовался медведь. Он был одет в шлемофон, унты и летный комбинезон, из кармана которого торчало нечто, что напоминало наркомовские сто грамм. Их выдавали только за выполненное задание. На «иле», выбранном капитаном Нарыжным, был нарисован огромный, с черными усами, кот в сапогах со шпорами. Третий «ил» достался лейтенанту Солопанову. На фюзеляже присутствовал петух с крестьянской косой и большим гребешком. Мы, конечно, рассмеялись.

Не успели мы обменяться радостными чувствами, как явились инженеры и рабочие завода. Состоялся митинг. Рабочие-передовики желали нам удачи и успехов. Они призывали нас громить ненавистного врага, изгнать его с оккупированной русской земли, скорее закончить войну. Мы поблагодарили их за отлично сработанные Ил-4, за внедренные ценные новшества, за новые, более мощные двигатели. Взлетев, взяли курс на запад и через несколько часов появились в небе над Минском. Прошли строем звена над единственным уцелевшим зданием, где до войны размещалось правительство Белоруссии. Настроение у нас было превосходное. Красная Армия наступала. Вскоре мы перебазировались на аэродром в Польше.

— А наш полк, как всегда одним из первых, получил реактивную технику. Он ее успешно освоил и передавал опыт, проще говоря, обучал водить сверхзвуковые самолеты друзей по Варшавскому договору. Наша страна помогала становлению авиации в других странах. Как журналист я был очевидцем рождения почти с нуля кубинских ВВС.

— А мне, Владимир Иванович, довелось служить в «горячих точках» на Ближнем Востоке. Два года провел в Египте в качестве советника. Был сопредседателем советско-египетской комиссии по приему военной техники из СССР. Руководил группой советских преподавателей при Военной академии имени Насера. Однажды на каирский аэродром прилетели на Миг-25 мои однополчане. Летчик майор Уваров оказал-

ся комэском 2-й эскадрильи. Разыскал меня по рации, используя мои полковые позывные.

Во время очередного телефонного разговора весной 2008 года я спросил генерала:

— Как настроение?

— Превосходное! Будто исчезли старческие болячки. Живу — радуюсь беспрецедентному событию — военному параду 9 мая на Красной площади с участием тяжелой техники, как в добрые советские времена.

— Понятно! Ельцин, помнишь, запретил традиционные парады, приказал огородить штакетником всю площадь от людей. А новый президент возобновил военные парады в День Победы, правда, без прохождения техники.

— Такого не было 17 лет. Чтоб на главной площади страны шли танки, ракетно-ядерные установки «Тополь-М» и другая техника, сработанная нашими рабочими и инженерами. Как авиатор я особенно рад увидеть в небе пролетающих лучших в мире истребителей «Сухих» и «Мигов», а также стратегических бомбардировщиков Ту-160. Если бы они мелькнули, пролетев строем, плотно-плотно, то своей тенью закрыли всю площадь! Писали, что ожидается воздушный парад из 40 машин. Целая эскадра!

— Помнишь, в старые добрые времена наш полк также участвовал в воздушных парадах на 1 Мая и 7 ноября?

— Конечно, помню. Некоторые летчики отличились. К их боевым орденам прибавлялись новые, уже за гражданский подвиг.

— Сейчас другое время. У наших границ от Балтики до Черного моря нам противостоят теперь государства-«натовцы». В Вашингтоне ждут, когда Грузия и Украина вступят в НАТО. Хотят прижать нас и с юга. Время пришло напомнить нашим противникам, кто мы есть. Великая держава! С ее ядерным оборонительным щитом — гарантом безопасности. Еще при Брежневе США признали паритет в военной области с Советским Союзом.

— Я думаю, Владимир Иванович, «тополи» с праздничного парада вернуться на свое боевое дежурство. Куда? По всей России!

— Точно так! Мы — народ-победитель! Мы отдали молодость, силы на алтарь, победы в Великой Отечественной! Великой и Священной!

Спустя год снова 9 Мая. Снова с Василием Григорьевичем делимся впечатлениями о прошедшем параде на Красной площади.

— Как настроение, товарищ генерал? Прошло больше пеших батальонов, прошумела тяжелая чудо-техника, а в небе прибавилось реактивных машин. Наверное, старческие болячки отпустило?

— Это хорошо, что показ военной техники становится традицией. А насчет болячек зря шутишь. Прибавилось, мне ж стукнуло 90 годиков.

— Еще раз сердечно поздравляю. Я дал знать полковнику Лопареву о твоём юбилее.

— Спасибо. Он прислал телеграмму. А в общем-то устал от телефонных поздравлений.

— Держись, дорогой человек! В 2010 году готовят грандиознейший парад. Уже президентским указом учреждена медаль «65 лет Победы в Великой Отечественной войне». Готовь дырочку на генеральском кителе. На левой стороне груди, рядом с сердцем и гвардейским значком.

— Ты тоже держись, Владимир Иванович. От моего 90-летия отстаете на три года.

— Есть! Рад стараться — дожить до 2010 года!

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Родную деревню Чувашиху мы выехали в воскресный день. Рассчитывали, прямое как стрела шоссе до Владимира не будет запружено транспортом. Увы! В оба конца спешили легковушки, грузовики, автобусы. Прогресс, как-никак! 90-е годы. Разгар перестройки. Постояли в «пробках» возле поворота в Ногинск, у светофора в центре Покрова. Доехав наконец до прилегающей к шоссе станции Ундо́л, завернули во дворик. Станция преобразилась. До нее из Москвы стали ходить электрички. Вплотную к рельсам подстроили высокую платформу для посадки пассажиров. Установили скамейки, повесили фонари. Электрички следовали дальше до Владимира.

Пропустив встречный автобус, мы повернули налево, на бывший проселок, в глубинку. До Чувашихи оставалось тридцать километров. Удивились: когда-то проселок был в колдобинах, а теперь заасфальтирован. За рулем моей неновой «Волги» сын Андрей. Он прибавил газа, а я всматривался в гору, куда свернула дорога. Боялся проскочить указатель поворота направо, к знакомому с детства селу Ельтисуново. Оно в трех с половиной километрах от Чувашихи.

Во время престольных праздников наши невесты и женихи гуляли в Ельтисуново, показывая свои наряды и самих себя. А ельтисуновские навещали Чувашиху по праздникам. Деревенские мальчишки нередко бывали в селе, чтобы посмотреть кино. Приезжала передвижка, вывешивала на церквушке экран, механик ждал, когда стемнеет. Я однажды поехал смотреть кино на велосипеде. В шортах, велик на плечо и шагнул в прохладные воды родной речки. В ней мы купались до посинения, до нахлобучек от родителей за возвращение домой вечером. Ох, уж эти сладкие воспоминания о детских и юношеских годах! Но скоро ли покажется поворот на Ельтисуново?

Дорога уходила в сторону от села. Вдруг Андрей притормозил. Увидел указатель поворота налево. Станный, непохожий на обычные дорожные знаки гаишников. На нем было написано: «Приглашаем посетить Мемориал в память о погибших на владимирской земле первого космонавта, героя Советского Союза Юрия Гагарина и летчика Владимира Сергеева». Мое сердце сжалось от боли. Каждый год, в годовщину гибели Гагарина, много писали в газетах, но где произошла катастрофа, точного адреса не указывали. Какая неожиданность! Андрей развернул «Волгу» и медленно поехал по асфальту узкой дорожки, ведущей к Мемориалу. Не помню, как долго мы ехали в полном молчании. Наконец вдаль увидели стилизованную под самолетное крыло высоченную стелу. На ней были высечены портреты Гагарина и Сергеева. Подножие стелы из красного гранита было опоясано кольцом из черного мрамора. В центре кольца мы увидели пятигранную плиту с траурной надписью.

В 1975 году, когда сооружался Мемориал, вокруг посадили молодые елочки. Теперь они разрослись до высоты 16-метровой стелы и загородили примыкающее поле. Андрей хотел возложить венок к Мемориалу хотя бы из обычных полевых цветов. Но вокруг мы увидели только пашню и стерню из-под скошенной ржи. Жаль!

Покидая Мемориал, я думал, что скорбь о Гагарине такая горькая, потому что он был не просто летчиком, а первооткрывателем, первопроходцем дороги человечества к звездам! Герой и любимец не только нашего народа, но и миллионов граждан разных стран, которые он посетил и был принят как дорогой и знаменитый гость. Он погиб в расцвете сил. Как случилась эта нелепая история? Увы, авиация упрямо хранит свои тайны.

Мне вспомнилась беседа с генералом Грендалем. Он говорил, что мы не знаем судьбу более полутора сотен пропавших без вести наших экипажей. Как они разбились? Погибли, подбитые «мессерами», или, раненные, возможно, сели на вынужденную и попали в плен?

Взлет и падение! Мы знаем лишь о судьбе немногих, что гибли на наших глазах. О них подробно рассказано в этой книге. Напомню... Две столкнувшиеся в Монино «пешки». Я стоял в почетном карауле у шести гробов. Причина катастрофы — тяжелая цена переучивания на новую технику. Молодой летчик Власов упал, истекая кровью, в Выпозово. Причина? Он выполнил задание, возвращался усталый. Передавал по радио: все в порядке. Но таких, считавших себя уже дома и ослабивших бдительность, караулил «мессер» — «свободный охотник».

Моя первая «пешка» была разбита вдребезги в Андреаполе Батей Малютиным. Он более года не летал в разведку. Разучился летать? Виновата гроза? Но Малютин до этой катастрофы уже облетал два аэродрома. Там он надеялся найти пропавший экипаж «новичка» Голубни-

чего. Батя садился и взлетал, как положено. Лишь спустя два с лишним десятилетия после войны авиация приоткрыла нам одну тайну... с помощью мелиораторов.

Взлет и падение! Ефима Мелаха отмечали за его прекрасный человеческий характер. Он вырос в командира дивизии бомбардировочного полка. Освоил реактивный самолет. И вот во время учений в районе Иваново почувствовал сердечную боль. Он мне писал: «На пределе сознания дотянул машину до базы в Шаталово. С помощью товарищей покинул кабину, дошел до кучи бревен и отлеживался на них часа два. Микроинфаркт! Медкомиссия признала негодным к летной службе. И сейчас я в родной Одессе работаю в торговой фирме, имеющей связи с Болгарией. Иной работы не нашел». Я попросился на прием к секретарю горкома партии. Усталая, хмурая женщина спросила: «Какая у вас профессия»? Я гордо ответил: «Военный летчик». Она: «Нам летчики не нужны. Есть вакансии слесарей, водопроводчиков».

Взлет и падение! Судьба сыграла злую шутку с генерал-лейтенантом Грендалем. Он был куратором всех разведывательных полков при главном штабе ВВС. Во время войны был на виду, подписывался под статьями о состоянии нашей и немецкой авиации. Их печатали центральные газеты. Как-то в разгар кампании против преклонения перед Западом Грендаля навестил журналист военного журнала и предложил написать статью о превосходстве советской военной авиации над...американской. Статья была опубликована, но что-то в ней было искажено. Грендаля вскоре был снят с высокой должности и послан начальником военной кафедры в Московский энергетический институт. Там он пользовался авторитетом. Его смещение с работы в ВВС некоторые считали нормальным. Но я поверил моему хорошему знакомому Валентину Петровичу Соколову, который служил в главном штабе ВВС. Он рассказал мне, что настоящей причиной отставки Грендаля была злополучная статья.

Взлет и падение! Раз пять, втиснувшись в кабину летчика на «пешке», я летал на «подскок» в Андреаполь и возвращался на базу Выпозово. Мои ангелы меня берегли. А мой товарищ, техник Аркаша погиб. Он вылетел на «подскок» в «пешке», ведомой великолепным летчиком Гахарией. В районе Осташкова, в результате грубейшей ошибки, их сбил наш истребитель — «свободный охотник». Он принял «пешку» за схожий «Мессершмитт-110».

Авиамехаником я летал в качестве пассажира на «пешках» в период перебазирования с аэродрома на аэродром, а также во время перегонов новых самолетов с Казанского авиазавода. Судьба подарила мне после войны возможность налетать пассажиром многие тысячи километров. После окончания иныза я стал журналистом-международником.

В качестве собственного корреспондента сначала «Комсомольской правды», а затем «Известий» я пробыл в заграникомандировках в общей сложности пятнадцать лет.

Первый длинный перелет был в Каир, там шла война из-за Суэцкого канала. Наступило перемирие, поспешил осмотреть знаменитые пирамиды Хеопса — одно из семи чудес света. В 1962 году — мой воздушный вояж в Багдад, на праздник рождения иракской столицы. Нас свозили посмотреть развалины Вавилона — еще одно из чудес света. В 1976 году состоялись Олимпийские игры в Монреале. Летел туда долго с посадкой в Париже. Спортивным корреспондентам устроили полет во второй крупный канадский город Торонто. От него на автомашине мы поехали полюбоваться Ниагарским водопадом — тоже одним из чудес света.

Мучительно долгим, утомительным на стареньком Ил-18 был полет на край света — в Дар-эс-Салам, столицу Танзании. Посадка — в Найроби — столице Кении. На обратном пути в Москву посадка в Энтебе, у озера Виктория и в Уганде. Поездка на берег Нила, в Национальный парк. Там туристы всегда очарованы увиденным: мирно разгуливают жирафы, антилопы, буйволы возле спящих под деревом тигров. И озеро Виктория, откуда вытекает Нил, и заповедник экзотических зверей, что мы видели на нашем телевидении, заслуживают быть чудесами света.

«Километраж» моих воздушных путешествий подсчитать невозможно. Летчики гражданской авиации ведут учет налета в часах. Для квалификации, возможно, для пенсии. Они не учитывают время «простоя» на посадках для дозаправки горючим, приема пассажиров, мелкого ремонта и отдыха. Мне же приходилось подолгу убивать время в душных комнатах аэровокзалов для транзитных пассажиров.

Лишь один вояж я пытался оценить в километрах. То было в напряженный момент острых конфликтов с Вашингтоном из-за размещения наших ракет на Кубе. Летели на тяжелом «Ту-114», в полупустом пассажирском салоне. Стартовали из Шереметьева... на север, в Мурманск. Пока дозаправлялись горючим, на военном аэродроме нас угощали черной икрой из солдатского котелка. Черпали алюминиевыми ложками. Летели в Гавану 14 часов над нейтральными водами, затем вдоль побережья США. Крейсерская скорость 500—600 километров. Помножьте на 14 часов. Вот вам и километраж.

В корпункте «Известий» в Мехико я провел в общей сложности девять лет. Прямые линии, которые я прочертил на «Атласе Америка», ведут из Мехико в столицы южно- и центральноамериканских стран. Они тянутся до Аргентины, Бразилии, Уругвая, Колумбии, Перу, Эквадора. Причем к некоторым столицам прочерчены две-три линии. Это

значит, там я побывал несколько раз. Линиями в четыре ряда обозначены мои частые вояжи в столицу Никарагуа.

Взлет и падение! Взлет нашего полка к славе начался в 1943 году. Полку присвоили звание «Гвардейский». Затем на красном полковом знамени добавились надписи за участие в освобождении городов Борисов, Вильнюс, Торунь. Всему личному составу полка вручены медали «За взятие Кенигсберга». Каждый демобилизованный, покидая армию, получал письмо с восемью благодарностями Верховного Главнокомандующего за вклад в освобождение Восточной Европы, Померании, за разведку десятков немецких городов и самого Берлина.

В мирное время полк был отмечен благодарственными приказами и выпелами за отличные результаты во время общеармейских учений, за подготовку высококлассных летчиков. Был период, когда приказом командования ВВС на базе шаталовского авиагарнизона создали Центр подготовки летного состава разведывательной авиации. Он просуществовал несколько лет в «лихие» 90-е годы. Однако отдельный гвардейский разведывательный 47-й авиаполк восстановили, вернули боевые регалии. В мирных условиях полк не только отрабатывал действия в условиях ядерного взрыва, но и фотографировал ледовые заторы на Оке и Волге, лесные пожары на Рязанщине и в других областях, помогал установить масштабы стихийных бедствий. Словом, родной 47-й зажил прежней напряженной жизнью.

Разведчики летали вдоль государственных границ на западе и юге. Летчик Александр Бондаренко, который в годы афганской войны разведывал в ущельях укрытия боевиков, был отмечен и позже стал командиром полка. Внимательный и отзывчивый, он прислал мне грамоту «Ветерану Великой Отечественной войны». В ней говорилось: «За самоотверженный ратный труд, за героико-патриотическое воспитание воинов». Полковник, видимо, разузнал, что я был редактором эскадрильских боевых листов.

Когда Бондаренко перевели в главный штаб ВВС в Москву, командиром полка назначили Вячеслава Ивановича Лопарева, не менее внимательного к нам — ветеранам-фронтовикам. Каждый год вместе с сердечным поздравлением с Новым годом Вячеслав Иванович присылал листок с кратким описанием проделанной полком за год работы. Подобный листок я получил с поздравлением с наступающим 2009 годом. В нем говорилось:

«...Год закончили с хорошими результатами. Переучивали молодых летчиков и штурманов на новую технику. В этом году наш полк опередил другие полки 16 ВА по выполнению летных заданий. Сейчас мы готовимся торжественно отметить Новый год. И вам желаем в новом году исполнения всех ваших желаний».

В листке Вячеслав Иванович ни словом, ни намеком не обмолвился о нависшей над полком угрозе расформирования по замыслу разработчиков реформы вооруженных сил. В газетах и по телевидению сообщалось о сокращении к 2012 году 340 тысяч военнослужащих всех родов войск. В отставку отправят свыше тысячи генералов, двенадцать тысяч полковников, десятки тысяч майоров, капитанов, лейтенантов. Полностью ликвидируется институт прапорщиков. «Российская газета» получила довольно полный план Министерства обороны о масштабах реформы. Из 340 авиаполков останется лишь 180. Но и они подлежат роспуску. Создаются четыре командования на стратегических направлениях. На них замкнут 55 авиабаз. Они заменят распускаемые авиаполки и дивизии. Каждой базе присвоят разряды для создаваемых эскадрилий. Я понял, что вместо 47-го полка будет одна эскадрилья из полудюжины боевых машин.

Полковник Лопарев прислал мне две поздравительные открытки в феврале и мае по случаю Дня Победы. А неделю спустя СМИ обнародовали сенсацию. Торжественный марш на Красной площади стал прощальным для легендарной Таманской моторизованной дивизии. Она распускается. На ее базе создаются две бригады. Второе сокращается ее офицерский корпус, а также наполовину боевая техника. Ее излишки сдадут на централизованные базы хранения.

Спустя еще неделю жертвой ликвидации стала знаменитая 16 Воздушная армия, отличившаяся еще в Берлинской операции 1945 года. Её питомцы известные в мире «Русские витязи» и «Стрижи», пролетевшие в заключение парада над Красной площадью, покинут аэродром Кубинки и перелетят в Липецк. Гарнизон с отличной взлетно-посадочной полосой будет продан. В Министерстве обороны не скрывают планов изменения статуса других военных аэродромов с привлечением частных компаний.

Наш полк был давно прикомандирован к распускаемой 16-й ВА. Его разделят: звено МИГов и эскадрилья «Сухих» перебазироваться из Шаталово под Воронеж. Аж слезы наворачиваются! Ведь я стоял у истоков рождения полка в августе 1941 года, точнее, стоял в строю авиаторов, которым зачитали приказ о создании первого дальнеразведывательного полка в Красной Армии. И вот теперь, спустя почти 70 лет службы на благо Отечества, его безопасности, полк уходит в небытие, спуская политое кровью боевое красное гвардейское знамя.

Но память останется! Под Воронежем или в другом гарнизоне, куда пошлют нашу эскадрилью «Сухих», она привлечет людские взоры. Еще в 1944 году Юра Дерябичев на носу моей четвертой «пешки» нарисовал гвардейский значок, орден Боевого Красного Знамени и сделал надпись «Борисовский». Обычно немногословный штурман сказал мне:

«То боевые символы нашего полка. Они честно заработаны при участии в операции “Багратион”, освобождении Минска, Борисова и других городов».

Минуло три десятка лет. Почин Дерябичева подхватило молодое поколение полка. Оно лишь на фотографиях, да в кино видело фронтовые «пешки», а летало на сверхзвуковых реактивных самолетах «МиГ-25» и «Су-24». Молодежь изучала и гордилась славной историей полка. И эта любовь родила желание воспроизвести на «Сухих» символы 47-го гвардейского.

Но это не всё! Командование полка, посоветовавшись с фронтовиками-ветеранами, решило присвоить каждой машине «Су-24» имена Героев Советского Союза — Анатолия Попова, Ефима Мелаха, Евгения Романова и других. И еще любопытно, что на одном из «Сухих» рядом с полковыми символами блещут ряды белых звездочек. Что за шутка? Во время войны советские летчики-истребители отмечали звездочками сбитых «мессеров». Разведчикам запрещалось вступать в бой с врагом. Их задача считалась выполненной, когда они возвращались на базу с разведфильмом. Оказалось, белые звездочки на носу «Сухого» означают число опасных разведывательных полетов над Афганистаном, на Ближнем Востоке, над Грузией и в других «горячих точках» планеты.

В августе 2009 года пришла неожиданная телеграмма от полковника Лопарева. Я заподозрил неладное. Обычно по круглым датам из полка присылались загодя красочные открытки с приглашением прибыть в Шаталово для участия в торжествах. А тут вдруг телеграмма в середине августа. Командир поздравлял меня с днем авиации и годовщиной создания полка в 41-м году. Я принял эту телеграмму за весточку, что полковник не уволился в запас, что он командует полком. Планы ликвидации авиаполков, резкого сокращения военнослужащих пока отложены. Первоочередная задача сейчас — перевооружение ВВС, обучение летного состава на самолетах пятого поколения. Естественный процесс! Так что прощайте, «сушки» с именами наших героев на борту! Воздушным разведчикам предстоит учиться обнаруживать цели противника не только на земле, но и, возможно, в космическом пространстве.

Среди снятых мною видеокамерой пленок с добрыми воспоминаниями смотрю фильм о поездке в Чувашиху, о встрече с двоюродной сестрой Нюрой, как сидел на пригорке и рассматривал вдаль церквушку и ряды домов села Ельтисуново. Чаше других фильмов я вставляю в видеоманитофон заветную кассету «Шаталово! День Победы!». Ее первые кадры — парад авиаторов. Чекая шаг по взлетному полю, идут командир полка, знаменосцы, стройные колонны летчиков и техников. Я тогда позавидовал им — так слаженно мы, курсанты Ленинград-

ского училища, не научились ходить, хотя с февраля 1940 года каждое воскресенье тренировались на Дворцовой площади.

Смолк марш «День Победы», звучавший во время прохождения синих кителей. Через репродуктор нас, ветеранов, призвали посмотреть в небо. Там выписывал круги крохотный «У-2». Летчик Смоленского аэроклуба показал весь свой арсенал фигур высшего пилотажа, затем спикировал и промчался «бреющим» над нашими головами. А в это время с неба на нас спускались парашютистки — члены аэроклуба.

Вечером торжественное собрание в концертном зале. В президиуме — полковое командование, ветераны-фронтовики. Наверху висит лозунг: «Слава Советской армии». Поздно вечером банкет. За столом закуски и полные стаканы с разбавленным водой спиртом. На банкет приехали из Смоленска артисты. Они пели и танцевали, пригубили фронтового зелья. Танцевали вместе с подключившимися молодыми летчиками и женами ветеранов.

Венцом нашего пребывания в Шаталово был показ «мигов» и «сухих» на самолетных стоянках. Владимир Политыкин оперировал моей видеокамерой: «Вот я в кабине “МиГа”. Разглядываю незнакомые приборы. Вот поднимаюсь и прохаживаюсь по фюзеляжу. Расставляю руки в стороны, пытаюсь достать ладонями два горбатых кия. Вот задумал спрыгнуть с крыла, как я поступал на фронте со своей “пешкой”. Спрыгнул и почувствовал пот на лбу. Испугался: мог поломать молодые ноги. Но обошлось. Подошел к соплам моторов. Гигантские — в рост человека».

Заканчивается фильм прощанием с родным полком. Владимир Политыкин снимает меня, медленно идущего со стоянки. Вот моя фигура в объективе: останавливаюсь и грустно произношу: Прощай, Шаталово! Прощайте, дорогие однопольчане!»



*Всю войну на вооружении разведчиков были лучшие
винтомоторные машины.*



*Начиная с 80-х годов боевая техника полка — реактивные МиГи
и «Сухие». МиГ-25 в момент посадки.*



В школьном джазе (снимок сверху) я играл на баяне. Но вскоре с ним пришлось расстаться. Меня призвали в армию. Я стал курсантом авиатехнического училища (фото снизу справа).





*Моя родная 3-я эскадрилья. Сидят (слева направо) комэск
М. Малютин, летчик Е. Мелах, штурман Е. Шацкий.
Механики (крайний ряд слева направо) Ленченко, Александров,
Силантьев, Бельский*



*Е. Мелах и его штурман
Яшук (справа) стали
первыми в полку Героями
Советского Союза.
Они летали на моем первом
самолете Пе-3.*



*Летчик Петров дает команду: «От винтов!» Сзади — его штурман
Малинкин проверяет турель пулемета.*

*Из хвостового люка высунулся стрелок-радист Чашечников.
Он так и будет стоять на семи ветрах, зорко следя за «мессерами».*



*Построение 2-ой эскадрильи в освобожденном Смоленске.
Адъютант докладывает комэску А.Дрыгину (справа) о готовности
разведчиков к боевым вылетам.*



*Семейная фотография.
Я — малыш с братом Толиком
(в центре справа). Мама
(сидит слева) и бабушка
Ефросинья — внучка
крепостной скотницы
в барском именье.
Значит, мы с братом —
выходцы из крепостных.*



Мама, уже «баба Муся», с любимым внуком Андрюшей, моим сыном.



Мои родственники по жене Елене, студентке Иняза, где мы вместе учились (фото сверху), моя теща — Вера Павловна, зав. секцией ювелирного магазина «Самоцветы», тесть — Андрей Евгеньевич Страментов, видный инженер, член-корр. Академии архитектуры.





В 1956 году «Комсомольская правда», где работал в иностранном отделе, послала меня военным корреспондентом в Египет. Там шла война из-за Суэцкого канала. Во время перемирия отправился посмотреть знаменитые пирамиды.



Моя первая длительная заграникомандировка в Англию собкором «Комсомолки». Вместе с молодой супругой в Гайд-парке.



*Отец Иван Матвеевич
Силантьев за ударную стройку
в столице был отмечен
в 1937 году бесплатными
путевками в санаторий
в Сочи с супругой Марией
Степановной.*



*Братья Анатолий (слева) и Владимир Силантьевы в деревне Чувашиха
возле родного дома, построенного отцом и дедом Матвеем.*



*Командир полка — Трофим
Тюрин принимает гвардейское
знамя (слева) от представителя
Генштаба ВВС.*



*Присяга гвардейцев. Это полевой аэродром Валдае.
Туда прилетели Тюрин и Лернер*

*Гвардейцы — начальник
разведки полка М. Морозов
слева и штурман полка
А. Никулин уточняют
маршруты полетов
в тыл фашистов.*





*И.Голубничий и штурман Ю. Дерябичев (слева)
у моего второго самолета.*



Остатки моего третьего самолета, сбитого над Витебском.



Герои Советского Союза Валентин Сугрин (справа) и Евгений Романов . Они летали на моем четвертом самолете (Шталово на празднике Дня Победы).



«Где же вы теперь, друзья однополчане?» В гостях у Лиды Дидоры, эскадрильеского «метеобого» (слева), рядом — Лиля Дерябичева. Пирог — хлеб-соль — весом в один пуд принимает Виктор Петров, ему помогает Валя Петрова



Встретились дорогие друзья — токарь-поэт А. Сакеллари (слева) и певец-тенор, любимец авиаторов Константин Григорьев. В центре — Зайнаб, супруга Кости, которая ждала его всю войну.



День Победы. В гостях у Юры Дерябичева в Калининграде (ныне Тверь). Собрались однополчане из разных городов. Хозяин дома (слева) вместе с автором книги и Анатолием Поповым, Героем Советского Союза. Он летал на моих двух первых «пеших».



*Начальник воздушной разведки ВВС
генерал-лейтенант Дмитрий Грендаль.*



*Умогилы экипажа Климанов-Политыкин. Иван Ильич
Абрамов (слева), сын Политыкина — Владимир, племянница
Климанова — Эмилия.*



Победа! Спасибо тебе, боевой самолет, за добрую службу!



Заместитель командира полка А. Романов слушает рассказ летчика-ночника В. Кокорева, вернувшегося из партизанского отряда.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВСТРЕЧИ — МИЛЫЕ, СТРОГИЕ, УДИВИТЕЛЬНЫЕ

Клавдия Шульженко

Я верю в любовь с первого взгляда. А возможна любовь с первой услышанной задушевной песенки незнакомки? Сомневаетесь? А вот такое случилось со мной. Юношей. Шел предвоенный 1940 год. Я был допризывником. На афишной тумбе прочитал: «Центральный клуб железнодорожников. Сегодня концерт ленинградского джаз-оркестра. Солист К. Шульженко. Адрес клуба. Время концерта». До его начала оставалось полчаса. Неужели это та Клава, что очаровала меня волшебным голосом по радио? Ах, была не была.

Бегу с Калужской площади до Крымского моста. Там на метро до Казанского вокзала. Кассирша уже закрывает окошко. «Тетенька! Один билетик», — умоляю. «Где ж вы были? Осталось два билета на задний ряд». Сую в окошко рубль с чем-то. Захожу в огромный зал. Ба, прямоугольный! Вытянутый так, что с заднего ряда едва видны фигуры джазистов. Дирижер дал команду и сам сел за рояль. Хорошо, что концерт начался увертюрой. Мое сердцебиение прекратилось.

И вот она на сцене. Издалека — худая девушка. Вся в белом. И лицо бледное. Продолговатое. И прическа ничего особенного. Словом, не красавица. А первой же песней схватила за душу. Какая-то новая интонация, трогательный голос, перепады с высоких до низких нот, прерываемые в меру речитативом. Не как у всех! Зал затаил дыхание, когда она заканчивала петь теперь уже знаменитый романс «Запаска». Я был поражен мгновением. Она проговорила: «Я давным-давно не та!», роняя порванные у зрителей на глазах листочки писанной когда-то записки-признания в ее семнадцать лет.

Клавдия не пела уже перепетой тогда всеми певицами «Синий платочек». Исполнила три незнакомые мексиканские мелодии. Сначала в ритме танго «Голубку» (кубинцы утверждают, что это их песня, но стала и нашей любимой). Затем я услышал в ритме быстрого вальса «Челиту». Задорную про «девушку с характером», которая «прекрасна и властна, что ей возражать опасно». Буря аплодисментов! В заключение прозвучала еще одна в ритме сумасшедшего самбо «Кукарача». Я был заморожен. Стоял долго у выхода, не замечая расталкивающих меня уходящих зрителей.

А дальше? Дальше война. Курсантов авиаучилища выпустили досрочно и отправили на Западный фронт. Наш аэродром располагался в Подмосковье, в Монино. Миновали проходную в гарнизон и... ахнули от восторга. Шикарная казарма, в пятиэтажном доме со всеми удобствами, прекрасная столовая с накрытыми белыми скатертями столами. Еда! Пальчики об-

лижешь! Футбольное поле, настоящее, как на «Динамо» в Москве. И еще сюрприз. Огромный Дворец культуры Красной Армии. При входе объявление: «Сегодня у нас в гостях замечательная Клавдия Шульженко со своим джаз-оркестром». Сели поближе к сцене. Заметили бархатный занавес. Как в Большом театре. М-да, страна ничего не жалела для «сталинских соколов». Клава вышла, как всегда, в белом платье. Какая встреча! Правда, мексиканской «Челиты» она не спела и даже «Голубку». Все военные песни.

Наступил разгром немцев под Москвой. Наши две эскадрильи воздушных разведчиков передислоцировались в освобожденные города. Одна — в Калинин, на аэродром Мигалово. Моя «эскадра» — севернее, в район Валдая, на аэродром с именем деревни Выползово. Минуем гарнизонную проходную и видим разбомбленные кирпичные жилые дома, административный корпус, столовую. Все схожее с монинскими строениями, только скромнее. Нам придется жить в заброшенных деревянных домишках и первым делом колоть дрова и топить печки. Мерзли всю ночь. А утром за кустарником увидели такой же, как в Монино, высоченный Дом культуры. В него также угодила немецкая фугаска. Стену отремонтировали. На расчищенной площадке я по вечерам играл ребятам на танцах. Однажды приехала фронтовая агитбригада артистов. О, чудо! В ее составе была любимица Клава Шульженко. Она появилась в гимнастерке. Спела «Синий платочек», но с новыми словами. Их сочинил солдат Волховского фронта М. Максимов. Их знают ныне все советские люди: «За них, родных, любимых, желанных таких, строчит пулеметчик за “Синий платочек”, что был на плечах дорогих». Зал взорвался овацией. Заставил ее повторить исполнение.

Мы были первыми, кто услышал обновленный «Синий платочек». Помню, в Выползово я вскочил на сцену, припал на колено и поцеловал руку певице. Разговорились. Она рассказывала, как выступала в осажденном Ленинграде, как не раз переезжала «дорогой жизни» по льду озера. Я спросил ее, не забыла ли она «Челиту» и «Кукарачу». Она улыбнулась. Всею свое время.

И верно. Я через многие годы стал корреспондентом «Известий» в Мехико. Я не встречал там девушку по имени Челита, хотя озорных девчат там хватало. Зато мелодия быстрого вальса композитора Фернандеса стала там чуть ли не вторым гимном. Она звучала по радио, на свадьбах, на проводах. Всюду! Только называется она «*Cielito Lindo*». В буквальном переводе «Небо прекрасное». В устах мексиканских мужей, женихов звучит более ласково и поэтично «прекрасное облачко», «моя звездочка». Припев начинается так же, как мы знаем: «А-я-я-й!» Но дальше — ни слова про Челиту:

Ay, ay, ay, ay canta y no llores
Por que cantando se alegran
Cielito lindo los corazones.

В моем сухом переводе звучит: «Пой, а не плачь! Поскольку пение веселит сердца». А откуда же взялась Челита? Не знаю, но догадываюсь,

что поэт Н. Лабковский первую букву в названии песни «Сьелито» прочитал (или ему подсказали) как «Ч». Далее все сходится. Воздадим ему хвалу за выдуманный образ задорной, строптивой Челиты. Он поступил как отличный поэт-текстовик.

Если кто-то из туристов захочет послушать «Сьелито», надо ехать в центр Мехико, на площадь Гарибальди. Там днем и ночью дежурят несколько оркестров «марьячис» в национальных костюмах. Такой удивительной ярмарки оркестров нигде нет в мире. Вы выбираете оркестр, сговариваетесь о цене одной песни или целой вечеринки в вашем доме. Не понравилось пение, идете к другим марьячис. Однажды я стал подпевать незнакомому оркестру. Все ту же «Челиту». Музыканты прислушались и спросили, на каком языке я пою. Я ответил, что я русский. Нашего брата в Мексике уважают. Они попросили меня спеть все куплеты, а сами подтянут лишь припев. Так они решили завлечь посетителей. Я спел, что помнил:

Ну, кто в нашем крае Челиту не знает:
Она так умна и прекрасна
И вспыльчива так и властна,
Что ей возражать опасно.
И утром и ночью поет и хохочет,
Веселье горит в ней, как пламя,
И шутит она над нами,
И с нею мы шутим сами.

Припев:

А-я-я-яй! Что за девчонка!
На всё тотчас же сыщется ответ,
Всегда смеется звонко.
А-я-я-яй! Зря не ищи ты,
В деревне нашей, право же, нет
Другой такой Челиты.

Жемчужные горы сулят ей сеньоры,
Но денег Челите не надо,
Она весела и рада
Без денег и без наряда.
По нраву Челите лишь солнце в зените,
А всех кавалеров шикарной
Считает простого парня,
Что служит у нас в пекарне.

Припев.

Для нашей Челиты все двери открыты,
Хоть лет ей неполных семнадцать,
Но взрослые все, признаться,

Ее, как огня, бояться.
И любим ее мы и сердим ее мы,
И справиться с нею нет мочи.
Над нами она хохочет
И делает все, что хочет.

Михаил Суслов

Многим, очень многим могут гордиться советские люди. Иностранцы по возвращении из СССР удивленно рассказывали, что в метро, автобусах видели пассажиров, склонившихся над книгами. И подтверждали факт, что вчера еще полуграмотная крестьянская Россия стала самой читающей страной в мире. К слову, в главе о моем друге токаре-поэте Саккелари рассказывается, как комсомольцы учили рабочих «ликбезу». Книжки у нас издавались миллионными тиражами. До рассвета в Москве, на Неглинной, занимали очередь у магазина, принимавшего заявки на подписные издания.

Все мои книжки о заграничной жизни имели броские названия и тиражи от 40 до 100 тысяч экземпляров. Не сравнить с нынешними мизерными тиражами произведений большинства авторов. Хотя прошло более полувека, испытываю досаду от неточного заголовка моей книги про Англию «Фог рассеивается». О чем идет речь? Во многих городах-гигантах мира миллионы людей знают про «смог» — загрязнение воздуха, несущее отраву, сажу фабрик, газы автомобильных выхлопов. Слово «смог» запустили в ход англичане от сочетания слов «смоук» («дым») и «фог» («туман»).

Он и ныне закрывает английские острова и в непогоду никуда не рассеивается. Однако психологический «фог» бытует в головах людей. Вспоминаю: политический туман, плотный и вредный, стоял, когда я приехал в Лондон работать собкором от «Комсомолки». То было в разгар «холодной войны». Но вскоре убедился, что всякий туман не вечен. Пропаганда вражды и неприязни к советской стране в английской прессе стала спадать. Еще бы! Россия первой запустила спутник, поразивший весь мир сигналом «бип-бип». Делегации из Москвы одна за другой стали навещать туманный Альбион. Лондонскую публику удивил кукольный театр С. Образцова. В лучших просторных залах как Альберт Холл гастролировали ансамбль Игоря Моисеева, позже выступали танцевальные коллективы из Украины и Грузии. Приезжал с гастрольями МХАТ.

Но были визиты и очень ответственных государственных деятелей. Расскажу подробнее о парламентской делегации, которую возглавлял многолетний член Политбюро ЦК КПСС Михаил Суслов. Тогдашний наш посол Яков Малик пригласил меня на встречу с Суловым, предназначавшуюся лишь для дипломатов. Я внимательно слушал Суслова и убедился, что он «наш» владимирский-нижегородский, «окает». Хотя уже давным-давно живет в Москве. Голос высокий, неторопливый разговор. Ничего нового он не сообщил. Сначала я подумал, что зря пришел на встречу, но понял одно. Уже тогда спецслужбы располагали техникой прослушивания даже через толстые стены.

Суслов заинтересовался английским опытом создания вокруг столицы городов-спутников с дешевым панельным жильем. Мы — журналисты — вслед за ним. Не успели. Он уже выходил из одного нового дома, пригнув голову к двери. Долговязый. И потолки оказались низкими, тесными комнаты и кухня. Теперь я думаю, что Суслов, ссылаясь на свою поездку в английский город-спутник, мог поддержать идею строительства в Москве, да и по всей стране панельных пятиэтажек, прозванных «хрущобами».

Заключительным аккордом поездки М. Суслова в Лондон явилось посещение Хайгетского кладбища. Там похоронены Карл Маркс и его супруга. Там высится прекрасный монумент великому философу, основателю коммунистического учения. Все советские делегации обязательно отдавали дань первому идеологу коммунизма на земле, возлагая К. Марксу цветы.

Вспоминаю, как в «Известиях» ввели новшество — парламентских корреспондентов. Вместе с Юрой Голошубовым мы готовили репортаж о заседании иностранной комиссии Верховного Совета СССР о предстоящей ратификации международного договора о запрещении бактериологического оружия. Громыко, Суслов, представители рабочих, интеллигенции выступали в поддержку ратификации. Речей набралось на два номера «Известий». «Как быть?» — обратились мы к Толкунову, тогдашнему нашему главному редактору. «Пошли к Суслову», — сказал он. Михаил Андреевич, усталый, часто вытирал пот со лба. Приказал: «Уместите все на полполосы в газете». Мы занялись сокращением речи самого Суслова, председателя иностранной комиссии, затем Громыко. Остальных даже не упомянули.

Последний раз я видел М. Суслова на расстоянии 15–30 метров, когда спешил на своей «Волге» по Кутузовскому проспекту. У гостиницы «Украина», где тогда всегда было мало автомашин, я развил приличную скорость. И вдруг уперся в «пробку». Скорость — 40 км в час. По разделительной полосе двигался правительственный «ЗИЛ», сбоку его прикрывала милицейская машина. Я действительно спешил и решил аккуратно обогнать «членовоз». Если остановит гаишник, отобьюсь. Скорость не превышал. Взглянув в открытое окно черного лимузина, я увидел сгорбившегося на переднем сиденье Михаила Суслова. Знающие «известинцы» позже мне рассказали, что Суслов не выдерживал быстрой езды на роскошном лимузине «ЗИЛ», ибо у него подвеска заднего моста на пружинах, мягкая, укачивающая пассажира.

Михаил Суслов, прозванный у журналистов «серым кардиналом», берег как зеницу ока чистоту партийной идеологии. При нем строго следовали указаниям из Москвы руководители братских компартий. Партия и лично Брежнев высоко ценили безотказного друга и соратника по Политбюро. М. Суслов — единственный, кто удостоился похорон на Красной площади, погребен в могиле в тылу Мавзолея, что по кремлевским традициям полагалось лишь покойным генеральным секретарям.

Михаил Андреевич пользовался признанным авторитетом в партии и в высшем руководстве страны. Поэтому не удивительно, что ему поручили сделать доклад на историческом октябрьском Пленуме ЦК 64-го года об ошибках Хрущева. Объективный доклад, основанный на фактах и те-

оретических выкладках, вызвал одобрение участников Пленума. Хрущев в своем крикливом стиле стал было защищаться. Но, послушав выступавших в прениях с осуждением его деятельности, стушевался, просил прощения, даже расплакался. Он рассчитывал еще поработать. Не вышло. Впервые в истории нашей партии демократично, голосованием он был снят с поста первого лица. И ничего экстраординарного не случилось.

Борис Чирков

Не помню, кто из друзей заметил, что моя молодая супруга Елена находилась «в положении», и стал советовать: «Если родится сын, надо дарить роскошную шубу жене». И надо же такому случиться — в срок появился на свет мой наследник, и пришлось купить норковую шубу. Елене шуба понравилась, она показывала ее подружкам. А мне шуба испортила жизнь. Моя прелестная Елена выглядела в шубе толстушкой, тетенькой под сорок лет. Толстушек я не любил с детства и просил жену шубу продать или подарить.

Однажды, вернувшись из редакции домой, я увидел необычную картину. На столе была разложена шуба, и какой-то мужичок шупал и разглядывал мех. Он настолько низко склонился над шубой, будто пытался нюхом установить, не поддельный ли мех. Возле мужичка стояла Елена. Мужичок ощупал рукава, воротник шубы и сказал: «Хорошо. Берем». И повернулся ко мне. Мы встретились лицом к лицу. Не знаю, что чувствовал мой незнакомец, но я точно переживал шок.

Вот так встреча! В моем доме, передо мной находился великий русский актер Борис Чирков. Видя мое замешательство, он сказал: «Дорогая роскошная шуба! Такую вещь надо обмыть. Пожалуйста ко мне домой в гости. Это недалеко». Борис Петрович Чирков жил в высотном доме напротив метро «Лермонтовская», точнее, само метро, называвшееся при строительстве «Красные ворота», располагалось в чреве красивого высотного дома. Квартира наших новых знакомых была небольшой, но уютной. Застолье продолжалось недолго. Борис Петрович повел меня в свой кабинет с книжными стеллажами по всем стенам. Он пояснил, что на полках есть все, что заинтересует специалиста-коллекционера. А его увлечение — собирать редчайшие произведения классиков в миниатюрных изданиях, иные не больше спичечной коробки. Выдвинул книжный ящик и показал с десяток таких раритетов.

Но, конечно же, его главной страстью было актерское искусство. Чем больше ролей, чем более они разные, тем счастливее становился Борис Петрович. И так — многие истинные актеры. Я узнал от него, что он до сих пор любит сыгранного в фильме «Чапаев» старика. Роль-то на пять минут! А как сыграна! Теперь не показывают этот блестящий фильм, а жаль. Чирков-старик (ему тогда было чуть больше 20 лет) спрашивает Василия Ивановича: «Кто тут из вас Чапай?» — «Ну, я» — ответил комдив. Старик: «Что ж получается, белые придут — грабят, красные тоже... спасибо, вернули

уташенное у крестьян. А вы, Чапай, народ интересуется: за коммунистов или большевиков?» Василий Иванович задумался. Наконец ответил: «Я за интернационал!»

Мы, будучи маленькими пацанами, впервые смотрели «Чапаева» в тридцатых годах, сидя на полу у экрана, и вскакивали, топали ногами, кричали «ура», когда в конце кинокартины наша конница несется громить белых, мстить за гибель любимого командира. А старик? Борис Петрович напомнил, что месяца через три он уже снимался в знаменитом, обошедшем экраны мира фильме-трилогии «Юность Максима». Его песенка «Крутится, вертится шар голубой; крутится, вертится над головой...» стала на десятилетия любимейшей мелодией советских людей. Борис Петрович был завален тысячами писем, в которых требовалось одно — рассказать, что случилось далее с Максимом. Так появились фильмы «Возвращение Максима», «Выборгская сторона». Актер был, как говорится, в зените славы.

Но «Юность Максима» могла и не выйти на экраны. Тридцатые годы — время литературных споров, кинокритики не восприняли «Юность». И лишь случай помог. Уговорили посмотреть картину верховного вождя в искусстве — самого Сталина. При просмотре присутствовали режиссеры Козинцев и Трауберг. И также Калинин, Каганович и другие «жрецы». Делали замечания. «Не было в Питере такого завода», — сказал Калинин. Кто-то из членов Политбюро заметил: «Паренек — рабочий, а сочинил прокламацию к забастовщикам. Будто не было тогда интеллигентов». Рассказывали, что из-за критических замечаний Козинцев потерял сознание. Трауберг в своих воспоминаниях о Чиркове пишет, что никто не падал в обморок. Но просмотр прошел без положительных замечаний. Лишь когда режиссеры уходили, Сталин выкрикнул: «А Максим — хорош. Хорош Максим!» Еще бы! Его сыграл артист с лицом рабочего паренька, родом из Вятской губернии. То была путевка на большой экран.

О многом в тот вечер после застолья я говорил с Борисом Петровичем. Мы даже поспорили. Я утверждал, что «Юность Максима» воспитала мое поколение патриотами. И это сыграло свою роль в разгроме фашизма. Борис Петрович достал из заветного ящичка раритетную книжицу «Как закалялась сталь». «Мой Максим жил в первые годы революции, — сказал он. — Он прекрасен, но Павка Корчагин ближе предвоенной молодежи». Я признался, что прочитал «Как закалялась сталь» на одном дыхании. Но меня заинтересовала судьба влюбленных друг в друга рабочего паренька-оборванца и девушки из богатой семьи. Я хотел, чтобы они соединились. Однако на последних страницах стало ясно, что у Павки другая судьба.

Последние годы Борис Петрович входил в труппу Московского драматического театра им. Н.В. Гоголя. Там же работала его супруга Мила, ради которой Борис Петрович и пришел к нам когда-то покупать шубу. Театр им. Гоголя возник на месте хорошо известного мне по школьным годам клуба Кухмистерова. То был огромный цех или паровозное депо. Там я играл в волейбол за «Локомотив». Зал огромный, потолки высокие, но угодишь в крепящую крышу балку — и ошибка. В театре им. Гоголя

я видел много пьес с участием Бориса Чиркова. Он продолжал сниматься в кино, несмотря на болезнь глаз. Подружка Милы сказала моей Елене, что Борис Петрович ослеп на один глаз вскоре после Великой Отечественной. Да и на фотографиях он часто снят с правой стороны.

А сколько ролей — разных и, казалось бы, не для него — оставил он нам в наследство! Борис Петрович удивил меня, когда я смотрел фильм «Александр Пархоменко». На экране появился батька Махно, который поет песню. Да это же Борис Чирков! Да, он! Помните: «Любо, братцы, любо. Любо, братцы, жить. С нашим атаманом не приходится тужить». Я всегда считал, что сам актер — неисчерпаемый кладезь народных песен. Так оно и есть! Он написал 73 странички «Неоконченной книги о песнях». Собирал, расспрашивал народ. Недавно я слышал концерт Кубанского казачьего хора, исполнившего «Любо жить». Оказалось, что это длинная песня про казачьего атамана. В фильме «Возвращение Максима» он поет: «Сколько раз из-за вас мучились, томилси. Один раз из-за вас чуть не утопили». Песня народная. Помню, до войны ее пел пионервожатый, а я подыгрывал ему на баяне.

На свое 70-летие Борис Петрович пригласил знаменитых актеров, режиссеров. А также меня, Елену и ее подружку. Выступали с тостами о великих и значимых ролях, сыгранных юбиляром. И никто не обмолвился о «Юности Максима». Оратор я никудышный, но не выдержал и попросил слова. Я сказал, что не было бы Максима, мы, защитники Москвы, сдали бы столицу гитлеровцам. А помните, как в боевом киносборнике Чирков-Максим поет на мотив «Крутится, вертится»?.. «Пушки и танки фашистов громят. Летчики наши на Запад летят. Черно-фашистская подлая власть крутится, вертится, хочет упасть!» Я пробрался сквозь столы приглашенных, подошел с бокалом к Борису Петровичу. Чокнулись и расцеловались. Великий актер и скромный журналист, на груди которого висели военные ордена и медали. Регалии Чиркова, однако, сравнимы с маршалскими звездами. Он народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. Был депутатом Верховного Совета. Пять раз удостоивался Сталинской государственной премии страны. Он был человеком с большой буквы. Скромным, неутомимым, веселым, отзывчивым.

Клара Лучко

Как-то я пригласил в гости своих лондонских друзей — Володю Осипова, Викентия Матвеева и хорошего товарища по «Известиям» Дмитрия Мамлеева, ответственного секретаря редакции, прозванного вечным холостяком. Все пришли с женами. И Мамлеев тоже! Его спутницей была знаменитая актриса Клара Лучко. Мне сразу стало и радостно, и стыдно. Радость я испытывал от того, что у нас за столом сидела красивая, русская, точнее, запорожская красавица. А стыд от того, что я приготовился показать после застолья свой любительский кинофильм об Англии.

Полчаса шумел плохенький проектор, высвечивая киноплёнку на домашнем экране, купленном в Лондоне. Одновременно магнитофон крутил

пленку с записанной музыкой и моим голосом, комментировавшим происходящее на экране. Полчаса мои щеки наливались краской от стыда, что показываю фильм с кривыми кадрами, а то и с белыми пропусками. И это «произведение» смотрит кумир кино, профессионал! Я попросил Осипова подливать Кларе коньяку и усыпить ее, чтобы она не смотрела на экран. Но Клара лишь пригубила вина в бокале. А когда мои муки закончились, Клара заговорила: «Первый раз вижу любительское кино. Удивлена, что вы один выступаете в роли сценариста, оператора, режиссера, звукооператора и текстовика». То были первые слова знакомства.

Клара Лучко, еще будучи ребенком, мечтала стать актрисой. Счастливый случай помог ей поступить во ВГИК, учиться в актерской группе знаменитого режиссера Сергея Герасимова и его супруги Тамары Макаровой. Знаменитый режиссер Иван Пырьев снял ее в одной из главных ролей в фильме «Кубанские казаки». В своей объемистой книге «Я — счастливый человек» Клара Степановна пишет, что с этой кинокартины «началась моя большая жизнь в кино. Фильм стал не только частью моей личной биографии, но и маленькой частью моей страны». Нет ни одного человека разных поколений, который бы не видел фильма, не знал песен, звучавших до сих пор, хотя «Кубанские казаки» появились на экранах в середине XX века.

Клара родом с Полтавщины, запорожская казачка. Но стала родной кубанским казакам. Фильм оптимистичный, веселый, увлекающий зрителя. Он как бы снят с натуры жизни передового колхоза. Таких на Кубани и Ставрополье немало. Я бывал в одном из них — первенце коллективизации. Главный корпус трехэтажный, городского типа. Один этаж посвящен истории становления советского хозяйства на благодатных землях с так называемым «устойчивым земледелием». Третий этаж — актовый зал на триста зрителей. Конечно, таких богатых колхозов не было в северных краях страны.

В своих воспоминаниях Клара Лучко с восхищением и добротой рассказывает о целой плеяде выдающихся деятелей советского кино: о режиссерах Герасимове, Пырьеве, Юткевиче, Фриде и многих других, ведь она снялась в более чем шестидесяти фильмах. И конечно же, красавица-актриса с душевной теплотой пишет о своих партнерах — по-современному «звезд» кино, любимцев миллионов советских людей. Назову лишь некоторых: Лукьянов, который приезжал в Лондон с труппой МХАТа, и я возил его на корпунктовой машине в Тауэр или Гринвичскую обсерваторию, Чирков, Жаров, Меркурьев, Давыдов (ее жених в «Кубанских казаках»), Вицин, Андреев, Яншин, Крючков, Яковлев, короче, многие, представлявшие целое созвездие выдающихся мастеров советского киноискусства. И особо подчеркну наших кинокрасавиц — Орлову, Ладынину, Смирнову, Ларионову, Макарову. Работая много лет за рубежом, посещая кино и театры, я пришел к выводу, что они по женской красоте и обаянию не уступают раскрученным западным звездам Мэрилин Монро, Вивьен Ли, Дине Дурбин.

Поистине счастливый случай предоставил Кларе Лучко возможность сняться в главной роли в шекспировской комедии «Двенадцатая ночь». Фильм уже начали снимать, но художественный совет забраковал при-

глашенную на эту роль актрису. Позвонили Кларе Лучко. В картине уже снимались Яншин, Меркурьев, Лукьянов, Фрейндлих, Вицин. Для них шекспировская пьеса была знакомым материалом, они играли это в своих театрах. Но Клара? По ходу съемок ей предстояло сражаться на шпагах. Она никогда не занималась этим видом спорта. Ей обещали дать опытного тренера. На занятиях уставали ноги. Клара останавливалась, выпрямляла ноги, чтобы отдохнуть. Тренер тотчас же ей шпагой по коленкам. Словом, замучил уроками, она возненавидела его, и на очередной тренировке разозлилась и решила проткнуть ему грудь шпагой. И бросилась в атаку. Тренер защищался, увертывался. А в конце сказал: «Кларочка, да вы способная, обладаете хорошей реакцией, да и руки длинные».

«Двенадцатая ночь» получилась превосходной. Картину показали на Эдинбургском фестивале. Советский вариант «Двенадцатой ночи» с чудесными актрисами Ларионовой и Лучко, а также комедийными актерами Меркурьевым и Вициным вызвал теплый прием. Англичане высказали желание купить наш фильм. Клара Лучко стала знаменитостью. Пройдут годы, но ее вклад в киноискусство будут помнить. Американским биографическим институтом (США) она будет объявлена «Женщиной года». А позже Международный биографический центр Кембриджа (Англия) назвал ее «Женщиной тысячелетия».

Последний раз я виделся с Дмитрием Мамлеевым и Кларой Лучко на их даче, расположенной в нескольких километрах от станции Лобня. Собралось много «известинцев» с супругами. Дача огромная, двухэтажный деревянный дом, большой участок, заросший соснами. Клара была в спортивном костюме, развлекала женщин, как пионервожатая водила хоровод. Танцевали во-круг трех грядок, неокученных и некопанных. Я часто просматриваю кадры, снятые тогда уже другим любительски киноаппаратом — 8-миллиметровым. Купил его в Бейруте в 1962 году. Потом у меня появились более качественный японский «Канон» и настоящая видеокамера. Достопримечательности Лондона и других столиц я больше не снимаю, ибо их показывают постоянно по телевидению. Снимаю людей — семью, знакомых, друзей. Таков и короткий фильм на даче у Клары. Пусть потомки увидят ее такой, какой ее видел я, кинолюбитель. В конце книги «Я — счастливый человек» она с горечью сожалела о том, что произошло со страной.

«Конечно, — пишет Клара Лучко, — жизнь в России трудная, унижительная, нервная. Я не могу смотреть без слез телесюжеты о беспризорниках, о нищете и обездоленности людей. Мне до боли обидно, что Страну унизили и разграбили, великую и мощную Державу. Я, преданная профессии, не могу не печалиться о том, что произошло в отечественном кино. Я знаю молодых талантливых актеров и режиссеров. Их много — настоящих талантов. Они отмечены престижными премиями, осыпаны наградами международных фестивалей. Но иные из них признаются, что завидуют нам, актерам старшего поколения, которые работали в годы, когда появление хорошего фильма было общенародным праздником, а киногерои становились предметом обожания и примером поведения для миллионов».

Алексей Аджубей

Астрономы утверждают, что откалывающиеся от комет метеориты не достигают Земли, сгорая в плотных слоях атмосферы. Пусть так! Но я знаю на Введенском («Немецком») кладбище в Москве место, где на голой земле лежит огромный необтесанный камень, похожий на метеорит. Лишь с лица он отшлифован под скромную надпись: «Аджубей Алексей Иванович. Год рождения — год кончины». Возле камня нет обычных кладбищенских убранных: ограды, венков, цветов, травки. Видимо, так распорядились близкие Аджубея. И поэтому, когда я подхожу с цветами к камню-надгробию, не решаюсь возложить даже одну гвоздику. Склоняю голову в глубоком поклоне.

А цветы я возлагаю в соседнем ряду, где похоронены многие родственники моей супруги Елены, в том числе моя теща. Каждый раз, приближаясь к их надгробиям, словно наваждение, в голову приходят строки из знаменитой песни Расула Гамзатова, которого, кстати, любил Аджубей и дружил с ним. Помните эти строки? «И в том ряду есть промежуток малый, быть может, это место для меня».

В книге «Аджубей в коридорах четвертой власти» я писал в своей статье: «Его жизнь схожа со светящимися ненадолго во Вселенной кометами: он блистал отведенный ему срок на журналистском небосклоне. Внезапно погас. Или его погасили». Аджубей вспоминал, что он понимал — с отставкой Хрущева могут уйти и его, и не воспринял это трагически. Еще двадцать лет он работал в журнале «Советский Союз» и с началом перестройки задумал редактировать газету «Третье сословие».

Журналистская палитра при Аджубее — главном редакторе была броской, новаторской, говоря по-современному, реформаторской. Не правы те, кто отождествляют Аджубея с «шестидесятниками», рожденными «оттепелью» противоречивых времен Хрущева. Он блистал и личным талантом, неумемной энергией, был самолюбив, стремился быть первым, «воткнуть фитиль» конкурентам-газетчикам. В книге об Алексее Ивановиче Станислав Кондрашов, наш непревзойденный международник-американист, отметил, что не столько личность и талант Аджубея, сколько родство с Хрущевым сделали «Известия» фактически главной газетой страны — не ниже «Правды», в чем-то выше ее.

Еще в «Комсомолке» я, начинающий журналист, был поражен аджубевским репортажем из Мельбурна о победе нашего стайера Куца. Репортаж озаглавлен «Красный флаг». Ну, кто только не писал о нашем национальном знамени! Но Аджубей сумел найти новые слова, образы, заворожил читателя напряженным поединком с чемпионом мира англичанином Пири. И всего-то потратил 200 строк. Куц обыграл чемпиона. Поднял наш красный флаг и совершил круг почета на олимпийском стадионе. Сначала публика на трибунах безмолвствовала, ибо в далекой Австралии нашу страну, мягко сказать, недолюбливали. Но Куц привел в движение публику. Она встала и бурно аплодировала победителю.

Однако в «Известиях», став членом ЦК партии, депутатом Верховного Совета, Алексей Иванович писал уже строго, будто застегнутый, хотя

и не на все пуговицы. Да и мало писал. Ходили слухи, что метит в министры иностранных дел. Когда-то вежливый, внимательный, не повышавший голоса на публике, он отчитывал нас, «иностранцев», за скучные материалы, а коллег из других отделов укорял: «Пора известинцам делать второй шаг. Где ваши идеи?». Но сам не разяснял, в чем заключаются перемены.

Случались странности. Зашел как-то в комнату, где сидели международники, и говорил о том, о сем. И вдруг объявил, что решил послать Костю Вишневецкого собкором в Каир. У Кости врачи нашли болезнь, которую можно излечить только в сухом, жарком климате. Костю я знал еще по учебе в инязе. Он чертовски здорово сочинял стихи. Но был худ, болен. Пропустил один год учебы.

В другой раз Аджубей за непринужденным, как показалось, разговором сказал, что в Лондон едет менять В. Осипова... Мэлор Стуруа. У него, видите ли, младший сын Жорик болен, и лишь английские врачи берутся его вылечить. Если Мэлора не пошлют, он перейдет в МИД и уедет в Лондон дипломатом. Я хорошо знал Жорика. На даче в Сходне он рос с моим сыном Андреем. Шаловливый, спокойный, немного полноватый. Нормальный мальчик. Так Стуруа стал собкором в Англии, писал отлично, и его перевели в Нью-Йорк.

Аджубей взвалил на себя большую ответственность, возглавив «Известия». При назначении его обязали как-то размежевать похожие друг на друга «Правду» и «Известия». Ведь все важные партийные документы и речи видных лиц печатались в обеих газетах. Аджубеевские «Известия» получили возможность выходить днем, а «Правда» поступала в продажу утром следующего дня. Но когда была «обязаловка», график выхода «Известий» сдвигался на утро.

Пользуясь «родством», Алексей однажды получил заранее текст предстоящего выступления Хрущева. Он позвал меня и политобозревателя Викентия Матвеева и объяснил необычное задание. Сесть у телевизора, пригласив двух стенографисток, и в случае отступления Хрущева от готового текста, что он делал регулярно, застенографировать, отредактировать и в набор.

Вот начал речь Никита Сергеевич, и вскоре стал говорить «от себя». Одна стенографистка стала расшифровывать хрущевское отступление и тотчас же пожаловалась: Хрущев что-то сказал непонятое. Мы с Викентием стали читать и пришли к выводу, что надо пойти к Аджубею и признаться в своем бессилии. Алексей приготовил для правки ручку, но зло сказал: «Ничего не понимаю! Мы опростоволосились. Придется ждать, что передаст ТАСС. Значит, выходить утром вместе с «Правдой».

Родство с Хрущевым, конечно же, повышало авторитет газеты, рождало уважение, а порой и страх у тогдашних бюрократов. Они не отказывали газете в выделении жилплощади для журналистов в хороших домах, импортного оборудования для типографии.

Но однажды «родство» подвело Алексея. Он вернулся в редакцию после семейного обеда. Хрущев критиковал освещение московских улиц. Со-

ветовал убрать фонари над проезжей частью улиц и перенести их к тротуарам для удобства пешеходов. Аджубей вызвал меня с дежурства и объяснил, что требуется:

— У тебя, Володя, есть статья о том, как освещается Лондон. Неси, поставим в номер!

До этого момента я выступил в «Известиях» с критикой наших автомобильных правил, описал, как организовано движение в Англии. Моя критика подействовала. ГАИ быстро внесло изменения, приглашало меня читать... лекции об английском опыте. На волне успеха Аджубей хотел снова отличиться и угодить тестю, проявив оперативность. Он к этому призывал всех известинцев. Я объяснил, что статья на семь страниц, мы не успеем даже прочитать, не нарушив график выхода газеты. Аджубей отпустил меня на дежурство, обещал сам написать две странички о замечаниях Хрущева и опубликовать.

Увы, мы попали впросак. Специалисты завалили нас письмами с упреками. Мол, не там ищите экономию электроэнергии. Ее большие потери на производстве. Использование фар лишь требует дополнительного расхода бензина. Никакой экономии!

«Известия», выходявшие годами на четырех полосах, не имели возможности публиковать развлекательные материалы. Большинство солидных газет на Западе имели воскресные приложения для чтения, поэтому нельзя сказать, что издание «Недели» было особым новаторством Аджубея. Но за ней возле известинского газетного киоска выстраивались длинные очереди. Я возглавлял международный отдел в «Неделе» почти пять лет и печатался с очерками о гаванском фестивале с танцующими полуобнаженными красавицами, об американском певце Фрэнке Синатре. Стура передавал длинные очерки о крестном отце нью-йоркской мафии, о французской кинозвезде Филиппе Жераре. Николай Ермолович, зам. главного в «Неделе», побывал в Болгарии и написал о местной ясновидящей. Все эти экзотические темы не годились для «Известий». Хотя наш знаменитый африканист Николай Хохлов умудрялся пробиваться на четвертую полосу газеты, внедряя политические новости с описанием его личного восхождения на заснеженную африканскую гору Килиманджаро и экскурсии к буйволам в нильской долине.

Аджубей сумел сделать «Известия» интересной, читабельной газетой. Но ее партийная направленность оставалась прежней. У меня сохранилось его короткое выступление на летучке в январе 1962 года вскоре после того 61-го, когда Хрущев объявил о построении коммунизма к 1980 году. Аджубей сказал: «Проблемы гражданского, трудового, идейного, нравственного воспитания человека нашего общества мы должны поднимать на страницах “Известий” всеми жанрами, всем арсеналом газетного вооружения».

Недаром присланный из ЦК на смену уволенному Аджубею главный Степаков информировал нас, что к Алексею Ивановичу нет претензий как к редактору «Известий», но он допустил ошибки в своей внешнеполитической деятельности. Мне довелось узнать, что Алексей допустил грубейшие высказывания во время командировки в ФРГ. Местные жур-

налисты задали ему провокационный вопрос: «Польский герб имеет два орла. Один смотрит на восток, а другой — на запад. Как быть русским?» Аджубей, видимо, подшофе, как и его сопровождающий Валя Леднев, ответил: «Понадобится, мы свернем головы обоим орлам». Знавший хорошо немецкий, Леднев мог бы смягчить ответ либо пропустить сказанное.

Сенсационное заявление Алексея напечатали все немецкие газеты. Руководители дружественных нам Польши и ГДР передали соответствующую реакцию реагировали в Москву. По пути домой Аджубей остановился в Берлине. Наш посол Абросимов хотел услышать от него объяснения, пригласил на обед. Аджубей настаивал, чтобы с ним на обеде присутствовал Леднев. Посол успокаивал: «Мы накроем стол Ледневу в соседней комнате». Тогда Аджубей отказался от приглашения. Утверждали знатоки, что Абросимов, член ЦК, был в компании цековской элиты, думавшей об отставке Хрущева.

Давид Тухманов

Незабываемой остается встреча с фронтовиками, однополчанами в Калининне, на квартире полковника в запасе Юрия Дерябичева. Тосты произносили Герои Советского Союза Попов, Мелах, Яшук и их товарищи в синих кителях, увешанных орденами Ленина, «боевиками», Отечественной войны первой степени. Потом начались воспоминания. Без тостов. Друг с другом. Громкими голосами. Шум, гвалт.

И вдруг в дверях раздался оглушительный аккорд баяна. Баянист протиснулся и запел незнакомое: «День Победы! Как он был от нас далек...» Бодрая музыка марша остановила разговоры. Воцарилась тишина. А когда баянист красивым баритоном пропел припев:

«День Победы! С сединою на висках.
Это радость со слезами на глазах!
День Победы! День Победы!»

Раздался гром аплодисментов. «Ура! Качать баяниста!» Им был знакомый Дерябичева руководитель калининского экскурсионного бюро. Три дня он показывал нам славный город.

Я спросил, нет ли у него нот марша? Кто его автор? Он ответил, что услышал мелодию случайно по радио, запомнил некоторые слова и припев. Прошли недели, месяцы. И я волею судьбы оказался за одним столом с замечательным композитором, автором полюбившегося народу марша «День Победы», молодым Давидом Тухмановым. Он пригласил меня с супругой Еленой по совету жены Натальи, пианистки, с которой я познакомился еще на Кубе. Вскоре к нам четверым присоединилась пара солистов хора им. Пятницкого, если не запамятовал, Катя и Роман. Они появились сразу после концерта и не успели переодеться. И хорошо, очень хорошо. Катя — в белой блузке, расшитой украинскими узорами, а Роман — в русской косоворотке.

Давид любил их, мог часами слушать их народные песни. И Роман, и Катя показали композитору новинку. Я спросил их, остались ли в репертуаре хора популярные довоенные песни — «Вдоль деревни», «И кто его знает». Вместо того чтобы ответить «Да!», они лихо запели: «Вдоль деревни от избы до избы, зашагали торопливые столбы. Загудели, заиграли провода. Мы такого не видали никогда». Догадываетесь, читатель, эта радостная песня об электрификации деревни. А вот лирическая, шутливая: «А вчера прислал по почте два загадочных письма. В каждой строчке — только точки — догадайся, мол, сама. И кто его знает, на что намекает».

Давид поднялся из-за стола и пригласил меня посмотреть его рабочий кабинет. Я думал, что увижу письменный стол, кресло, шкафы с книгами. Нет! Большая комната была заставлена роялем, двумя электронными пианино, звукозаписывающей аппаратурой, а посередине микрофонами на подставках. Тут он, возможно, написал «День Победы».

Конечно, мы не замедлили пригласить с ответным визитом Тухмановых к себе домой. Я приготовился записать на магнитофоне «День Победы», если Давид согласится оставить такой необычный автограф, сыграв на моем любительском электропиано «Ямаха». Инструмент имел десятки клавишей. Нажимая любой на выбор, «Ямаха» звучала то как обычное пианино, а то как гитара, кларнет, орган и так далее, даже «играла» колокольчики.

Давид попробовал «Ямаху», но его знаменитый марш звучал, будто играл малыш одним пальчиком. Он перешел на незнакомое мне самбо. Спросил, играю ли я по нотам. Я ответил, что эстрадные песни редко продают в магазине на Неглинке. Показал ему книжицу почти на триста страниц: «Песни советского народа. Песенник». Давид полистал, прочитал указатель песен из кинофильмов и заметил: «Это кладезь советской музыки. Даже более того. Музыкальная история Советского Союза».

Действительно, сборник был исторический. Первый раздел — дореволюционная песня: «Варшавянка», «Замучен тяжелой неволей», «Вы жертвою пали» и другие. Второй раздел — Гражданская война. Эти песни я слышал по радио еще мальчишкой. Назову несколько: «Красная армия всех сильнее», «По долинам и по взгорьям», «Там, вдали за рекой», «По морям, по волнам», «Орленок», «Партизан Железняк», «Песня о Каховке» и много еще.

Большое спасибо нашим композиторам и поэтам за их патриотический настрой и труд. В «Песеннике» более 120 песен. Они озаряли нас: «Чем смелее идем к нашей цели, тем скорее к победе придем» (из песни «Эх, хорошо!»). Песня открывала необозримые просторы: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор» (из «Все выше и выше»). Песня была честной: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага» («Землянка»). Песня сплывала народ: «Если завтра война, если завтра в поход. Как один человек весь советский народ за свободную Родину встанет».

Композиторы и их коллеги воспитывали в нас высокие нравственные принципы и, конечно, поднимали наше настроение в трудный час, обращаясь к народным шуточным частушкам. Вспомните конец фильма «Веселые

ребята»: «Эх, подруга, выходи-ка и на друга погляди-ка, чтобы шуткою веселой перебраться! Эй, грянем! Подтянем!»

И разумеется, кинокомедия «Волга-Волга» с ее шутками, «Песней водоза» («Без воды и не туды, и не сюды»). А Соловьев-Седой подарил нам две песенки про авиаторов, которые распевают и сейчас с большим удовольствием. А великолепный композитор В. Захаров, руководитель хора Пятницкого?! Кроме упоминавшейся здесь «И кто его знает», пошла в поговорки его веселая песня «Провожание» и слова из нее: «Дайте в руки мне гармонь, золотые планки».

А что же Давид Тухманов? Войдет в историю лишь как автор знаменитого марша? Не только. Вернувшись в Москву из Германии, куда уехал в лихие годы, он вскоре выступил с творческим вечером перед многотысячной аудиторией в крупнейшем столичном концертном зале. Он сразу представил свой композиторский бренд зазорной песенкой. Исполнял сам: «Мой адрес — не дом и не улица. Мой адрес — Советский Союз». В кремового цвета костюме с белыми артистическими отворотами и с бабочкой, он пританцовывал в такт знакомой советским людям песни. А в конце речитативом три раза проговорил: «Советский Союз».

Значительную часть концерта выступали молодежные группы. Они исполнили песни в модном современном стиле, для дискотеки. Давид Федорович Тухманов как бы передавал эстафету молодому поколению, которые скоро-скоро станут «звездами». Это с одной стороны. С другой... У меня хранится песенник «Ради мира на земле», изданный в 1983 году. Можно только радоваться, что в нем собраны творения наших композиторов-корифеев: С. Туликова, Д. Шостаковича, И. Дунаевского, А. Новикова, В. Соловьева-Седого, В. Мурадели и предпоследний в сборнике — «День Победы» Д. Тухманова на слова В. Харитонova.

Этим маршем закончился творческий вечер. Зрители поднялись с кресел. Подпевали. Хлопали в ладоши. На глазах поэта Танича я видел слезы. Они появлялись на глазах многих, когда в ходе концерта прозвучали ставшие «хитами» тухмановские шедевры: «...Тише, тише. Аист на крыше — Мир на земле», «Мы дети Галактики, но самое главное — Мы дети твои, дорогая Земля!», и в сопровождении хора Ансамбля МВД коронная И. Кобзона «Я люблю тебя, Россия, дорогая наша Русь!». «...Мне всю жизнь тобой гордиться, без тебя мне счастья нет!» Таков Давид Тухманов, последний истинно советский композитор.

Михаил Шолохов

Михаил Александрович Шолохов, заслуживший мировую известность своим романом «Тихий Дон», стал первым советским писателем-коммунистом, удостоенным Нобелевской премии по литературе. Когда он прилетел в Лондон с супругой и сыном, мне позвонил Аджубей: «Возьми интервью у Шолохова». И повесил трубку. Я знал, что Шолохов дает интервью лишь газете «Правда». Но задание есть задание. Обратился к Михаилу Алексан-

дровича, когда он на посольской машине собирался поехать осматривать знаменитый Британский музей. Я к нему с просьбой от Аджубея. Он грубо ответил: «Не намерен давать интервью» и захлопнул за собой дверцу. Молодой дипломат Владимир Семенов шепнул: «Садись в машину. Ты давно не был в музее? Поедем». Он сопровождал Шолохова. Увидев мой фотоаппарат, Шолохов сказал: «И позировать для вас не собираюсь».

Три часа мы ходили по залам музея. Возле выставленных гробниц с мумиями египетских фараонов Шолохов покачал головой. Промолвил: «Ох, сколько награбили колонизаторы». Я сказал: «А в Каире, в музее нет ни одной. Растащили по всему миру». Шолохов молчал. Он встрепнулся, когда зашли в огромный зал рыболовных снастей африканских аборигенов. Каждую снасть Шолохов пристально рассматривал, словно изучал. Они висели на стенах, были спрятаны за стеклом. Я достал фотоаппарат. Будь что будет! И когда он поднял голову, я щелкнул затвором. Он будто не заметил этого.

Тогда малоопытный журналист-международник, я не знал многого о подкованной борьбе в Кремле. Теперь думаю, что интервью являлось попыткой привлечь Шолохова на сторону Хрущева. Как выдающегося писателя, Шолохова очень ценил Сталин, оперативно реагировал на его письма о бедственном положении сельских жителей Дона, откликался на просьбы защитить товарищей.

Однажды, в связи с юбилеем Шолохова, я поспешил в «Известия» к редактору отдела литературы. Показал ему оригинальную фотографию Шолохова, снятую мною в Британском музее. Редактор, мой старый знакомый, сказал: «Шолохов не наш, не демократ, — и выругался. — Ладно, напечатаем оригинальное фото». Но фразу «Ух, сколько награбили колонизаторы», упомянутую в конце моего комментария к портрету Шолохова, зачеркнул. Что же, шел не первый год перестройки. Надо привыкать к «свободе слова», гласности и «бесцензурной» на словах печати.

Но в душе я кипел. Почему это Шолохов не наш? Не он ли правдиво описал коллективизацию в «Поднятой целине»? Тринадцать раз беседовал со Сталиным в его кабинете, о чем говорят записи в книге приема посетителей? Да, наш он до мозга костей! Советский, с мировой известностью, дважды Герой соцтруда, четырежды избирался депутатом Верховного Совета СССР. В Мехико, недалеко от моего корпункта, в магазине Санбернс, продавали сладости, фрукты, косметику и книжки. При входе, в центре круглого стеллажа, лежал «Тихий Дон». Среди книг других зарубежных классиков.

В Лондоне в книжном магазине я также видел в переводе на английский «Тихий Дон». Переводчики, видимо, мучились над заглавием романа. Сошлись на трех словах: по-английски получилось «Медленно течет Дон». Критических материалов о Шолохове в лондонских газетах я тогда не встречал. Однако в нашей перестроечной прессе 80-х использовались предлоги для того, чтобы вернуться к старой проблеме авторства гениального произведения. Дескать, Михаил Шолохов не мог написать столь талантливое произведение в юном возрасте, один пожилой историк выра-

зился хлеще: не мог, мол, мальчишка сочинить шедевр. Использовал чужую рукопись, издал ее под своим именем. Впоследствии была обнаружена рукопись Шолохова, она была официально признана властями.

В связи с этим мне вспомнилось, что мой любимый поэт Михаил Лермонтов написал шедевр — драму «Маскарад» в свои юношеские годы. Ему исполнился тогда 21 год. Как и Шолохову, когда он напечатал свои «Донские рассказы», спустя два года появились две первые части «Тихого Дона». Лермонтов в этом же возрасте начал первую главу романа «Герой нашего времени».

Критики Шолохова отказывали ему в авторстве, восклицая: почему за многие десятилетия после окончания «Тихого Дона» в 1940 году писатель ничего не создал достойного талантливого художника. «Поднятую целину», «Они сражались за Родину», «Судьбу человека» они не принимали в расчет.

Интересно, не так давно в Ростове-на-Дону обнаружены документы, проливающие дополнительный свет на жизнь и творчество Михаила Александровича. Эти документы находились около двадцати лет в семье сотрудника старочеркасского музея Андрея Афанасьевича Земнова. Он в течение многих лет был техническим секретарем Шолохова. Помогал писателю в большой общественной работе. Об этом — найденный архив, состоящий из пяти больших ящиков. Здесь уже говорилось о депутатской деятельности писателя. Сессии Верховного Совета СССР длились несколько дней. Шолохов не только выступал с трибуны сессии. Он выполнял большую работу, участвуя в заседаниях комиссий и комитетов. Отвечал на обильную почту с различными просьбами. Молодые писатели просили мэтра высказать мнение об их произведениях. Шолохов был членом Всемирного Совета мира, присутствовал на съемках «Они сражались за Родину», познакомился с тогдашними «звездами» нашего кинематографа: Шукшиным, Никулиным, Лапиковым. И, конечно, писатель дружил с режиссером фильма Сергеем Бондарчуком.

Не знаю, как оценил Михаил Шолохов немой, черно-белый фильм «Тихий Дон», снятый в 1930 году студией «Союз кино». В фильме играют, если не ошибаюсь, будущие знаменитости нашего кино Э. Цесарская — Аксинья и А. Абрикосов в роли Григория. Я с большим наслаждением смотрю эту киноленту. В ней сохранен в титрах удивительный колорит казачьего говора, крестьянских привычек и обычаев. К сожалению, в последующих уже цветных и озвученных версиях «Тихого Дона» этот колорит утерян.

Мне думается, Михаил Александрович запретил мне его снимать во время экскурсии в Британский музей просто потому, что не любил фотографироваться. Среди найденных ящиков писателя один полон фотографий на рыбалке, во время бесед с делегациями, посещавшими его родную станицу. Есть фото — Шолохов играет в карты со своими знакомыми. Этот ящик с фотографиями писатель счел неинтересным.

Однако его облик невысокого, молодцеватого мужчины, с короткими усиками знаком миллионам советских людей. Его выступления на сесси-

ях Верховного Совета были яркими, завораживающими, приправленными известными с детства казачьими прибаутками. Я запомнил одно его выступление, вызвавшее бурю аплодисментов. Он критиковал, иронически улыбаясь, советских бюрократов. Это короткое появление писателя на трибуне показывали в очередном выпуске «Кинохроники». Показали, как оратору хлопали в ладоши члены Политбюро, министры, сидевшие в президиуме. Все они были депутатами. Я хорошо помню эту речь Шолохова, так как находился в гостевой ложе в зале. Тогда в группе «известинцев» я работал над речами депутатов, представлявших все братские республики и крупные области СССР. Мы помогали исправить стилистические погрешности, если требовалось, сократить длинные речи. Заготовки депутатов начинались сообщением о достигнутых успехах. Далее, в пространной критической части отмечались недостатки в хозяйственной и культурной жизни. В конце депутаты заверяли партию и правительство, что выполняют решения очередного съезда КПСС.

Много лет я жил на Сивце в Вражке, в небольшой комнате с одним окном. Из окошка был виден на углу Староконюшенного переулка многоэтажный красивый дом старинной постройки. В этом доме была квартира Михаила Александровича. В ней он редко появлялся. Только наездом из станицы Вешенская. Часто гуляя по Староконюшенному, я гадал, не встречу ли великого писателя. Увы, лишь однажды я увидел его выходящим из двери подъезда. Я ускорил шаг. Подошел, когда Шолохов садился в ожидавшую его автомашину. Приблизился, поклонился ему. Лондонский «знакомый» меня не узнал. Жаль! В Лондоне любительской кинокамерой я успел снять короткий сюжет. Михаил Александрович вместе с супругой и сыном выходят из советского посольства и направляются на прогулку в Гайд Парк...

СТИХИ, ПЕРЕВОДЫ

Моя мать Мария Степановна, в молодости крестьянка, внучка крепостной, была рада, что два ее сына заканчивают десятилетку. Как-то она сказала: «Хватит, детки, я помогала вам в учебе. Завтра уйду на курсы медсестер. Вот вам деньги, будете ходить обедать в заводскую столовую». Мать отказывала себе в обновках, покупала нам книжки, классиков литературы. Однажды она принесла в дом толстенный том, страниц семьсот. Они были пропечатаны мельчайшим петитом. На обложке значилось: М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений. Цена — 3 р. 50 к. Переплет — 40 к. Государственное издательство, 1930 год. Я был тогда подростком, но погрузился с головой в волшебный мир поэзии. Лермонтов стал для меня на всю жизнь любимым поэтом. И я начал пробовать писать, как я говорил, стихосложения. Ибо их содержание было наивным.

Первое напечатанное стихотворение появилось в многотиражке «Ильичовец», принадлежавшей заводу имени Владимира Ильича, как и пионерлагерь, где я провел лето и сотворил что-то про пионерский горн, барабан и яркое солнце. Второе стихотворение опубликовал в многотиражке авиаучилища в Ленинграде. Оно рассказывало о лыжном походе курсантов и о неудачнике, пришедшем последним на финиш. По-настоящему я стал писать на войне. Два стихотворения были опубликованы во фронтовой газете, где литературным отделом заведовали или печатались там наши маститые поэты. Некоторые стихи я помещал в «Боевые листки», которые мне поручал выпускать политрук эскадрильи. А большинство сокровенных стихов я читал в узком кругу однополчанам. Помню, что читал наизусть, не записывал и со временем позабыл. Их было около 140. Вспоминаю отдельные названия и строчки. Например, как проклинал танцы, когда приходилось громко-громко играть на баяне одни и те же фокстроты и танго. «Вы походили с ума, вы потеряли разум: Танцы — это чума, это — зараза. Ну, поглядите сами! Словно баранов стадо бьет друг друга боками и ... рады».

Шагая до полевого аэродрома в Польше, проходил возле пасущихся красивых жеребят. Пугливых. Лишь один позволял приблизиться и погладить. Обращаясь к милым юным лошадам, написал: «Скоро, скоро еще молодыми оседлают и вас, как меня». Надо же, однажды комиссар полка, услышал эти строки, но только усмехнулся и погрозил мне пальцем.

Война закончилась, началась студенческая жизнь. Я расстраивался, когда читал стихи перед студенческой аудиторией на концертах, ибо мне вежливо хлопали и только. Зато мои песни вызывали горячий прием. Они звучали в исполнении профессионалов, будущих выпускников консерватории, учившихся в нашем вечернем заочном отделении. Среди студентов были свои отличные голоса — тенор Юра Волков, баритон Николай Серегин и другие. Я им аккомпанировал. Сколько радости, счастья приносили эти концерты! Выпускница консерватории И. Стебакова, ставшая известной пианисткой, аранжировала и записала ноты для пиано свыше со-

рока моих песен. Папка с нотами хранилась много лет в ящике на лоджии. За годы лишь пожелтели края бумажных листов. А однажды вдруг обнаружил другую папку, со стихами. Страниц 90 на машинке. Я про них забыл. Прочитал заново. Мне понравились. Некоторые даже очень. Я предлагаю их вашему вниманию. Прочтите, надеюсь, не пожалеете.

Посвящение

Когда мой ум и сердце негодуют,
Когда тоска, бессилие, слеза,
Я Музу призываю и целую
Ей руки, плечи, шею и глаза.

Она мне шепчет рифмы и мотивы.
Беру перо — дрожит моя рука.
Строку окончу — я уже счастливый!
Стихотворенье кончу — где тоска!

Бессилье, слезы, ненависть? — Я снова
Спокоен, тверд, упрям в своем пути.
Так, может, чувство переходит в слово,
Других тревожа. Но в моей груди

Стихает боль. И рана заживает.
Пусть ненадолго, пусть не навсегда!
(Не тот счастлив, кто вовсе не страдает.)
Так я лечился радостью труда.

Была причина слезам и бессилью,
Тоске, всему, что веет от стихов.
А каждый стих был взмахом юных крыльев,
Что поднимали ввысь до облаков.

Не выбираю лучшие — их нету
И не сжигаю худшие. К чему?
Здесь все, что в молодости спето,
Предназначалось сердцу моему.

29.06.49 г. Истра

У костра

Люблю у костра я о счастье мечтать;
Пока его жар не остынет,
Из тысячи горных дорог выбирать
Прямую к заветной вершине.

Люблю я смотреть, как пылают дрова,
А пламя охвачено дрожью.
И думать, что где-то родная Москва
Мне будет надежным подножьем.

Огонь то утихнет, то снова лизнет
Сухие сосновые доски.
Мне в жизни шагать то назад, то вперед
Сквозь радости, горе и розги.

Костер догорает, еще угольки
Сверкают. Пока не погасли.
Есть время понять, отчего нележки
Дорожки, а цели — неясны.

От досок сгоревших лишь дым голубой,
Да сажа и пепел остались.
Я знаю, мне надо быть в топке людской
Крепче кованной стали.

25.11.45 г. Торн

Что может быть?

Вспомнишь мечты — задергает веки,
Руки, дрожа, окунутся в вине.
Брызнет слеза по годам, улетевшим на ветер,
Брызнет слеза по ушедшей весне.

Взглянешь назад — передернутся плечи,
Смотришь вперед — и качнешь головой.
Тем тяжело, кто судьбою навек искалечен,
Тем нелегко, кто остался живой.

Стоит ли, друг, хмурить брови и лица?
Стоит ли нам унывать и хандрить?
Хуже того, что прошло, что во сне не приснится,
Хуже того что еще может быть?

05.12.45 г. Торн

Роды

Был тихий, теплый, майский вечер,
Когда шептал ей, обнимая
Тугие неземные плечи:
«Я... я... беременен, родная».

О, сколько месяцев забота
Бросала в жар и пот холодный,
Когда вынашивал кого-то
Подобно женщине дородной.

Тайком стонал, когда все спали,
Вертясь с лопатки на лопатку.
Мне все казалось: вот, начало,
Идут предродовые схватки.

И в этот трудный час вся в белом
Она спускалась мне в объятия.
Как будто права не имела
Прийти к роженцу не в халате.

И не припомню, как все было:
Во рту полынь, в глазах двоится.
Казалось, труд мне не под силу
И никогда не разродиться.

Но я родил, родил в мученьях.
Как мне хотелось, мальчугана.
Назвал же я свое творенье...
р о м а н о м.

28.08.44 г. Крынки (Польша)

Голубь

Ноябрь. И безмолвно и голо
В лесу опустевшем и грустном.
Чу! Где-то воркует голубь,
Валежник под снегом хрустнул.

Головку под крылышком спрятав,
Беспечный на ветке дремал,
Не видел, как ствол автомата
Поднялся и целиться стал.

Хоть век голубиный небыстрый,
В нем долго глупышка не пробыл.
Скосил его выстрел,
Обидно: случайный, пробный.

То, меряя силу и меткость,
Стрелял автоматчик лихой.

Ломались посохшие ветки.
О кочку удар глухой.

Снежок окровавленный таял
На голубе сизом, как дым.
Наверно, как люди, не чаял
Погибнуть таким молодым.

А бой впереди. Еще лягут
Не голуби — люди, солдаты.
Стрелявший приподнял беднягу
И крылья сложил аккуратно.

Готов был кормить его крупкой, —
Распахнут у мертвого клюв.
Узнает, заплачет голубка,
К своим голубятам прильнув.

18.10.44 г. г. Крынки

С именем Суворова

Аэродром. Ноябрь. Сорок первый!
На лицах техников слезятся капли пота.
Приказ получен! На пределе нервы
У летчиков, шагавших к самолетам...

Стрелок-радист еще раз для порядка
Проверить рацию решил: включил, настроил.
И вдруг Москва звучит!
Спокойно, редко

Слова вождя неслись... (Он там! Он с нами!)
— Пусть вдохновит вас дух великих предков!
Пусть осенит вас ленинское знамя!
Пожарский, Минин, Александр Суворов!

...Взлетели две зеленые ракеты.
— По самолетам! Воздух!
Набирая скорость,
Исчезли в небесах «бомберов» силуэты.

«Вперед, орлы! За Родину, ребята!»
И с той поры прославленный Суворов
Сражался с нами то простым солдатом,
То полководцем, то в строю «бомберов».

И орден имени Суворова на нашем
Сверкал гвардейском знамени недаром:
Мы рвались в бой с суворовским бесстрашьем,
Спасая мир, охваченный пожаром.

Мы с ним ворвались в первый вражий город.
Нас не сдержали ли леса, ни топи.
И маршал русской армии Суворов
Нас вел вперед, как прежде, по Европе.

16.05.50 г.

Молчали вы, а я вас слушал

Я не спешил, и вы не торопились
Уплыть во сне мечтою за мечтой.
И близость эта — силы без усилий —
Манила светом и толкала тьмой.

Да, может быть, холодным равнодушьем
На миг мы были близки и равны,
Молчали вы, а я вас жадно слушал,
Как звук еще не тронутой струны.

Мы шли тогда к взволнованному устью
Реки людской разгадывать сердца.
Вы были сдержанны, а я немного трусил
Красы волшебной вашего лица.

Казалось, бог творил назло уродам,
А жизнь при том старалась не зря.
Светились вы подобно небосводу,
Когда горит вечерняя заря.

Казалось, скульптор долго и упорно
Резцами высек каждую черту:
И строгость глаз, задумчивых и черных,
И дерзких губ святую простоту.

Казалось, это сказка либо
Кольнувший сердце обнаженный меч.
Мой взор припал к божественным изгибам
Высоких бедер и покатых плеч.

И я не раз дыханьем черный локон
Поцеловал вотще у вас на лбу:
Вы были близко, а душой далеко,
Мне в трудный час преддверия в судьбу.

28.10.46 г.

Не спрашивай!

Не спрашивай, как долго длится счастье.
Не спрашивай, когда сгорит заря,
Пока крепки на нашем судне снасти,
Пока целы на борте якоря.

Не спрашивай, куда несут нас волны.
Не спрашивай, откуда ураган,
Пока мы счастья и блаженства полны,
Как бурь и гроз мятежный океан.

02.02.49 г.

Мне снишься ты

Мне снишься ты птицей, парящей над морем.
А я трепещу на уступе скалы
И вижу, как буря шумит на просторе,
Как бьются о берег морские валы.

Мне брызги доносят и ужас и холод
Пучины морской. Но вдруг в вышине
Я слышу зовущий на подвиги голос,
И в небо подняться так хочется мне!

Туда, где лучи, пробиваясь сквозь тучи,
Мелькнут на мгновенье, где также темно,
Но где почему-то мне кажется лучше
Уж тем, что безумным геройством полно.

Я вижу, как чайкой ты носишься в небе
И песнею манишь подняться к тебе,
Чтоб вместе нестись через бури к победе
И счастливым быть в неустанной борьбе.

Я вижу, как борешься ты с облаками...
Я воздух глотнул, горделиво окинул
Просторы морские, но только крылами
Взмахнул — как едва не свалился в пучину...

10.12.49 г.

Клянупебя

Екатерине К.

Порою я тебя клянупе,
Молю: — Уйди, оставь мой разум.
Порою на тебя взгляну
Задумчивым и влажным взглядом.

Пусть не кипит, как прежде, кровь.
Зачем вдруг задрожали веки?
Неужто первая любовь
Незабываема навеки?

Любовь, что выцветший портрет
Оставила, чтоб сердце ранить
И вызывать ночами бред
Когда-то молвленных признаний.

Распять его — нет сил в руках.
Забуть его — забываем.
Так о несбывшихся мечтах
Мы горько плачем и вздыхаем.

Где облегчение найти,
Тоске глухой и грусти этой?
Боюсь, не встречу на пути
Мечты, взлелеянной поэтом.

И страшно знать, что красоты
Мне больше не встречать на свете.
Лишь иногда твои черты
Небесные я вижу в детях.

И счастлив вновь...

17.04.49 г.

Порви сама

Нет, нет! Пусть прошлая любовь
Тебя не будет мучить.
Пусть никогда не дрогнет бровь
И боль не будет жгучей!

Пусть светло-ясные глаза
Не помутит нисколько
Ручьем бегущая слеза.
Пусть будет боль и только!

Пусть белых рук не тронет дрожь
И кисти не ломает!
Когда с ресниц покатит дождь,
Какой бывает в мае.

Короткий, теплый, штормовой.
О, дождь перерождения,
Несущий грозы над землей
И миру обновление.

Нет, нет! Пусть прошлая любовь
Тебя не будет мучить!
Порви мои стихи и вновь
Живи! Так будет лучше!

Порви! Ведь сам я не могу
На части сердце резать,
Чтоб остудить его в снегу
Иль заковать в железо.

29.02.52 г.

Загадкой вопроса

Студенческое

Загадкой вопроса
Смотрю я на косы,
На букли причесок и сажу ресниц
И слушаю говор, беспечный и скорый,
Простых и жеманных кокеток-девиц.
И что мне до пляски

Их мод и раскраски,
Одежды фартовой, красивой с лица.
Ах, милые «клуши»
Пусты ваши души,
Пусты ваши мысли, коварны сердца!

Как хочется верить,
Что шелест материй
Упрятал иное, иную, иных,
Которых, я знаю,
Еще повстречаю
Среди неизвестных и скромных святых.

05.10.46 г.

От суеты и печали

Нет, я не могу быть с тобою на «вы».
Мне так дорога твоя внешность:
Глаза — необъятное море травы
И голос — певучий скворечник.

Мне снова мерещится жемчуг во рту,
Очерченный ало-вишневым...

Вот так потерявший находит мечту
Когда-то до боли родного.

И кажется, снова ласкает черты
Любимой, умчавшейся в дали
От суеты
И печали.

10.09.47 г.

Синица в руке

Она на язык лихая.
Такая во сне не приснится:
Идет — не идет, порхает.
И блузки цвет от синицы.

Все парни из института
За нею стадом. И очень
Синюю птичку опутать
Каждый хочет.

И я приложил усилия,
Но преуспел в одном:
Держу ее крепко за крылья,
Она же... крутит хвостом.

01.03.52 г.

Если дома один

Если дома один —
Вечер грустный бывает.
За окошком жасмин
Потускнел, опадает.

Все желтеет вокруг,
Все становится голо.
Тишина. Только стук
Слышу сердца молодого.

Много стройных берез
В подмосковном лесу.
Я тебя уберегу,
Я тебя унесу.

Я целую листы
У березки одной.

Ну и что ж, что не ты
В этот миг предо мной.

Перепрыгну межу
И пройду через гать.
Я тобой дорожу
Мне другой не сыскать.

Ты цветок на лугу.
Только мне ты видна.
Я хочу — не могу!
Не пойму: чья вина!

Если дома один —
Вечер грустный бывает.
Я смотрю на камин,
О тебе напеваю.

О тебе для тебя
В этой песне поется.
Сердце нежно будя,
Пусть летит, не вернется.

Пусть влюбленной строкой
Постучится в окошко.
Месяц всплыл молодой
Золоченою брошкой.

После жаркого дня
Пусть закроются очи.
Хоть немного меня
Вспомни ты этой ночью.

В доме гаснут огни
И темно за окошком.
Ой, ты песня! Шепни
О любви ей немножко.

15.09.51

Любовь бедняка

Подарю я бусы милой,
бусы-жемчуга.
Чтоб она меня любила,
помнила всегда.

Чтобы нежно посмотрела
«Здравствуй!» говоря.

Чтоб на щеках заалела
у нее заря.

Чтоб не вырвала вишневых,
непокорных губ.

Чтоб не думала такого,
будто парень скуп.

Чтоб пылинку на костюме
как жена сняла.

Подарю! Какая сумма —
велики дела!

Чтоб вовеки не забыла
верного дружка.

Подарю я бусы милой,
Бусы-жемчуга.

Подарю!!!
Дождусь получки...

Только долго ждать!
Что же делать?
А не лучше...
у нее занять?

24.03.52 г.

О туфлях, купленных невесте

Товарищ!
Ты туфли
невесте купил,
Чтоб ноги
укрыть
ей в ненастье.

Этим поступком
ты заложил
Фундамент
семейного счастья!

Ты этим не только
любовь доказал,
Ты станешь
примером
для многих.

Так как
один медик сказал:
«Все болезни
идут
через ноги».

А ноги — это
 Деталь — из деталей
 Поэтому их —
 Челом бить,
 Техника жизни
 Машина —
 Но она —
 А ноги —
 Ходят они
 Держат тебя
 На рынок
 В театр
 Что говорить!
 Гордость
 Залог успеха и...
 Вот что
 Товарищ!
 Смотри
 На новые туфли
 ДАЕШЬ
 ОТЛИЧНУЮ
 ОБУВЬ!

нужная вещь,
 первейшая!
 жалеть и беречь,
 поклоны вешая!
 тебя
 не спасет:
 она полезная,
 не ноги,
 она устает;
 они железные!
 каждый день
 в институт,
 у парадного,
 бегут,
 в аптеку несут,
 уводят нарядного.
 Основа основ,
 и сила многих,
 нежных слов —
 такое
 НОГИ!
 Фундамент жизни
 крепи!
 за ногами
 в оба.
 жене копи.
 ОТЛИЧНУЮ
 ОБУВЬ!

09.10.52 г.

Женщина

Я видел женщину шагающей в шинели
Не по размеру длинной и широкой.
Презрением, гневом у нее горели
Глаза к врагам, заклатым и жестоким.

Я видел женщину на вахте, у станка.
Врагу на смерть! Торпеду за торпедой
Точила тонкая и шустрая рука.
Скорей, скорей! Для фронта — для Победы!

Я видел женщину на жатве, за рулем
Машины сложной. Спорилась работа!
Мужчины — там, на фронте; день за днем
На лбу сушило солнце капли пота.

Я видел женщину в землянке фронтовой
В кругу бойцов во время передышки,
Внимавших голосу артистки молодой.
А там, снаружи: ночь, зениток вспышки.

Я видел женщину в Кремле, когда она
Держала речь с трибуны, на которой
Не раз покоилась рука вождя,
К нему тянулись все сердца и взоры.

Осенняя

На Москву плывут осенние дожди,
Больше не поют по рощам соловьи.
Разве редко
С ветки на ветку
Прыгнет белка — вестница зимы.

Припев:

Отцвели сады.
И поля пусты.
Ветер срывает с деревьев листву
И гонит дожди на Москву.

Где-то там Москва, отсюда не видать.
Ты скажи, пойдешь до рощи провожать?
Или слова
Мне дорого
Ты не скажешь, руку не пожмешь?

Припев.

Я тебя с собою в сердце унесу
Васильки в полях и ландыши в лесу.
Пусть об этом
Вспомнится летом,
А пока о большем не молю.

Припев.

Август 1948 г.

Передний край

Вот он, город-герой Сталинград!
Волга-матушка воды катит.
Насмерть стоял здесь советский солдат
Против фашистской рати.

Здесь на просторах русской земли
Спасал он народы Европы.
Зарубцевались, травой поросли
Рвы, воронки, окопы.

Но что это? Снова изрыта земля,
Гусениц след чернеет.
Будто танк за танком петлял
По гигантской траншее.

Да, снова здесь советский народ
Большое ведет наступленье...
Вгрызаясь ковшом в глубину пород,
Механик выжал сцепленье.

Рычаг на себя,
Толчок вперед —
Земли бадья
Наверх плывет.

На край, на склон.
«Ровней клади!» —
Несколько тонн
Летит из бадьи.

Не для войны
Огромный ров

Здесь до весны
Будет готов.

Не для войны
Трасса легла...
Из глубины
Взлетает стрела.

Бежит канал,
Уводит вдаль.
Ревет металл,
Грохочет сталь.

Машин, машин!
За цепью цепь
Народ-исполин
Направил в степь.

Чтоб здесь садам
В цвету стоять
И тут и там
Не сосчитать!

Чтоб в закромах
Был хлеб степной,
Делает взмах
Экскаватор лихой.

Нагнется вниз: —
— Ух, разойдись!
Поднялся вверх:
— Ушибу, поверь!

Один работай
Полканала вырыл.
Вот он — передний край,
Передовая мира!

Вот он — город-герой Сталинград!
Волга-красавица воды катит.
Скоро ей — ни шагу назад —
Русло плотиной у ней перехватят.

Скоро ей турбины вертеть,
Ярко светить в городах и селах,

Влагой поить прикаспийскую степь...
Бьется о сваи чугунный молот.

По котловану бетон ползет.
Воздух наполнен волнением:
Здесь за мир который год
Идет большое сражение.

25.09.51 г.

Монолог обывателя

Жизнь — ледяная гора,
А счастье — ее вершина.
Забрался — кричишь «Ура!»
И разгибаешь спину.

Иной разогнался... Ух!
Казалось, взлетит, и что же?
Испустит последний дух
И снова к ее подножью

Кубарем катится вниз.
Больно ему и обидно.
Скользка и гориста жизнь,
А счастье? Его не видно!

Иным не страшна гора:
Удачно выходят замуж,
Пойдут погулять с утра,
А к вечеру, смотришь, там уж!

Другие — войско подлиз,
Поплачут, а где подмажут.
Для них дорожка-жизнь
Царева паркета глаже.

Другие ползут с пелен,
Гнут свою спину и ноги
И выпускают прощальный стон
Седыми, на полдороге.

Упорно иной ползет,
Ступеньки на льду вырубает.

Припев:

Мы верность храним как невесте
Любимой отчизне своей на года.
Россия, Россия — могучая песня!
Ты с нами везде и всегда!

Встают над Москвою весенние зори
Последних студенческих дней.
Давай на прощанье слезу перебором
И песню споем веселей.

Припев:

Споем институту родному
«Спасибо!» за ласку,
заботу,
любовь.
Не знаю, друзья,
где мы встретимся снова.
Но верю, что встретимся вновь!

04.04.52 г.

Прометей

Лорд Байрон*

(перевод)

1.

Титан бессмертный! Ты познал
Мир горя смертных, мир печали.
Все то, что боги презирали,
О чем скорбел, чему внимал;
Но какова была награда?
Борьба немая, муки ада,
Оковы, коршун и утес;
Ты дух великий перенес,
Всю боль и скорбь печали тайной,
Весь гнет тоски.
Лишь вздох случайный
С самим собой наедине
Ты позволял. Но как боялся,

* Известная советская переводчица Ольга Холмская, преподававшая нам художественный перевод, редактировала новое собрание сочинений Байрона и просила перевести заново его стихи «Прометей» и «Ода», посвященные борьбе «луддитов» в конце XVIII века. «Луддиты» (от имени их вожака, подмастерья Лудда), ломая машины, пытались предотвратить безработицу английских рабочих. В начале XXI века BBC сняло фильм о Байроне, показанный у нас по телевидению. Великий поэт представлен без идеологии, хромым бабником. Он погиб в Греции, где шла борьба за ее свободу.

Чтоб отзвук к небу не поднялся,
И вздох твой таял в тишине.

2.

Титан! Тобою пережита
Борьба страдания и воли,
Где вместо смерти — только пытки
Тебя небес слепая воля
И деспотизм Судьбы глухой —
Начала ненависти злой,
Что создает все естество
Затем, чтоб сокрушить его,
Лишили смерти и дарили
Жизнь в муках вечных — Жалкий дар!
Ты не страшился божьих кар,
И громовержец был бессилен
Тебя повергнуть на колени;
Из уст твоих жестокий бог
Угрозу вырвать только смог:
Ты знал его Судьбы течение,
Хранил молчанье на устах;
Оно звучало приговором,
И в грудь его закралось скоро
Раскаяние, зловещий страх
И молнии дрогнули в руках.

3.

Твое святое преступление
Явилось в том, что ты хотел
Людей избавить от мученья,
Что ты был добр, что ты сумел
Возвысить разум в человеке.
Ты нам примером стал навеки
Как дух могучий, символ воли,
Упорства, твердости — всего,
Что силы Неба и Земли
В тебе разрушить не могли;
Примером смертному в его
Борьбе упорной с силой рока.
Как ты — он частью божество,
Струя, чуть мутная в истоках;
Он узнает в борьбе твоей
Свою печальную судьбу:
Путь одинокий, гнет цепей,
Страданье, горести, борьбу —
Все то, чему бросает вызов

Он — дух, как ты сильней несчастий,
Дух, страх которому неведом,
Он — воля, что находит счастье
С презрением бросить вызов аду,
В мученьях видит дар награды
И превращает смерть в Победу.

**Ода
авторам билля, направленного
против разрушителей станков**

Лорд Байрон

(перевод)

1.

Прекрасно, лорд Эльдон! Чудесно, лорд Райдер!
Под вашей управой быть в Англии раю,
Помогут вам Гексбери с Горриби — все же
Лекарство скорее УБЬЕТ, чем поможет.

Ткачи негодяи. Как стали упорны,
Все помощи просят. Не лучше ли, право,
повесить у фабрик их всех непокорных
И этим мгновенно ОШИБКУ исправить.

2.

Пожалуй, и грабить начнут негодяи:
От голода пес на любое готов.
Правительству деньги и хлеб сберегая,
Повесить — и все! за поломку станков.

Дороже станок, чем рабочий. Бесспорно,
Чулки драгоценнее жизни народа, —
Так Шервуд украсит ряд виселиц черных
Расцвет знаменую Торговли, Свободы.

3.

Идет правосудье! — отряд гренадеров,
Отряд полисменов, отряд волонтеров,
Полков два десятка на бедных ткачей
И судей орава — толпа палачей.

Иные из лордов к закону зывали.
Напрасно! Не стоило тратить усилий:
Согласья на суд в Ливерпуле не дали,
Не судьи несчастных ткачей осудили.

4.

И страшно подумать. Там голод взывает.
Тут слышатся бедности вопли — и что же?
За ломку станков людям кости ломают,
А жизнь человека — чулка не дороже!

Раз так, то, пожалуй, не лучше ли будет
Свернуть раньше шеи (И кто пожалеет!)
Безумцам, которые бедному люду,
Что помощи просит, шлют петлю на шею.

Последние слова о Греции

Лорд Байрон

Что мне былая, будущая почесть
И горе вновь рожденного народа?
Хотя за них отдал бы, если хочешь,
Все, кроме лавров, все былые годы!
Тебя люблю! Твой хмурый вид пленяет
Как взор змеи певунью...

Ниже, ниже

Она парит и крылья расправляет
Навстречу смерти бедная...

О, вижу

Сведешь с ума. Противиться нет воли.
Так сильны чары или...

Я безволен.

1949–1951 гг.

Тропою грома

*Питер Абрахамс**

Черный и белый проходят тропой,
Глядя друг другу в очи.
Один — ослепительный день, другой —
Мрачная гордость ночи.

* Перевод стихов сделан мною по просьбе Ольги Холмской, которая переводила книгу южноафриканского писателя П. Абрахамса о расовой дискриминации. Книга в русском переводе получила название «Тропою грома», взятого из строчки моего перевода. Под этим именем в разных театрах показывали написанную оперу.

Смотрит с опаской на них черный люд,
А белые требуют мести.
— Как! Это наглость! Смотрите, идут
Эти двое вместе.

Но что им те взгляды и бранная речь,
От дома идут они к дому.
Так молния, словно сверкающий меч,
Проходит тропею грома.

Вернулся твой сын. О, земля дорогая.
Спускается солнце, лучи догорают.
Для племени черных не светит светило
Уж прежним теплом, но еще не сокрылось

Оно, угасая, и время, я знаю,
Еще мне позволит увидеть пенаты,
Прижаться к тебе. О, земля дорогая.
К тебе, уплывающей в тених заката.

То счастье скакать одному средь полей
По диким местам, далеко от людей.
Скорее туда, на просторы пустыни,
Где буйволы бродят по узкой долине.

ПОСТСКРИПТУМ

Обычно солидные издания на последней странице указывают книги, монографии, журнальные публикации и другие источники, которыми пользовался автор. Моя библиография — беседы с однополчанами. Некоторые из них присылали толстые тетради своих воспоминаний (Сакеллари, Дерябичев, Петров). Кое-что я почерпнул из наградных листов и краткой истории боевого пути родного полка, хранившихся в секретном отделе.

Полковое начальство в 2009 году подготовило и издало книгу «Под знаменем гвардии». Она состоит из двух частей. В первой — рассказ о боевом пути полка, во второй — о послевоенном периоде, об освоении реактивных самолетов. Авторы книги «Под знаменем гвардии» проделали кропотливую работу. Книга получилась энциклопедией нашего полка. Но, думается, надо было раньше донести до разработчиков военной реформы необходимость иметь на вооружении уникальный разведполк, сохранить его богатейший опыт. И помнить историю Великой отечественной. Внезапное нападение гитлеровцев можно было вскрыть пролетом нашего самолета разведчика вдоль границ от Балтики до Черного моря. Но у нас тогда не было разведывательного полка. Его создали лишь в августе 41-го.

Боевой путь нашего полка трижды привлек внимание телевидения. В июне 1983 года Шаталово посетила съёмочная труппа Останкино и подготовила задушевный фильм «Ты помнишь, товарищ!». Интерес к 47-му Гвардейскому на телевидении проявили в связи с объявленной в 2008 году военной реформой. В начале 2009 года телеканал НТВ посвятил полку две передачи своей регулярной программы «Смотр». Приятно было слышать высокую оценку телеведущих «прославленного полка».

Юбилейный 2010 год. 8 февраля. Поздний вечер. В моей московской квартире раздался громкий телефонный звонок. На проводе незнакомый мужской голос:

— Дорогой Владимир Иванович! Наш ветеран! Сердечно поздравляем вас с 67-ой годовщиной преобразования нашего полка в Гвардейский!

— Спасибо! На этот славный праздник часто приглашали нас — ветеранов. А массовый слет ветеранов в Шаталово проходил 15 августа, в день создания нашего полка. И конечно, со всех концов страны съезжались ветераны на День Победы... А кто вы?

— Мы заочно знакомы. На новый 2010 год вы прислали красочную открытку авторам книги о полке «Под знаменем Гвардии». Так вот, я один из них — полковник Уткин Евгений Борисович, заместитель командира полка по воспитательной работе. Я звоню вам из Воронежа, куда был переведен на ту же должность вместе с покинувшими Шаталово молодыми авиаторами.

— Ваша книга мне очень понравилась. Там есть неожиданные и интересные фотографии: Леонид Ильич Брежнев где-то в 70-е годы беседует

с шаталовскими ассами; маршал авиации, главком ВВС Кутахов вручает полку почетный вымпел; трижды герой Кожедуб принимает парад разведчиков; в гостях у летчиков митрополит Кирилл... Как вы в Воронеже обстроились?

— Снимаем в городе квартиры. К женатым приехали семьи. Здешний аэродром потеснее шаталовского. Так что наши самолеты стоят впритирку. Командование воронежской авиабазы, как положено, приветствовало прилет воздушных разведчиков славного полка.

— А где теперь наше красное боевое знамя?

— Оно с нами, на авиабазе! На нем по-прежнему красуются гвардейский значок, орден Красного знамени, орден Суворова и надпись Борисовский. Владимир Иванович, я говорю с вами по мобильному телефону. Скажите что-нибудь однополчанам в день нашего полкового праздника! Чудо-электроника запишет ваши пожелания!

— Дорогие однополчане, родные! От всей глубины души желаю вам преданно служить на благо Родины! Быть храбрыми, смелыми! Мастерами разведки! Счастья и удачи вам! Самый старый ваш однополчанин, ветеран, фронтовик,

Владимир Силантьев

ОБ АВТОРЕ



Владимир Иванович Силантьев родился 25 июня 1922 года в Подмоскowie, в поселке Подлипки. Родители русские, родом из малоземельных и крепостных крестьян Владимирской губернии. Отец, как и его товарищи, шабашничал плотником, чаще всего в Подмоскowie. Образование в пределах церковно-приходской школы. Отец и мать молились за счастье, чтобы их дети учились.

Владимир получил среднее десятилетнее образование, как и его брат Анатолий. По комсомольскому призыву брат поступил в военное Артучилище в Ленинграде, участвовал в короткой войне в Финляндии. Во время Великой Отечественной войны служил на артскладах в Казани. Туда приехала мать в эвакуацию. Брат закончил службу полковником, доктором технических наук.

Автор в предвоенное время также учился в Ленинграде, в авиатехническом военном училище. В войну служил авиамехаником в полку дальней разведывательной авиации. Окончил Московский институт иностранных языков, английское отделение переводческого факультета. В 1952 году направлен на работу в «Комсомольскую правду». Работал собственным корреспондентом газеты в Лондоне.

В 1960 году перешел в «Известия». Из 30 лет творческой деятельности половину провел в коротких и длительных заграничных командировках, в том числе в качестве собственного корреспондента газеты на Кубе, в Мексике и Латинской Америке. Работал редактором международного отдела «Недели».

Владимир Силантьев — автор нескольких книг путевых заметок, но главными своими трудами считал мемуары, посвященные однополчанам — героям воздушным разведчикам и авиамеханикам гвардейского полка, вместе с которыми служил после окончания авиатехнического военного училища все четыре года войны.